

ЧАСТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ
ОРГАНИЗАЦИЯ

16+
ВЫСШЕГО
ОБРАЗОВАНИЯ

«ОМСКАЯ ГУМАНИТАРНАЯ АКАДЕМИЯ»

НАУКА О ЧЕЛОВЕКЕ: ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научный журнал
Издаётся с декабря 2007 года
Выходит четыре раза в год

№ 2 (24)
30 июня 2016 г.
DOI 10.17238/issn1998-5320.2016.24

Учредитель: Омская гуманитарная академия

Главный редактор – А. Э. Еремеев, доктор филологических наук, профессор,
ректор ЧУОО ВО «Омская гуманитарная академия»

Редакционная коллегия:

Е. А. Акелькина – доктор филологических наук, профессор;
В. О. Бернацкий – доктор философских наук, профессор;
Л. О. Бутакова – доктор филологических наук, профессор;
В. А. Евдокимов – доктор политических наук, профессор;
О. Ю. Патласов – доктор экономических наук, профессор;
С. Н. Рягин – доктор педагогических наук, профессор.

Выпускающий редактор О. В. Попова, кандидат филологических наук, доцент
Редактор, ответственный секретарь Т. М. Казакова
Корректоры Л. И. Козякова, Н. В. Сафонова
Компьютерная верстка Т. М. Казаковой
Макет обложки: Н. С. Сивко, И. Ю. Ерофеев

В оформлении обложки использована фотография скульптуры Огюстена Пажу «Каллиопа» (ок. 1763 г.).

Рукописи подвергаются редакционной обработке. Точки зрения авторов и редакционной коллегии могут не совпадать.
Свидетельство о регистрации ПИ № ТУ55-00374 от 11.09.2012 выдано Управлением Роскомнадзора по Омской области

Подписной индекс в каталоге «Пресса России» 43161

Журнал «Наука о человеке: гуманитарные исследования» включён в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)
Ссылки на журнал при цитировании обязательны
Цена свободная

ISSN 1998-5320 DOI 10.17238/issn1998-5320
© Омская гуманитарная академия, 2016

Адрес редакции и издателя: Омск-105, ул. 4-я Челюскинцев, 2а.
Тел./факс 28 47 37. E-mail: nou_ogu@mail.ru, <http://journal.omga.su>
Подписано в печать 17.06.2016. Формат 60×84/8. Уч.-изд. л. 25,0. Печ. л. 26,5.
Тираж 500 экз. (1-й завод 1–100). Заказ 54.
Полиграфический центр издательства ОмГА.
Омск-105, ул. 4-я Челюскинцев, 2а.

**Издание включено в Перечень российских рецензируемых
научных журналов, в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук**

PRIVATE ESTABLISHMENT
AN EDUCATIONAL

INSTITUTION
OF HIGHER EDUCATION

«OMSK ACADEMY OF THE HUMANITIES»

THE SCIENCE OF PERSON: HUMANITARIAN RESEARCHES

Scientific journal
Published since December 2007
Issued four times a year

№ 2 (24)
30 June 2016
DOI 10.17238/issn1998-5320.2016.24

Chief Editor – *A. E. Eremeev*, Doctor of Philology Sciences, Professor

Editorial staff

E. A. Akelkina – Doctor of Philology, Professor;
V. O. Bernatskiy – Doctor of Philosophy, Professor;
L. O. Butakova – Doctor of Philology, Professor;
V. A. Evdokimov – Doctor of Political Science, Professor;
O. Yu. Patlasov – Doctor of Economy Sciences, Professor;
S. N. Ryagin – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor.

Managing editor *O. V. Popova*, Candidate of philological Sciences, Associate Professor
Editor, executive secretary *T. M. Kazakova*
Proof-reader *L. I. Kozyakova* *N. V. Safronova*
Computer-aided makeup – *T. M. Kazakova*
Cover layout: *N. S. Sivko, I. Y. Erofeev*

Manuscripts are subjected to the editorial processing.
The viewpoints of the authors and the editorial board may not coincide.
Registration certificate PI № TY55-00374 from 11.09.2012.

issued by Directorate of Roskomnadzor of the Omsk region
Subscription index in the catalog «Russian Press» 43161

The journal «The science of person: humanitarianresearches» is included in the system of Russian science citation index (RINTS)
References to the journal citation are required
Price free

ISSN 1998-5320 DOI 10.17238/issn1998-5320
© OMSK ACADEMY OF THE HUMANITIES, 2016

**The publication is included in the List of Russian reviewed
scientific journals, in which basic scientific results of dissertations
on competition of scientific degrees of doctor and candidate of Sciences should be published**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Van Lue, Dr. Habil. Philol., профессор Пекинского университета иностранных языков, Института русского языка (Китай), член правления Китайской ассоциации по исследованию русской литературы, член Международного сообщества писателей (СПб.), член редакционного совета Тайваньского научного журнала «Вопросы изучения русского языка, истории и культуры России», член редакционной коллегии международного научного журнала «Cross Cultural Studies. Education and Science».

Иссерс Оксана Сергеевна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой теоретической и прикладной лингвистики, декан факультета филологии и медиакоммуникаций Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского.

Карташова Ирина Вячеславовна, доктор филологических наук, почётный профессор Тверского государственного университета, заслуженный работник высшей школы РФ.

Катаев Владимир Борисович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории русской литературы филологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, заслуженный деятель науки Российской Федерации, председатель Чеховской комиссии Совета по истории мировой культуры РАН (с 1996 г.).

Лебедева Ольга Борисовна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Национального исследовательского Томского государственного университета, лауреат Государственной премии РФ, почётный работник высшего профессионального образования.

Лозовский Борис Николаевич, доктор филологических наук, профессор, директор департамента «Факультет журналистики» Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина.

Ормонбекова Ардакбубу Ормонбековна, доктор филологических наук, проректор по учебной работе Бишкекского гуманитарного университета им. К. Карасаева (Республика Кыргызстан).

Янушкевич Александр Сергеевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы Национального исследовательского Томского государственного университета, лауреат Государственной премии РФ, почётный работник высшего профессионального образования.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Бережнова Елена Викторовна, доктор педагогических наук, профессор Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации, заведующая лабораторией методологии исследований проблем управления качеством образования.

Далингер Виктор Алексеевич, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и методики обучения математике Омского государственного педагогического университета. Награждён знаком «Заслуженный работник высшей школы РФ».

Донских Олег Альбертович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Новосибирского государственного университета экономики и управления.

Досanova Сая Сабировна, доктор педагогических наук, профессор, первый вице-президент Кокшетауского университета им. Абая Мырзахметова (г. Кокшетау, Республика Казахстан).

Загвязинский Владимир Ильич, действительный член РАО, доктор педагогических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заведующий академической кафедрой методологии и теории социально-педагогических исследований Тюменского государственного университета, член научно-редакционного совета и редколлегии «Большой Тюменской энциклопедии».

Звонников Виктор Иванович, доктор педагогических наук, профессор, директор Департамента качества управлеченческого образования Государственного университета управления, генеральный директор Ассоциации организаций по развитию управлеченческого образования, член Совета Минобрнауки России по программе МРА, член Комитета Торгово-промышленной палаты РФ по содействию профессиональному и бизнес-образованию, член Американской ассоциации по эвалюации.

Лапчик Михаил Павлович, действительный член (академик) РАО, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой информатики и методики обучения информатике Омского государственного педагогического университета, директор Омского научного центра РАО.

Ромм Татьяна Александровна, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой педагогики и психологии Института истории, гуманитарного, социального образования Новосибирского государственного педагогического университета.

Рыжаков Михаил Викторович, академик РАО, доктор педагогических наук, профессор, директор Института содержания и методов обучения РАО, академик-секретарь Отделения общего среднего образования, председатель Совета по защите докторских и кандидатских диссертаций по специальностям: 13.00.01 – Общая педагогика, история педагогики и образования; 13.00.02 – Теория и методика обучения и воспитания.

Смолин Олег Николаевич, член-корреспондент РАО, доктор философских наук, председатель Общероссийского общественного движения «Образование – для всех», заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, первый заместитель председателя Комитета по образованию ГД РФ. Награждён медалью К. Д. Ушинского.

Чечель Ирина Дмитриевна, доктор педагогических наук, профессор Института управления образованием РАО.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Апенько Светлана Николаевна, доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой «Инновационное и проектное управление» Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского.

Ансалямов Надирбек Ансалямович, доктор экономических наук, профессор, президент Казахстанского инновационного университета (г. Семей), почётный работник образования РК. Отмечен знаками «Отличник образования Казахской ССР», «Отличник образования СССР», удостоен медали INSAM «За безупречную деловую репутацию», международных наград – имени Сократа и «Европейское качество».

Атышов Кобоген Атышович, доктор экономических наук, профессор, проректор по научной работе и внешним связям Кыргызского экономического университета (г. Бишкек, Республика Кыргызстан).

Беляев Виктор Иванович, доктор экономических наук, профессор кафедры экономики, предпринимательства и маркетинга Алтайского государственного университета, почётный работник высшего профессионального образования.

Зайцева Ольга Петровна, доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой бухгалтерского учета и финансов Сибирского университета потребительской кооперации.

Кисель Роман, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой хозяйственной и региональной политики Варминско-Мазурского университета в Ольштыне (Польша).

Осипов Юрий Мирзоевич, доктор технических наук, доктор экономических наук, профессор, основатель и первый заведующий отделения кафедры ЮНЕСКО, член Учебно-методического совета по инноватике вузов России, член диссертационного совета по защите докторских и кандидатских диссертаций Д212.267.11 при Томском государственном университете систем управления и радиоэлектроники (технические науки), член диссертационного совета по защите докторских и кандидатских диссертаций Д212.267.11 при Томском государственном университете (экономические науки).

Ромат Евгений Викторович, доктор наук государственного управления, профессор Киевского национального торгово-экономического университета (Украина), академик Академии экономических наук Украины, председатель Союза рекламистов Украины.

Чимпоеш Драгош, доктор экономических наук, профессор Государственного аграрного университета (г. Кишинёв, Республика Молдова).

Шумакова Оксана Викторовна, доктор экономических наук, доцент, ректор Омского государственного аграрного университета им. П. А. Столыпина.

EDITORIAL BOARD

PHILOLOGICAL SCIENCE

Van Lie, Dr. Habil. Philol., Professor of Beijing University of Foreign Languages andof Russian Language Institute (China), member of the board of China Association on the research of the Russian literature, member of the International community of writers (St. Petersburg), member of the editorial board of the Taiwan scientific journal “The studies of Russian language, history and culture of Russia”, Member of the editorial board of international scientific journal «Cross Cultural Studies. Education and Science».

Issers Oksana Sergeevna, doctor of philological Sciences, Professor, head of Department of theoretical and applied linguistics, Dean of the faculty of Philology and media communications of Omsk F.M. Dostoevsky State University.

Kartashova Irina Vyacheslavovna, doctor of Philology, Emeritus Professor of Tver State University, honored worker of higher school of the Russian Federation.

Kataev Vladimir Borisovich, doctor of philological Sciences, Professor, head of the department of Russian literature history at the philological faculty of Lomonosov Moscow State University of the Russian Federation, Chairman The Chekhov Commissionunder theCouncil on the History of World Cultureof the Russian Academy of Sciences (since 1996).

Lebedeva Olga Borisovna, doctor of philological Sciences, Professor of Russian and foreign literature of the National Research Tomsk State University, laureate of the State prize of the Russian Federation, honorary worker of higher professional education.

Lozovsky Boris Nikolayevich, doctor of philological Sciences, Professor, Director of the Department of “The journalism aculty” of the TheUral Federal Universitynamed after theFirst President of Russia B.N. Yeltsin.

Ormonbekova Ardashbaba Ormonbekovna, doctor of philological Sciences, Vice-rector on educational work of the Bishkek Humanities University named after K. Karasaev (Kyrgyz Republic).

Yanushkevich Alexander Sergeevich, doctor of philological Sciences, Professor, head of Department of Russian and foreign literature of the National research Tomsk State University, laureate of the State prize of the Russian Federation, honorary worker of higher professional education.

PEDAGOGICAL SCIENCE

Berezhnova Elena Viktorovna, doctor of pedagogical Sciences, Professor of Moscow State InstituteofInternational Relations(University) of theMinistryofForeign Affairs of theRussian Federation, head of the laboratory of methodology of research of the quality of management education.

Dalinger Victor Alekseevich, doctor of pedagogical Sciences, Professor, head of chair of theory and methodology of teaching mathematics of Omsk State Pedagogical University, Awarded the title “Honored worker of higher school of the Russian Federation”.

Donskikh Oleg Albertovich, doctor of philosophical Sciences, Professor, head of philosophy Department, Novosibirsk State University of Economics and Management.

DosanovaSaya Sabirovna, doctor of pedagogical Sciences, Professor, first Vice-President of the Kokshetau Universitynamed after A. Myrzakhmetov (Kazakh Republic).

Zagyyazinskyi Vladimir Ilyich, full member of Russian Academy of Education, doctor of pedagogical Sciences, Professor, honored science worker of the Russian Federation, head of the academic Department of methodology and theory of socio-pedagogical research of Tyumen State University, member of the scientific editorial board and the editorial board of the “Big Tyumen encyclopedia”.

Zvonnikov Viktor Ivanovich, doctor of pedagogical Sciences, Professor, Director of the Department of Management Education Quality of the State University of Management, General Director of the Association of Management Education Development, member of the Board Ministry of Education and Science in the MPA program, member of Committee of Commerce and Industry Chamber of the Russian Federation for promotion of professional and business education, member of the American Evaluation Association.

Lapchick Mikhail Pavlovich, full member (academician) of Russian Academy of Education, doctor of pedagogical Sciences, Professor, head of Department of Informatics and methodology of teaching computer science of Omsk State Pedagogical University, Director of the Omsk scientific center of RAE.

Romm Tatyana Aleksandrovna, doctor of pedagogical Sciences, Professor, head of Department of pedagogy and psychology of the Institute of History, Humanities and Social Education of Novosibirsk State Pedagogical University.

Ryzhakov Mikhail Viktorovich, academician of the Russian Academy of Education, doctor of pedagogical Sciences, Professor, Director of the Institute of Content and Methods of Teaching of the Russian Academy of Education, academician-Secretary of the Department of General secondary education, Chairman of the Council for doctoral and master's theses of major: 13.00.01 - General pedagogics, history of pedagogics and education; 13.00.02 – Theory and methodology of education and upbringing.

Smolin Oleg Nikolaevich, member-correspondent of Russian Academy of Education, doctor of philosophical Sciences, head of all-Russian public movement "Education for all", honored worker of higher school of the Russian Federation, first Deputy Chairman of the education Committee of the state Duma of the Russian Federation. Awarded the medal K. D. Ushinsky.

Chechel Irina Dmitrievna, doctor of pedagogical Sciences, Professor of the Institute of Management Education of RAE.

ECONOMIC SCIENCE

Apenko Svetlana Nikolaevna, doctor of economic Sciences, Professor, head of "Innovation and project management" Department of Omsk F.M. Dostoevsky State University;

Apsalyamov Nadirbek Apsalyamovich, doctor of economic Sciences, Professor, President of the Kazakh innovative university (Semei), honorary worker of education of Kazakhstan. Honored with "High achiever of education of the Kazakh SSR", "Excellence in education of the USSR", awarded INSAM medal "For impeccable business reputation", the international Socrates award and the "European quality" award.

Atyshov Kobogen Atyshovich, doctor of economic Sciences, Professor, Vice-Rector for Research and External Affairs of the Kyrgyz Economic University (Bishkek, Kyrgyz Republic).

Belyaev Viktor Ivanovich, doctor of economic Sciences, Professor of the Department of economics, entrepreneurship and marketing of Altai State University, honored worker of higher professional education.

Zaitseva Olga Petrovna, doctor of economic Sciences, Professor, head of Department of accounting and finance of Siberian University of Consumer Cooperatives.

Kisel Roman, doctor of economic Sciences, Professor, head of the Department of economic and regional policy of the University of Warmia and Mazury in Olsztyn (Poland).

Osipov Yuriy Mirzoевич, doctor of technical Sciences, doctor of economic Sciences, Professor, founder and first head of the Department UNESCO chair, member of the Educational-methodical Council on the universities of Russia innovations, member of the dissertation Council for doctoral and master's theses D.212.267.11 of Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (technical Sciences), member of the dissertation Council for doctoral and master's theses D.212.267.11 of Tomsk State University (Economics).

Romat Evgeny Viktorovich, doctor of Sciences in public administration, Professor of the Kiev National Trade and Economic University (Ukraine), academician of Academy of Economic Sciences of Ukraine, Chairman of the Union of advertisers of Ukraine.

Cimpoies Dragos, doctor of economic Sciences, Professor of the State Agrarian University (Chisinau, Republic of Moldova).

Shumakova Oksana Viktorovna, doctor of economic Sciences, Associate Professor, rector of accounting and auditing of Omsk State Agrarian University named after P.A. Stolygin.

СОДЕРЖАНИЕ CONTENTS

РАЗДЕЛ 1. ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ PART 1. PHILOLOGICAL SCIENCES

З. Д. Асратян. ЭСТЕТИЧЕСКАЯ ИНФОРМАЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА И ЕЁ КОНЦЕПТУАЛИЗУЮЩАЯ РОЛЬ	10
Z. D. Asratyan. AESTHETIC INFORMATION OF IMAGINATIVE LITERATURE AND ITS CONCEPTUALIZING FUNCTION	10
Т. Ф. Аржаных. БЮРОКРАТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ЭЛИТА В РОССИИ 1830–1850-х гг.: ЦЕННОСТНО-ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПОЗИЦИИ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОРИЕНТИРЫ ...	17
T. F. Arzhanykh. BUREAUCRATIC AND LITERATURE IN RUSSIA OF 1830–1850 years: VALUE AND IDEOLOGICAL POSITIONS AND PUBLIC POLOCY MARKS	17
В. В. Массон. ПУТЕШЕСТВИЕ КАК РЕФЛЕКСИЯ О ПУТЕШЕСТВИИ («ФРЕГАТ “ПАЛЛАДА”» И. А. ГОНЧАРОВА)	22
V. V. Masson. THE JOURNEY AS A REFLECTION OF THE JOURNEY («The FRIGATE “PALLADA”» I. GONCHAROV).....	22
И. В. Бердникова. «НЕОМИФОЛОГИЗМ» В АНГЛИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XX в.	29
I. V. Berdnikova. «NEOMYTHILOGISM» IN THE ENGLISH LITERATURE OF THE XX c.	29
А. В. Биякаева. ЭФФЕКТИВНОСТЬ КОСМОПОЛИТИЧЕСКОГО ПОДХОДА В АНАЛИЗЕ ЛИТЕРАТУРЫ МАГИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА	34
A. V. Biyakaeva. EFFICIENCY OF COSMOPOLITANISM AS A METHOD IN ANALYSIS OF MAGICAL REALIST FICTION	34
Е. Г. Кукля, Н. В. Соловьева. ОЦЕНОЧНЫЙ КОМПОНЕНТ СЕМАНТИКИ ТЕРМИНОВ-МЕТАФОР В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ	38
E. G. Kouklya, N. V. Solov'eva. APPRAISAL COMPONET IN THE SEMANTICS OF RUSSIAN METAPHORIC TERMS OF CULTURAL LINGUISTICS	38
И. Л. Кучешева. ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ АНГЛИЙСКИХ РЕПРЕЗЕНТАТИВНЫХ ИМЁН.....	45
I. L. Kuchesheva. ETYMOLOGICAL ANALYSIS OF ENGLISH REPRESENTATIVE NAMES	45
М. В. Моисеев. ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СМЫСЛОВЫХ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ОШИБОК.....	51
M. V. Moiseev. HERMENEUTICAL ASPECT OF THE DISTORTION OF SENSE IN THE TRANSLATION.....	51
Л. Б. Никитина. ЯЗЫКОВАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПЕРЕХОДА К ВОЗРАСТУ СТАРОСТИ	58
L. B. Nikitina. WHEN OLD AGE BEGINS: CERTIFICATES OF RUSSIAN	58
Е. С. Степанов. ПРИЗНАКИ ПРЕЦЕДЕНТНОГО ИМЕНИ (НА ПРИМЕРЕ ИМЕНИ «BERLINER MAUER»)	63
E. S. Stepanov. CHARACTERISTICS OF A PRECEDENT NAME (BY THE EXAMPLE OF THE NAME «BERLINER MAUER»)	63
В. А. Евдокимов. ЭВОЛЮЦИЯ СИСТЕМЫ ИНФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВА	71
V. A. Evdokimov. THE EVOLUTION OF THE SYSTEM OF SOCIETY INFORMATION	71
Е. Ю. Кармалова. ЖАНРОВЫЕ МОДЕЛИ СОВРЕМЕННОГО ИНФОТЕЙМЕНТА: ТИПОЛОГИЯ КОНТЕНТА ИНТЕРНЕТ-ИЗДАНИЯ И ТЕЛЕКАНАЛА LifeNews	77
E. Yu. Karmalova. THE GENRE MODELS OF MODERN INFOTAINMENT: TYPOLOGY OF THE CONTENT OF THE INTERNET EDITION AND TV CHANNEL «LifeNews»	77
В. А. Егошкина. СВОЕОБРАЗИЕ ТЕМАТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО РАЗВЛЕКАТЕЛЬНОГО РАДИОДИСКУРСА	81
V. A. Egoshkina. THEME SPECIFICITY OF THE MODERN ENTERTAINMENT RADIO DISCOURSE ..	81

А. И. Михайлова. РЕЧЕВАЯ АГРЕССИЯ В ТЕКСТАХ РОК-МУЗЫКИ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ	86
A. I. Mikhajlova. HATE SPEECH IN TEXTS OF ROCK MUSIC: TO THE PROBLEM OF MISSILE DEFENSE	86

РАЗДЕЛ 2. ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ   PART 2. PEDAGOGICAL SCIENCES

Ю. Ю. Раянова, Т. В. Савченко. ФОРМИРОВАНИЕ ГНОСТИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ	91
Yu. Yu. Rayanova, T. V. Savchenko. THE CONSTRUCTION OF GNOSTICAL COMPETENCE IN CURRENT VOCATIONAL EDUCATION	91
Е. Ю. Тюменцева, В. Л. Штабнова. СТУДЕНЧЕСКОЕ НАУЧНОЕ ОБЩЕСТВО В СТАНОВЛЕНИИ СПЕЦИАЛИСТА В ОМСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ ИНСТИТУТЕ СЕРВИСА	98
E. Y. Tyumentseva, V. L. Shtabnova. THE ROLE OF THE STUDENT SCIENTIFIC SOCIETY IN THE FORMATION OF A SPECIALIST IN OMSK STATE INSTITUTE OF SERVICE.....	98
Н. Ю. Шапошникова. СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТРАЕКТОРИЙ СТУДЕНТОВ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ	105
N. Yu. Shaposhnikova. THE STATE OF THE PROBLEM OF STUDENTS' INDIVIDUAL EDUCATIONAL PATHS REALIZATION IN RUSSIAN UNIVERSITIES	105
И. В. Беринская. ФОРМИРОВАНИЕ ГОТОВНОСТИ СТУДЕНТОВ ВУЗА К ОРГАНИЗАЦИОННО- УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ	111
I. V. Berinskaya. FORMATION OF READINESS OF STUDENTS OF HIGHER EDUCATION INSTITUTION FOR ORGANIZATIONAL AND ADMINISTRATIVE ACTIVITY IN THE EDUCATIONAL ORGANIZATIONS	111
Е. Н. Белая. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНТЕРАКТИВНЫХ МЕТОДОВ ОБУЧЕНИЯ НА ЛЕКЦИЯХ ПО КУРСУ «ВВЕДЕНИЕ В ТЕОРИЮ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ»	115
E. N. Belya. THE USAGE OF THE INTERACTIVE TRAINING METHODS AT THE LECTURES ON THE COURSE OF «INTRODUCTION TO THE THEORY OF CROSS-CULTURAL COMMUNICATION»	115
В. А. Мельников, И. А. Синицына, И. А. Синицын. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ДИЗАЙНА: ФРАКТАЛЬНО-РЕЗОНАНСНЫЙ ПОДХОД	118
V. A. Melnikov, I. A. Sinitsyna, I. A. Sinitsyn. CONCEPTUAL BASES INSTRUCTIONAL DESIGN: FRACTAL RESONANCE APPROACH.....	118
Р. Г. Зарипов, В. П. Чашин, М. В. Пашина. ЭКСКУРСИИ В ДЕНДРОЛОГИЧЕСКОМ САДУ Г. ОМСКА КАК СРЕДСТВО ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ	124
R. G. Zaripov, V. P. Chashin, M. V. Pashina. EXCURSION IN THE DENDROLOGICAL GARDEN OF THE CITY OF OMSK AS A MEANS OF ENVIRONMENTAL EDUCATION	124
Л. Н. Антилого娃, Л. Г. Карпова. РОЛЬ САМООЦЕНКИ В РАЗВИТИИ ТВОРЧЕСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ	129
L. N. Antilogova, L. G. Karpova. THE ROLE OF SELF-ASSESSMENT IN THE DEVELOPMENT OF CREATIVE ABILITIES OF YOUNGER SCHOOLCHILDREN	129
Н. С. Гиleva. ВЛИЯНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ПРИВЯЗАННОСТИ РЕБЁНКА К МАТЕРИ НА СТАНОВЛЕНИЕ САМООЦЕНКИ СТАРШИХ ДОШКОЛЬНИКОВ	134
N. S. Gileva. INFLUENCE OF MOTHER-CHILD EMOTIONAL ATTACHMENT ON THE FORMATION OF A SELF-ASSESSMENT OF THE SENIOR PRE-SCHOOLERS	134
Е. А. Стебляк. ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ УМСТВЕННО ОТСТАЛЫХ ОБУЧАЮЩИХСЯ	140
E. A. Stebliak. PSYCHO-PEDAGOGICAL CONDITIONS OF FORMATION SOCIAL COMPETENCE OF MENTALLY RETARDED STUDYING	140

Д. И. Ткаченко. АНАЛИЗ ФЕДЕРАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СТАНДАРТОВ ПО ПЕДАГОГИЧЕСКИМ НАПРАВЛЕНИЯМ ПОДГОТОВКИ НА СООТВЕТСТВИЕ СОВРЕМЕННЫМ ТРЕБОВАНИЯМ В УСЛОВИЯХ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ	147
D. I. Tkachenko. THE ANALYSIS OF THE FEDERAL STATE EDUCATIONAL STANDARDS OF TRAINING FOR COMPLIANCE WITH MODERN REQUIREMENTS IN THE CONDITIONS OF INCLUSIVE EDUCATION	147
А. П. Жигадло, Л. В. Зуева, Е. П. Сидоринко. ДИФФЕРЕНЦИРОВАННАЯ АВТОДРОМНАЯ ПОДГОТОВКА СЛУШАТЕЛЕЙ АВТОШКОЛ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ ВОДИТЕЛЬСКОГО МАСТЕРСТВА	152
A. P. Zhigadlo, L. V. Zueva, E. P. Sidorinko. DIFFERENTIAL MOTODROME TRAINING OF DRIVING SCHOOLS' TRAINEES, AS A FACTOR OF INCREASING DRIVER'S SKILL	152

РАЗДЕЛ 3. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ   PART 3. ECONOMIC SCIENCES

Н. Е. Алексеев, О. В. Демиденко. ИНСТИТУТЫ И МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПОТРЕБНОСТЕЙ В СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКЕ	159
N. E. Alekseev, O. V. Demidenko. THE INSTITUTIONS AND MECHANISMS OF FORMATION NEEDS IN THE MODERN ECONOMY	159
О. Ю. Патласов, Е. К. Жаров. УСЛОВИЯ ПЕРЕХОДА К ФАЗЕ КРЕАТИВНОГО РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИК КАЗАХСТАНА И РОССИИ	166
O. Yu. Patlasov, Ye. K. Zharov. CONDITIONS OF TRANSITION TO THE PHASE OF CREATIVE DEVELOPMENT OF ECONOMIES OF KAZAKHSTAN AND RUSSIA.....	166
М. Б. Дюжева, Т. Н. Тарасова. ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ УПРАВЛЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬЮ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	171
M. B. Dyuzheva, T. N. Tarasova. INFORMATION SUPPORT OF COMPETITIVENESS MANAGEMENT OF BUSINESS ACTIVITIES	171
В. И. Белых, С. Г. Полковникова. СИСТЕМООБРАЗУЮЩИЕ ПРИЗНАКИ КЛАССИФИКАЦИИ РИСКОВ ПРЕДПРИЯТИЙ	177
V. I. Belykh, S. G. Polkovnikova. SIGNS BACKBONE RISK CLASSIFICATION COMPANIES	177
Н. П. Кононова, О. Ю. Патласов, Э. Д. Кононов. РИСК-ОРИЕНТИРОВАННЫЙ ПОДХОД В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ОТМЫВАНИЮ ДОХОДОВ И ФИНАНСИРОВАНИЮ ТЕРРОРИЗМА	183
N. P. Kononova, O. Yu. Patlasov, E. D. Kononov. THE RISK-FOCUSED APPROACH IN THE SPHERE OF COUNTERACTION TO LAUNDERING OF THE INCOME AND TO FINANCING OF TERRORISM	183
А. В. Кириченко, Е. А. Балашова. ИНВЕСТИЦИОННАЯ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ ТУРИСТСКИХ СТАРТАПОВ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ ОТОЗВАНА 05.09.2019	190
A. V. Kirichenko, E. A. Balashova. INVESTMENT ATTRACTION STARTUPS TRAVEL TODAY RETRACTED 05.09.2019	190
О. С. Елкина, С. Е. Елкин. КОНЦЕПЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ ПОТЕНЦИАЛОМ	196
O. S. Elkina, S. E. Elkin. THE CONCEPT OF MANAGEMENT OF HUMAN POTENTIAL	196
Т. И. Захарова, Е. В. Юдина. ОЦЕНКА СОСТОЯНИЯ ТРАНСПОРТНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ	201
T. I. Zakharova, E. V. Yudina. CONDITION MONITORING OF TRANSPORT INFRASTRUCTURE IN RURAL AREAS	201
Э. А. Латыпова, Е. В. Юдина. СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕХАНИЗМА ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЛЬНЯНОГО ПОДКОМПЛЕКСА ОМСКОЙ ОБЛАСТИ	205
E. A. Latypova, E. V. Yudina. DEVELOPMENT OF INFORMATION INFRASTRUCTURE OF THE LINEN SUBCOMPLEX IN OMSK REGION	205
К ЮБИЛЕЮ ИРИНЫ ВЯЧЕСЛАВОВНЫ КАРТАШОВОЙ	210

РАЗДЕЛ 1

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

PART 1

PHILOLOGICAL SCIENCES

УДК 811.111-26

DOI 10.17238/issn1998-5320.2016.24.10

З. Д. Асратян,

Набережночелнинский институт социально-педагогических технологий и ресурсов

ЭСТЕТИЧЕСКАЯ ИНФОРМАЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА И ЕЁ КОНЦЕПТУАЛИЗИРУЮЩАЯ РОЛЬ

Картина мира художественного произведения отражает не только авторскую систему ценностей, но и его эстетические приоритеты. Эти приоритеты информативны, что даёт возможность выделять эстетическую информацию. В статье рассматриваются принципы её выделения в художественном тексте на различных этапах развития человеческой истории.

Ключевые слова: концепт, художественная литература, эстетическая информация, эстетический идеал, катарсис.

Эстетическая информация – это то, что доставляет нам эстетическое удовольствие, формирует наше впечатление о произведении искусства. Термин «информация» в данном контексте в какой-то мере дань принятой традиции (это понятие широко используется в лингвистике), ибо понятие «эстетическая информация» отчасти лишено своего основного смысла, так как не содержит информации в принятом для этого термина значении. Конечно, эстетическая информация отличается от информации денотативной, которая может быть представлена через когнитивно-пропозиционную структуру, дающую ответы на вопросы: кто, где, когда, что, почему и т. д. Но термин «информация», мы полагаем, здесь вполне уместен, ибо эстетическая информация передаёт сообщения об эстетических приоритетах произведения. Как справедливо заметил Ю. Б. Борев, искусство «эстетически содержательно и несёт в себе художественную концепцию мира и личности» [1, с. 20]. Эстетическая информация выполняет концептуализирующую функцию, соотнося произведение искусства с определённым стилем, жанром, с одной стороны, и передавая идиостиль писателя – с другой.

Концепт в художественной литературе имеет дуалистическую природу, включающую как смысловой, так и эстетический компоненты. Авторская картина мира отражает не только его, автора, взгляд на мир, но и его систему эстетических приоритетов, которые обусловлены рядом факторов, о чём будет сказано ниже.

На особую роль эстетической информации уже обращали внимание некоторые авторы. Так, С. Ф. Гончаренко разновидностями информации поэтического текста считал смысловую и эстетическую [2, с. 21]. По мнению Ю. М. Лотмана, «художественная литература говорит на особом языке, который надстраивается над естественным языком как вторичная система» [3, с. 30], и функция этого языка как вторичной системы и будет его эстетической функцией.

Но поскольку язык, в конечном итоге, не может выражать ничего иного, кроме мыслей и чувств, в основе эстетической информации должны лежать какие-то из этих двух видов психической деятельности человека. Эстетическая информация возникает во взаимодействии интеллективной, эмотивной и оценочной информации, наславаясь на них как вторичная.

Многие исследователи считают, что эстетическая информация, в отличие от эмотивной, обращена к разуму (Ортега-и-Гассет, Честертон и др.) Так, испанский философ XX века Х. Ортега-и-Гассет писал, что «эстетическое удовольствие должно быть разумным» [4, с. 245]. Более того, он противопоставляет искусство, в котором «страды наслаждаются сами собой» (Ницше), как более низкое, новому искусству, в котором затушевано всякое человеческое эмоциональное начало, как искусству элитарному, не доступному массам, и, следовательно, более ценному. Поэзия сегодня, по его мнению, – «это высшая алгебра метафор» [4, с. 248]. Тем не менее, представляется неверным полностью относить эстетическую информацию к интеллективной по ряду причин. Одна из них заключается в том, что воздействующая функция искусства реализуется, если оно прямо или косвенно затрагивает эмоциональную сферу читателя/слушателя/зрителя. Кроме того, существуют виды искусства (музыка, поэзия), которые передают непосредственные эмоции, и лишить их эстетической функции было бы опрометчивым. Вся та гамма ощущений, переживаний и ассоциаций, которая возникает в нас при соприкосновении с искусством, не поддаётся строгому логическому анализу. В. В. Прозерский писал, что гармония, пропорция, симметрия, мелодия – не просто геометрические или физические закономерности, но обладают другой природой – именно той, которая открывается не естественно-научному изучению, а непосредственному переживанию, эмоции [5, с. 109]. Далее он развивает свою мысль, отмечая, что эстетическое переживание, «которое есть одновременно и познание (понимание), возникает на переходе от личного к безличному, от эмоционального к интеллектуальному» [5, с. 129]. Свои сомнения по поводу резкого противопоставления эффекта и интеллекта высказывал и М. Минский, считая, что именно разум является связующим звеном с таинственным «когнитивным бессознательным» [6, с. 294].

Эстетическая информация воздействует на эмоциональную сферу, но не непосредственно, а через разум, через его способность оценивать то, что несёт в себе произведение искусства, сравнивать и сопоставлять всё с предыдущим опытом. Эта информация возникает на стыке эмоционального и интеллектуального через форму их выражения. Чувственный восторг, восхищение как бы анализируются разумом и либо утверждаются в своей истинности, либо развенчиваются. «Человеческое сознание таково, что чувство, давая разуму сигналы об окружающем мире, соединяет его с этим миром. Образ мира, сформированный чувствами, «прочитывается» разумом, который раскрывает глубинные связи и пружины мироздания, скрытые за образом» [7, с. 4].

Эстетическая информация появляется в результате соблюдения ряда требований, обусловленных понятиями красоты и эстетического идеала. Эти требования не остаются неизменными на протяжении истории человечества, а меняются в соответствии с теми культурными парадигмами, которые характеризуют ту или иную эпоху.

В основе различных представлений о красоте лежали три разных подхода. Первый из них под красотой понимал правдивость, правдоподобность изображения (пифагорейцы, Платон, Лукиан). В основе второго подхода – поиск красоты в самом искусстве как единственной сфере её воплощения (Гегель). Согласно третьему подходу, источник красоты находится во внутреннем мире субъекта, творца и потребителя искусства (Юм, Кант, Огден, Ричардс).

Но различные авторы не только по-разному смотрели на источник красоты, но и на её предназначение. Софисты видели в красоте благо, Лукиан полагал, что эстетический идеал «не может противоречить божественному» [8, с. 221]. Платон считал, что искусство должно отвечать моральным нормам. Красота в античной эстетике отождествлялась с добром, благом, становясь как бы этической категорией.

Некоторые представители русской эстетической мысли видели предназначение искусства в служении народу, идее. Отсюда понятия народности, идейности (Белинский, Добролюбов, Чернышевский, Некрасов, передвижники и т. д.).

Кроме того, красота всегда имела и формальное, структурное воплощение, которое также претерпевало изменения в соответствии с эстетическими идеалами своего времени, своей эпохи. Так, античная эстетика, по мнению А. Ф. Лосева, понимала красоту как симметрию, пропорциональность, гармонию, проверяемые числом [9]. Гегель видел в прекрасном единство содержания и формы: единство идеи и её внешнего воплощения.

Понимание красоты и эстетического идеала связано с ментальностью эпохи. Особенности эпохи складываются из ряда факторов. И первый из них – это фактор отрицания. Человечество никогда не бывает довольно тем временем, в котором оно живет, даже если потом это время назовут «золотым веком». А отрица, ищет подтверждение своему неприятию в прошлом, когда всё было не так. Отрица настоящее, мы идеализируем прошлое и моделируем его в будущее. Так, Возрождение, возникнув в недрах Средневековья, отрицает его ригоризм, глумится над его аскетизмом и обращается к античности в поисках утраченного идеала. А уже эпоха романтизма именно в Средневековье черпает своё вдохновение.

Художественные методы и стили возникают и оформляются в направления с учётом всех перечисленных факторов, определяющих особенности той или иной эпохи. Эти стили и методы формируют эстетический идеал. *Реализация или воплощение идеала в художественном произведении и будет его эстетической информацией, через которую происходит эстетическая концептуализация художественного произведения.*

Что же представляет собой эстетический идеал на различных ступенях развития человечества? Одним из первых филологический анализ художественной литературы был предпринят Аристотелем в его «Поэтике» ещё в IV веке до н. э., но положения, выдвинутые философом, остаются актуальными и поныне.

Основной принцип искусства, по Аристотелю, – это подражание, «мимесис». Искусство, по его мнению, говорит «не о действительно случившемся, но о том, что могло бы случиться, следовательно, о возможности по вероятности или по необходимости» [10, с. 67]. Далее Аристотель развивает данную мысль следующим образом: «Так как поэт есть подражатель, подобно живописцу или какому-нибудь другому художнику, то необходимо ему подражать непременно чему-нибудь одному из трёх: или он должен изображать вещи так, как они были или есть, или как о них говорят и думают, или какими они должны быть» [10, с. 127].

Но подражание не есть зеркальное отражение действительности. Аристотель защищает право искусства на вымысел, на идеализацию, причём, по его мнению, «именно в поэтическом произведении предпочтительнее вероятное невозможное, чем невероятное, хотя и возможное». Вероятное невозможное оправдывается им тем, что «следует превосходить образец» [10, с. 133]. И несмотря на то, что, создавая невозможное, искусство «погрешает, но оно совершенно право, если достигает своей цели, ... то есть если таким образом [поэт] делает или эту самую, или другую часть [своего произведения] более поразительной» [10, с. 128].

В «Поэтике» Аристотель также касается формальных, структурных способов создания художественного произведения. Им рассматриваются понятия целого, фабулы, формируется понятие эстетического идеала. Красота, по его мнению, «заключается в величине и порядке» [10, с. 63]. А. Ф. Лосев в своих работах тоже подчёркивал, что античная эстетика понимала красоту как симметрию, пропорциональность, гармонию, проверяемые числом [9].

Античное понимание красоты как блага вполне закономерно находит структурное воплощение в гармонии, симметрии и пропорциональности.

С приходом христианства и его постепенным утверждением в Европе меняются, в первую очередь, моральные ценности и ориентиры. Эсхатологические ожидания обусловливают ригоризм и аскетизм эпохи, унижение индивидуальности, а отсюда – анонимность творчества. И живопись, и скульптура, и литература обращаются к образу Иисуса Христа и его учеников и последователей. Для живописных работ характерно плоскостное изображение, на портретах выразительны лишь глаза, устремлённые к Богу или отражающие духовное начало в человеческом облике Спасителя. Бренное и греховое тело не может служить и не служит предметом воспевания. Готические соборы, как и глаза, устремлены к Богу и потрясают своей одержимостью к нему приблизиться. Литературное произведение так же, как и живописные полотна, необъёмно, подчинено какой-то одной идее и в религиозной литературе, и в героическом эпосе, и даже в рыцарском романе, где часто любовь – это платоническое, возвышенное и возвышающее чувство, отсюда и меч на ложе между Тристаном и Изольдой.

Эпоха Возрождения отразила бунт против праведной жизни, часто доходящий до богохульства, как это происходит в произведениях Бокаччо, Страпаролы, Рабле. Антропоцентризм и гуманизм эпохи проявились в том, что человек становится объектом художественного исследования. На смену средневековому аскетизму приходит буйство плоти во всех её проявлениях. В творчестве Рабле, по мнению М. М. Бахтина, на литературные страницы выплескивается яркая безудержная ярмарочно-карнавальная радость бытия с апофеозом «материально-телесного

низа» [11, с. 407]. М. М. Бахтин считает, что вместе с Рабле в литературу проникла грубая, но здоровая народная эстетика.

Возрождаются античные идеалы гармонии. Фигуры людей на полотнах Боттичелли, Леонардо да Винчи, Микеланджело, Рафаэля обретают плоть и кровь, даже несмотря на то, что тематика этих произведений часто по-прежнему остаётся религиозной. Но в отрицании ригоризма и аскетизма предшествующей эпохи творцы эпохи Ренессанса часто пошли дальше и, как Рабле, стали воспевать не только гармонию и красоту тела, но и просто плоть и все её физиологические проявления.

Эти тенденции наблюдаются и в творчестве художников, придерживающихся стилевого направления барокко, возникшего в эпоху Высокого Возрождения. Так, радостно и безудержно буйствует плоть на полотнах Рубенса. Барокко развивается параллельно и в борьбе с появившимся несколько позднее классицизмом. Эти направления как бы продолжают две традиции, возникшие в эпоху Возрождения: неумолимую приверженность античным канонам, с одной стороны, и динамизм, аффектацию, контрастность – с другой. В живописи интересно сравнить близкие по сюжету работы Пуссена, утверждающие силу разума и общественно-эстетические нормы классицизма, и Рубенса, с его чувственными образами, наиболее близкими по духу литературным зарисовкам Рабле.

В архитектуре пышность барочных криволинейных форм Растрелли контрастирует со строгой изысканностью выверенных строений Росси. И если чрезмерная строгость эстетических принципов вряд ли вредит архитектуре, то литература классицизма упрощает характеры, делает их однобокими. Поэтому оказывается узким кафтан, сшитый по эстетическим меркам классицизма, и для Шекспира, и для Сервантеса.

Барокко выдвигает принцип оригинальности для художественного произведения. И этот принцип затем подхватывает искусство романтизма, отвернувшееся от классицизма и идеалов Возрождения. Оригинальное и таинственное романтике ищут в эпохе Средневековья. Мировоззрение эпохи романтизма нашло отражение в идеалистических философских учениях Канта и Фихте. Человек понимается как центр Вселенной, как основа мироздания; он приближается к Богу по масштабам своей личности. Но не всякий человек, а только творец, художник, поэт, словом, избранный. Он противопоставлен толпе, черни, филистерам. Особая роль особого человека даёт ему невиданные права, даже право на зло. Смещается критерий оценок личности и в жизни, и в искусстве. Право на зло романтический герой зарабатывает ценой своего неимоверного одиночества.

Если говорить об эмотивной информации художественного текста, то эмоция может называться и описываться в нём, а может и создаваться средствами языка. Тогда мы имеем дело с эмоциональным языком. Именно последнее характерно для эпохи романтизма.

Искусство реализма продолжает традиции мимесиса, но, как ни одно из других направлений, ставит перед собой и чисто научные задачи обобщения, типизации, психологической обусловленности характеров. Поэтому не случайно О. де Бальзак, шутя, называл себя «доктором социальных наук». А для решения этих задач требуются новые средства и приёмы.

Модернизм, пришедший на смену реализму, отразил «убеждение в глубоком и непреодолимом разрыве духовного опыта личности и доминирующих тенденций общественной жизни, ощущение насилиственной изоляции человека от окружающего мира, замкнутости, отчуждённости и конечной абсурдности каждого индивидуального существования и всего макрокосмоса» [12, с. 225].

Философской основой модернизма стали идеи Ф. Ницше, З. Фрейда, К. Юнга, А. Бергсона, М. Хайдеггера, «которые рациональному … мышлению противопоставили многообразие субъективных интерпретаций бытия» [12, с. 225].

Герои произведений, написанных в стиле модернизма, постигают окружающий их мир через собственное, часто больное, патологическое сознание.

Основные изобразительные средства, характерные для литературы этого направления, – поток сознания, внутренние монологи, ассоциативный монтаж, пересечение памяти и сиюминутного переживания и т. д. [12, с. 226].

Все направления в искусстве, включая модернизм, стремились отразить реальность либо в реалистической манере (мимесис), либо в абстрактной.

Иное дело искусство постмодернизма, произведения которого часто вовсе не стремятся что-либо отразить, кроме самих себя. Искусство перестаёт быть психологическим. Оно проецируется в реальность вне всякой метафоризации. Произведения постмодернизма – вещи-симулякры – утилитарны, банальны и даже вульгарны. А. С. Мигунов видит различие между модернизмом и постмодернизмом в том, что последний работает на минимуме художественных выразительных средств,

ослабляя или отменяя форму, условность, уникальность произведения искусства. Это искусство сознательно разрушает свой художественный фундамент [13, с. 83].

Но это касается крайних проявлений направления. Многие исследователи считают, что постмодернизм продолжает традиции модернизма, такие как стремление к пародии, смешению стилей, скептицизму, иронии, фатализму, симбиозу «высоких» и «низких» культурных аллюзий.

Что же касается разрушения формы, то если оно не тотальное, а частичное, художественный фундамент произведения сохраняется, и такая модификация формы может даже нести дополнительную эстетическую информацию, как это и происходит в следующей строке из стихотворения А. Вознесенского:

Танцуйте при свечах, любите при всегда.

Наречие «*всегда*» употребляется в функции существительного, обрастает новыми коннотациями и несёт новую информацию, в том числе эстетическую.

Эти же тенденции можно наблюдать и в стихах Э. Каммингса:

when by now and tree by leaf
she laughed his joy she cried his grief
bird by snow and stir by still
anyone's any was all to her... [14, с. 314].

Здесь не только части речи употребляются в не свойственных им функциях, но и нарушается семантическая сочетаемость некоторых слов: *laughed his joy, cried his grief*.

В переводе В. Британишского это четверостишие выглядит так:

всегда сейчас и древожды лист
смеясь его радость грустя его грусть
будь то птицежды снег будь то бурежды штиль
кто-то был её то (то есть весь её мир) [14, с. 315].

К уже упомянутым нарушениям нормы в русском переводе добавляются ещё и неологизмы: *всегдажды, древожды, птицежды, бурежды*.

Как уже отмечалось, эстетическая информация возникает во взаимодействии интеллективного и эмотивного в речи. Именно посредством интеллективной, т. е. обращённой к разуму, логической, информации удаётся реализовать ряд приёмов, обеспечивающих неожиданность и оригинальность.

Одним из таких приёмов является «эффект обманутого ожидания» (Riffaterre, Тынянов, Якобсон). В основе этого явления лежит оригинальность, необычность найденной писателем/поэтом формы. И чем менее она соответствует ожиданиям читателя, тем выше её эффект.

Поэтический текст имеет свои особенности, которые обусловливают специфические для стихотворного текста эстетические возможности. Текст поэзии очень сконцентрирован, спрессован. Это порождает большую, чем в прозаическом тексте, взаимозависимость всех его частей. Способствует этому и притяжение стихотворных частей, благодаря ритмической эквивалентности и рифме. Ю. Н. Тынянов назвал эту спрессованность стихотворного текста «теснотой ряда». Природа ассоциаций, возникающих в результате этой «тесноты», тоже неоднозначна и во многом обусловлена интеллективной информацией. В результате «тесноты ряда» слово в поэтическом тексте не эквивалентно слову в прозе, ибо оно «не имеет определённого значения. Оно – хамелеон, в котором каждый раз возникают не только разные оттенки, но иногда и разные краски» [15, с. 77]. С. Т. Золян также отмечал отличие семантической организации поэтического высказывания от прозаического ввиду многозначности слова в поэтическом тексте. «Если в обычном высказывании, – писал он, – происходит дифференциация и сужение значения слова, то в поэтической речи наблюдается синтез, не уничтожающий, однако, самой дифференциации» [16, с. 511].

В основе этого синтеза лежат взаимозависимость и взаимообусловленность частей стихотворного текста, чему способствует их формальное притяжение из-за синтаксического параллелизма и ритмической эквивалентности конструкций. Слово приобретает новые оттенки, коннотации значений под влиянием рифмующихся с ним слов, в результате большей или меньшей акцентной выделенности, обусловленной метром.

Ещё одним признаком, лежащем в основе эстетической информации, является остроумие. В наибольшей мере оно реализуется через игровой момент в искусстве. Наличие игрового момента в искусстве вообще и в поэзии в частности отмечалось многими авторами. Так, Х. Ортега-и-Гассет писал, что «независимо от содержания, само искусство становится игрой» [4, с. 257]. Но наиболее пристально игровые моменты не только в искусстве, но и вообще в жизни людей исследовал голландский философ и историк культуры И. Хейзинга в книге «Homo Ludens» («Человек играющий»). Он сводит всё многообразие человеческой деятельности к игре, рассматривая её как основной источник и высшее проявление культуры.

«Советский энциклопедический словарь» определяет игру как «вид непродуктивной деятельности, мотив которой заключается не в её результатах, а в самом процессе» [18, с. 480]. Человек работает, чтобы в будущем получить результаты своего труда: земледелец – урожай, охотник – добычу, строитель – строение, писатель – произведение. В современном мире мы все работаем, чтобы получить вознаграждение за свой труд (зарплату, прибыль и т. д.). Играя, человек ничего не получит в будущем; всё, что он получает, он получает здесь и сейчас, т. е. во время игры. И получает он удовольствие, радость и счастье от самого процесса игры. В этом коренное отличие игры от всех остальных видов деятельности: играя, мы получаем удовольствие здесь и сейчас.

Особенно ярко игровой момент проявляется в поэзии. И. Хейзинга пишет по этому поводу: «Ритм, параллелизм предложений, дистих – всё это происходит из одних и тех же вечных игровых фигур удара и ответного удара, подъёма и спуска, загадки и разгадки» [19, с. 163]. Английский философ и писатель Т. К. Честертон видел игровой момент в рифме [20, с. 226].

Игровая фигура не несёт никакой новой информации, её основной задачей становится задача формальная – реализация фигуры игры: «удара и ответного удара». Удовольствие от успешной реализации этой фигуры и является основной мотивацией игрового процесса. В основе реализации игровой фигуры лежит интеллективная информация, с помощью которой и проявляется одно из неоспоримых достоинств искусства вообще и литературы и поэзии в частности.

Высшим проявлением эстетического удовольствия у потребителя художественного произведения является катарсис (термин Аристотеля), который представляет собой эмоциональный разряд, очищение под воздействием художественного произведения и свидетельствует об удачном сочетании в нём содержания и формы или двух составляющих концепта – смыслового и эстетического.

Новизна работы заключается в выделении в художественном концепте эстетического компонента и подробном рассмотрении механизма формирования эстетического идеала в различные исторические эпохи.

Библиографический список

1. Борев, Ю. Эстетика / Ю. Б. Борев. – М. : «Высшая школа». – 511 с.
2. Гончаренко, С. Ф. Информационная содержательность орнаментальных фонетических структур поэтического текста / С. Ф. Гончаренко [и др.] // Сб. науч. трудов Моск. гос. пед. ин-та ин. яз. им. М. Тореза. – М., 1987. – Вып. 296. – С. 21–31.
3. Лотман, Ю. М. Структура художественного теста / Ю. М. Лотман. – М. : Искусство, 1970. – 383 с.
4. Ортега-и-Гассет, Х. Дегуманизация искусства / Х. Ортега-и-Гассет [и др.] // Самосознание европейской культуры XX века: Мыслители и писатели Запада о месте культуры в совр. об-ве. – М. : Политиздат, 1991. – С. 230–267.
5. Прозерский, В. В. Критический очерк истории эмотивизма / В. В. Прозерский. – М. : Искусство, 1983. – 173 с.
6. Минский, М. Остроумие и логика когнитивного бессознательного / М. Минский [и др.] // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. Логика и лингвистика / под ред. Н. Д. Арутюновой. – М. : Прогресс, 1982. – С. 281–309.
7. Блох, М. Я. Коммуникативное воздействие высказывания / М. Я. Блох, З. Д. Асрятян // Bridge. – Наб. Челны, 1996. – № 1. – С. 2–5.
8. Лосев, А. Ф. Ранний эллинизм / А. Ф. Лосев // История античной эстетики. – М. : Искусство, 1979. – Т. 5. – 815 с.
9. Лосев, А. Ф. Ранняя классика / А. Ф. Лосев // История античной эстетики. – М. : Искусство, 1963. – Т. 1. – 583 с.
10. Аристотель. Об искусстве поэзии / Аристотель. – М. : Гос. из-во худ. лит-ры, 1957. – 183 с.
11. Бахтин, М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса / М. М. Бахтин. – 2-е изд. – М. : Худож. лит., 1990. – 543 с.

12. Зверев, А. М. Модернизм / А. М. Зверев [и др.] // Литературоведческий энциклопедический словарь. – М. : Советская энциклопедия», 1987. – С. 225–226.
13. Мигунов, А. С. Анти-эстетика / А. С. Мигунов // Вопросы философии. – № 7–8. – 1994. – С. 82–88.
14. Американская поэзия в русских переводах. XIX–XX вв. / сост. С. Б. Джимбинон ; на англ. яз. с параллельным русск. текстом. – М. : Радуга, 1983. – 672 с.
15. Тынянов, Ю. С. Проблема стихотворного языка. Статьи / Ю. С. Тынянов. – М. : Советский писатель, 1965. – 301 с.
16. Золян, С. Т. Семантическая структура слова в поэтической речи / С. Т. Золян [и др.] // Изв. АН СССР. Сер. лит. и языка. – Т. 40. – № 6. – С. 509–520.
17. Советский энциклопедический словарь. – М. : «Советская энциклопедия», 1981. – 1600 с.
18. Хейзинга, Й. Homo Ludens. В тени завтрашнего дня / Й. Хейзинга. – М. : Изд. группа «Прогресс», 1992. – 464 с.
19. Честертон, Г. К. Эссе / Г. К. Честертон [и др.] // Самосознание европейской культуры XX века: Мыслители и писатели Запада о месте культуры в совр. об-ве. – М. : Политиздат, 1991. – С. 208–229.

Z. D. Asratyan,
Naberezhnye Chelny Institute of Socio-Pedagogical Technologies and Resources

AESTHETIC INFORMATION OF IMAGINATIVE LITERATURE AND ITS CONCEPTUALIZING FUNCTION

The world picture of a work of art does not only reflect its author's value system but their aesthetic priorities as well. These priorities are informative which enables us to single out informative information. The article analyses different principles of singling out aesthetic information in imaginative literature at various historic stages of human development.

Keywords: concept, imaginative literature, aesthetic information, aesthetic ideal, catharsis.

References

1. Borev Yu. Estetika [Aesthetics]. M., Vysshaya shkola, 2002, 511 p.
2. Goncharenko S.F. Informational Content of Poetic Texts Ornamental Phonetic Structures. *Sbornik nauchnykh trudov Moskovskogo gos. ped. in-ta inostrannyhazykov im. M. Toreza*. M., 1987, vyp. 296, pp. 21-31.
3. Lotman Yu.M. *Structura hudozhestvennogo teksta* [Imaginative Text Structure]. M., Iskusstvo, 1970, 383 p.
4. Ortega y Gasset J. The Dehumanization of Art. *Samosoznanie evropeiskoykul'tury XX veka*. M., Politizdat, 1991, pp. 230-267.
5. Prozerski V.V. *Kriticheskiy ocherk istorii emotivizma* [critical Essay on the History of Emotivity]. M., Iskusstvo, 1983, 173 p.
6. Minskii M. Wit and Collective Unconscious Logic. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike*, vyp. 23. *Logika I lingvistika*. M., Progress, 1982, pp. 281-309.
7. Blokh M.Ya., Asratyan Z.D. Communicative Effect of Utterance. *Bridge*. Naberezhnye Chelny, 1996, no 1, pp. 2-5.
8. Losev A.F. *Ranniy ellinizm. Istorya antichnoy estetiki* [Early Hellenism. The History of Antique Aesthetics]. M., Iskusstvo, 1979, vol.5, 815 p.
9. Losev A.F. *Ranniyaklasika. Istorya antichnoy estetiki* [Early Classics. The History of Antique Aesthetics]. M., Iskusstvo, 1963, vol. 1, 583 p.
10. Aristotle. *Poetica* [Poetics]. Moscow, Gos. Izdutel'stvo khudozhestvennoy literatury, 1957. 183 p.
11. Bakhtin M.M. *Tvorchestvo Fransa Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Renessansa* [Fransua Rable's Works and Middle Ages and Renaissance People's Culture. M., Khudozh. Lit., 1990. 543 p.
12. Zverev A.M. Modernism. *Literaturovedcheskiy entziklopedicheskiy slovar'*. M., Sovetskaya Entziklopediya, 1987, pp. 225-226.
13. Migunov A.S. Anti-aesthetics. *Voprosy filosofii*, 1994, no.7-8, pp. 82-88.
14. Amerikanskaya poeziya v russkih perevodah. XIX –XX c. [American Verse in Russian Translation XIX-XX century]. M., Raduga, 1983. 672 p.
15. Tynyanov Yu.S. *Problema stihotvornogo yazyka* [Poetic Language Problem]. M., Sovetskiy pisatel', 1965, 301 p.
16. Zolyan S.T. Semantic Word Structure in Poetic Text. *Izvestiya AS USSR. Seriay literatury i yazyka*, vol. 40, no. 6, pp. 509-520.
17. Sovetskiy entziklopedicheskiy slovar' [Soviet Encyclopedic Dictionary]. M., "Sovetskaya entziklopediya", 1981. 1600 p.

18. Huizinga J. Homo Ludens. M., Izdatel'skaya gruppa "Progreess", 1992, 464 p.
19. Chesterton G.K. Essay. Samosoznanie evropeiskoy kul'tury XX veka. M., Politizdat, 1991, pp. 208-229.

© З. Д. Асратьян, 2016

Автор статьи – Зоя Дмитриевна Асратьян, кандидат филологических наук, доцент, Набережночелнинский институт социально-педагогических технологий и ресурсов, e-mail: asratyan@mail.ru

Рецензенты:

Е. М. Шастина, доктор филологических наук, профессор, Елабужский институт (филиал) Казанского федерального университета.

Р. Д. Шакирова, доктор филологических наук, доцент, Набережночелнинский институт социально-педагогических технологий и ресурсов.

УДК 32.019.51

DOI 10.17238/issn1998-5320.2016.24.17

Т. Ф. Аржаных,
Ивановский филиал Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова

БЮРОКРАТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ЭЛИТА В РОССИИ 1830–1850-х гг.: ЦЕННОСТНО-ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПОЗИЦИИ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОРИЕНТИРЫ

В статье исследуются особенности ментальной культуры бюрократии и дворянской литературной элиты России 1830–1850-х гг. Анализируется специфика взаимоотношений власти и образованного общества в России 1830–1850-х гг. Рассматриваются основные мировоззренческие константы государственных служащих и особенности социально-культурного позиционирования интеллектуалов интеллигентской рефлексии.

Ключевые слова: бюрократия, власть, литературная элита, модернизация, Россия, Николай I.

Разработанные М. Вебером концептуальные основы бюрократической власти позднее были восприняты американскими и западно-европейскими социологами и социальными философами¹. Верификация гипотетического массива на эмпирическом материале представляется перспективным и актуальным направлением исследовательского поиска. Анализ феномена бюрократии будет неполным, если не принимать во внимание специфику культурно-цивилизационных или политических систем тех или иных стран.

Период правления Николая Первого (1825–1855) в современных исследованиях обозначен как «бюрократическая правомерная монархия» [5, с. 146]. Разрастание бюрократического аппарата в XIX веке стало следствием реформирования институциональной структуры государственного управления. Кодификация общепрерского законодательства совпала с функциональным обособлением социального слоя чиновников. Указом 1827 года «О канцелярских служителях гражданского ведомства» было введено разделение населения на две части – обладавших и не обладавших правом на государственную службу. Дворянство осталось основным источником «рекрутования» чиновников, но не единственным. В соответствии с Положением 1834 года о порядке производства в чины по гражданской службе, атрибутами служащих государственного аппарата стали образовательный ценз, выслуга и профессионализм.

По официальным данным, в начале 1830-х гг. на государственной службе в России насчитывалось около 105 тысяч чиновников. В 1840–1850 гг. количество чиновников выросло ещё на треть [5, с. 119–120]. С учётом лиц, служивших по выборам в органах местного самоуправления, количество гражданских чиновников более чем вдвое превышало число военных и морских офицеров [5, с. 119–120]. Бюрократия как хранитель государственных интересов становится внушительным компонентом институциональной структуры политического пространства России.

«Прошедшее России удивительно, её настоящее более чем великолепно, что же касается будущего, то оно выше всего, что может нарисовать себе самое смелое воображение» [3, с. 146]. Глянцевая догма, заключённая главой III Отделения графом А. Х. Бенкендорфом в столь пафосную

литературную форму, отражает суть аксиомы порядка для государственных служащих всех рангов. Один из самых живучих стереотипов чиновников XIX века – представление о «здоровом» обществе как монолите, пребывающем в состоянии покоя.

При всех нововведениях бюрократии как закрытой статусной социальной группе близка идеология патернализма. Мировоззренческий тренд служащих административного аппарата государства – убеждение в том, что государство призвано доминировать во всех сферах жизни общества. И в XIX веке в бюрократической среде сохранялась синонимичность службы государству, отечеству и монарху. Чиновники, будучи неотъемлемой частью государственного механизма, неизбежно выступали в роли трансляторов модернизационных проектов правящей элиты.

В реалиях «николаевской» России особым источником инноваций была дворянская интеллектуальная элита – рефлексирующий социальный слой, альтернативный партикуляристской бюрократии и одновременно коррелирующий с ней². Литературой увлекались известные российские государственные деятели. Например, министр внутренних дел Д. Н. Блудов находился в близких отношениях со многими литераторами того времени. Поэтическим даром обладали министр юстиции, член Государственного совета И. И. Дмитриев, министр просвещения С. С. Уваров, вице-губернатор Бессарбии, директор Департамента иностранных вероисповеданий Ф. Ф. Вигель. При функциональном подходе один и тот же человек в одном социальном контексте мог быть чиновником-бюрократом, в другом – интеллектуалом-новатором.

Анализ модернизационных процессов в России 1830–1850-х гг. в их зависимости только от различных социально-экономических и формально-институционально-политических факторов будет неполным, если не учитывать культурный компонент «хронотопа модернизации»³. Российское государство в ходе догоняющей модернизации должно было осуществлять модернизационные проекты. Разветвлённый управленческий аппарат и институт бюрократии гарантировали трансляцию «циклов» реформ в заданных властью политico-идеологических рамках.

Формирование единой системы норм, ценностей и идеалов происходило в границах консервативного дискурса, главной идеологемой которого стала знаменитая теория официальной народности С. С. Уварова. Триада концептов национальной идеи включала православную веру, монархическую власть и национальную самобытность [9, с. 71].

Идеологической доктрине «Православие, Самодержавие, Народность» принадлежит особая роль в структурировании ценностно-идеологического пространства, в сторону которого происходил дрейф чиновников-конформистов, и проблематизирующего действительность отечественного «мыслящего сословия».

В «николаевскую» эпоху существовали различные трактовки государственной идеи. Имеется в виду осознанная попытка некоторых писателей и журналистов выступить в качестве проводников-интерпретаторов официальной идеологии. Ещё в мае 1826 года Ф. В. Булгариным на имя императора была подана записка «О цензуре в России и книгопечатании вообще». В ней автор разделил всех образованных людей на четыре категории и выделил учёных и литераторов в качестве особой группы проводников правительского мнения, способных влиять на слушателей и читателей в координатах, угодных власти [4, с. 46–47]. Известно, что и А. С. Пушкин в 1831 году составил «Проект издания журнала и газеты», в котором обозначил желание быть сопричастным к правительству писателем, оказывать воздействие на умы сограждан: «С радостью взялся бы я за редакцию политического и литературного журнала, около которого соединил бы писателей с дарованиями, и таким образом приблизил бы к правительству людей полезных. <...> Правительству нет надобности иметь свой официальный журнал; но тем не менее, в некоторых случаях общее мнение имеет нужду быть управляемо» [10, с. 866]. Предложение о сотрудничестве с властью, исходившее от А. С. Пушкина, имело существенное отличие от позиции Ф. В. Булгарина. Предполагалось активное участие сотрудников журнала в формировании, корректировке и реализации идеологических проектов. Позиция послушного исполнителя, декларируемая Ф. В. Булгариным, совершенно не импонировала установке А. С. Пушкина на творческую самостоятельность в реализации права обсуждать политические вопросы и использовать в этих целях журнал.

Понимание этико-социальных идей «писателей-аристократов» связано с особенностями культурного фона российской действительности. Философские размышления 1830-х гг. и литературная полемика стали особыми модусами осмысления аксиологических ориентиров. Вопросы истинного просвещения, его качественного наполнения и самобытного содержания занимали важное место в мировоззрении «литературных аристократов». О нравственных координатах просвещения размышляли русские поэты А. С. Пушкин и В. А. Жуковский в составленной по просьбе Николая I записке «О народном воспитании» (1826).

Широкое развитие идеи историзма стало одной из особенностей культурного фона российской действительности. Поворот к национальным истокам, проблемам культурно-исторической самоидентификации был процессом общеевропейским. XIX столетие началось для России с войны. Историчность мышления как весомая черта общественного сознания формировалась в условиях сличения европейской жизни с русским укладом.

Своеобразие российской культурно-идеологической ситуации 1830–1850-х гг. состояло ещё и в том, что консервативный официальный дискурс носил явно антилиберальный характер и противостоял идеологии Просвещения и догмату свободы личностного самовыражения. В мировоззрении «литературных аристократов» сочеталась традиционалистская позиция с либеральными взглядами. Российские просветители верили в прогрессивную силу разума и науки, но их идеалистические искания нередко помещались в область абстрактных принципов и отвлечённой исторической мысли, где можно было высказываться более-менее свободно и выстраивать риторическую модель, иллюстрируя её художественными образами.

Сложно определить степень литературной самоидентификации представителей бюрократии Российской империи. Достижение социальных (карьерных) позиций вполне сочеталось с самовыражением в публицистике и художественном творчестве. Так, известный писатель, издатель альманахов и журналов В. Ф. Одоевский в Петербурге занимал пост директора Румянцевского музея, одновременно осуществлял функции чиновника Сената – высшего органа государственной власти в стране. Поэт П. А. Вяземский служил в Министерстве финансов, а при императоре Александре II возглавил Главное управление цензуры. Безусловно, государственная служба была основным каналом интиерилизации профессиональных ценностей и инкорпорирования чиновников в особую социальную группу. Стремление служить и приносить пользу государству было доминирующей стратегией жизнеустройства. Сознание чиновника вмещало ранговый элитаризм и бюрократический функционализм. Интеллектуалы-литераторы сознательно шли на «приращение» к структуре государственной социальности, а службу в должности и на месте рассматривали в контексте верности идеалу. Оправданием для личности было служение социальному целому – России.

Вместе с тем интеллигенцию нельзя рассматривать узко в рамках бюрократической элиты. Бюрократы действуют лишь в сфере официального администрирования. Но в иных сферах деятельности они проявляют себя уже не как профессиональные чиновники. Выход чиновником за границы своих административных обязанностей позволяет отнести его к тому виду бюрократии, который М. Вебер называл «дисфункциональным».

Интеллигенцию от управляемой бюрократии отличало стремление первой стороны сохранить при добросовестном исполнении своих служебных обязанностей известную степень «самостоятельности» по отношению к государственной структуре, о чём мы писали ранее [1, с. 19–20]. «Комплекс» интеллигента мог проявляться двояко: либо в нежелании «врасти» в систему и быть структурной единицей в «административно-бюрократической машине», либо в крайностях интроспекции (рефлексии), когда государственной службе противопоставлялась приватная жизнь внутренне независимых людей. Подобные глубинные психологические состояния были формой протesta и неприятия нивелирующей личность официально-казённой действительности [2, с. 111].

Своеобразие социокультурных реалий состояло ещё и в том, что искусство, и в первую очередь литература, выступали универсальной формой общественного сознания. На то, что тогда «слово в России получило значение, которого более уже никогда не приобретало», обратил внимание Н. Н. Скатов [8, с. 113]. Литература структурировала многослойное духовное пространство, в котором мысль обретала различное воплощение. Отражение мысли в различных ипостасях (художественной, философской, исторической, дискурсивно-исповедальной) свидетельствовало о том, что литература уже к началу XIX века превратилась в открытое институциональное пространство, имеющее собственную логику развития. По мнению американского историка-русиста Р. Пайпса, «уже в середине XVIII века литература сделалась первым видом деятельности, которую стало терпеть правительство» [6, с. 332]. Литературу маркировали в качестве феномена интеллектуального самоопределения. Однако слишком большая дифференциация этой сферы в любой момент могла подорвать силу государства и основанную на ней общественную стабильность.

Цензурные ограничения сдерживали процесс актуализации официального дискурса альтернативными интеллектуальными течениями. Цензурный устав 1826 года гласил: «Не позволяет допускать к печатанию места в сочинениях и переводах, имеющих двоякий смысл, ежели один из них противен цензурным правилам» [7, с. 166]. В более поздней редакции устава содержались рекомендации

«входить в разбор справедливости или неосновательности частных мнений и суждений писателя (если только оные не противны общим правилам цензуры)» [7, с. 317–318]. Основной текст постепенно дополнялся многочисленными предписаниями и циркулярными предложениями, существенно сужившими возможности критики официальной идеологии.

В завершение статьи подведём основные итоги. Спецификой взаимоотношений власти и образованного общества в России 1830–1850-х гг. стал их параллельный и взаимовлияющий характер. Нельзя не отметить определённого ментального единства просвещённой бюрократии и литературной элиты: они оказывались носителями инновативной функции и инициаторами модернизационных проектов либо по долгу службы, либо в границах литературного модуса.

Вместе с тем, существует принципиальное различие в структуре социальных ролейластной элиты и интеллигенции. И чиновник, и интеллигент – почти всегда член какой-либо социальной или профессиональной группы. Необходимость следовать требованиям этой группы ограничивает автономность. Для представителей бюрократии большое значение имеет следование корпоративным правилам и ценностям. Важную роль играет должностная позиция, в то время как для многих интеллигентов место в официальной иерархии не столь существенно. Дворянские интеллигенты заняли обособленное место в отдалении от государственной структуры – в литературе. Творчество (как отличительный дивергентный признак социального общения за рамками сословной иерархии) маркировало принадлежность к особой корпорации, где мера таланта и уровень мастерства являлись главными идентификаторами в презентации «свои–чужие». В литературной среде осуществлялось социально-культурное позиционирование межсословной генерации автономных интеллектуалов, имевших особый комплекс служения идеалу.

Примечания

¹См.: Weber M. Theory of social and economic organization. New York, 1964; Burns T., Stalker G.M. The management of innovation. London, 1961; Woodward J. Industrial organization. Oxford, 1965; Perrow C. Organizational analysis: A sociological view. London, 1971; Niskanen W.A. Bureaucracy and representative government. Chicago, 1971; Rizzi B. The bureaucratization of the world. London, 1985; Burnham J. The managerial revolution. Harmondsworth, 1945.

²Под партикуляризмом в данном случае подразумевается принцип социальной и политической активности, ориентированный на защиту частных и узкогрупповых интересов.

³Автор концепта – Витторио Странда. Понятие «хронотопа модернизации» позволяет учитывать условия модернизационных преобразований, разнящихся не только количественно, но и качественно, в зависимости от времени и места протекания. Подробнее об этом: Гудков, Л. Д. Интеллигенция: заметки о литературно-критических иллюзиях / Л. Д. Гудков, Б. В. Дубин. – СПб. : Издательство Ивана Лимбаха, 2009. С. 322.

Библиографический список

1. Аржаных, Т. Ф. Отечественная интеллигенция 1830–1850-х годов: особенности социального статуса и поведенческой парадигмы // Интеллигенция и мир, 2011. – № 3. – С. 15–25.
2. Аржаных, Т. Ф. Власть и образованное общество в России 1830–1850-х годов: литературный фарватер взаимоотношений // Социум и власть, 2013. - № 5. – С. 107-113.
3. Гр. А. Х. Бенкендорф о России в 1831–32 гг. // Красный архив. 1931. Т. 46. – 191 с.
4. Булгарин, Ф. В. Видок Фиглярин: письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III Отделение / Ф. В. Булгарин. Публ., сост., предисл. и comment. А. И. Рейтблата. – М. : Новое литературное обозрение, 1998. – 783 с.
5. Миронов, Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.) / Б. Н. Миронов. – СПб. : Дмитрий Буланин, 1999. Т. 2. – 566 с.
6. Пайпс, Р. Россия при старом режиме / Р. Пайпс ; пер. с англ. В. Козловского. – М. : Независимая газета, 1993. – 424 с.
7. Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 г. – М. : Книга по требованию, 2012. – 487 с.
8. Скатов, Н. Н. Начало всех начал: об особенностях русской литературы начала прошлого века / Н. Н. Скатов // Вопросы литературы, 1986. – № 6. – С. 113–130.
9. Уваров, С. С. О некоторых общих началах, могущих служить руководством при управлении Министерства народного просвещения // Доклады министра народного просвещения С. С. Уварова императору Николаю I / Публ. М. М. Шевченко // Река времён. Книга истории и культуры. – Кн. 1.– М., 1995.
10. Цит. по: Энгельгардт Н. А. Очерки николаевской цензуры. Очерк первый // Исторический вестник. Т. LXXXV. Сентябрь. 1901. С. 850–873.

T. F. Arzhanykh, Plekhanov Russian Academy of Economics (branch in Ivanovo)

BUREAUCRATIC AND LITERATURE IN RUSSIA OF 1830–1850 YEARS: VALUE AND IDEOLOGICAL POSITIONS AND PUBLIC POLICY MARKS

Special aspects of bureaucratic mental culture and noble literature elite in Russia of 1830-1850 years are investigated at the present article. Power and educated society relation specificity in Russia of 1830–1850 years are analyzed. The main worldview constants of state placeholders and intellectual of intelligent reflexion socio-cultural possesing are considered.

Keywords: bureaucracy, power, literature elite, modernization, Russia, Nikolay I.

References

1. Arzhanyh, T.F. Russian intelligentsia of 1830-1850-s: peculiarities of social status and behavioral paradigm. *Intelligencija i mir*, 2011, no. 3, pp. 15-25.
2. Arzhanyh, T.F. Power and well-educated society in Russia in 1830-1850: a literary channel of relationships. *Socium i vlast'*, 2013, no. 5, pp. 107-113.
3. The Earl A. H. Benkendorf about Russia in 1831-32. *Krasnyj arhiv*, 1931, no. 46, 263 p.
4. Bulgarin, F. V. *Vidok Figljarin: pis'ma i agenturnye zapiski F. V. Bulgarina v III Otdelenie* [Letters and secret-service notes of F. V. Bulgarin in the III Office]. Moskow, 1998, 783 p.
5. Mironov, B. N. *Social'naja istorija Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.)* [Social history of Russia of the period of the empire (XVIII – the beginning of the 20th century)]. Vol. 2. St. Petersburg, 1999, 566 p.
6. Pajps, R. *Rossija pri starom rezhime* [Russia at an old regime]. Moskow, 1993, 424 p.
7. *Sbornik postanovlenij i rasporjazhenij po cenzure s 1720 po 1862 g.* [The collection of resolutions and orders on censorship from 1720 to 1862.]. Moskow, 2012, 487 p.
8. Skatov, N. N. Beginning of all beginnings: about features of the Russian literature of the beginning of the last century. *Voprosy literatury*, 1986, no. 6, pp. 113–130.
9. Uvarov, S. S. Reports of the minister of national education to the emperor Nicholas I. *Reka vremjon. Kniga istorii i kul'tury*. Vol. 1. Moskow, 1995, 432 p.
10. Jengel'gardt N. A. Essay of the emperor Nicholas I censorship. *Istoricheskij vestnik*, 1901, no.85, pp. 850–873.

© Т. Ф. Аржаных, 2016

Автор статьи – Татьяна Федоровна Аржаных, кандидат исторических наук, Ивановский филиал Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, e-mail: maler37@mail.ru

Рецензенты:

А. В. Соколовский, доктор исторических наук, доцент, Ивановский филиал Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова.

Т. В. Чугунова, кандидат исторических наук, доцент, Ивановский государственный университет.

B. B. Массон,
Омский государственный педагогический университет

ПУТЕШЕСТВИЕ КАК РЕФЛЕКСИЯ О ПУТЕШЕСТВИИ («ФРЕГАТ „ПАЛЛАДА“» И. А. ГОНЧАРОВА)

В статье рассматривается вопрос о значении искусства в путешествии писателя: литературных, музыкальных и изобразительных координат, литературной традиции в творчестве И. А. Гончарова. В круг художественных исканий писателя, связанных с созданием книги «Фрегат „Паллада“», вводится роман «Обломов», а также адресаты писем путешествия (писатели-современники).

Ключевые слова: путешествие, контекст, жанр, музыка, живопись, рассказчик.

Творчество И. А. Гончарова на протяжении полутора веков привлекает внимание исследователей. Это не случайно, поскольку оно сыграло особую роль в становлении русской прозаической традиции XIX века. Важной вехой в жизни Гончарова стало путешествие в качестве секретаря экспедиции к берегам Японии в 1852–1855 гг. Именно это событие и лежит в основе одного из интереснейших текстов писателя «Фрегат „Паллада“». Обращение к произведению с неоднозначной жанровой природой помогает и понять личность автора, и выявить, как происходит синтез элементов различных эстетических традиций в творчестве художника.

Гончаров в основном известен читателю как мастер крупных форм, отображающих жизнь во всей её философской глубине и масштабности; стремясь осмысливать сложность бытия, его противоречивость, писатель прибегает к самым разнообразным литературно-философским контекстам. Нужно понять, почему так важен для писателя диалог с другими художественными мирами, влияние этого диалога на становление и развитие мировоззрения художника. Исследователь неизбежно обращается к «ближнему» и «далальнему» контекстам понимания творчества писателя (М. М. Бахтин) [1, с. 373]. Такое обращение возможно на разных уровнях: жанра, композиции произведения, создания художественного образа. Важную роль играет ассоциативный фон произведения – тот корпус мотивов, идей, образов контекста, вовлечённых в смысловое целое текста, а также жанровый контекст.

В самом названии произведения происходит слияние художественного начала и документального жанра – очерка¹. Гончаров создал особый роман, где есть и правда, и вымысел, но граница между ними размыта. Для Гончарова оказывается важным не только сообщить о некоем историческом факте (путешествии), но и эстетически воздействовать на читателя, а также включить текст в литературную перспективу.

Мотив путешествия возникает в романе «Обломов», наиболее близком по времени создания к «Фрегату „Паллада“». В связи с этим заслуживает внимания точка зрения Б. М. Энгельгардта о тетралогии Гончарова. Традиционно в творчестве писателя гончароведы выделяют трилогию, однако Энгельгардт говорит о том, что «Фрегат „Паллада“» является четвёртой частью тетралогии: «Обыкновенная история» – «Обломов» – «Обрыв» – «Фрегат „Паллада“», и вводит мысль о том, что текст «Фрегата» уже в самом начале был задуман Гончаровым как прямое продолжение романа «Обломов» [4]. Сегодня сложно однозначно сказать, так ли это, но связи между текстами несомненны. Гончаров в одном из своих писем пишет В. Стасову: ««Обломов» был начат в 1846 году, когда я сдал в редакцию „Современника“ первый роман „Обыкновенную историю“. Написав первую часть, я отложил её в сторону и не касался продолжения до 1857 года. В промежуток этот я плавал вокруг света, возил и 1-ю часть „Обломова“ с собой, но не писал, а обрабатывал в голове...» [5, с. 500–502]. Для нас эта связь представляется важной. Если мы вспомним первую часть «Обломова», то увидим героя: тридцатилетнего мужчину, которому не просто насмущило светское общество: дворяне, чиновники, сослуживцы кажутся Илье Ильичу Обломову людьми «с холода». Метафора, возникающая в произведении, подчёркивает взаимоотношения людей в светском обществе: равнодушие, цинизм, желание покрасоваться, в котором нет места искренности. Оградившись от общества, герой ведёт замкнутый образ жизни, чаще всего спит, рядом с ним лежит книга, которая называется «Путешествие в Африку», правда, страница, на которой остановился герой, заплесневела [6]. Так личное оказывается связано с литературным.

Возможно, что путешествие Ивана Александровича Гончарова было предпринято им в намерении получить некий творческий запас для написания своих произведений. И неспроста Гончарову

понадобилось обращение именно к подобной синкетической форме. Текст путешествия для писателя – это прежде всего попытка целостного осмыслиения действительности, своего я (личности) в историческом и культурном процессе.

Влияние жизненных событий писателя на произведение неизбежно. Гончаров намеривался отправить Обломова в путешествие: в письме от 20 ноября 1852 года он скажет, что пишет вступление к «Путешествию вокруг света в 12 томах, с планами, чертежами, картой японских берегов, с изображением портрета Джаксона, костюмов и портретов жителей Океании И. Обломова» [7].

Символично, что Гончаров и в романе «Обломов», и в произведении «Фрегат “Паллада”» дистанцируется от привычного светского дворянского круга. Но если в «Обломове» герой открыто разоблачает равнодушие, чванство, эгоизм, бахвальство представителей дворянства, то во «Фрегате “Паллада”» это передаётся через описание сенсации, которую произвело отплытие путешественника. Общество героя, незнакомое с реалиями плавания или знакомое по произведениям Купера и Марриетта, стремилось дать свой прогноз: «Там вас капитан на самый верх посадит, есть не велит давать, на пустой берег высадит» или: «Сопьёtesь вы там с кругу!» [8, с. 8]. Подобные реплики включаются в повествование, чтобы показать и неосведомлённость общества, и желание людей продемонстрировать свою значимость даже там, где они не понимают ничего. Эти реплики не беспокойство о путешественнике, это обозначение собственного «Я». Далее герой приводит ещё более явную ситуацию: он приезжает попрощаться с некой барыней: «Я видался с нею всего раза три в год, и мог бы не видеться три года, ровно столько, сколько нужно для кругосветного плавания, она бы не заметила. «О чём вы плачете?» – спросил я. «Мне жаль вас», – сказала она, отирая слезы. «Жаль потому, что лишний человек всё-таки развлеченье?» – заметил я. «А вы много сделали для моего развлечения?» – сказала она. Я стал в тупик: о чём же она плачет? «Мне просто жаль, что вы едете бог знает куда». Меня зло взяло. Вот как смотрят у нас на завидную участь путешественника! ... «Мне жаль вас, вашей участии, оттого я и плачу. Впрочем, вы не верите слезам, – прибавила она, – но я плачу не для вас: мне просто плачется» [8, с. 8]. То есть барыня свободно говорит герою, что её слезам верить не надо – вся эта ситуация оказывается фарсом.

Возможно, что барыня плачет по своей неудавшейся скучной жизни. В этом случае это не фарс. Это наблюдение, сходное с теми, что сделаны в книге Стерна «Сентиментальное путешествие по Франции и Италии». Герой Стерна «разразился горючими слезами» на могиле патера Лоренцо не потому, что монах покинул этот мир, а потому, что, оказавшись у последнего пристанища своего знакомого, он задумывается о бренности жизни, о качествах своего характера: «Сорвал в головах у него два или три кустика крапивы... это так сильно подействовало на мои чувства, что я залился горючими слезами, – но я слаб, как женщина, и прошу моих читателей не улыбаться, а пожалеть меня» [9, с. 21]. Каждый человек отзыается на то, что трогает, в первую очередь, его самого, такой своеобразный «эгоизм». Так и у Гончарова: по сути, и барыня, и все переживающие господа равнодушны к судьбе самого путешественника, сам путешественник как личность их не интересует, каждый из них говорит для самого себя, тем самым убеждая в мнимых сложностях путешествия. Таким образом, если в «Обломове» открыто подчёркивается, что петербургское общество «с холода», то во «Фрегате “Паллада”» эта мысль скрыта в ситуации общения. Светский мир так или иначе перестаёт удовлетворять потребностям писателя: он не просто хорошо знаком с обществом, но уже и тяготится им в известной мере, путешествие открывало перед писателем новые пространства, возможности познания другого общества, живущего по другим правилам и законам: он причисляет себя к аргонавтам, античным героям, а плавание даже назовёт экспедицией, «в которую укладываются вся “Одиссея” и вся “Энеида”» [10, с. 454].

С первых страниц «Фрегата» читатель понимает, что для героя важно осмыслить путешествие не только на уровне исторического процесса, но и на уровне личностного – свершения некоего подвига, путешественник соотносится с аргонавтом.

В «Фрегате» предстаёт герой, воспринимающий свою жизнь как некий роман. В этом смысле Гончаров близок к своему великому предшественнику-просветителю Н. М. Карамзину. В «Письмах русского путешественника» мы наблюдаем, как происходит «романизация» действительности: в finale письма из Мемеля, от 15 июня 1789 года читаем: «Будьте здоровы, спокойны и воображайте себе странствующего друга вашего рыцарем весёлого образа!» [11, с. 67]. Рассказчик сравнивает себя с Дон Кихотом, путешествующим в поисках Дульсинеи, конечно, в тексте прямо не говорится об этом, но подразумевается, что целью путешествия станет накопленный опыт, некая систематизация представлений о мире, некий целостный опыт постижения мира. Отправляющийся в путешествие,

действительно, никогда не будет равен тому, кто вернулся в родной дом. Путешествующий – это всегда герой, возможно, герой Сервантеса или Шекспира² (как у Карамзина), который открывает новый мир, или герой Гончарова: «Жизнь моя как-то раздвоилась, или как будто мне дали вдруг две жизни, отвели квартиру в двух мирах. В одном я – скромный чиновник, в форменном фраке, робеющий перед начальническим взглядом, боящийся простуды, заключённый в четырёх стенах, с несколькими десятками похожих друг на друга лиц, вицмундиров. В другом – я новый аргонавт, в соломенной шляпе, в белой льняной куртке, может быть, с табачной жвачкой во рту, стремящийся по безднам за золотым руном в недоступную Колхиду, меняющий ежемесячно климаты, небеса, моря, государства» [8, с. 11]. Творческое переосмысление реальности происходит на страницах повествования.

Путешествие герой представляет с долей иронии, сталкивая героическое и обыденное: как некий героический поступок, и проживает этот поступок изначально как романтический герой, бросающий вызов судьбе, свершающий подвиг, но в то же время герой оборачивается реалистом, наделённым рефлексирующим, иронизирующим сознанием. То, что во «Фрегате» высказано на уровне одного мыслящего субъекта, в «Обломове» будет представлено в виде диалога между Штольцем и Обломовым:

«— Кто же ездит в Америку и Египет! Англичане – так уж те так господом богом устроены; да и негде им жить-то у себя. А у нас кто поедет? Разве отчаянный какой-нибудь, кому жизнь ни-почём.

– В самом деле, какие подвиги: садись в коляску или на корабль, дыши чистым воздухом, смотри на чужие страны, города, обычаи, на все чудеса... Ах, ты!» [6, с. 172–173].

Для Героя «Фрегата» путешествие было настоящим подвигом (учитывая, сколько пришлось пережить), точно так же для Обломова, встающего с дивана ради Ольги, сбрасывающего халат, меняющего привычный быт, отправляющегося в свет. И в то же время можно сказать, что писателю самому была свойственна эта двойственность: обломовского представления о подвиге и штольцовского восприятия действительности путешествия. Ведь Штольц находится в постоянных разъездах, он путешествует, он, как мы понимаем, реализует одно из представлений самого Гончарова о путешествии.

Мотив путешествия связан у писателя с образом корабля, причём корабля как символа некой цивилизации, культуры. Так, российский фрегат – это символ европейской цивилизации и русского национального мира (с русской кухней, обычаями, фольклором, религиозными обрядами).

Сам корабль – некий фрагмент покинутого мира, оказавшийся в бушующем море, синонимичен путешественнику. В первой части «Фрегата» возникает образ путешественника, выброшенного на берег: «Я на пустом острове, выброшенный с обломком корабля», – я как часть культуры, я как часть (некий обломок) чего-то большего. И далее скажет герой: «Мы так глубоко вросли корнями у себя дома, что, куда и как надолго бы я ни заехал, я всюду унесу почву родной Обломовки на ногах, и никакие океаны не смоют её!» [8, с. 12]. В ряде исследований подчёркивается семантическая связь имени Обломова со словом «обломок» [12] как связь части и некоего потерянного целого (так «Обломовка» – часть некоего фантазийного пространства – сна, сам Илья Ильич, кроткий, с кристально-чистой душой – тоже представитель уходящего мира в конце концов умирает, и его мир уходит вместе с ним). Гончаров очень чётко показывает уход этого обломовского мира, со смертью Ильи Ильича и Ольга тоскует, и Штольц ощущает потерю; надежда возлагается на сына Ильи Ильича – Андрея, которого воспитает Штольц. Так на основе двух старых идей возможно появление нового. Сын Ильи Ильича Обломова, воспитанный Андреем Ивановичем, может оказаться достойным продолжением. В романе связь с общечеловеческим представлена на уровне героев, но ведь подобный смысл может быть проявлен и через предметный мир. Так, во «Фрегате» очень чётко будет осуществлена мысль о создании нового на обломках старого: в главе о башне Эддинсонского маяка читаем: «Он построен на море, на камне, в нескольких милях от берега. Бурун с моря хлещет, говорят, в бурю до самого фонаря. Несколько раз ветер смеялся над усилиями человека, сбрасывая башню в море. Но человек терпеливо, на обломках старого, строил новое здание крепче иставил фонарь и теперь зажигает опять огонь и, в свою очередь, смеётся над ветром» [8, с. 72–73].

Образ героя, пытающегося создать на обломках старого нечто новое, на наш взгляд, тесно связывает произведения Гончарова. Осмысление прошлого характерно для творческого метода писателя. И в «Обломове», и во «Фрегате “Паллада”» характерна установка на ретроспективность повествования, которая помогает увидеть эволюцию и творческого метода писателя, и его особые взаимоотношения с временем-пространством, и осмысление своего-чужого.

Во «Фрегате “Паллада”» герой Гончарова явно переживает определённую трансформацию: в процессе путешествия осознаёт себя частью национальной русской культуры и в то же время осмысливает русскую культуру как часть мира (не раз сравнивает герой Гончарова мир русского человека с миром европейца или азиата), и в этом ключе оказывается важным понять некие культурные, литературные, исторические координаты.

Ещё в 1868 году В. Водовозов [13, с. 174–179] уделяет особое внимание различиям между произведениями «Фрегат “Паллада”» Гончарова, «Письма русского путешественника» Н. М. Карамзина и письмами из Франции Д. И. Фонвизина, тем самым намечая некую линию развития литературы путешествий.

В то же время в самом начале «Фрегата “Паллада”» мы читаем: «Нет науки о путешествиях: авторитеты, начиная от Аристотеля до Ломоносова включительно, молчат; путешествия не попали под ферулу риторики, и писатель свободен пробираться в недра гор, или опускаться в глубину океанов, с учёною пытливостью, или, пожалуй, на крыльях вдохновения скользить по ним быстро и ловить мимоходом на бумагу их образы; описывать страны и народы исторически, статистически или только посмотреть, каковы трактиры, — словом, никому не отведено столько простора и никому от этого так не тесно писать, как путешественнику» [8, с. 14]. Уже в этих словах заложено право художника создавать ткань повествования по своему усмотрению, и, следовательно, важно рассмотрение текста с самых разных ракурсов.

Гончаров в начале повествования обращается к античной традиции: с образом путешественника в сознании писателя будут сравниваться античные герои: Гомеровы, Аякс, Ахиллес, Геркулес... Это подчёркивает ориентацию на эпическую традицию. Финал произведения тоже оказывается сопротивлен, как некое кольцо, замыкает Гончаров повествование, говоря: «Так кончилась эта экспедиция, в которую укладываются вся “Одиссея” и “Энеида” — и ни Эней, с отцом на плечах, ни Одиссей не претерпели и десятой доли тех злоключений, какие претерпели наши аргонавты, из которых “иных уж нет, а те далече!”» [10, с. 454]. Подчёркивает некую целостность, связь с эпической традицией, которая проявляется в изменении авторского взгляда на действительность за счёт осмысливания психики и мышления героя, за счёт возможности увидеть человека в окружающем мире и наедине с собой, возможность наблюдать за динамикой внутренней жизни героев.

На страницах «Фрегата» возникают реалии разных видов искусства: пространственных (картины известных живописцев, особая архитектура), временных (произведения великих композиторов, тексты литературного и исторического характера).

Гончаров выстраивает свои взаимоотношения с искусством. Он стремится выйти за рамки литературного пространства и выстроить свою систему координат. Здесь оказываются важны точки соприкосновения с изобразительным искусством, музыкой, скульптурой, историей путешествия.

В тексте писатель не раз говорит о музее — он пытается создать свой образ покровительницы искусства: «Ваши музы, любезные поэты, законные дочери парнасских камен, не подали бы вам услужливой лиры, не указали бы на тот поэтический образ, который кидается в глаза новейшему путешественнику» [8, с. 15]. Образ нужен Гончарову, чтобы пояснить необходимость обращения не только к словесным видам искусства (Парнасские камеи — покровители песенного искусства у римских поэтов, камен — песня), но и к музыкальным: так, герой, путешествуя по Сибири (река Лена), восхищается панорамой, открывающейся перед ним, и напевает (известную нам более по роману «Обломов» оперу Беллини): «Сквозь эту ледяную решётку лес кажется совсем фантастическим. Это природная декорация “Нормы”. Пока я носился мыслью так далеко, повозка моя вдруг засела в яме, в вымерзнувшей речке: это яма из ям. Я вышел вон и стал на холме. Пней множество, настоящий храм друидов: я только хотел запеть “Casta diva”» [8, с. 418–419]. Если в романе «Обломов» ария работает как лейтмотив, раскрывающий взаимоотношения Ольги и Ильи Ильича, то во «Фрегате» — для усиления эпического: герою важно встроить себя в мировой процесс, важно показать, что он чувствует, как огромен мир, насколько текуче всё происходящее с жизнью человека и только одно вечно: природное, что неподвластно гению человека.

Именно это заставляет героя любоваться и исполнять элегическую, точно выстроенную, продуманную, содержащую некое спокойствие «Casta diva». Музыка для героя — это ещё одна призма, через которую можно увидеть мир, она связана с тем, какими глазами смотрит герой-путешественник вокруг. И здесь опять-таки необходимо обращение к тексту, в котором герой ещё и соотносит увиденное в путешествии с полотнами художников: Веласкеса, Грэза, Тициана, мастера пейзажа Клода Лоррена, бытовой живописи, исторических и жанровых полотен Миериса, фламандской школы

Давида Теньера (Тенирса), испанского жанриста «золотого века» Мурильо, Рубенса и Рембранта эпохи барокко. В прозе Гончарова критики неоднократно подчёркивали «способность рисовать» (Белинский), и «Фрегат “Паллада”» является явным подтверждением этого. Обращение художника к масштабным полотнам неслучайно: точно так же, как и живописцы, писатель-эпик стремится освоить мир, развернуть его. Все приёмы пейзажной живописи: обилие цветовых и звуковых деталей, контрасты мрака и света, динамика в изображении природы – помогают раскрыть монументальность повествования. То, что палитрой остаётся на холсте, то у Гончарова воссоздаётся в слове: отсюда и детализация, тяготение к обобщению в творчестве писателя.

Для слова воссоздающего оказывается важен приём остранения: путешественник идёт от описания, как бы впервые увиденного, к узнаванию. Благодаря именно этому приёму мы можем сказать, в какой момент точка зрения героя-путешественника и автора не совпадают⁴. Этот приём встречается в тексте в тот момент, когда внимание читателя необходимо обратить на существенное для замысла писателя. Например: «Что это? где мы? среди древних пастушеских народов в золотом веке? Ужели Феокрит в самом деле прав? Всё это мне приходило в голову, когда я шёл под тенью акаций, миртов и банианов; между ними видны кое-где пальмы. Я заходил в сторону, шевелил в кустах, разводил листва, смотрел на ползучие растения и потом бежал догонять товарищей» [10, с. 196]. Читателю необходимо соотнести время и пространство, установить контекст, а также понять, почему, заведомо всё зная, Гончаров идёт к объекту через узнавание.

Автор, следуя эпической традиции, растворяется в изображаемом, для него важно, чтобы читатель самостоятельно увидел картину, создал о ней представление, включил увиденное в пространство личностных координат. В то же время мы видим внутреннее движение писательского взгляда: «Что это такое? декорация или действительность? какая местность! Близкие и дальние холмы, один другого зеленее, покрытые кедровником и множеством других деревьев – нельзя разглядеть каких, толпятся амфитеатром, один над другим. Нет ничего страшного; всё улыбающаяся природа: за холмами, верно, смеющиеся долины, поля... Да смеётся ли этот народ? Судя по голым, палимым зноем гребцам, из которых вон трое завернулись, сидя на лодке, в одно какое-то пёстрое одеяло, от солнца, нельзя думать, чтоб народ очень улыбался среди этих холмов. Все горы изрезаны бороздами и обработаны сверху донизу» [10, с. 11]. Писатель подчёркивает отсутствие границ: перед нами разворачивается и человеческое пространство, и природное, точно так же писатель открывает земное, морское и небесное пространство. Часто на полотнах художников воссоздаётся две бездны: небесная высь и морская глубь. В части «Дневник» читаем: «Я видел одну из тех картин, которые видишь в живописи и не веришь: луну над гладкой водой, силуэт тихо качающегося фрегата, кругом тёмные, спящие холмы и огни на лодках и горах. Я вспомнил картины Айвазовского» [10, с. 66]. Для писателя, оказывается, важно то же самое, что и для художника, – открытый мир по горизонтали и вертикали. Описательность становится главным элементом образности, поскольку выполняет функции эпического: пространственно-временного изображения жизни (прорыв за пределы пространства жизни, осмысливание личности самое себя как части вневременного целого), расширения границ (мир человека расширяется до границ космических). Эстетика изображения помогает увидеть, что Гончаров иногда мыслит, как живописец⁵. На страницах «Фрегата “Паллада”» перед нами предстаёт синтез не только на уровне жанра, но и на уровне содержания. Жизненный факт, преломленный сознанием художника, оказывается встроенным в мировой художественный процесс.

Таким образом, книгу Гончарова «Фрегат “Паллада”» можно назвать путешествием художника с точки зрения того контекста, который воссоздаёт писатель на страницах произведения. Взаимообращение «через текст к личности автора и от личности – снова – к тексту» (Лотман [15, с. 486]) позволяет читателю осознать особенности произведений художника. Это обращение объективируется попыткой осмыслить текст «Фрегата “Паллада”» под особым ракурсом: «слияние литературы и поведения, жизни писателя: жизнь писателя просматривается сквозь призму литературы, а литература – сквозь призму быта» [15, с. 486]. Безусловна связь с романами писателя, так как общие мотивы и образы преломлялись в каждом из текстов по-своему. Обращение к культурологическому контексту произведения позволяет увидеть координаты, важные для литературного путешествия писателя, а также проясняет жанровую и образную специфику.

Читателю предлагается понять и познать через сформированное веками – временное, через природу – человеческое, объяснить действие жизненных механизмов. Автор творит свой мир в едином пространстве культуры, утверждая общечеловеческие ценности в собственном опыте [16].

В пространстве творчества писателя оказались важны литературные, музыкальные и изобразительные координаты, открыв для себя которые, исследователь может приблизиться к пониманию культурной среды писателя, его мировоззрения.

Примечания

¹Происходит своеобразный синтез жанров: на страницах романа мы встречаем воспоминания, письма, записки путешественника, дневник, мемуары, очерки, исповедальные элементы, романную форму. М. М. Гиршман называет подобное явление в историко-литературном процессе XIX века «продуктивным взаимодействием и взаимовлиянием», мы считаем, что это может происходить и на жанровом уровне (а не только лирического и прозаического), поскольку в исследуемый литературный период стираются чёткие жанровые границы, а произведения (в частности, проза) стремятся синтезировать опыт русской и зарубежной литературы, фольклорный. См. подробнее о сращении художественного и документального начал в форме очерка исследования А. Э. Еремеева [2, 3].

²Буквально в письме из Твери за 18 мая 1789 года Карамзин пишет: «Хотел бы, как говорит Шекспир, выплатить сердце своё. Там-то всё, оставленное мною, явилось мне в таком трогательном виде».

³Норма поёт о мире (драматическая ситуация) в то время, как хор призывает её к войне.

⁴Термин В. Шкловского. О роли эпического и автобиографического начал в форме записок см., например, работу Э. И. Коптевой [14].

⁵Кстати, писатель был знаком с художниками: Иваном Николаевичем Крамским, Василием Васильевичем Верещагиным, Константином Егоровичем Маковским; основателем галереи Павлом Михайловичем Третьяковым, сам в доме живописца Николая Майкова занимался рисованием (Потанин, Г. Н. Воспоминания о Гончарове // Гончаров в воспоминаниях современников. – Л. : Худож.лит., 1969. С. 32).

Библиографический список

1. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / сост. С. Г. Бочаров. – М. : Искусство, 1979. – 424 с.
2. Еремеев, А. Э. Биографические очерки «Жизнь Стефенса» и «Е. А. Баратынского» как основа синтеза образного и логического мышления И. В. Киреевского / А. Э. Еремеев // Проблема стиля и жанра в русской литературе XIX века : сборник научных трудов. – Екатеринбург, 1997. – С. 48–57.
3. Еремеев, А. Э. Эстетика и поэтика биографического очерка в творчестве Киреевского / А. Э. Еремеев // Наука о человеке: гуманитарные исследования. – 2014. – № 3 (17). – С. 169–175.
4. Энгельгардт, Б. М. «Путешествие вокруг света И. Обломова» : главы из неизданной монографии. И. А. Гончаров. Новые материалы и исследования. – М. : ИМЛИ РАН ; Наследие, 2000. – С. 15–73.
5. Гончаров, И. А. Письмо Стасову В. В., 27 октября 1888 г. Собрание сочинений : в 8 т. – М., 1952–1955; Т. 8.
6. Гончаров, И. А. Обломов. Собрание сочинений : в 6 т. – М., 1972; Т. 4.
7. Гончаров, И. А. Письмо от 20 ноября / 2 декабря 1852 г. Собрание сочинений : в 8 т. – М., 1952–1955; Т. 8.
8. Гончаров, И. А. Фрегат «Паллада». Собрание сочинений : в 6 т. – М., 1972; Т. 2.
9. Стерн, Л. Сентиментальное путешествие ; пер. А. А. Франковского. – СПб, 1999.
10. Гончаров, И. А. Фрегат «Паллада». Собрание сочинений : в 6 т. – М., 1972; Т. 3.
11. Карамзин, Н. М. Письма русского путешественника. Сочинения : в 2 т. – Л., 1983; Т. 1
12. Орнатская, Т. И. «Обломок» ли Илья Ильич Обломов? (К истории интерпретации фамилии героя). Русская литература. – 1991; № 4. – 229–230
13. Водовозов, В. Словесность в образах и разборах с объяснением общих свойств сочинения и главных родов прозы и поэзии. – СПб, 1868.
14. Коптева, Э. И. Эпическое и автобиографическое в «Записках» (1743–1812) Г. Р. Державина / Э. И. Коптева // Наука о человеке: гуманитарные исследования. – 2015. – № 4 (22). – С. 47–51.
15. Лотман, Ю. М. Письма русского путешественника Карамзина и их место в развитии русской культуры. – СПб., 1997.
16. Еремеев, А. Э. Новые подходы к осмыслиению миротворчества в русской классической литературе / А. Э. Еремеев // Наука о человеке: гуманитарные исследования. – 2007. – № 1. – С. 135–140.

THE JOURNEY AS A REFLECTION OF THE JOURNEY (THE «FRIGATE "PALLADA"» I. GONCHAROV).

The article discusses the importance of art in the journey of the writer: literary, musical and visual coordinates, the literary tradition in the works of I. A. Goncharov. In the circle art theatre writer associated with the creation of the book "Frigate "Pallada"" introduced the novel "Oblomov", as well as the recipients of letters of travel (writers-contemporaries).

Keywords: journey, context, genre, music, painting, the narrator.

References

1. Bahtin M.M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow, 1979, 424 p.
2. Yeremeyev A.E. Biographic sketches "Stefens's Life" and "E.A. Baratynsky" as basis of synthesis of figurative and logical thinking of I.V. Kireevsky. *Problema stil'a i zanra v russkoj literature XIX veka*, Yekaterinburg, 1997, pp. 48–57.
3. Yeremeyev A.E. Esthetics and poetics of a biographic sketch in Kireevsky's creativity. *Nauka o cheloveke: gumanitarnye issledovaniya*, 2014, no. 3(17), pp. 169–175.
4. Engel'gardt B.M. *Puteshestvie vokrug sveta I.Oblomova*: Glavy iz neizdannoj monografii. I.A. Goncharov. *Novye materialy i issledovaniya*. Moskva: IMLI RAN; Nasledie, 2000: 15–73.
5. Goncharov I.A. *Pis'mo Stasovu V.V., 27 oktyabrya 1888 g.* Sobranie sochinenii: v 8 t. Moskva, 1952–1955; T. 8.
6. Goncharov I.A. *Oblomov*. Sobranie sochinenii: v 6 t. Moskva, 1972; T.4.
7. Goncharov I.A. *Pis'mo ot 20 noyabrya/2 dekabrya 1852 g.* Sobranie sochinenii: v 8 t. Moskva, 1952–1955; T. 8.
8. Goncharov I.A. *Fregat Pallada*. Sobranie sochinenii: v 6 t. Moskva, 1972; T. 2.
9. Stern L. *Sentimental'noe puteshestvie*, per. A.A. Frankovskogo, Sankt-Peterburg, 1999.
10. Goncharov I.A. *Fregat Pallada*. Sobranie sochinenii: v 6 t. Moskva, 1972; T. 3.
11. Karamzin N.M. *Pis'ma russkogo puteshestvennika*. Sochineniya: v 2 t., Leningrad, 1983; T. 1
12. Ornatskaya T.I. *Oblomok"li Il'ya Il'ich Oblomov? (K istorii interpretatsii familiy geroya)*. Russkaya literatura. 1991; №4: 229–230
13. Vodovozov V. *Slovesnost' v obrazakh i razborakh s ob"yasneniem obshchikh svoistv sochineniya i glavnnykh rodov prozy i poezii*, Sankt-Peterburg, 1868.
14. Kopteva E.I. Epic and autobiographical in "Notes" (1743–1812) of G.R. Derzhavin. *Nauka o cheloveke: gumanitarnye issledovaniya*, 2015, no. 4(22), pp. 47–51.
15. Lotman Yu.M. *Pis'ma russkogo puteshestvennika Karamzina i ikh mesto v razvitiu russkoi kul'tury*. Karamzin, Sankt-Peterburg, 1997.
16. Yeremeyev A.E. New approaches to judgment of peacemaking in the Russian classical literature. *Nauka o cheloveke: gumanitarnye issledovaniya*, 2007, no. 1, pp. 135–140.

© В. В. Массон, 2016

Автор статьи – **Валентина Викторовна Массон**, аспирант, Омский государственный педагогический университет.

Рецензенты:

Е. А. Акелькина, доктор филологических наук, профессор, Омский региональный научно-исследовательский центр изучения творчества Ф. М. Достоевского.

А. В. Ляпина, кандидат педагогических наук, доцент, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского.

И. В. Бердникова,
Омский государственный педагогический университет

«НЕОМИФОЛОГИЗМ» В АНГЛИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XX в.

Статья посвящена рассмотрению взаимодействия литературы и мифа в литературе Великобритании XX столетия в виде использования мифологических сюжетов и образов. Рассмотрению подлежат эстетические взгляды писателей модернистского направления – как «субъективистского» его крыла (группа Блумсбери, В. Вульф, О. Хаксли, Д. Г. Лоуренс), так и рационалистического (П. У. Льюис, Т. Э. Хьюм, Т. С. Элиот), а также реалистического направления (Г. Уэллс, Дж. Голсуорси) в английской литературе XX в. Художественные установки литераторов рассматриваются в рамках современной философии (О. Шпенглер, Дж. Фрейзер, З. Фрейд, К. Юнг, А. Бергсон), с точки зрения эстетики «неомифологизма», художественные характеристики которого и его реализация в художественной литературе приводятся в заключении статьи.

Ключевые слова: «неомифологизм», антиномия «цивилизация – культура», традиция, абсолютные ценности.

В культуре начала XX в. как времени перехода от традиционного искусства реалистической направленности XIX в. к новому искусству намечается острая необходимость к возврату классической картины мира, т. е. «понимание бытия как единого упорядоченного, гармоничного, имеющего незыблемые константы и смысл, а человека – как сущность органически причастного этому бытию, в него вовлечённого» [1]. В поисках путей упорядоченного объяснения хаотичной действительности и контроля над нею, обнаружения форм целостного представления сущности Вселенной происходит обращение к мифу. Мифология в силу своей изначальной символичности оказывается для представителей «новой», модернистской литературы приемлемым языком описания вечных моделей личного и общественного поведения, неких сущностных законов социального и природного космоса. Миф как символическая форма по определению, данному Э. Кассирером (1874–1945) в «Философии символических форм» (1923–1929), есть «единственная и тотальная система, в терминах которой воспринимается весь мир» [2]. Мифология в XX столетии осмысливается как надэпохальная универсалия.

Взаимодействие литературы и мифа в начале XX столетия протекает непосредственно в форме «переливания», использования мифологических сюжетов и образов. Создаются многочисленные стилизации и вариации на темы, задаваемые мифом, обрядом или архаическим искусством (проза Дж. Джойса, поэзия Т. С. Элиота, Э. Л. Паунда, У. Б. Йитса). Не менее значимым на данном этапе является и опосредованное влияние мифа на искусство и литературу – через научные концепции мифологии, эстетические и философские учения.

Особую важность для «неомифологической» культуры XX в. имеет интуитивистская теория французского мыслителя А. Бергсона (1859–1941), продиктованная протестом против материально-механистического восприятия жизни и культуры («Творческая эволюция», 1907), которая, в свою очередь, сопрягается с концепцией «потока сознания» американского психолога и философа У. Джеймса (1862–1910) («Принципы психологии», 1890), а также концепции З. Фрейда (1856–1939) («Поэт и фантазия», 1911) и К. Г. Юнга (1875–1961) («Метаморфозы и символы либидо», 1912; «Архетип и символ», 1916) о зависимости художественного творчества от мифа.

Не менее значимую роль в научно-философском обосновании «неомифологической» модели мира в историческом аспекте сыграли сравнительное изучение верований людей в разные периоды развития человеческой истории английского антрополога Дж. Фрейзера (1854–1941) (двенадцатитомное исследование «Золотая ветвь», 1890–1915) и мифопоэтическая трактовка истории немецкого философа О. Шпенглера (1880–1915) («Закат Европы», 1918–1922).

Шпенглер представляет историю человечества как ряд независимых друг от друга циклических культур, развитие каждой из которых подчинено определённому биологическому ритму и соответствует следующим стадиям: рождение, детство, молодость, зрелость, старость и «закат». Умирая, культура перерождается в цивилизацию, которая представляет собой окостенение органической жизни культуры, её распад, механистичность. Вместе с культурой в стадии упадка отмирают и её моральные системы, ценностные ориентиры. Моральный и религиозный кризис начала XX в., по мнению Шпенглера, является несомненным симптомом заката западной цивилизации.

В теории циклического развития культур О. Шпенглера отражена специфика мифологической концепции времени и истории, которая находит выражение в циклическом построении художественного произведения и связанного с ним возрастания значимости повтора и лейтмотива – основных приёмах новаторской поэтики «неомифологической» литературы XX в.

Центральным моментом циклической концепции модели мира О. Шпенглера для развития культуры XX в., наполняющим её новым идеино-философским содержанием, является бинарная логическая оппозиция «культура – цивилизация», заостряющая внимание на общем кризисе культуры, обесценивании духовных критерии в завершающей стадии развития цивилизации. Данное положение как нельзя лучше отражает кризисное состояние в сфере идеологии начала XX столетия и находит выражение в литературе европейских стран в целом и Великобритании в частности, представленной писателями всех школ и направлений, включая как мастеров традиционного реалистического направления – Г. Уэлса, Дж. Голсуорси, так и новаторов модернизма – Дж. Джойса, Т. С. Элиота, В. Бульф.

Взгляды группы Блумсбери, представляющей субъективистское крыло модернистского направления в английской литературе XX в., на историческое развитие человечества носили характер скорее эстетический, нежели историко-социальный. Начало XX столетия блумсберийцы воспринимали как период, отмеченный закатом человеческой цивилизации в противовес эпохам истинных цивилизаций – века Перикла в Афинах, эпохи Возрождения в Италии, XVIII в. во Франции. Цивилизация, по утверждению Клайва Белла (1881–1964), искусствоведа и наставника блумсберийцев, была возможна лишь благодаря существованию «просвещённого класса», «аристократов духа», служащих Искусству, которое, в свою очередь, трактовалось как необходимое условие существования Цивилизации и единственное средство, способное предотвратить её упадок. Блумсберийцы были единодушны во взгляде на искусство как на самую важную сторону жизни общества и высшее проявление возможностей человека, приветствовали художественные инновации и свято верили, что только искусство способно предотвратить войны и социальные потрясения. Апелляция к идеализированному прошлому и «чистому искусству» означала, с их точки зрения, спасение и очищение человеческой души, способной возродить истинную цивилизацию.

Эти умонастроения находят выражение в творчестве ярчайшей представительницы группы Блумсбери Вирджинии Вульф (1882–1941). Её творчество отмечено чувством опасения перед лицом надвигающейся общественной катастрофы, духовного банкротства, дезориентации, и вместе с тем её книги пронизывает восторженное любование красотой, которой угрожает смерть.

Неоромантик и неоруссоист Д. Г. Лоуренс (1885–1930), создатель оригинального мироучения – «новой религии», сущность которого проявляется во всём его творчестве в виде яростного протesta против поработившей человека «механической цивилизации» XX столетия – века индустриализации и дегуманизации человеческой природы и противопоставления ей возрождения «естественных» начал человеческой личности. Антиномия «цивилизация – культура» в произведениях Лоуренса предстаёт в виде противопоставления таких понятий, как деньги, злоба, классовая ненависть, смерть, с одной стороны, и душа, плоть, инстинкты, жизнь – с другой. Предрекая «скорое падение современной цивилизации в бездонную пропасть», Д. Г. Лоуренс рисует картину медленного и печального увядания вымирающей расы людей, скатывающихся к духовному идиотизму и постепенно превращающихся под воздействием выхолащивания их внутренней и эмоциональной жизни либо в полуживотных, либо в «маленькие суеверные механизмы» [3].

Современное состояние цивилизации, одержимой жаждой власти денег, по убеждению Лоуренса, провозглашает примат материального, «превознося блага индустриализации и классовое бесстыдство» [4]. Такая цивилизация убивает в человеке всё человеческое, высасывает всю радость из него, и потому человек обречён на гибель, а вместе с ним и тот проклятый мир, паразитирующая цивилизация.

Самоценная «поэтическая мифология» Д. Г. Лоуренса бросает вызов и христианской этике, и рационалистическому культу разума и отражает восприятие современного ему состояния общества после Первой мировой войны, которая нарушила эволюцию существующего строя, уничтожила традиции, верования, духовные ценности, служившие его опорой, как предельного состояния абсурда. Это ощущение абсурдности существующего мира характерно для ранних романов сатирической направленности У. Льюиса (1882–1957), О. Хаксли (1894–1963). Воссоздавая в своих произведениях образ современного мира как безумного и маниакального в своих страстиах, механизированного и непостижимого, писатели-«абсурдисты» ставят проблему выживания в обществе, утратившем свой смысл.

Заявленный О. Хаксли в своём раннем стихотворении в прозе «Карусель» (1916) метафорический образ мира в виде замкнутого круга, по которому человек обречён двигаться, будучи не

в состоянии выйти за его пределы, лежит в основе ранних его «буффонад огромного масштаба» [5] – «Шутовской хоровод» (1923), «Контрапункт» (1928). В этих произведениях О. Хаксли особо остро запечатлено мироощущение абсурдности бытия как круговорти, приближающей современную цивилизацию к собственной гибели.

Сkeptическое отношение О. Хаксли к цивилизации XX в., его агностически-пессимистическая концепция мира приводят писателя к выводу, что всякие попытки «научно» перестроить реальное человеческое общество в соответствии с той или иной идеальной моделью неизбежно предполагают уничтожение в человеке того, что связано со стремлением к постижению абсолютных ценностей – Истины, Добра, Красоты и сохранению лишь постижимых утилитарных потребностей. Именно на такой основе выстроено антиутопическое мироздание из его романа «О дивный новый мир» (1932), результат литературно-философской полемики с утопией Г. Уэллса «Люди как боги» (1923).

Перспективы развития общества и современной цивилизации под воздействием научно-технического прогресса, рационального начала стали основной темой социально-фантастических романов Г. Уэллса (1886–1946), отстаивающего реалистические тенденции в английской литературе. В его романах находит отражение двойственность мировосприятия, свойственная самому автору. С одной стороны, он желает верить в «“утопический рай” на земле», созданный в результате подчинения природы силам человеческого разума, а также путём преодоления человеческих пороков научно-экспериментальным путём (романы: «Современная утопия», 1905; «Люди как боги», 1923). Он полагает возможности человека неисчерпаемыми, что подкрепляется величайшими научными открытиями. Вместе с тем, Уэллс осознаёт несовершенство человеческой природы и окружающего его социума, когда научные открытия и технические достижения человека способны обратиться против него самого, ставя под угрозу факт его существования (романы: «Машина времени», 1895; «Человек-невидимка», 1897; «Борьба миров», 1898). Идея преобразующего мир научного знания нерасторжимо связана в творчестве Г. Уэллса с нравственным аспектом, острой социальной критикой, размышлениями над судьбами человечества.

Если определяющим моментом для дальнейшего развития цивилизации Г. Уэллс полагает развитие научных технологий, то для его современника, разделяющего реалистические взгляды на искусство, Дж. Голсуорси (1867–1933) таковым становится традиция, нравственный потенциал которой способен предотвратить социальную деструкцию. На смену сатирическому изображению оплота современного английского общества – буржуазии, критическому обзору пороков мира собственников в «Саге о Форсайтах» (1906–1928) приходят размышления о необходимости незыблемых убеждений, традиций, способных удержать разрушающийся мир в последней трилогии писателя «Конец главы» (1933). Представителей стариинного дворянского рода Черрелов, связанных с родной землёй глубокими корнями и чувством долга, Голсуорси стремится представить опорой Англии, символом её оплота. Выношенные веками традиции, нравственный кодекс чести, непререкаемая, как закон, идея служения обществу для тех, кто наделён властью, а значит, и ответственностью, ставится писателем выше личностных устремлений, ведущих к анархии и произволу.

Мировые катаклизмы, потрясшие мир в начале XX в., побуждают многих деятелей культуры в поисках путей сохранения цивилизованного существования и преобразования общества на благо человека обратиться к богостроительным идеям. Так, в качестве единственного и единственного средства спасения социума видится Г. Уэллсу перевоспитание людей, внушение им принципов христианской морали (трактаты: «Бог, невидимый Король», 1917; «Неугасимый огонь», 1919).

Обращение к христианству как вероучению, постулирующему смысл всего сущего и способного возродить духовные ценности в целях сохранения человеческого сообщества, предлагают и такие писатели-мыслители, как Т. Э. Хьюм (1883–1917), Х. Беллок (1870–1953), Г. К. Честертон (1874–1936). В период 1900–1914 гг. Х. Беллок и Г. К. Честертон ведут остроумную полемику против агностиков-социалистов, пропагандируя идеи римского католицизма, полагая его всеохватывающей религией, пробуждающей в человеке все духовные и нравственные потенции.

Дихотомия традиция-прогресс в рамках парадигмы ценностей того времени представлена в идеино-философской концепции представителей рационалистического крыла литературы модернизма П. У. Льюиса (1882–1957), Т. С. Элиота (1888–1965), Э. Л. Паунда (1885–1972) в виде антиномии культура-цивилизация. Духовная культура, определяемая этикой христианства, и материализованная цивилизация, скатывающаяся к хаосу, являются определяющей идеино-тематической антitezой-антиномией поэтики неоклассицистов Элиота и Паунда.

В своих воззрениях английские неоклассицисты опирались на теоретические положения признанного лидера данного течения Т. Э. Хьюма (1883–1917), который в возвращении средневекового мировосприятия видел средство преодоления нравственного и социального хаоса. В теоретических

работах, вошедших в опубликованный посмертно сборник «Размышления» (1924), Хьюм выносил приговор преходящим ценностям нынешнего века и превозносил абсолютные истины Средневековья [Roberts:48]. Во взглядах Т. Э. Хьюма на искусство отразилась его градация ценностей на абсолютные, или религиозные, и преходящие, которые исходят от человека. Искусство, по его мысли, призвано служить высшим целям, т. е. религии. Примером высокого служения, с его точки зрения, была культура Ранней Византии или философия Р. Декарта, которые обладали сверхъестественностью.

Произведение искусства, по Хьюму, как результат сверхчувственного восприятия должно было обладать строгой дисциплиной, чёткой геометрической структурой и ясной, сдержанной образной системой, нацелено на сверхъестественное.

Основные положения учения Т. Э. Хьюма после его гибели в 1917 г. на поле сражения Первой мировой войны были подхвачены и развиты его учениками У. Льюисом (1882–1957), Т. С. Элиотом (1888–1965) и Э. Л. Паундом (1885–1972). По мнению последователей учения Т. Э. Хьюма, Э. Паунда и Т. С. Элиота, миражные ценности буржуазной цивилизации, заложенные в эпоху гуманизма, Ренессанса, вытеснили и подавили органику и целостность истинной культуры.

Ранние поэмы Т. С. Элиота «Любовная песнь Альфреда Пруфрака» (1917), «Бесплодная земля» (1922) и «Хью Селвин Моберли» (1917) Э. Паунда представляют собой плач по уходящей эпохе, но вместе с тем и жесточайшую критику современного состояния цивилизации; их переполняют образы опустошённости и отчаяния, смерти духовной, неизбежно ведущей и к физической, ужаса перед настоящими и грядущими мировыми катализмами, бессилия мысли и немощности духа, свойственные современному обществу.

Первопричину духовного оскудения западного мира неоклассицисты видят в духе буржуазности – оплоте современной цивилизации. Для его описания как метафоры зла, разъедающего мировое сообщество, Паунд находит ёмкий и страшный образ – «Usura». Это имя богини, верней, дьяволицы, с женским латинизированным окончанием, образовано от английского «usure» – «ростовщичество», «извлечение выгоды» [6]. «Usura» в мире, каким его видит Паунд, – это метафизическое зло в чистом виде, поскольку предметом ростовщических сделок являются уже сами духовные дары.

Стремление противодействовать хаосу и остановить разрушение фундаментальных основ культуры, а тем самым – норм разумного, целостного, одухотворённого человеческого существования, определяет характер эволюции Т. С. Элиота как поэта и идеолога. Поиск неразрушимого этического идеала к концу 20-х гг. XX в. всё более последовательно сопрягается у Элиота с христианским сознанием. Христианство, как это видится Элиоту, «предлагает возможный вариант социальной идеи единства, в противном случае человечество лишь усугубляет хаос» [7]. Реально-историческим воплощением последнего Элиот считает фашизм, который приравнивает к язычеству, варварству. Антиномия цивилизация–культура в сознании позднего Элиота трансформируется в вариант евангельской – язычество–христианство.

«Неомифологические» искусство и литература, начиная со 2-й четверти XX в., окончательно закрепляет связь мифологии с темами современности, с вопросом о путях человеческой истории, что проявляется в возрождении интереса к жанру исторического романа (Дж. Джойс «Поминки по Финнегану», 1939), возникновении нового жанра в литературе – антиутопии, виднейшими представителями которой являются писатели Великобритании О. Хаксли («О дивный новый мир», 1932; «Остров», 1961) и Дж. Оруэлл («Звероферма», 1945; «1984», 1949).

Мифологизм как форма целостного познания сущности мироздания подводит к своеобразному мифологическому трактованию действительности, идеализированному, подчас иллюзорному, с точки зрения обыденного и рационалистического сознания, способу решения исторических, экономических, социальных проблем. Мастера слова «новой», модернистской, литературы открывают свой способ контролировать, приводить в порядок, придавать очертания и смысл той грандиозной панораме безнадёжности и анархии, которую представляет современная история» [8]. Современность в их произведениях поверяется величием древнего мифа.

Мифоцентрическое, или мифопоэтическое, произведение заимствует у мифа мотивы, темы или её части и использует их как структурообразующий элемент или как содержательный материал для создания обобщающего или частного метафорического художественного образа, для чего привлекает символ, аллюзию, парафраз. Для творчества Дж. Джойса, Д. Г. Лоуренса, Т. С. Элиота, Э. Л. Паунда характерно обращение к нетрадиционным символам и образам, представляющим примеры оригинальной мифологизации обыденности, жизненных наблюдений, что даёт возможность сращения с натуралистически-бытовой манерой письма. Мифологизация житейской прозы с её алогичностью и противоположностью здравому рассуждку, вытеснением духовных начал бессодержательными

стереотипами мира буржуазной пошлости, рутиной доводится до необычайной последовательности, создавая ироничное обыгрывание, «травестию «высокого» мифа» [9], его стиля, мотивов, традиционных образов. Ирония становится частым признаком «неомифологической» литературы. Ироническую перелицовку библейских мотивов и тем гомеровской «Одиссеи» является собой роман Дж. Джойса «Улисс» (1922), евангельских и буддийских легенд, «Персивала» Кретьена де Труайя – поэма Т. С. Элиота «Бесплодная Земля» (1922).

Наряду с этим следует отметить трагический оттенок иронизирования, поскольку повседневность с её рутинным социальным и житейским опытом перерастает в некую неодолимую и непознаваемую силу – рок, фатум. Происходит модификация античной мифологемы «Злой Судьбы», повелевающей человеком. «Трансцендентной силой, господствующей над человеком, выступает уже не внешняя природа, а сотворённая им самим цивилизация, отчего мифологическое мироощущение приобретает не героический, а трагифарсовый, гротескный характер» [9].

Сниженность пафоса наряду с иррациональным началом бытия в «неомифологической» литературе XX в. определяет и «новый» тип героя – «маленького человека». Вместо культурного героя, приносящего человечеству блага цивилизации (Тот, Прометей), героя-освободителя, одолевающего в борьбе хтонических чудовищ или иных демонических противников (Геракл, Персей, Беллерофонт), на сцену выходит «антагиорой», «человек без свойств» (Р. Музиль), модель человека вообще. Выбор на него падает потому, что он является существом в высшей степени страдательным, подавляемым обществом, являясь жертвой отчуждения [10]. Стереотипный характер поведения и мышления героя обезличивает его, лишает индивидуальных черт, превращает в героя-маску или героя нескольких масок. В связи с этим актуализируются такие приёмы, как двойничество и «оборотничество» персонажей. Данные особенности представляют «радикальный» тип художественного «неомифогизма» в персонажной сфере. В структурном плане таковыми являются нарушение причинно-следственных связей, причудливое совмещение разных времён и пространств, долженствующих обнаружить и ещё более подчеркнуть сверхлогичную основу современного бытия. В образной сфере наблюдается введение отдельных мифологических мотивов или персонажей в ткань повествования, обогащение конкретно-исторических образов универсальными смыслами и аналогиями, создание собственной оригинальной системы мифологем.

Библиографический список

1. Хализев, В. Е. Теория литературы / В. Е. Хализев. – М. : Высш. шк., 2002. – 437 с.
2. Цит. по: Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. – М. : Сов. энциклопедия, 1987. – 751 с.
3. Lawrence D. H. Lady Chatterly's Lover. – L., Penguin Popular Classics, 1997, 314 p .
4. Lawrence D. H. Lady Chatterly's Lover. – L., Penguin Popular Classics, 1997, 314 p.
5. Frierson W. C. The English novel in transition, 1885-1940. – N.Y., Cooper Square Publishers, 1965, 333 p.
6. Нестеров, А. Я пытался написать рай... / А. Нестеров // Литературное обозрение, 1995. – № 6. – С. 56–63.
7. Donaghue D. The old moderns. – N. Y., Alfred A. Knopf, 1994, 384p.
8. Элиот, Т. С. Назначение поэзии. Статьи о литературе / Т. С. Элиот. – М. ЗАО «Совершенство», 1997. – 357 с.
9. Аверинцев А. С.. Мифы / А. С. Аверинцев, М. Н. Эпштейн // Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. – М. : Сов. энциклопедия, 1987. – 751 с.
10. Чернова, И. Б. Модернизм / И. Б. Чернова // Краткая литературная энциклопедия в 9 т. – М. : Сов. энциклопедия, 1967. – Т.4. – 1023 с.

I. V. Berdnikova, Omsk State Pedagogical University

«NEOMYTHILOGISM» IN THE ENGLISH LITERATURE OF THE XX C.

The article is devoted to the review of literature – myth interrelations in the English literature of the XX c. Here are considered the aesthetic views of the artists representing “the subjective wing” of the modernistic trend (the Bloomsbury group, V. Woolf, A. Huxley, D. H. Lawrence) and its “rational wing” (P. W. Lewis, T. E. Hulme, T. S. Eliot), as well as the realistic trend (H. Wells, J. Galsworthy) in the English literature of the XX c. The artistic approaches of the stated men of letters are studied in terms of modern philosophy (O. Spengler, J. Fraser, S. Freud, K. Yung, H. Bergson), from the point of view of «neomythologism», the specific features of which and its realization in fiction are presented in the article.

Keywords: «neomythologism», antinomy «civilization» – «culture», tradition, absolute criteria.

References

1. Khalizev V.E. The theory of literature. Moscow, Vyshaya shkola, 2002, 437 p.
2. Cyt.: Literary encyclopedic dictionary. Ed. by V.M.Kozhevnikov, P.A.Nikolaev. Moscow, Soviet Encyclopedia, 1987, p. 751.
3. Lawrence D.H. Lady Chatterly's Lover. L, Penguin Popular Classics, 1997, 314 p.
4. Lawrence D.H. Lady Chatterly's Lover. L., Penguin Popular Classics, 1997, 314 p.
5. Frierson W.C. The English novel in transition, 1885-1940. N.Y., Cooper Square Publishers, 1965, p.333.
6. Nesterov A. I tried to write the paradise... – *Literary Review*, 1995, no. 6, pp. 56-63.
7. Donaghue D. The old moderns. – N.Y., Alfred A. Knopf, 1994, p.384.
8. Eliot T.S. The purpose of poetry. Articles about literature. Moscow, Sovershenstvo, 1997, p. 357.
9. Averintsev S.S., Epstein M.N. Myths // Literary encyclopedic dictionary. Ed. by V.M.Kozhevnikov, P.A.Nikolaev. Moscow, Soviet Encyclopedia, 1987, p.751.
10. Chernova I.B. Modernism // Short literary encyclopedia in 9 volumes. Moscow, Soviet Encyclopedia, 1967, vol.4., p. 1023.

© И. В. Бердникова, 2016

Автор статьи – Ирина Владимировна Бердникова, кандидат филологических наук, доцент, Омский государственный педагогический университет, e-mail: iberdnikova@rambler.ru

Рецензенты:

Е. В. Киричук, доктор филологических наук, профессор, Омский государственный университет.

Э. И. Коптева, доктор филологических наук, профессор, Омский государственный педагогический университет.

УДК 82.091

DOI 10.17238/issn1998-5320.2016.24.34

A. В. Биякаева,
Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

ЭФФЕКТИВНОСТЬ КОСМОПОЛИТИЧЕСКОГО ПОДХОДА В АНАЛИЗЕ ЛИТЕРАТУРЫ МАГИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА

Статья рассматривает космополитический подход в анализе основных проблем, находящихся в центре внимания прозы магического реализма в процессе его исторического развития, а также некоторых экспрессионистских аспектов. Также внимание уделено уместности применения теории идентичности при разборе системы персонажей в произведениях современных магических реалистов.

Ключевые слова: магический реализм, космополитизм, проблематика, идентичность, культура, унификация, конфликт.

Космополитизм – безразличие к межэтническим и межконфессиональным барьерам; учение о мировом гражданстве – идея о таком устройстве мира, где он представляет собой единое сообщество для людей, вне зависимости от их политической принадлежности [1].

На сегодняшний день космополитизм является методологическим подходом для целого ряда социальных и гуманитарных наук. Так, Стэнфордская философская энциклопедия, помимо морально-гуманистического космополитизма (*cosmopolitanism reg se*), выделяет политический (с опциональным делением на два подвида: собственно политический и юридический), экономический и культурный [1].

Культурный космополитизм представляет собой адаптацию космополитизма морального к сфере искусствоведения (в нашем случае – литературоведения). В числе прочих возможных областей своего применения космополитический подход весьма эффективен в теории магического реализма – при анализе как литературных, так и экстравербальных аспектов.

К группе литературных аспектов, адекватных для применения космополитического анализа, относится специфическая проблематика магического реализма. Последний, как известно, озабочен такими конкретными социальнополитическими, историческими, межэтническими проблемами, как рабовладение, колонистские войны, беззакония властей, насилиственная унификация, потеря корней, уничтожение традиций, геноцид и проч., а также такими более общими темами, как нормальность, истинность, восприятие человеком иного как враждебного и угнетение человека человеком.

В эту же группу входит, безусловно, и основная коллизия – сосуществование традиционной местной культуры и культуры европейской, уникальной и универсальной; их противостояние и подчас синтез. (Стоит заметить, что культурное смешение (*mélange*) высоко ценится космополитами.) Традиционная культура изображается более полным мировоззрением в силу того, что она включает в свой миропорядок магию, в то время как универсальная культура слепа и глуха к проявлениям магического.

В магическом реализме традиционная культура изображается как требующая необходимого уважения не только ради полноты её миропонимания, но и ради самого факта её существования – точка зрения умеренных космополитов, уважающих права культур меньшинств. Адепты же унифицирующей европейской культуры, выступающие в качестве носителей националистического взгляда, не признающего права на существование какой бы то ни было культуры, кроме собственной, лишены подобного уважения в художественных текстах. Эта крайне негативная оценка инвазивного характера унифицирующей культуры, определяющей саму себя через национальность, также глубоко космополитична: культурные космополиты «отрицают эксклюзивные привязанности к конкретной культуре» [1].

В военизированном угнетении европейской просвещенческой мыслью аборигенов стран Третьего мира и сопротивлении последних – конфликт классического магического реализма. Национально-этнические идентичности имеют высшую (если не единственную) значимость для его персонажей; никто из них не ощущает себя частью человечества, равным среди равных и одинаковым среди одинаковых: «Мосье Бланшланд был за полное и всеобщее истребление рабов, равно как и свободных негров и мулатов. Всяк, у кого в жилах течёт африканская кровь, будь то квартерон, терцерон, мамелюк, гриф либо марабу, подлежит уничтожению» [2, с. 49].

Национально-этнические идентичности также играют важнейшую роль в формировании мировоззрения персонажей: рационально-логическое мышление отличает исключительно европейцев, магико-фантастическое присуще лишь аборигенам и рабам. Рационально-логическое мышление унификационно и инвазивно; магико-фантастическое – элитарно, неинклузивно.

Элитарность и неинклузивность уникальной культуры, обеспечивающие её сопротивляемость, зиждутся на трайбализме – обращении в литературном творчестве к тому давнему племенному прошлому (довольно идеализированному), которое лежит в основе любой национальной культуры.

Трайбализм латиноамериканского периода является весьма эффективной стратегией для мировоззренческих конфликтов в классический период (в силу их вооружённого характера): решительные магическая и племенная идентификации рабов и аборигенов обуславливают их сопротивляемость унификации, проводимой огнём и мечом. В обращении к племенному прошлому угнетаемая культура обретает необходимую силу, благодаря чему в художественном тексте она занимает положенную половину объёма, противостояние культур изображается на равных, и общая картина приобретает заметный космополитический подтекст противостояния унификации и порабощения одних наций другими.

Отношения культур с развитием магического реализма эволюционируют; значительно ослабевают тенденции трайбализма, отдельные персонажи больше не привязаны к своим национально-этническим идентичностям и сами могут придерживаться космополитических взглядов, так что космополитический подтекст больше не состоит исключительно в сосуществовании бок о бок непохожих друг на друга культур. Наконец, конфликт перестаёт иметь исключительно geopolитический характер – теперь он может быть и социальным, и экономическим.

Кимберли А. Сассер в своей книге «Magically Strategizing Belonging: Magical Realism as Cosmopolitan Mapping in Ben Okri, Christina Garcia and Salman Rushdie», изданной в 2011 г., обращается к теории космополитизма при анализе системы персонажей в современных текстах магического реализма. Сассер показывает, что идентичности и принадлежности персонажей магического реализма являются важным опорным пунктом для конструирования художественной реальности в текстах данного направления.

Понятия идентичностей и принадлежностей индивидуума, центральные для теории космополитизма и описанные ещё стоиками (в частности, Гиероклом), являются весьма эффективными для теории магического реализма.

Идентичности и принадлежности индивидуума представляют собой иерархию из – по меньшей мере – самого индивидуума, ближайших родственников, дальних родственников, соседей или земляков, соотечественников и, наконец, человечества в целом. Представитель морального космополитизма

Марта Нуссбаум называет также этнические, языковые, исторические, профессиональные, гендерные и сексуальные принадлежности.

Космополитический взгляд на различные идентичности – особенно натальные, т. е. дающиеся человеку при рождении, – неоднороден. Следует заметить, что космополитическое воззрение представляет собой спектр с точками экстремума и обширным пространством между ними. Важность приведённых выше натальных связей индивидуума представителем радикального космополитизма Мартой Нуссбаум оценивается гораздо ниже, чем представителями умеренного космополитизма (таким, к примеру, как Кваме Э. Аппиа).

В «Magically Strategizing Belonging» Сассер применяет теорию идентичностей на материале романов трёх крупных представителей современного магического реализма – индо-британо-американца Салмана Рушди, нигерианца-британца Бена Окри и кубино-американки Кристины Гарсии.

В романе Салмана Рушди «Флорентийская чародейка» (2008 года издания) характер взаимодействия двух сталкивающихся культур абсолютирован, тем самым соотносясь с радикальным моральным космополитизмом Марты Нуссбаум. Последняя утверждает, что натальные характеристики человека случайны: ведь каждая отдельная личность могла родиться где угодно. А раз натальные идентичности случайны и, как следствие, потенциально вариативны, разве они могут быть ценны в человеке? Разумеется, нет. Стало быть, не имеет смысла их защищать, как это делают националисты и – в меньшей степени, но всё же – умеренные космополиты. Во «Флорентийской чародейке», подчёркивает Сассер, происходит аналогичное воззрениям Нуссбаум «уничижительное изображение множества героев, таких, как Джодха и Макиавелли, которые придерживаются конкретных, традиционных уз» [3, с. 216]. Джодха – любимая жена императора, необычайно заносчивая оттого, что она принадлежит по праву рождения к лучшим двору и нации мира. Судьба её печальна: она существует лишь в пределах замка своего супруга (поскольку Джодха – порождение его фантазии), а в конце концов исчезает, потеряв расположение императора из-за своих национализма и ксенофобии.

Бен Окри, в отличие от Салмана Рушди, принадлежит к умеренным космополитам, признающим важность натальных привязанностей: в его главном романе «Голодная дорога» (1991 года издания) носители уникальной культуры – жители некой нигерийской деревни, чья община неоднократно подчёркивается в романе. Персонажи романа, никому не нужная голытьба, и после наводнения остаются верны своему месту; и главный герой, абику Азаро, в какой-то момент жизни сознательно определяет деревню своим домом. В немаловажности родного места (при прочей свободе перемещения, чьё ощущение также заложено в романе) – доказательство принадлежности Окри к умеренным космополитам: для них важно ощущение дома, привязанное к конкретному месту рождением или самостоятельным решением.

Но не только умеренный космополитизм, заключённый в ощущении дома, является новшеством в «Голодной дороге». Хотя Бен Окри не отказывается от опоры на специфическую локальную культуру (уже в самой природе главного героя: абику – это дитя- дух), однако в качестве унифицирующей культурной силы Окри изображает политиков от Партии Богатых, представителей высших классов, делая таким образом конфликт социальным. Уничтожение локальной традиционной культуры предпринимается под предлогом не её инородности, но отсталости (которую, согласно предвыборным призывам Партии Богатых, следует изолировать и облагородить). Партия Богатых полагает целесообразным тянуть жилы из собственных сограждан ради пролонгации своего благополучия – ситуация, до странности напоминающая рабовладельческие времена, изображавшиеся в классической фазе магического реализма.

Уроженка Гаваны Кристина Гарсия в своём романе «Кубинские сновидения» (1992) тоже видоизменяет привычный характер классического конфликта в магическом реализме. В качестве уникальной культуры Гарсия представляет культуру родного острова, отчасти крепко привязанную к мифологическим корням (в лице сантерии, особого церковного культа, возводящего свою историю к верованиям рабов), отчасти попросту резко своеобразную в отчётливо латиноамериканском, карibbeanском духе. Антитетична ей культура США, воистину унифицирующая, во всей мощи своих цивилизационных благ периода 1970-х. Противостояние уникальной и унифицируемой культур в этом романе обладает политически-экономическим характером: достаточным примером может послужить изображение в следующих одна за другой главах Селии дель Пино, кубинки и фиделистки, рубящей сахарный тростник в пору страды, и её эмигрировавшей

в США дочери Лурдес, американки по духу (довольно карикатурных, типа Янки-Дудль, и ксенофобных взглядов), держащей кондитерскую, полную всевозможных сахарных пирожных.

Среди экстраполитических феноменов магического реализма, уместных для космополитического анализа, – полемика на тему территориально-языковой обусловленности магического реализма, а также мультикультурализм и номадическая судьба писателей второй литературной волны магического реализма.

Аналогично упоминавшемуся выше трайбализму латиноамериканского периода, в теории магического реализма существуют adeptы той точки зрения, по которой ни один текст, написанный вне временных и территориальных рамок классической латиноамериканской фазы, не принадлежит к магическому реализму – вне зависимости от того, насколько точно он отвечает структурным признакам этого направления. Защитники данной позиции уверены, что последний «происходит от альтернативного мировоззрения, который можно назвать примитивным, – будь то практикующие вуду, индейцы Гватемалы или жители деревень внутренних районов Мексики и Колумбии. Выразительность антропологична и региональна, но что лежит под этим – это предположение принадлежности к континентальной Латинской Америке» [3, с. 12], – как цитирует Эрика Камайда-Фрейксаса, профессора Международного университета Флориды, Кимберли Сассер.

Очевидно, что апологеты подобного взгляда не находят оправданным обобщение конфликта до противостояния унифицирующей и уникальной культур, предпочитая конкретику перенесённых в литературу исторических реалий, а также заботясь о латиноамериканской специфике изображаемой в произведениях магии.

Следует заметить, что подобная категоричность разделяется далеко не всеми – в основном по причине необоснованности их взглядов. Нельзя отрицать ни существование примитивного мировоззрения на ранних стадиях развития наций нелатиноамериканских стран, ни схожесть их исторических судеб (колония империи), ни право их писателей иметь специфическое магико-реалистическое видение мира.

В современном периоде магического реализма спектр представленных культур необычайно широк. В «Magically Strategizing Belonging» Сассер цитирует Вен-Чин Уянга, перечисляющего языки, на которых создаются тексты транснациональной фазы: «[магический реализм] существует на арабском, китайском, английском, немецком, итальянском, японском, персидском, португальском, испанском, тибетском и турецком – и это только некоторые» [3, с. 3].

Не только мультикультурализм писателей нового поколения магического реализма, но и их свободная миграция по земному шару добавляют космополитический характер этому направлению. Как уже упоминалось нами, современные крупные романисты в направлении магического реализма, носители уникальной культуры народов Третьего мира, предпочитают жить в странах Первого. Бен Окри эмигрировал из Минны в Лондон; Кристина Гарсия покинула Гавану ради Нью-Йорка; Салман Рушди сменил Дели на оба эти мегаполиса. В этом игнорировании политических границ, отрицании привязанности человека к месту его рождения, а также взгляде, при котором вся Земля тебе – дом, буквально осуществлена позиция умеренных космополитов, ратующих за географическое смешение культур, в частности – за миграцию и номадизм.

Мы видим, что не только корпус текстов магического реализма, но и судьба его авторов практически воплощают космополитическую точку зрения: магический реализм теперь вещает с позиций большинства существующих традиционных культур меньшинств устами писателей-кочевников, превратившихся в подобие Вавилона, – а что представляет из себя идеал космополитического мира, если не второй Вавилон?

Библиографический список

1. Kleingeld, Pauline and Brown, Eric. Cosmopolitanism // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Fall 2014 Edition), Edward N. Zalta (ed.). [Электронный ресурс] URL = <<http://plato.stanford.edu/archives/fall2014/entries/cosmopolitanism/>>.
2. Карпентьер, А. Царство земное: повесть / А. Карпентьер. – М., 1963. – 122 с.
3. Sasser, Kim. Magically Strategizing Belonging: Magical Realism as Cosmopolitan Mapping in Ben Okri, Christina Garcia and Salman Rushdie / K. Sasser. – The University of Edinburgh, 2011. – 283 p.

A. V. Biyakaeva, Omsk State University named after F. M. Dostoevsky

EFFICIENCY OF COSMOPOLITANISM AS A METHOD IN ANALYSIS OF MAGICAL REALIST FICTION

The theory of cosmopolitanism is extremely efficient as a method in analyzing magical realist fiction, whether in textual, or extra-textual, aspects. Among the textual aspects, problems and a conflict can be named, as well as system of characters. Humanitarian and anti-nationalistic cosmopolitanism is tightly bound with typical problems of magical realist fiction, which are slavery, colonialism, oppression, genocide, forced unification, alienation, inequality, etc. Magical realism's classic conflict is purely cosmopolitan—being a depiction of two clashing world-views, or cultures: one is unifying, and the other is traditional, local, unique. Also, Kimberly Sasser's usage of cosmopolitan theory of individual's identities as a grid of coordinates for depicting character's loyalties in the main conflict is highly interesting. And the nomadic life of modern magical realists is an example of extra-textual aspects of this genre, adequate for analyzing from cosmopolitan angle of view.

Keywords: magical realism, cosmopolitanism, problems, identity, culture, unification, conflict.

References

1. Kleingeld, Pauline and Brown, Eric. Cosmopolitanism. *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Fall 2014 Edition), Edward N. Zalta (ed.). URL = <<http://plato.stanford.edu/archives/fall2014/entries/cosmopolitanism/>>.
2. Karpentier A. *Tzarstvo zemnoye* [The Kingdom of This World]. Moscow, 1963. 122 p.
3. Sasser, Kim. Magically Strategizing Belonging: *Magical Realism as Cosmopolitan Mapping in Ben Okri, Christina Garcia and Salman Rushdie*. The University of Edinburgh, 2011. 283 p.

© А. В. Биякаева, 2016

Автор статьи – Алина Викторовна Биякаева, аспирант, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, e-mail: bluminokij@mail.ru

Рецензенты:

В. И. Хомяков, доктор филологических наук, профессор, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского.

Е. В. Новикова, кандидат филологических наук, доцент, Омский государственный аграрный университет им. П. А. Столыпина.

УДК 811.161.1: 81.373.612.2

DOI 10.17238/issn1998-5320.2016.24.38

Е. Г. Кукля, Н. В. Соловьева,
Омский государственный педагогический университет

ОЦЕНОЧНЫЙ КОМПОНЕНТ СЕМАНТИКИ ТЕРМИНОВ-МЕТАФОР В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

В статье рассматривается аксиологический аспект семантики русских терминов лингвокультурологии, образованных путём метафоризации. Авторы приходят к заключению, что метафоричные термины строятся языковедами на основе переосмыслиения своих представлений о предметах, признаках и процессах и могут характеризоваться как нейтральной, так и либо положительной, либо отрицательной оценочностью.

Ключевые слова: терминоведение, профессиональная коммуникация, лингвокультурологический термин, когнитивный подход к термину, оценка в языке, оценочный компонент значения, способы терминообразования, метафорическое образование терминов, гносеологические функции терминов, концептуальная метафора, аксиологическая сущность метафоры, аксиологически маркированные термины-метафоры.

Переосмысливание общеупотребительных слов, как и перенос терминов из одной отрасли знания в другую, по существу представляющих собой процесс метафоризации, всегда входило в число наиболее

продуктивных способов терминообразования в различных отраслях науки и производства. Стоит лишь упомянуть *салазки* токарного станка, *тарелки* телевизионных антенн, *муфты* и *рукава* трубопровода, *свечи* зажигания автомобиля, *мосты* в зубопротезном деле, *корень* слова или *валентность* лексических единиц. Однако приемлемость подобного терминообразования долгое время оспаривалась многими учёными, ратующими за «чистоту» и «стандартизацию» терминологии. Лишь в последние годы метафоризация стала признаваться в качестве вполне легитимного и, более того, неизбежного способа создания новой терминологии, связанного с особенностями процесса познания окружающей действительности.

Следует отметить, что отечественное терминоведение, отсчитывающее свою историю с конца 30-х годов прошлого столетия, когда были опубликованы первые труды Д. С. Лотте, пережило на рубеже столетий две смены научных парадигм. Первая пришла на конец 80-х годов и проявилась в отказе терминологов от господствующего на протяжении многих десятилетий прескриптивного подхода, согласно которому термину предписывалось иметь такие качества, как краткость, однозначность, отсутствие синонимов и эмоциональной окраски, т. е. стилистическую нейтральность, что считалось необходимым для оптимизации профессиональной коммуникации. Многочисленные попытки того, что в период 1930–1980-х годов называлось «упорядочением или унификацией терминологии» той или иной отрасли науки или производства [1], закончились практически полным провалом. Гигантские усилия по разработке отраслевых и государственных стандартов по терминологии, предпринимавшиеся в течение нескольких десятилетий Комитетом по научно-технической терминологии при Академии наук СССР по причине «...острой необходимости в рационально упорядоченной системе терминов», а также «...потребности в однозначной терминологии и сознательном управлении процессами терминотворчества» [2], оказались малорезультативными, что, по всей вероятности, и явилось основанием для его распуска в начале 1990-х. Термин, являясь словом или словосочетанием языка, используемым в особой сфере, упорно не желал становиться неким искусственно идеализированным образованием, лишённым всех тех черт, которые присущи обычному общеупотребительному слову. Понимая это, ряд учёных, к примеру, Б. Н. Головин и его последователи в Горьковском (ныне Нижегородском) государственном университете, ещё в начале 80-х призывали рассматривать термин лишь как специфическую *функцию* слова – обозначать специальное профессиональное понятие и употребляться в составе терминосистем, вербализующих различные научные теории или обслуживающих разнообразные сферы технологии и индустрии [3]. Нужно отметить, что в течение 1980-х данная точка зрения постепенно завоевала широкое признание среди терминоведов, что ознаменовало окончательный отказ от прескриптивной парадигмы в пользу функциональной.

Вторая смена парадигм в терминоведении связана с переходом отечественного языкоznания в целом – и терминоведения как его отрасли – к когнитивной трактовке языка и языковых явлений. Использование последней оказалось особенно логичным, плодотворным и перспективным в сфере изучения профессиональной научно-технической терминологии – ибо где ещё, как не в лексике, фиксирующей процессы и результаты научного познания, разработки и применения технологий, наиболее эксплицитно проявляется механизм осмыслиения человеком окружающей действительности и способы его языковой объективации.

Когнитивный подход к термину базируется на положении о том, что термины не только формируют и систематизируют знание, они также выполняют целый ряд когнитологических, или иначе говоря, гносеологических функций, а именно: фиксацию знания, открытие нового знания (эвристическая функция) и передачу знания. Это положение, впервые сформулированное С. В. Гриневым, впоследствии легло в основу многочисленных работ в области когнитивного терминоведения [4].

Поскольку когнитивная теория признаёт эмоции, экспрессию и оценку неотъемлемыми факторами в познании человеком действительности, они перестали рассматриваться как несовместимые с научно-технической терминологией и профессиональным дискурсом. Более того, постулат о том, что оценивание выступает как одна из важнейших составляющих когнитивной деятельности человека, практически стал общим местом в научных трудах по языкоznанию. Под оценкой мы понимаем здесь сложную языковую категорию, связанную не только с семантикой, но и с формированием модальности высказывания. Слова с оценочным компонентом значения выполняют в речи важнейшую прагматическую функцию. В процессе порождения конкретного речевого акта адресант, используя слово с оценочным компонентом значения, направляет адресату скрытый императив «отнесись хорошо» или «отнесись плохо» к реалии, названной данным

словом. При этом оценочность в семантике слова может быть нулевой (нейтральной), положительной (мелиоративной) и отрицательной (нейкогативной) [5].

Осознание того, что жёсткие границы между сферами научного и бытового мышления отсутствуют, вследствие чего они отсутствуют и между терминологией и общеупотребительным языком, позволило не только увидеть опору научного познания в общераспространённых знаниях об окружающем мире, но и понять, что эмоционально-экспрессивная, оценочная составляющая семантики обыденного слова вполне может присутствовать и в семантике любого термина, включая лингвокультурологический.

Следует сказать, что, хотя терминология различных разделов языкознания, а также многообразных лингвистических школ и направлений не единожды становилась объектом изучения в отечественном терминоведении [6], терминосистема такого передового и перспективного направления лингвистической мысли, как лингвокультурология, не подвергалась сколько-нибудь систематическому и тщательному изучению ни в целом, ни на предмет выявления метафоричности её единиц. Выборка в объёме 112 терминов с целью исследования оценочного компонента семантики русских лингвокультурологических терминов-метафор была составлена нами на основе изучения ряда работ в этой области языкознания, изданных после 1999 г. [7]. Под лингвокультурологическим термином мы понимаем здесь *порождённое в рамках профессионального дискурса и индивидуально создаваемое учёным в ходе творческого осмысления изучаемого культурноязыкового феномена слово или словосочетание для обозначения вновь открываемых или по-новому трактуемых явлений и свойств, относящихся к сфере лингвокультурологии*. Именно в процессе подобного творческого осмысления фактов и явлений изучаемого объекта и проявляется свойственная научному познанию в целом лингвокультурологии, в частности, метафоричность мышления учёного.

Последняя во многом определяет степень развития интеллектуальных и творческих компетенций, а также и образного мышления современного языковеда-лингвокультуролога, когда в ходе когнитивного процесса он извлекает из своего сознания два зачастую несовместимых рефераента и устанавливает между ними осмысленное соотношение, создавая тем самым метафору. Она же служит в качестве языкового воплощения или, как принято это называть в последнее время, «вербализации», «объективации», «репрезентации», «ословливания» научной мысли. Нужно отметить, что метафоры в лингвистической терминологии существуют настолько давно и стали так привычны любому человеку, читающему лингвистические труды, что их просто перестали замечать – кому бросается в глаза метафоричность таких «обкатанных» терминов лингвистики, как «семья языков», «генеалогическое древо языков», «синонимический ряд», «лексический уровень языка», «фонемная оппозиция»? Тем временем, каждая научная парадигма в процессе развития языкознания порождала целый ряд подобных терминов, которые в последнее время стали привлекать внимание исследователей. Так, З. И. Резанова в одной из своих работ анализирует варианты метафорического описания языка на основе предметных и пространственных представлений учёных. Автор говорит о специфиности видения объекта исследования через призму метафорической парадигмы, характерной для каждого этапа развития науки о языке. Например, сравнительно-историческое языкознание, выдвигая в качестве базовой анимационную модель представлений о языке, объективирует её в целом спектре терминов-метафор: *гнездо, ветвь, древо, семейство* и др., в то время как в рамках структурной лингвистики возникает целый ряд метафорических терминов, основанных на осмыслиении категории пространства: *поле, позиция, оппозиция, противопоставление, ряд, уровень, иерархия, сдвиг, план выражения* и т. п. [8].

Традиционно принятые в лингвистической науке способы образования её терминов, включающие заимствование и калькирование, аффиксацию, словосложение и построение словосочетаний, базирующиеся в основном на использовании греко-латинских основ, призванных обеспечивать краткость, информативность, однозначность и абстрактность (согласно ранее предъявляемым к научным терминам требованиям), стали постепенно уступать место метафорическому терминообразованию. Отчасти это обусловлено так называемой «инструментальной функцией» лингвистических терминов, о которой ещё в 1989 г. писала Н. Ю. Слюсарева в журнале «Вопросы языкознания». Лингвисты, как отмечала автор, часто изучают явления, недоступные непосредственному наблюдению, и потому вынуждены создавать термины-инструменты, «ощущающие» различные аспекты вновь формулируемого понятия, помогающие осознать их и выбрать наиболее значимый признак понятия, положив его в основу

окончательного наименования [9]. Естественно, что здесь, как нигде более, возрастает роль метафорического терминообразования, поскольку именно термины-метафоры опосредованно через мотивационно-семантический признак помогают осмысливать новое явление, выступая при этом в качестве способа организации познавательной деятельности. В то же время использование давно известных терминов и общеупотребительных слов в ином, метафорическом значении позволяет выражать новое через известное, через то, что уже освоено языковым опытом, а прозрачность внутренней формы вновь образуемого термина способствует его правильному пониманию [10].

Следует подчеркнуть, что понятие метафоры в применении к когнитивной трактовке процессов терминообразования значительно переосмыливается по сравнению с его традиционным пониманием в качестве тропа в рамках стилистики. Поскольку в когнитивной парадигме постулируется, что наличие метафорических выражений в языке – это следствие существования метафорических моделей в психической сфере человека, метафора предстаёт не только как языковой феномен, но и как феномен ментальный. В основу нашего подхода положено понятие «концептуальная метафора», трактуемое нами вслед за целым рядом исследователей (Н. Д. Арутюнова, А. Н. Баранов, Дж. Лакофф, А. П. Чудинов и др.) как базовая когнитивная модель, основанная на аналогии и позволяющая осмысливать объекты, явления и сущности на основе знаний о других объектах, явлениях и сущностях. В языке эта модель получает регулярную презентацию в виде целостной системы метафорических выражений, актуализируемых в дискурсе или тексте. Как отмечает З. И. Резанова, «...в качестве интегральных признаков языковой метафоры признаются: а) выраженность языковыми средствами; б) сдвоенность смысла на основе аналогического (а иногда и на других основаниях) уподобления предметов, признаков, процессов с выходом за пределы естественных родов в логических классификациях» [11].

Как намеренную аномалию рассматривает метафору Ю. Д. Апресян. Метафора, по его мнению, нарушает принцип истинности, однако такое нарушение не препятствует осуществлению коммуникации. Двойственность прямого смысла слова заставляет реципиента искать в нём имплицитный смысл и интерпретировать его как знак некоторого объекта, действия, состояния или свойства, содержащий *оценку* вышеупомянутого собеседником, оценку – на этапе появления метафоры – индивидуальную, создающую личностный образ. Впоследствии, если метафора «прижилась» в языке, индивидуально выделенные признаки нередко ложатся в основу стереотипизации, выступающей, с одной стороны, как «способ экономии» мышления и компрессии большого объёма информации, воспринимаемой человеком в процессе освоения действительности, а с другой стороны, ведёт к возникновению так называемых «прецедентных» метафор. Последние выступают в роли нормативных типовых средств оценки общеизвестных фактов, событий, отношений и входят в тезаурус каждого более-менее образованного носителя языка [12].

Таким образом, оценочная, или, как принято её ещё называть, аксиологическая сущность метафоры не вызывает сомнения. Каким же образом это неотъемлемое свойство метафоры реализуется в процессе образования новой лингвокультурологической терминологии?

Изучение отобранных нами метафоричных терминов лингвокультурологии на предмет определения характера смыслового ядра метафоры подтверждает правоту приведённого выше вывода З. И. Резановой, поскольку мы также приходим к заключению, что в ходе образования подобных терминов их создатели проводили аналогии на основе своих представлений о *предметах или объектах* (сетка ассоциаций, слои ассоциативных признаков, зона индивидуальных смыслов, иммунитет культуры, смысловое поле, психический осадок переживаний, сгусток культуры в сознании человека), *признаках* (трёхслойная структура концепта, опредмеченное сознание, размытое ментальное образование, узловая точка лингвокультуры) и *процессах* (опредмечивание опыта, ассоциативное приращение смысла, распределение знака).

При этом анализ аксиологического компонента семантики отобранных терминов показывает, что оценочность свойственна далеко не всем метафоричным терминам лингвокультурологии. Вероятно, что 69 из 112 единиц исследуемой нами выборки являются аксиологически нейтральными терминами. К таковым можно отнести, например, следующие: *код культуры*, лингвистический *континуум*, словесная *оболочка*, культурная *аксиома*, *коллективная память*, *определенное сознание*, *полевая структура*, *внутренняя форма слова*, *грамматический ген*, *продукт культуры*, *ассоциативная сетка* и целый ряд других, включая все обнаруженные нами пять терминов-метафор, построенных на основе процессуальной аналогии (ассоциативное *приращение смысла* и др.).

Что же касается оставшихся 53-х аксиологически маркированных терминов-метафор, то у тех из них, что построены на основе признаковой аналогии (29 единиц в составе выборки) явно прослеживается присутствие семантических компонентов, передающих параметрию, т. е. отношение «больше-меньше» или «наличие – отсутствие качества» (ценностью *насыщенные паттерны* поведения, *высокий уровень* табуированности в культуре, *мажорное* отношение к жизни, *ключевая* модельная личность культуры, *глубинные* мотивы поведения индивида, жёсткие импликации словосочетаний, *гибкие и текущие* ментальные сущности), а также антонимию, противопоставление. Последнее является, как известно, неотъемлемым свойством когнитивной деятельности человека и в процессе терминообразования в сфере лингвокультурологии проявляется в таких парах, как «активно транслируемые концепты – *пассивно* транслируемые концепты» и т. п.

Особый интерес вызывают аксиологически маркированные метафоричные термины, образованные на основе предметных аналогий (24 единицы в нашей выборке). Ряд лексем, выступающих в роли семантического ядра таких метафор, можно назвать лишь потенциально маркированными, т. е. обладающими потенциально положительной (мелиоративной) или потенциально отрицательной (нейтральной) оценкой – «*сгусток* культуры в сознании человека», «*оценочный кодекс* лингвокультуры», «*след* чувственного представления в памяти», «*психический осадок* переживаний». В словарных дефинициях такого рода слова не помечены как эмоционально маркированные, однако аксиологический компонент их значения всё же проявляется в различных семантических и словообразовательных связях, в контекстном употреблении, в некоторых синтаксических конструкциях (ср. оставить *след* в памяти, *сгусток* крови, неписанный *кодекс* чести, разговор оставил неприятный *осадок*). Отметим, однако, что наряду с потенциально маркированными лексемами, эксплицирующими предметность в составе терминов-метафор, в исследуемой выборке обнаружены единицы, обладающие выраженной пейоративной маркированностью – «*когнитивный дискомфорт*», «*онтологическая смысложизненная катастрофа*», «*коммуникативная неудача* в межкультурном общении», «*коммуникативное давление* на адресата», «*эмоциональное орогование*». Негативное отношение носителей русского языка к реалиям, обозначаемым вышеупомянутыми существительными, является абсолютно явным и объясняется тем, что они (существительные) являются элементами не только языкового, но и культурно-этнического пространства. В трудах по лингвокультурологии последних лет можно встретить разные терминологические наименования подобных лексем: *ключевые слова культуры* (А. Вежбицкая, А. Д. Шмелев), *аксиологические доминанты* (О. А. Корнилов), *лингвокультурены* (В. В. Воробьев) и др.

Естественно, что такой существенный компонент семантики терминов-метафор, как оценочность, заслуживает более глубокого и детального изучения, причём на материале разных языков и терминологий разных отраслей знания и производства. Однако даже на основании проведённого на ми ознакомительного семантического исследования сравнительно небольшой выборки русских метафоричных терминов лингвокультурологии можно с большой долей вероятности предполагать, что около 45 % терминов-метафор этой области обладают аксиологической маркированностью, причём последняя в основном реализуется в составе метафор, построенных на признаковых или предметных аналогиях. Метафоричные термины довольно частотны, поскольку, работая с объектами, недоступными непосредственному наблюдению, лингвокультурологи, как и языковеды в целом, склонны использовать концептуальную метафору как средство терминообразования, т. е. вербальной презентации фрагментов специального научного знания. Возникающие при этом метафоричные термины выступают одновременно результатом и средством развития творческого мышления и профессиональной компетенции языковедов, а также средством получения языковой объективации нового знания.

В заключение хотелось бы отметить, что оценочность метафоричного термина, по всей видимости, имеет двоякую природу. С одной стороны, она является компонентом в структуре его значения, чему и было посвящено наше исследование. С другой стороны, в метафоричном термине реализуется аксиологический аспект речевой деятельности учёного, её pragматическая составляющая, которая отражает целеполагание автора и его интенцию воздействовать на мировоззрение читателя. Данный аспект требует отдельного изучения, поскольку оно должно принимать во внимание особенности менталитета, мыслительной деятельности, профессиональный опыт и фоновые знания учёного как представителя той или иной научной школы или направления.

Библиографический список

1. Бергер, М. Г. Лингвистические требования к термину // Русский язык в школе. – 1965. – № 3. – С. 64–68; Романова Н. П. К вопросу о степени упорядоченности лексикологической терминологии // Актуальные проблемы лексикологии. Доклады 2-й лингвистической конференции. – Новосибирск, 1969. – С. 79–87; Даниленко В. П., Скворцов Л. И. Нормативные основы унификации терминологии // Культура речи в технической документации. – М. : Наука, 1982. – С. 5–35.
2. Проблемы разработки и упорядочения терминологии в академиях наук союзных республик. – М. : «Наука», 1983. – С. 328–329.
3. Головин, Б. Н. Термин и слово // Термин и слово : Межвуз. сб. – Горький : Изд-во ГГУ, 1980. – С. 3–12; Головин Б. Н. Типы терминосистем и основания их различия // Термин и слово. Межвуз. сб. – Горький : Изд-во ГГУ, 1981. – С. 3–10; Головин Б. Н., Кобрин Р. Ю. Лингвистические основы учения о терминах. – М. : Высшая школа, 1987. – 104 с.
4. Гринёв, С. В. Введение в терминоведение. – М. : Моск. лицей, 1993. – 309 с.; Новодранова В. Ф. Когнитивный подход изучению терминологии // Терминоведение – № 1–3, 1997, с. 13–14; Володина М. Н. Когнитивно-информационная природа термина и терминологическая номинация: диссертация ... доктора филологических наук: 10.02.04, М., 1998. – 345 с.; Громова И. Юридические термины в когнитивном аспекте : На материале английского языка : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.04, Калининград, 2002. – 221 с.; Ивина Л. В. Лингвокогнитивные основы анализа отраслевых терминосистем (на примере англоязычной терминологии венчурного финансирования). М. : Академический проект, 2003. – 304 с.; Батурыян М. А. Когнитивный аспект изучения терминологии социологии // Альманах современной науки и образования. Тамбов : Грамота, 2011. – № 2 (45). С. 185–187; Манерко Л. А., Новодранова В. Ф. Использование методов когнитивного анализа в терминологических исследованиях // Международный конгресс по когнитивной лингвистике, том 11, Когнитивные исследования языка. Тамбов : Изд. Дом ТГУ им. Г. Р. Державина. – М., Тамбов, 2012. – С. 226–228.
5. Соловьева, Н. В. Нормативная рационалистическая оценка в современном немецком языке (концепт RICHTIG и его номинативное поле) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2009. – 21 с.
6. Сейфи, Г. С. Вопросы сопоставительного исследования составных лингвистических терминов русского и английского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1979. – 26 с.; Казыро Г. Н. К проблеме лингвистического термина (на материале лексикологической и семасиологической терминологии французского и немецкого языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1980. – 28 с.; Гвишиани Н. Б. Категории и понятия языкоznания как предмет методологического исследования : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1984. – 31 с.; Диброва К. Ю. Терминологическая система лингвистической концепции (на материале терминологии Л. Блумфилда) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1987. – 21 с.; Иванова Е. Ю. Лингвистическая терминология и её лексикографическая презентация : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1988. – 18 с.; Кукля Е. Г. Сопоставительное исследование терминосистем лингвистической семантики (на материале концепций языкового значения Лондонской лингвистической школы) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1989. – 23 с.; Ларина Ю. Е. Прагматика термина как семиотическое свойство (на материале русской лингвистической терминологии) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Краснодар, 2007. – 22 с.; Антимирова В. В. Лексико-семантические и деривационные характеристики русской лингвистической терминологии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Краснодар, 2011. – 24 с.
7. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека. – М. : Языки русской культуры, 1999. – 896 с.; Воркачев С. Г. Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа. – Краснодар: КубГТУ, 2002. – 140 с.; Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. – М. : ЧеРо, 2003. – 349 с.; Слыскин Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты. – Волгоград : Перемена, 2004. – 328 с.; Карасик В. И., Прохачева О. Г. и др. Иная ментальность. – М. : Гнозис, 2005. – 352 с.; Привалова И. В. Интеркультура и вербальный знак (лингвокогнитивные основы межкультурной коммуникации). – М. : Гнозис, 2005. – 472 с.
8. Резанова, З. И. Метафора в лингвистическом тексте: типы функционирования // Вестник Томского государственного университета. Филология. – Томск, 2007. – № 1. – С. 23.
9. Слюсарева, Н. А. Терминология лингвистики и метаязыковая функция языка // Вопр. языкоznания. – 1989. – № 4. – С. 69–75.
10. Дудецкая, С. Г. Метафоризация как способ терминообразования (на материале английской терминологии челюстно-лицевой хирургии и стоматологии) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Самара, 2007. – 23 с.; Мишанкина Н. А. Метафора в терминологических системах: функции и модели // Вестник Томского государственного университета. Филология. – Томск, 2012. – № 4 (20). – С. 32–45.
11. Резанова, З. И. Там же, С. 26.
12. Апресян, Ю. Д. Избранные труды. Т. 1 : Лексическая семантика. – М. : Школа, «Языки русской культуры», 1995. – С. 178–179.

E. G. Kouklya, N. V. Solovjova, Omsk State Pedagogical University

APPRAISAL COMPOENT IN THE SEMANTICS OF RUSSIAN METAPHORIC TERMS OF CULTURAL LINGUISTICS

The paper deals with the axiological aspect in the semantics of Russian cultural linguistics terms coined by means of metaphorization. The authors arrive at the conclusion that linguists coin metaphoric terms on the basis of re-thinking their concepts of objects, attributes and processes. The resulting metaphoric terms can be characterized as being either axiologically neutral, positive or negative.

Keywords: terminology, professional communication, cultural linguistics term, cognitive approach to terminology, linguistic appraisal, appraisive component of the meaning, term coining techniques, epistemic function of terms, conceptual metaphor, axiological nature of metaphor, axiologically marked metaphoric terms.

References

1. Berger M.G. Linguistic requirements to the term. *Russki yasyk v shkole*, 1965, no. 3, pp. 64-68; Romanova N.P. On the regularity degree of lexicological terminology. *Aktualnye problemy leksikologii. Doklady 2oy lingvisticheskoy konferentsii*. Novosibirsk, 1969. pp.79-87; Danilenko V.P., Skvortsov L.I. Regulatory foundations of terminology unification. *Kultura rechi v tekhnicheskoy dokumentatsii*. Moscow, Nauka Publ., 1982, pp. 5-35.
2. *Problemy razrabotki i uporyadocheniya terminologii v akademiyakh nauk soyuznykh respublik* [The problems of terminology development and unification in the science academies of the union republics]. Moscow, Nauka Publ., 1983, pp.328-329
3. Golovin B.N. The term and the word. *Termin i slovo. Mezhvuzovsky sbornik*. Gorkyi, Gorkyi Univ. Publ., 1980, pp 3-12; Golovin B.N. The types of terminology systems and the grounds of their distinction. *Termin i slovo. Mezhvuzovsky sbornik*. Gorkyi, Gorkyi Univ. Publ., 1981, pp. 3-10; Golovin B.N., Kobrin R.Yu. *Lingvisticheskie osnovy ucheniya o terminah* [Linguistic foundations of the term theory], Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 1987, 104 p.
4. Grinev S.V. *Vvedenie v terminovedenie* [Introduction to the term studies], Moscow, Moscow Lyceum Publ., 1993, 309 p.; Novodranova V.F. Cognitive approach to the study of the term. *Terminovedenie*, no.1-3, 1997 pp.13-14; Volodina M.N. *Kognitivno-informatsionnaya priroda termina i terminologicheskaya nominatsiya*. Diss. doc. filol.nauk [Cognitive and informational nature of the term and terminological nomenclature] . Moscow, 1998, 345 p. ; Gromova I.A. *Yuridicheskie terminy v cognitivnom aspekte (na materiale angliiskogo yazyka)* Diss. doc. filol.nauk [Juristical terms in cognitive aspect (as exemplified by English language)], Kaliningrad, 2002, 221 p.; Ivina L.V. *Lingvo-kognitivnye osnovy analiza otrslevykh terminosistem (na primere angloyazychnoi terminologii vechurnogo finansirovaniya)* [Linguo-cognitive foundations of sectorial terminological systems analysis (as exemplified by the English terminology of venture capital financing)], Moscow, Academichesky Proekt Publ.,2003, 304 p.; Baturjan M.A. Cognitive aspect of studying sociology terms. *Almanakh sovremennoi nauki i obrazovaniya*, Tambov, Gramota Publ., no. 2 (45), pp.185-187; Manerko L.A., Novodranova V.F. Application of cognitive analysis methods in terminological studies. *Mezhdunarodny congress po kognitivnoy lingvistike, tom 11, Kognitivnye issledovaniya yazyka*, Tambov, Tambov Derzhavin State Univ. Publ.,2012, pp. 226-228;
5. Solovjova N.V. *Normativnaya ratsionalisticheskaya otsenka v sovremenном nemetskom yazyke (kontsept RICHTIG i ego nominativnoye pole)*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk. [Regular rational appraisal in modern German language (concept RICHTIG and its nominative domain)], Ufa, 2009, 21p.
6. Seifi G.S. *Voprosy sopostavitelnogo issledovaniya sostavnykh lingvischeskikh terminov russkogo i angliiskogo yazyka* Avtoref. diss. kand. filol. nauk. [Issues of comparative investigation of compound Russian and English linguistic terms] , Leningrad, 1979, 26 p.; Kazyro G.N. *K probleme lingvisticheskogo termina (na materiale leksikologicheskoi i semaseologicheskoi terminologii frantsuzskogo i nemetskogo yazykov)* Avtoref. diss. kand. filol. nauk.[To the issue of linguistic term (as exemplified by lexicological and semasiological terminology of French and German languages)], Moscow, 1980, 28 p.; Gvishiani N.B. *Kategorii i ponyatiya yazykoznaniya kak predmet metodologicheskogo issledovaniya*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Categories and concepts of linguistics as a object of methodological study]. Moscow, 1984, 31 p.; Dibrova K.Yu. *Terminologicheskaya sistema lingvisticheskoi kontseptsii (na material terminologii L.Blumfilda)* Avtoref. diss. kand. filol. nauk.[Terminological system of linguistic concept (as exemplified by the terminology of L. Blumfield)], Leningrad, 1987, 21 p.; Ivanova E.Yu. *Lingvisticheskaya terminologiya i ee leksikograficheskaya representatsiya*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk.[Linguistic terminology and its lexicographic representation],Leningrad, 1988, 18p.; Kouklya E.G. *Sopostavitelnoe issledovanie terminosistem lingvisticheskoi semantiki (na material kontseptsii yazykovogo znacheniya Londonskoi lingvisticheskoi shkoly)* Avtoref. diss. kand. filol. nauk. [Comparative investigation of linguistic semantics terminological systems (as exemplified by London school of linguistics concepts of language meaning)], Leningrad, 1989, 23p.;Larina Yu.E. *Pragmatika termina kak semioticheskoe svoistvo (na primere russkoi lingvisticheskoi terminologii)* Avtoref. diss. kand. filol. nauk.[Pragmatics of the term as a semiotic property (as exemplified by Russian linguistic terminology)], Krasnodar,

2007, 22 p.; Antimirova V.V. *Leksiko-semantichekie i derivatsionnye kharakteristiki russkoi lingvisticheskoi terminologii*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk. [Lexico-semantic and derivational characteristics of Russian linguistic terminology], Krasnodar, 2011, 24 p.

7. Arutyunova N.D. *Yazyk i mir cheloveka* [The language and the world of a human being], Moscow, Yazyki russkoi kultury Publ., 1999, 896 p.; Vorkachev S.G. *Kontsept schastya v russkom yazykovom soznanii: opyt lingvokulturologicheskogo analiza* [Concept of happiness in Russian linguistic consciousness: an attempt of cultural linguistics analysis], Krasnodar, KubGTU Publ., 2002, 140 p.; Kornilov O.A. *Yazykovye kartiny mira kak proizvodnye natsionalnykh mentalitetov* [Linguistic world-images as the derivatives of national mentalities], Moscow, TcheRo Publ., 2003, 349 p.; Slyshkin G.G. *Lingvokulturnye kontsepty i metakontsepty* [Linguo-cultural concepts and meta-concepts], Volgograd, Peremena Publ., 2004, 328 p.; Karasik V.I., Prokhvacheva O.G. et al. *Inaya mentalnost* [Alternative mentality], Moscow, Gnozis Publ., 2005, 352 p.; Privalova I.V. *Interkultura i verbalny znak (lingvokognitivnye osnovy mezhkulturnoi kommunikatsii)* [International culture and verbal sign (linguo-cognitive foundations of intercultural communication)], Moscow, Gnozis Publ., 2005, 472 p.

8. Rezanova Z.I. Metaphor in linguistic text: patterns of functioning. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, Tomsk, 2007, no.1, p. 23.

9. Slyusareva N.A. Linguistic terminology and meta-lingual function of language. *Voprosy yazykoznanija*, 1989, no.4, pp. 69-75.

10. Dudetskaya S.G. *Metaforizatsiya kak sposob terminoobrazovaniya (na materiale angliiskoi terminologii chelustno-litsevoi khirurgii i stomatologii)* Avtoref. diss. kand. filol. nauk. [Metaphorization as a means of coining new terms (as exemplified by English terminology of oral surgery and dentistry)], Samara, 2007, 23p.; Mishankina N.A. Metaphor in terminological systems: functions and patterns, *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, Tomsk, 2012, no.4, pp.32-45.

11. Rezanova Z.I. Ibid, p.26.

12. Apresyan Yu.D. *Izbrannye trudy. T.1: Leksicheskaya semantika* [Selected papers. Vol.1: Lexical semantics], Moscow, Shkola, "Yazyki russkoi kultury" 1995, pp.178-179.

© Е. Г. Кукля, Н. В. Соловьева, 2016

Авторы статьи:

Евгений Геннадьевич Кукля, кандидат филологических наук, доцент, Омский государственный педагогический университет, e-mail: eugenekouklia@mail.ru

Наталья Викторовна Соловьева, кандидат филологических наук, Омский государственный педагогический университет.

Рецензенты:

С. В. Буренкова, доктор филологических наук, профессор, Омский государственный институт сервиса.

Г. Г. Бабалова, доктор филологических наук, профессор, Омский государственный университет путей сообщения.

УДК 811.11-112

DOI 10.17238/issn1998-5320.2016.24.45

И. Л. Кучешева,

Сибирский государственный университет физической культуры и спорта, г. Омск

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ АНГЛИЙСКИХ РЕПРЕЗЕНТАТИВНЫХ ИМЁН

Статья посвящена английским репрезентативным именам, значение которых реализуется в характерной национальной ономастической структуре и в семантике основ фамильных имён, от которых они образовались.

Ключевые слова: репрезентативные имена, фоновые знания, коннотация, этимология, репрезентация.

Репрезентативные имена отражают нормы речевого поведения англичан, национальный менталитет, систему ценностей и знаний.

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что репрезентативные имена недостаточно исследованы как в отечественном, так и в зарубежном языкоznании. Отсутствие полного исследования семантических и этимологических особенностей английских репрезентативных имён

приводит к некоторым трудностям при переводе художественной литературы и при межкультурной коммуникации.

Новизна данного исследования определяется тем, что впервые проведено комплексное исследование английских репрезентативных имён, показана их культурологическая значимость и функционирование в английском языке, речи и художественной литературе. В работе предпринята попытка этимологического анализа английских репрезентативных имён и дана их тематическая классификация.

Основной целью данной работы является выявление культурологических особенностей английских репрезентативных имён и их функционирования в художественной литературе посредством этимологического анализа.

Практическая значимость исследования состоит в том, что полученные результаты могут быть использованы при составлении англо-русских ономастических словарей, при составлении курсов, спецкурсов и учебных пособий по лексикологии.

Материалом для исследования послужили 62 английские лексические единицы (репрезентативные имена), отобранные методом сплошной выборки из англо-русских лексикографических источников и английской художественной литературы.

Посредством языка происходит усвоение культурных норм и освоение социальных ролей, без которых жизнь человека в обществе становится невозможной. Благодаря языку в обществе достигается гармония и стабильность. С его помощью от одного человека другому передаются верования, идеи, чувства, ценностные установки. Язык – факт культуры, составная часть культуры и одновременно её орудие. Язык и культура – формы сознания, отображающие мировоззрение человека [3, с. 48–49].

Репрезентация – представление языковых фактов в условиях наибольшей убедительности [6, с. 265].

Репрезентативные имена обозначают типичного представителя определённой группы лиц, указывают на его положение, виды его деятельности и степень известности в обществе, расовую принадлежность, общие моральные и физические качества, отражают национальный менталитет, систему ценностей народа: например, John Chinaman – китаец; Jack Tar – моряк.

К классу репрезентативных имён относятся нарицательные имена, в основу значения которых легко общее значение собственных фамильных имён.

Репрезентативные имена имеют связь с фоновыми знаниями.

Фоновые знания – знания, характерные для говорящих на данном языке, обеспечивающие речевое общение, в процессе которого эти знания проявляются в виде смысловых ассоциаций и коннотаций, соблюдения норм речевого поведения носителей языка.

Коннотация – добавочные семантические или стилистические оттенки, которые накладываются на основное значение слова и служат для выражения эмоционально-экспрессивной окраски, придавая высказыванию тон торжественности, непринуждённости, фамильярности и т. п. [6, с. 111].

Коннотация может иметь как положительную, так и отрицательную окраску: Sam Browne – английский армейский офицер и Peter Funk – трус.

Значение репрезентативных имён реализуется в характерной национальной ономастической структуре и в семантике основ фамильных имён, от которых они образовались.

Для правильного понимания и употребления репрезентативных имён необходимо знание их этимологии.

Изучение употребления репрезентативных имён в художественных произведениях вытекает из потребности их более глубокого понимания.

В написании репрезентативных имён преобладает написание с прописной буквы.

Всего для анализа были отобраны 62 лексические единицы.

Далее рассмотрим и составим тематическую классификацию английских репрезентативных имён для обозначения видов деятельности человека, его моральных качеств и особенностей поведения, национальности и расовой принадлежности, физических и интеллектуальных качеств. Классификация представлена в таблице.

Классификация репрезентативных имён

Название подгруппы	Количество единиц
1. Виды деятельности	11 (17 %)
2. Национальность и расовая принадлежность	5 (9 %)
3. Моральные качества и особенности поведения	29 (47 %)
4. Физические качества	9 (14 %)
5. Интеллектуальные особенности	8 (13 %)

Репрезентативные имена можно разделить на 5 подгрупп по способу выражения лексического значения: виды деятельности, национальность и расовая принадлежность, моральные качества и особенности поведения, физические качества и интеллектуальные особенности.

1. Виды деятельности.

Для анализа были отобраны 11 английских лексических единиц (17 % от общей выборки).

- Johnny Red – солдат армии Конфедерации во время войны Севера и Юга в устах северян;
- Sam Browne – английский армейский офицер.

Например: Pat was dressed in the vivid green uniform of the volunteers, complete with slouch hat and Sam Browne [8, c. 292].

- Tommy Atkins – прозвище английского солдата.

Например: Pvt. Danny Cain, a modern Tommy Atkins from Walthamstow, a London suburb, joined the British Army as soon as he was 18 [7].

- Mrs. Suds – прачка;
- Peter Funk – аукционист (набавляющий цену на аукционе);
- John – лакей, дворецкий, официант, полицейский, сыщик;
- cheap John – коробейник, бродячий торговец, торгующий всем по дешёвке.

Например: A cheap John is retailing his rude witticisms... to induce people to purchase his Sheffield cutlery [7].

- Tom Tailor – портной.

Например: «We rend our hearts, and not our garments.» «...The better for yourselves, and the worse for Tom Tailor,» said the Baron [7].

- Captain Armstrong – нечестный жокей, осаживающий лошадь, чтобы проиграть скачку.

2. Национальность и расовая принадлежность.

Для анализа были отобраны 5 английских лексических единиц (9 % от общей выборки).

– John Chinaman – китаец (китайский чернорабочий в мультфильмах девятнадцатого века, изображается с длинной косичкой и шляпой на голове);

- Jim Crow – негр.

Например: Jim Crow specifically dates from the great Populist upsurge of the 1890's... [7].

- John Bull – типичный англичанин.

Например: By some he is called... «a thoroughbred Englishman», by some, «a genuine John Bull»... [7].

There was another reason for changing the destination of John Bull's Other Island. It was uncongenial to the whole spirit of the neo-Gaelic movement, which is bent on creating a new Ireland after its own ideal, whereas my play is very uncompromising presentment of the real old Ireland [1, c. 63].

3. Моральные качества и особенности поведения.

Для анализа были отобраны 29 английских лексических единиц (47 % от общей выборки).

- Peter Funk – трус;
- Tom Thumb – пигмей, ничтожество;
- Mr. Milquetoast – безликий, бесцветный человек, человек «ни рыба, ни мясо».

Например: Mr. Milquetoast goes up to the biker, looks at him sort of sad-like and then karate him into a quivering pulp [7].

– Nosey Parker – любопытный человек, который всюду суёт свой нос, по имени прелата и учёного схоласта Мэтью Паркера, который отличался излишним любопытством и любил совать нос не в свои дела (отсюда использование слова nosey – от глагола to nose, разнюхивать, совать нос – в качестве личного имени).

Например: «Nosey Parkers, these old women», said Craddock [7].

– Beau Brummel – щёголь, денди, франт.

Например: «What's wrong with them?» «The patch on the knee, principally. It creates a bad impression. Haven't you another pair?» «Who do you think I am? Beau Brummel?» [7]

– coal-oil Johnny – мот, транжира.

Например: He spent his money like a coal-oil Johnny... [7].

– Jimmy Woodser – человек, пьющий в одиночку.

Например: «What did you follow him below that time for, Mitchel?...» «I wanted to score a drink», he said. «I thought he wanted one and wouldn't like to be a Jimmy Woodser» [7].

– Mark Tapley – человек, не унывающий ни при каких обстоятельствах (по имени персонажа в романе Ч. Диккенса «Мартин Чеззлвит»).

Например: To be a Mark Tapley in the midst of a London winter fog is not always possible [7].

– Miss Nancy – неженка, «девчонка» (о мальчике, юноше).

Например: I think a dash of femininity in a man is good; but I hate a «Miss Nancy» [7].

– Paul Pry – человек, сующий нос в чужие дела.

Например: There remains then only to be considered the method in which the narrator is not an essential part of the story, but merely a witness... It is true that... it may make the narrator appear something of a Paul Pry... [7].

– Peeping Tom – чересчур любопытный человек, всюду сующий нос; человек, отличающийся нездоровым любопытством.

Например: What right had Mark Hollenbach... to intrude on the private lives of men and women as though he were a common Peeping Tom? [7]

– Johnny-on-the-spot – человек, который всегда готов действовать, всегда на месте; человек, на которого можно рассчитывать; палочка-выручалочка.

Например: He looked, through the hall door and saw the empty hall. Johnny on the spot all right. Two hours early he guessed [7].

– nice Nellie – скромник.

Например: I've got to use «heck» because practically all my editors are... being more rabidly nice Nellie than usual [7].

– Jack Horner – пай-мальчик, любящий полакомиться и прихватнуть.

Например: Little Jack Horner Sat in a corner, Eating a Christmas pie; He put in his thumb, And he pulled out a plum, And said, «What a good boy am I!» ...here and there there is a passage where we cannot refrain, for there is a smack of Jack Horner in all of us... [7].

– John Thomson's man – муж, находящийся у жены под каблуком;

– John Trot – неотёсанный парень, мужлан;

– Merry Andrew – шут, фигляр, гаер.

Например: He found the master of the puppet-show belabouring the back and ribs of his poor Merry Andrew [7].

– John-a-dreams – мечтатель;

– Uncle Tom – 1) покорный, многострадальный негр-слуга, 2) прихвостень, предатель интересов негритянского народа.

Например: 1. Adelbert liked his grandfather. He had always seemed to him a nice old man, perhaps a bit too anxious to be accommodating to the world, shrewd but honest. His father sometimes criticized him as an Uncle Tom, but he, too, had a good deal of respect for him [7].

2. The next morning in Macon, Douglass confronted his father. He was in a cold bitter rage. He told Mansart that he was thoroughly ashamed of him; that he had lost respect which he had once had, because he had found out that his father was a coward and a lick-spittle, an Uncle Tom and a white folk's «nigger» [7].

– Jack the Ripper – преступник, совершивший ряд садистских убийств.

Например: «Come on, get your knife and come here,» I said... drawing him into a dark alley. He glared at me in a frightened manner, and tried to draw back. Possibly he took me for a latter-day Jack the Ripper [7].

4. Физические качества.

Для анализа были отобраны 9 английских лексических единиц (14 % от общей выборки).

– John Long – высокий, долговязый человек;

– Little John – крупный, сильный человек, «маленький Джон, малютка Джон», сильный помощник Робин Гуда;

– Tom Thumb – крошка, карлик, лилипут, мальчик с пальчик.

Например: «Tom Thumb» is a name generally given by showmen to Lilliputians [7].

– John Henry – богатырь, силач-молотобоец.

5. Интеллектуальные особенности.

Для анализа были отобраны 8 английских лексических единиц (13 % от общей выборки).

– proper Charlie – круглый, набитый дурак.

Например: He contradicted everything I said before the assembled company, and made me look a proper Charley [7].

– Johnny One-Note – человек с узким кругозором, который говорит всё время одно и то же;

– clever Dick – умница.

Например: Then, as far as I can make out, one of these clever Dicks from London bought it, lock, stock and barrel... [7].

– the Admirable Crichton – учёный, образованный человек, учёный муж.

Например: Pen, in his character of Admirable Crichton, thought it necessary to be a great judge and practitioner of dinners... [7].

В результате проведённого исследования можно сделать вывод, что некоторые репрезентативные имена в процессе номинации получили несколько предметных соотнесённостей. На базе одного звукового комплекса возникли независимые слова – омонимы, связанные общностью образования, например: Peter Funk – трус и аукционист; Tom Thumb – лилипут и ничтожество.

В результате анализа было выявлено, что наиболее многочисленной является подгруппа, относящаяся к моральным качествам и особенностям поведения – 29 единиц (47 % от общей выборки). Особенность семантики английских репрезентативных имён данной подгруппы состоит в том, что в них преобладает отрицательная коннотация. Это объясняется тем, что отрицательные черты характера и негативные особенности поведения человека порицаются и являются отклонением от системы ценностей, принятых в английской национально-культурной среде.

Библиографический список

1. Балашов, П. С. A Fearless Champion of the truth. Selections from Shaw . – М. : Прогресс, 1977. – 424 с.
2. Кунина, А. В. Англо-русский фразеологический словарь / А. В. Кунина ; лит. ред. М. Д. Литвинова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Русский язык, 1984. – 944 с.
3. Кучешева, И. Л. Антропоцентрический подход к изучению имён собственных во фразеологии (на материале английского и русского языков) // Иностранные языки в школе. № 11 ; гл. ред. Н. П. Каменецкая. – М. : 2014. – С. 48–51.
4. Литвинов, П. П. Англо-русский фразеологический словарь с тематической классификацией. – М. : Яхонт, 2000. – 448 с.
5. Новый большой англо-русский словарь ; под ред. Э. М. Медниковой и Ю. Д. Апресяна. – М. : Русский язык, 1993. – 2496 с.
6. Розенталь, Д. Э. Словарь-справочник лингвистических терминов / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – М. : Просвещение, 1985. – 399 с.
7. Электронный словарь ABBYY LINGVO 12 multilingual [Электронный ресурс]: 130 словарей. – М. : ABBYY, 2006. – 1 электрон. опт. диск (DVD) + 1 электрон. опт. диск (CD). – Систем. требования: IBM PC, Windows 2000 и выше, Word 2003 – Заглавие с коробки.
8. Wordsworth Dictionary of Phrase and Fable. London: Wordsworth, 1993. – 1175 p.

I. L. Kuchesheva, Siberian State University of Physical Education and Sport

ETYMOLOGICAL ANALYSIS OF ENGLISH REPRESENTATIVE NAMES

The article is devoted to English representative names which meaning is realized in the typical national onomastic structure and in the semantic basis of family names from which they are formed.

Keywords: representative names, background knowledge, connotation, etymology, representation.

References

1. Balashov P.S. A Fearless Champion of the truth. Selections from Shaw. *Besstrashnyj pobornik pravdy. Izbrannye trudy Shaw*. Moscow, Progress, 1977. 424 p.
2. Kunin A.V. *Anglo-russkij frazeologicheskij slovar'* [English-Russian phrasebook]. Lit. Ed. M.D. Litvinov. 4th ed., Revised. and ext. Moscow, Russian Language, 1984. 944p.
3. Kuchesheva I.L. Anthropocentric approach to the analysis of proper names in phraseology (on the basis of English and Russian Languages). *Inostrannye yazyki v shkole*, 2014, no 11, pp. 48-51.
4. Litvinov P.P. *Anglo-russkij frazeologicheskij slovar' s tematicheskoy klassifikatsiei* [English-Russian phrasebook with a thematic classification]. Moscow, Yakhont, 2000. 448 p.
5. *Novyj bol'shoj anglo-russkij slovar'* [New big English-Russian Dictionary]. Ed. E.M. Mednikova and Y.D. Apresyan. Moscow, Russian Language, 1993. 2496 p.
6. Rosental, D.E., Telenkova M.A. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Moscow, Prosvetschenie, 1985. 399 p.
7. *Elektronnyj slovar' ABBYY LINGVO 12* [Electronic Dictionary ABBYY LINGVO 12 multilingual]. 2006.
8. *Wordsworth Dictionary of Phrase and Fable*. London. Wordsworth, 1993. 1175 p.

© И. Л. Кучешева, 2016

Автор статьи – Ирина Львовна Кучешева, кандидат филологических наук, доцент, Сибирский государственный университет физической культуры и спорта, г. Омск, e-mail: kuchesheva@rambler.ru

Рецензенты:

О. В. Даниленко, кандидат филологических наук, доцент, Сибирский государственный университет физической культуры и спорта, г. Омск.

Г. Г. Бабалова, доктор филологических наук, доцент, Омский государственный университет путей сообщения.

M. B. Mouseev,
Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СМЫСЛОВЫХ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ОШИБОК

Существующие типологии переводческих ошибок не учитывают одну из задач перевода – выявление не только явного, но и имплицитного смысла текста. Обращение к герменевтике, ставшей базовой научной дисциплиной для философии, литературоведения и филологии, позволяет более точно характеризовать природу переводческих ошибок и наметить пути для их преодоления. Понимание перевода как вида герменевтического дискурса предполагает выявление не только очевидного смысла текста, но и его имплицитного компонента.

При герменевтическом подходе можно разделить все смысловые переводческие ошибки на ошибки узнавания, ошибки понимания и ошибки интерпретации. В этой группе можно выделить две подгруппы. Ошибки первой подгруппы можно охарактеризовать как собственно ошибки интерпретации. Вторую подгруппу ошибок интерпретации можно охарактеризовать как ошибки «понимания-интерпретации». Сопоставительный анализ текстов четырёх романов, написанных на английском языке, и их переводов на русский язык позволил выявить наиболее распространённые типы переводческих смысловых ошибок. Самым распространённым типом смысловых ошибок в переводе текстов, с герменевтической точки зрения, являются ошибки понимания. Следующим типом по частоте встречаемости являются ошибки интерпретации. В этой группе явно превалируют ошибки подгруппы «понимания-интерпретации».

Новизна результатов исследования обусловлена применением герменевтического подхода к процессу перевода текстов, что позволило разработать новую типологию переводческих смысловых ошибок, выявить наиболее частотные виды ошибок и предложить объяснение их природы. Полученные результаты могут способствовать повышению эффективности и качества перевода текстов.

Ключевые слова: герменевтика, переводческая смысловая ошибка, ошибка узнавания, ошибка понимания, ошибка интерпретации.

Оценка качества перевода и разработка типологии переводческих ошибок имеют прикладной характер, но методологический подход к определению природы этих ошибок и путей их преодоления во многом детерминирован теоретической базой, на которую опирается переводчик или переводовед. Традиционный подход к ошибкам в переводах был сформулирован на основе положений, выдвинутых в трудах В. Н. Комиссарова [1], Я. И. Рецкера [2], А. В. Фёдорова [3]. Наиболее детальная классификация, предложенная Д. М. Бузаджи, В. В. Гусевым и др. [4], в принципе продолжает ставшее классическим направление в теории перевода.

Иную классификацию, основанную на психолингвистическом подходе, предложил А. Б. Шевнин, который подразделяет переводческие ошибки на ошибки восприятия (когда оригинал оказывается непонятым), ошибки порождения (неудачный выбор средств языка перевода приводит к появлению искажений и неточностей) и ошибки восприятия-порождения [5]. Достоинством данной типологии является обращение к первопричинам ошибок в переводе.

Обращение к герменевтике, ставшей актуальной для таких областей, как философия или литературоведение, позволит более точно характеризовать природу переводческих ошибок при передаче смысла и наметить новые пути их преодоления. Актуальность исследования герменевтической природы перевода определяется антропоцентрической парадигмой современной лингвистики, так как проблемы языковой личности переводчика, степени адекватности понимания и интерпретации при совмещении двух разных языковых картин мира являются не только новыми в переведоведении, но и практически значимыми для анализа переводческих решений. Хотя ситуации герменевтического характера можно обнаружить в различных сферах науки, исторически сложилось так, что первоначально герменевтика была связана именно с развитием гуманитарных наук, прежде всего с переводом. Словом «герменес», встречавшимся уже у Пиндара и Эсхила, назывался человек, занимавшийся переводом и одновременно толкованием чуждых или непосредственно непонятных текстов [6].

Применительно к теории и практике перевода можно использовать узкое понимание термина «герменевтика», подразумевающего искусство (технику) интерпретации текстов [7]. По определению В. И. Карасика, суть герменевтического дискурса состоит в истолковании некоторого неочевидного смысла [8]. Так как перед переводчиком стоит задача средствами переводящего языка передать

смысл текста, созданного не только средствами иного языка, но и в границах другой картины мира, на первый план выходят проблемы узнавания, понимания и интерпретации, характеризующиеся разной степенью проникновения в смысл. Восприятие – первый шаг к осознанию линейного развёртывания текста. Понимание – это процесс перекодирования, переход от линейной структуры, образуемой совокупностью языковых знаков, к структуре его содержания. Интерпретация – переход на ещё более глубинный уровень понимания, включающий рефлексию над воспринятым и понятым [8]. При переводе текста интерпретацию можно разделить на два этапа. Первый – интерпретация переводчиком текста для себя. На данном этапе формируются переводческие стратегии. Второй этап – интерпретация переводчиком текста для адресата (получателя информации). На этом этапе в основном принимаются решения относительно переводческих тактик.

Таким образом, перевод можно определить как герменевтический дискурс. К герменевтическому дискурсу его можно отнести на том основании, что он представляет собой результат узнавания, понимания и интерпретации смысла, выражаемого с помощью совокупности языковых знаков, порождённой представителем (представителями) одной лингвокультуры, посредством переводящего языка для носителей другой лингвокультуры. Одной из основных задач переводчика является выявление и интерпретация неявного смысла текста. Иными словами, перевод текста по своей природе является герменевтическим.

Степень точности перевода, его уровень приближённости к смыслу оригинала зависят от того, насколько точно переводчик понял этот смысл. Адекватность восприятия информации, содержащейся в тексте, реципиентом определяется интерпретацией переводчиком оригинала, удачным или неудачным выбором языковых средств. Например, в романе Терри Пратчетта «Night Watch» («Ночная Страж») есть эпизод, в котором однокурсник вырывает книгу с изображением тигра в чаще и бросает её в камин. В оригинале кульминацией эпизода является предложение «*Tiger burned brightly*». Переводчик выбрал очень удачное решение, интерпретировав его как «Тигр светло горел» [10]. Успех переводческого преобразования определяется тем, что переводчик узнал прецедентное высказывание «*Tyger! Tyger! Burning bright*» из стихотворения В. Блейка «The Tyger», относящегося к классическим английским поэтическим текстам и известного большинству носителей английской лингвокультуры. Кроме того, он понял, что высказывание использовано автором в изменённом виде и при прямом переводе может остаться неопознанным и непонятым носителем русской лингвокультуры. В результате смысл, заложенный автором, будет в переводе утерян. На этапе интерпретации Н. Берденников использует трансформированное высказывание из перевода стихотворения В. Блейка на русский язык, созданного С. Маршаком, «Тигр, о тигр, светло горящий», определив, что в таком виде оригинальное прецедентное высказывание может быть узнано носителями русской лингвокультуры, знакомыми с переводом С. Маршака. Для точности узнавания переводчик сохраняет порядок слов из перевода С. Маршака, поставив наречие «светло» перед глаголом. Таким образом, успешное переводческое решение было достигнуто в результате узнавания, понимания и интерпретации части текста.

Понятие «переводческая ошибка» не является общепринятым в теории и практике перевода. Д. М. Бузаджи и др., отмечая традиционное толкование как «смысловое искашение», предлагает рассматривать следующие группы ошибок: нарушения при передаче смысла, нарушения, связанные с передачей стилистических характеристик оригинала, нарушения, связанные с передачей авторской оценки, нарушения нормы и узуса переводящего языка [11]. Признавая правомерность такого подхода и его эффективность в практической деятельности при экспертизе и оценке перевода, следует отметить, что данная типология учитывает характер, а не природу возникновения ошибки. При герменевтическом подходе можно разделить все смысловые переводческие ошибки на ошибки узнавания, ошибки понимания и ошибки интерпретации. К смысловым ошибкам следует отнести такие ошибки, которые искажают первоначальный смысл или затрудняют понимание текста, нарушая интенциональность или интенцию текста. Под интенцией, вслед за Н. В. Орловой, мы понимаем конкретную цель текста (высказывания), а под интенциональностью – намерение автора текста построить связанный и содержательный текст [12].

Ошибкаю узнавания можно считать опущение релевантной информации, относящейся к денотативному компоненту текста, либо отнесение переводчиком объекта, явления, процесса к другой понятийной категории, вызывающее образование разрыва между денотативным компонентом исходного текста и перевода. Опущение релевантной информации необходимо отличать от переводческой трансформации опущения, при которой возможно опущение нерелевантной информации. Ошибки узнавания, допущенные одним переводчиком, легко распознаются другими квалифицированными переводчиками.

Например, распространёнными ошибками узнавания являются случаи буквального перевода фразеологических единиц. Так, название романа Дж. А. Чейза «Miss Shumway Waves a Wand» переводчик передал как «Мисс Шамуэй правит бал» [13]. В русском языке фразеологизм «править бал» используется для обозначения того, кто управляет, распоряжается чем-либо. Персонаж романа Мисс Шамуэй находится в центре событий, но она не управляет ими, наоборот, с ней всё время что-то происходит. Более того, в её теле вселяется индийский дух и манипулирует ей, даже заставляет совершить убийство. Вряд ли такого человека можно считать управляющим всем. Несомненно, перевод был бы иным, если бы переводчик узнал фразеологизм «with a wave of a wand» (по мановению волшебной палочки). Использование данного фразеологизма, несомненно, продиктовано тем, что по ходу действия главная героиня совершает различные чудеса. Дополнительной подсказкой для адекватного понимания и истолкования названия романа является тот факт, что мисс Шамуэй по роду своей деятельности была фокусницей, а атрибутом фокусников часто выступает «волшебная» палочка.

Принято считать, что процесс принятия переводческого решения представляет собой своеобразный чёрный ящик и не поддаётся анализу. С целью верификации гипотезы о причинах выбора переводческого решения и влияния узнавания лексической единицы на результат был предпринят эксперимент реконструкции данного процесса. Группе студентов 2 курса факультета иностранных языков Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского общей численностью 25 человек было предложено ответить на вопросы анкеты, в которой предлагалось сопоставить английское название романа и его перевод на русский язык и ответить на четыре вопроса: «Считаете ли вы перевод адекватным?», «Считаете ли вы необходимым предложить другой вариант перевода?», «Как вы понимаете английское название?», «Какая связь существует между словосочетаниями «wave a wand» в английском названии романа и «правит бал» в его переводе на русский язык?». Данная группа опрошенных студентов выступила в качестве контрольной.

22 студента сочли перевод адекватным, 20 не сочли нужным предлагать иной вариант перевода. Смысл ответов на остальные два вопроса у 90 процентов опрошенных свёлся к следующему. Тот, кто машет палочкой или жезлом, дирижирует, управляет каким-либо процессом, например, исполнением музыкального произведения оркестром. Следовательно, мисс Шамуэй управляла чем-то, была человеком, контролирующим положение, иными словами – управляла всем. Таким образом, можно сказать, что она правит бал.

Экспериментальной группе студентов 2 курса, состоявшей из 26 человек, была предложена такая же анкета. Предварительно они были ознакомлены со значением фразеологизма «with a wave of a wand» и с кратким изложением содержания романа. 25 опрошенных в контрольной группе не сочли перевод адекватным. 25 предложили иной вариант перевода. Причём самыми распространёнными вариантами были: «Мисс Шамуэй творит чудеса» (15 из 25) и «Мисс Шамуэй показывает фокусы» (7 из 25).

Представляется, что результаты анкетирования с достаточной степенью надёжности доказывают роль узнавания фразеологической единицы в повышении степени адекватности перевода.

К ошибкам понимания следует отнести случаи, когда при узнавании объекта и сохранении части сигнификативного компонента смыслового содержания текста переводчик игнорирует коннотативный компонент смыслового содержания текста или относит объект к иной категории. Это вызывает разрыв между денотативным либо коннотативным компонентами исходного текста и перевода. Причинами ошибок понимания часто являются различия в языковых картинах мира.

Например, в романе Д. Френсиса «Dead Cert» («Фаворит») имеется эпизод, в котором герой в схватке с бандитами использует средство, имеющееся у него под рукой. «Чтобы скрыть растерянность, я уронил скаковые очки и медленно наклонился, лениво поднял их. Когда Виктор был в пятнадцати шагах от меня, я дал длинному ремню от очков сползти с плеча и, подхватив его рукой, резким взмахом, что есть силы, подсёк, как кнутом, ноги рослого человека, так что он потерял равновесие» [14]. В оригинальном тексте использовано словосочетание «gave glasses», которое можно перевести на русский язык и как «скаковые очки». Тем более, что главный герой является жокеем-любителем, а жокеи на скачках носят скаковые очки. Таким образом, говорить об ошибке узнавания нельзя. Но ошибка присутствует, так как очки для скачек не могут обладать достаточным весом, чтобы можно было с их помощью свалить с ног взрослого человека. Не могут они иметь и такого длинного ремня. В описываемом эпизоде герой не участвовал в скачках, а был зрителем. Всё это доказывает, что переводчик соотнёс лексическую единицу не с тем денотатом, то есть имела место ошибка понимания. Представляется,

что в данном случае причиной ошибки является расхождение в языковых картинах мира автора текста, профессионального наездника и переводчика. В английской культуре скачки имеют большее значение, чем в русской культуре. Отчёты о них печатаются в газетах, большое количество зрителей посещает ипподромы, и очень многие из них берут с собой специальные бинокли для скачек. Эти бинокли являются достаточно тяжёлыми и для удобства снабжены длинным ремешком. Как раз такой бинокль и имел в виду Д. Френсис. Переводчик же соотносит слово «glasses» не с оптическим устройством, а с защитным в силу того, что скачки в России не так популярны, а зрители не пользуются специальными биноклями. Поэтому данное явление и не было в фокусе языковой картины мира переводчика.

Сходную ошибку понимания допустила Н. Тренева в переводе романа А. Конан Дойла «Этюд в багровых тонах». В начале романа доктор Ватсон отправляется в Афганистан в 1878 году и принимает участие в военных действиях, в результате чего он получил тяжёлое ранение и был эвакуирован. «Измученный раной и ослабевший от длительных лишений, я вместе с множеством других раненых страдальцев был отправлен поездом в главный госпиталь в Пешавар» [15]. В оригинальном тексте использовано слово «train», которое можно перевести и как «поезд». Но в 1878 году железной дороги из Афганистана в Пешавар не существовало. Слово «train» использовано автором в значении «обоз, караван». Таким образом, возникает разрыв между денотативным компонентом исходного текста и перевода, причиной которого явилась ошибка понимания.

Ошибки интерпретации неоднородны. В этой группе можно выделить две подгруппы. Ошибки первой подгруппы можно охарактеризовать как собственно ошибки интерпретации. Они возникают при выборе переводчиком таких средств из языка перевода для передачи интенции автора, которые не соответствуют в полной мере нормам и узусу исходного языка.

Например, в романе П. Г. Вудхауза «Heavy Weather» («Задохнуться можно») один молодой джентльмен сообщает другому, что в замке, куда тот направляется, гостит девушка, с которой он был помолвлен. «Her name's Sue. Sue Brown». «What!» «Sue Brown». «Not Sue Brown?» [16]. В соответствии с узусом английской речи форма вопроса, включающая отрицание *not* и имя, используется для выражения удивления. В переводе этого романа мы находим отрицательную форму вопросительного предложения, использующуюся для уточнения. «Ее зовут Сью Браун. Что! Сью Браун. Это не Сью Браун?» [17].

К собственно ошибкам интерпретации следует отнести и замену одного стилистического приёма другим или изменение в самом стилистическом приёме. В романе Д. Брауна «The Da Vinci Code» ведущая, представляя аудитории профессора Лэнгдона, зачитывает журнальную статью о нём, в которой приводится отзыв студенток о его голосе: «his female students describe as «chocolate for ears» [18]. В переводе происходит изменение стилистического приёма, создающего эффект, отличающийся от авторской интенции, «который, по мнению студенток, действует «прямо как шоколад на уши» [19]. Переводчик вставляет глагол «действует», изменяющий статический характер сравнения на динамический, чтоискажает смысл высказывания.

Вторую подгруппу ошибок интерпретации можно охарактеризовать как ошибки «понимания-интерпретации». Они связаны с заменой либо денотативного, либо коннотативного компонентов в тексте оригинала на сходные компоненты, но характеризующиеся иными родо-видовыми или партитивными отношениями. В романе А. Конан Дойла «Этюд в багровых тонах» доктор Ватсон сообщает следующее: «took my degree of doctor of medicine» [20]. Переводчик интерпретирует это как «получив звание врача» [21]. Понятие «врач» шире, чем понятие «доктор медицины», соответствующее высшей учёной степени в медицине. Таким образом, в данном случае имеет место замена гипогипонимического характера. Такая замена может считаться ошибкой в тех случаях, когда в результате происходит немотивированное отклонение от авторской интенции.

Например, в переводе романа Д. Брауна «Код Да Винчи» ведущая вечера, представляющая аудитории профессора Лэнгдона, который должен был прочесть лекцию в университете, использует цитату из журнальной статьи о нём, характеризующую его как личность не только известную в научных кругах, но и вызывающую большой интерес в силу некоторой таинственности его деятельности. «Отказ мистера Лэнгдона рассказать средствам массовой информации о своей необычной роли в прошлогоднем совещании в Ватикане определённо помог ему набрать очки в борьбе за вхождение в первую десятку «интриганов» [22]. В оригинале используется слово «conclave» (конclave), означающее не просто совещание, а заседание коллегии кардиналов, т. е. верхушки католической церкви. Причастность Лэнгдона к такому событию, по замыслу автора, должна придать его фигуре больше значимости. Замена гипонима «конclave» его гиперонимом «совещание» снижает эту степень

значимости и нарушает авторскую интенцию. Следовательно, такую замену можно считать недостаточно мотивированной, что позволяет отнести переводческое решение к ошибочным.

В переводе романа П. Г. Вудхауза «Heavy Weather» («Задохнуться можно») молодой джентльмен, только что прибывший в замок, узнаёт от дворецкого, что состоится не просто семейный обед, а приём с участием представителей местного дворянства. Молодой человек говорит дворецкому: «Пойду, надену белый галстук» [23]. В английском тексте действительно используется выражение «white tie», но обозначает оно не галстук определённого цвета, а фрак, который принято надевать в аристократических семьях в торжественных случаях. В приглашениях на приём необходимость надеть фрак обозначается сочетанием «white tie», поэтому у носителей английской лингвокультуры оно ассоциируется именно с торжественной формой одежды. Белый фрачный галстук является только частью данного вида одежды. Русский читатель вряд ли может быть осведомлён о такой ассоциации. Здесь происходит недостаточно мотивированная замена в переводе обозначения целого обозначением части или нарушение партитивного вида семантической связи.

Часто причиной неадекватной интерпретации является неточное понимание значения языковой единицы. Следовательно, ошибки интерпретации связаны с пониманием смысла.

С целью выявления наиболее распространенных видов переводческих смысловых ошибок и определения природы и причин их возникновения был предпринят сопоставительный анализ исходных текстов и их переводов. В качестве материала исследования использовались роман Артура Конан Дойла «A Study in Scarlet» [24] и его перевод на русский язык Н. Треневой [25], роман Д. Френсиса «Dead Cert» [26] и перевод С. Болотина и Т. Сикорской [27], роман П. Г. Вудхауза «Heavy Weather» [28] и его перевод Н. Трауберг [29], роман Д. Брауна «The Da Vinci Code» [30] и его перевод на русский язык Н. В. Рейн [31].

В ходе исследования применялись дефиниционный анализ, контекстуальный анализ и статистическая обработка собранных данных. Для проверки отдельных положений проводилось анкетирование студентов второго и третьего курсов факультета иностранных языков ОмГУ им. Ф. М. Достоевского.

Сопоставительный анализ вышеуказанных источников позволил выделить 419 переводческих ошибок, которые можно отнести к смысловым. Из них 78 являются ошибками узнавания, что составляет 18,6 % от общего количества выявленных ошибок. 206 случаев следует охарактеризовать как ошибки понимания, что составляет 49,2 %. К ошибкам интерпретации можно отнести 135 случаев (32,2 %). Из них 55 относятся к подгруппе ошибок собственно интерпретации, что составляет 40,7 % ошибок группы интерпретации. Ошибки подгруппы «понимания-интерпретации» выявлены в 80 примерах (59,3 % ошибок группы интерпретации).

Таким образом, самым распространённым типом смысловых ошибок в переводе текстов с герменевтической точки зрения являются ошибки понимания. Следующим по частоте встречаемости типом являются ошибки интерпретации. Хотя необходимо отметить, что эта группа весьма неоднородна. В ней явно превалируют ошибки подгруппы «понимания-интерпретации». Можно предположить, что это обусловлено связью интерпретации явлений языка и дискурса с их пониманием переводчиком.

Новизна результатов исследования обусловлена применением герменевтического подхода к процессу перевода текстов, что позволило разработать новую типологию переводческих смысловых ошибок, выявить наиболее частотные виды ошибок и предложить объяснение их природы. Полученные результаты могут способствовать повышению эффективности и качества перевода текстов. Возможные сферы их применения не ограничиваются непосредственно самим процессом перевода в бюро переводов или отдельными переводчиками, работающими по заказам издательств, но могут также использоваться в процессе редактирования перевода или при экспертизе его качества.

Библиографический список

1. Комиссаров, В. Н. Современное переводоведение : учеб. пособие / В. Н. Комиссаров. – М. : ЭТС, 2002. – 424 с.
2. Рецкер, Я. И. Теория перевода и переводческая практика: Очерки лингвистической теории перевода / Дополнения и комментарии Д. И. Ермоловича / Я. И. Рецкер. – М. : Р. Валента, 2004. – 240 с.
3. Фёдоров, А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы) / А. В. Фёдоров. – М. : Высшая школа, 1983. – 303 с.

4. Новый взгляд на классификацию переводческих ошибок / Д. М. Бузаджи [и др.] ; общ. ред. И. И. Убина. – М. : Всероссийский центр переводов, 2009. – 119 с.
5. Шевнин, А. Б. Переводческая эрратология: теория и практика : монография / А. Б. Шевнин. – Екатеринбург : УрГИ, 2010. – 138 с.
6. Филатов, В. П. К типологии ситуации понимания / В. П. Филатов // Вопросы философии. – 1983. – № 10. – С. 77.
7. Язык средств массовой информации : учебное пособие для вузов / под ред. М. Н. Володиной. – М. : Академический Проект; Альма Матер, 2008. – С. 99.
8. Карасик, В. И. Комментарий как жанр герменевтического дискурса / В. И. Карасик // Язык, коммуникация и социальная среда : сбор. науч. трудов. – Вып. 7. – Воронеж, 2009. – С. 32.
9. Орлова, Н. В. Анализ и интерпретация текста : учебное пособие / Н. В. Орлова. – Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2015. – С. 36.
10. Пратчетт, Т. Ночная стража : роман / Терри Пратчетт ; пер. с англ. Н. Берденникова. – М. : Эксмо ; Спб. : Домино, 2011. – С. 209.
11. Новый взгляд на классификацию переводческих ошибок / Д. М. Бузаджи [и др.] ; общ. ред. И. И. Убина. – М. : Всероссийский центр переводов, 2009. – С. 34–65.
12. Орлова, Н. В. Анализ и интерпретация текста : учебное пособие / Н. В. Орлова. – Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2015. – С. 34.
13. Чейз, Дж. Х. Мисс Шамуэй правит бал / Дж. Х. Чейз // Свидетелей не будет. – М. : ЗАО Центрполиграф, 2007. – С. 5.
14. Френсис, Д. Фаворит / Д. Френсис // Английский детектив ; пер. с англ. – М. : Правда, 1983. – С. 654–655.
15. Дойл, А. К. Этюд в багровых тонах / А. К. Дойл // Полное собрание повестей и рассказов о Шерлоке Холмсе в одном томе ; пер. с англ. – М. : Эксмо, 2015. – С. 5.
16. Wodehouse P. G. Heavy Weather / P. G. Wodehouse. Harmondsworth : Penguin Books Ltd, 1973. – С. 24.
17. Вудхауз, П. Г. Задохнуться можно / П. Г. Вудхауз // Билл Завоеватель. Задохнуться можно. Замороженные деньги. Летняя блажь. – М. : Остожье, 1999. – С. 241.
18. Brown D. The Da Vinci Code / D. Brown. London : A Random House Group Company, 2009. – С. 20.
19. Браун, Д. Код да Винчи / Д. Браун. – М. : АСТ : Астрель, 2011. – С. 13.
20. Doyle A. C. A Study in Scarlet. / A. C. Doyle. // A Study in Scarlet and The Sign of the Four. – Ware: Wordsworth Editions Limited, 2004. – С. 3.
21. Дойл, А. К. Этюд в багровых тонах / А. К. Дойл // Полное собрание повестей и рассказов о Шерлоке Холмсе в одном томе ; пер. с англ. – М. : Эксмо, 2015. – С. 5.
22. Браун, Д. Код да Винчи / Д. Браун. – М. : АСТ : Астрель, 2011. – С. 13.
23. Вудхауз, П. Г. Задохнуться можно / П. Г. Вудхауз // Билл Завоеватель. Задохнуться можно. Замороженные деньги. Летняя блажь. – М. : Остожье, 1999. – С. 265.
24. Doyle A. C. A Study in Scarlet. / A. C. Doyle // A Study in Scarlet and The Sign of the Four. – Ware: Wordsworth Editions Limited, 2004. – С. 3–106
25. Дойл, А. К. Этюд в багровых тонах / А. К. Дойл // Полное собрание повестей и рассказов о Шерлоке Холмсе в одном томе ; пер. с англ. – М. : Эксмо, 2015. – С. 5–96.
26. Francis D. Dead Cert. / D. Francis. – London : Pan Books Ltd, 1980. – 238 с.
27. Френсис, Д. Фаворит / Д. Френсис // Английский детектив ; пер. с англ. – М. : Правда, 1983. – С. 463–702.
28. Wodehouse P. G. Heavy Weather / P. G. Wodehouse. Harmondsworth : Penguin Books Ltd, 1973. – 249 с.
29. Вудхауз, П. Г. Задохнуться можно / П. Г. Вудхауз // Билл Завоеватель. Задохнуться можно. Замороженные деньги. Летняя блажь. – М. : Остожье, 1999. – С. 229–374.
30. Brown D. The Da Vinci Code / D. Brown. London : A Random House Group Company, 2009. – 590 с.
31. Браун, Д. Код да Винчи / Д. Браун. – М. : АСТ : Астрель, 2011. – 542 с.

M. V. Moiseev, Omsk State University named after F. M. Dostoevsky

HERMENEUTICAL ASPECT OF THE DISTORTION OF SENSE IN THE TRANSLATION

Approach to the translation errors concerning both their definition and classification was formed on the theoretical basis formed in the works by Professors V.N.Komissarov, Y.I.Retsker, A.V.Fedorov. Despite its merits it is limited to the character of the consequences of the translator's decisions. Application of the hermeneutics which has become one of the fundamentals of philosophy and philology will provide opportunity to take into account the nature of the translation process itself and asses not only effects but causes as well.

Hermeneutical approach allows us to shift focus from interpreting explicitly expressed sense of any part of the text to implicit sense. Three main categories of the hermeneutical analysis of the discourse (recognition, comprehension, interpretation) form the basis of the explanation and assessment of the errors in

the translation. A new typology of the translator's errors of rendering the sense of the text may be suggested from this point of view. This classification includes following types of the distortion of sense: errors of recognition, errors of comprehension and errors of interpretation. The last group may be divided into two subgroups: proper errors of interpretation and errors of both comprehension and interpretation.

The comparative analysis of four books in English and their Russian translations revealed 419 cases of the distortion of the sense of the text. The research of their nature from the hermeneutical point of view proved that they belong to one of the above-mentioned groups thus confirming the correctness of the suggested classification.

The statistical analysis showed that the errors of comprehension found in 206 cases (corresponding to 49,2% of all collected samples of errors in the studied material) constitute the prevalent type of mistakes in translation. The second most frequent type of the distortion of the sense of the text is error of interpretation (135 cases or 32,2% of all collected samples of errors in the studied material). But the latter is not homogeneous. Within this group the errors of «comprehension-interpretation» subgroup revealed in 80 cases constitute the most prevalent subtype.

Keywords: hermeneutics, hermeneutical discourse, distortion of sense in the translation, error of recognition, error of comprehension, error of interpretation

References

1. Komissarov V.N. *Sovremennoye perevodovedenie*. [Modern theory of translation]. Moscow, ATS, 2002. 424 p.
2. Retsker, Ya.I. *Teoriya perevoda i perevodcheskaya praktika: Ocherki lingvisticheskoy teorii perevoda*. [Theory of translation and practice of translation]. Moscow, R.Valenta, 2004. 240 p.
3. Fyodorov, A.V. *Osnovy obschey teorii perevoda (lingvisticheskie problemy)*. [Fundamentals of the general theory of translation (linguistic problems)]. Moscow, High School, 1983. 303 p.
4. *Novyy vzglyad na klassifikatsiyu perevodcheskikh oshibok*. [A new view on the classification of translation errors]. Moscow, All-Russian center of translations, 2009.119 p.
5. Shevnin, A.B. *Perevodcheskaya erratologiya: teoriya i praktika: monografiya*. [Erratology of translation:theory and practice: monograph]. Ekaterinburg, UrGI, 2010.138 p.
6. Filatov, V.P. On the typology of the situations of comprehension. 1983 *Voprosy Filosofii*, 1983, no.10, pp. 71-78.
7. *Yazyik sredstv massovoy informatsii : Uchebnoe posobie dlya vuzov*. [The language of mass media]. Moscow, Academic Project; Alma Mater, 2008.760 p.
8. Karasik, V.I. Commentary as genre of germeneutical discourse. *Yazyik, kommunikatsiya i sotsialnaya sreda: Sbor. nauchn. trudov*. vol. 7. – Voronezh, Voronezh state university, 2009. p. 32-47.
9. Orlova, N.V. *Analiz i interpretatsiya teksta : uchebnoe posobie* [Analysis and interpretation of the text]. Omsk, Omsk state university publ., 2015. 188 p.
10. Pratchett, T. *Nochnaya strazha* [Night watch]. Moscow, Eksmo ; Stpetersburg, Domino, 2011. 528 p.
11. *Novyy vzglyad na klassifikatsiyu perevodcheskikh oshibok*. [A new view on the classification of translation errors]. Moscow, All-Russian center of translations, 2009.119 p.
12. Orlova, N.V. *Analiz i interpretatsiya teksta : uchebnoe posobie* [Analysis and interpretation of the text]. Omsk, Omsk state university publ., 2015. 188 p.
13. Cheyz, Dzh.H. *Miss Shamuey pravit bal* [Miss Shumway waves a wand] Dzh.H.Cheyz. Moscow, Tsentrpoligraf, 2007. 211 p.
14. Frensis, D. *Favorit*. [Dead cert]. Moscow, Pravda, 1983. p. 463-702.
15. Doyl, A.K. *Etyud v bagroyiy tonah* [Study in Scarlet]. Moscow, Eksmo, 2015. 96 p.
16. Wodehouse P. G. *Heavy Weather*. Harmondsworth, Penguin Books Ltd, 1973. 249 p.
17. Vudhauz P.G. *Zadohnutsya mozhno*. [Heavy weather]. Moscow, Ostozhe, 1999. – pp. 229-374.
18. Brown D. *The Da Vinci Code*. London, A Random House Group Company, 2009. 590 p.
19. Braun D. *Kod da Vinchi*. [The Da Vinci Code]. Moscow, AST, Astrel, 2011. 542 p.
20. Doyle A. C. *A Study in Scarlet*. Ware, Wordsworth Editions Limited, 2004. 54 p.
21. Doyl, A.K. *Etyud v bagroyiy tonah* [Study in Scarlet]. Moscow, Eksmo, 2015. 96 p.
22. Braun D. *Kod da Vinchi*. [The Da Vinci Code]. Moscow, AST, Astrel, 2011. 542 p.
23. Vudhauz P.G. *Zadohnutsya mozhno*. [Heavy weather]. Moscow, Ostozhe, 1999. – pp. 229-374.
24. Doyle A. C. *A Study in Scarlet*. Ware, Wordsworth Editions Limited, 2004. 54 p.
25. Doyl, A.K. *Etyud v bagroyiy tonah* [Study in Scarlet]. Moscow, Eksmo, 2015. 96 p.
26. Francis D. *Dead Cert*. London, Pan Books Ltd, 1980. 238 p.
27. Frensis, D. *Favorit*. [Dead cert]. Moscow, Pravda, 1983. p. 463-702.
28. Wodehouse P. G. *Heavy Weather*. Harmondsworth, Penguin Books Ltd, 1973. 249 p.
29. Vudhauz P.G. *Zadohnutsya mozhno*. [Heavy weather]. Moscow, Ostozhe, 1999. – pp. 229-374.

30. Braun D. *Kod da Vinchi*. [The Da Vinci Code]. Moscow, AST, Astrel, 2011. 542 p.
31. Braun D. *Kod da Vinchi*. [The Da Vinci Code]. Moscow, AST, Astrel, 2011. 542 p.

© М. В. Моисеев, 2016

Автор статьи – Михаил Владимирович Моисеев, кандидат филологических наук, доцент, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, e-mail: kafedra110a@yandex.ru

Рецензенты:

Г. Г. Галич, доктор филологических наук, профессор, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского.

И. В. Бердникова, кандидат филологических наук, доцент, Омский государственный педагогический университет.

УДК 81.37

DOI 10.17238/issn1998-5320.2016.24.58

Л. Б. Никитина,
Омский государственный педагогический университет

ЯЗЫКОВАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПЕРЕХОДА К ВОЗРАСТУ СТАРОСТИ

На материале высказываний разных стилей и жанров, а также данных психолингвистического анкетирования выявляются особенности отражения в русском языке представлений о начале возраста старости.

Ключевые слова: языковая картина мира, языковой образ человека, старость.

Одна из активно решаемых современной отечественной лингвоантропологией задач – семантическая реконструкция образа человека по данным русского языка. Весомый вклад в разработку данной проблематики вносят представители Омской лингвоантропологической школы: признавая многоаспектность языкового образа человека, исследователи обращаются к особенностям отражения в языке разных сторон, проявлений, ипостасей человека [1].

Исследования образа человека по данным русского языка опираются на понятие языковой картины мира, под которой понимаются «запечатлённые в языке процессы и результаты концептуализации действительности как проявление творческой мыслительной и языковой/речевой активности человека, характеризующиеся количественной и качественной нетождественностью с процессами и результатами научной концептуализации мира в сознании человека» [2, с. 26].

Для языковой концептуализации действительности характерны противоречивость и неполнота отражения мира и человека как главного его объекта, множественность авторских языковых картин мира, сочетание общечеловеческого, национально-специфического и личностного начал.

Языковой образ человека как центральный фрагмент языковой картины мира также характеризуется нетождественностью с научными знаниями; в нём сочетается реальное и воображаемое, достижения науки соседствуют с противоречащими им наивными представлениями о человеке.

Одной из важнейших отражённых в языке характеристик человека является возраст. В языковом сознании закреплено представление о дискретности человеческого возраста и свойственных каждому возрастному этапу характеристиках, что соотносится как с научной картиной мира, так и с наивным видением мира и человека. Ср. : *Каждый возраст в человеческой жизни имеет нормативы, при помощи которых можно оценить адекватность развития индивида и которые касаются психофизического, интеллектуального, эмоционального и личностного развития. Переход к следующему этапу происходит в форме кризисов возрастного развития* [3, с. 287]. – *Молодой человек подобен весне, средних лет – лету, а старый – осени, богатой своими впечатлениями* (Я. Протасевич).

Заключительным этапом человеческой жизни является старость (пожилой возраст). Возраст старости является предметом исследования разных наук о человеке. В биологии, психологии, социологии по-разному решается проблема определения нижней границы старости, то есть того, когда старость начинается (ответ на вопрос, когда и чем старость заканчивается, однозначен). Основная трудность определения начала возраста старости заключается в том, что старение – процесс длительный, плавный, индивидуальный, и поэтому трудно чётко отделить старость от среднего возраста. В связи с

этим наблюдается и терминологическая разноголосица: например, в разных научных трактатах термины *старость* и *пожилой возраст* употребляются либо как синонимы, либо указывают на разные возрастные этапы человеческой жизни. Учёные солидарны в одном: биологические, психологические, социальные границы старости условны.

В языке отражаются обусловленные экстралингвистическими факторами представления его носителей о старости. По данным русского языка, старость – это часто пугающая неизбежность, связанная с физической немощью и негативными эмоциями, и в редких случаях удовлетворённость от покорения вершин мудрости. Например: *Но вы тоже постареете, друг мой, и узнаете, как это горько!* (И. Тургенев); *Безоблачная старость – это миф* (И. Губерман); *Старость – это когда не можешь самостоятельно за собой следить, тебе ничего не интересно, ты ни к чему не стремишься. Надеюсь, что не доживу до такого* (И. Бабушкин). Ср.: *Старость – это радость! Это возможность заниматься любимым хобби. Это счастье видеть продолжение себя в детях и внуках, воспитание которых приносит теперь только удовольствие. Это новый взгляд на мир – через линзу прожитых лет. Умение видеть прекрасное, лучшее понимание человеческих отношений* (О. Филимонова); *Старость – это мудрость и доброта. Я не боюсь старости* (Е. Галкина).

В русской языковой картине мира отражаются традиционные для русской и других культур представления как о возрастных этапах жизни человека, так и об отсчёте (начале) возраста старости. Известно, например, кавказское долголетие (которого, кстати, часто желают в поздравлениях людям разных возрастов), раннее взросление и материнство женщин Востока и связанное с этим преждевременное изнашивание организма: *По кавказским понятиям семьдесят лет – это ещё джигит!* – на гору, на коня, на женщину. *И Сталин тоже ещё вполне здоров, ему надо обязательно дожить до девяноста, он так загадал, так требуют дела* (А. Солженицын); Узбекские женщины *стареют рано*. В сорок лет Фатима, беспрестанно рожавшая с пятнадцати лет, была уже старухой (*«Аргументы и факты»*, 2011); *По Корану до 40 лет мужчина ещё ребёнок. И только после 40 наступает зрелость. В прошлом году я женился на Свете, это мой второй брак. Чувствую себя на 30!* (Р. Ибрагимов). В последнем примере известный певец говорит о том, почему на седьмом десятке лет считает себя молодым: причины кроются в национальном взгляде на возраст и благополучном устройстве личной жизни.

В России наступление возраста старости в разное время определялось по-разному. Проанализированный нами материал даёт основание говорить о том, что в прежние времена старели раньше, чем сейчас, ср. примеры из произведений писателей XIX – начала XX вв. и высказывания наших современников: *Старик (ему было под пятьдесят лет, он женился очень поздно) догадался наконец, что дело не идёт на лад...* (И. Тургенев); *Презабавный старикиша и добрейший, – прибавил Базаров, как только Василий Иванович [человек 60 лет] вышел* (И. Тургенев); *Хозяин шапочного заведения, ... старик лет пятидесяти* (В. Вересаев). – «*42 километра не расстояние, 57 лет не возраст!*» – так говорит Людмила Петровна, постоянная участница сибирского марафона (из т/п); *Ну какая старость? 60 лет. Отец не жаловался никогда* (из разг.); *Криста, вам до старости ещё терпеть лет сорок* (И. Сахновский) – высказывание адресовано женщине средних лет; *Молодые дамы лет пятидесяти прогуливались по набережной. До старости ещё далеко – о чём печалиться?* (*«Жизнь»*, 2010). В то же время у одного автора можно найти противоречивые характеристики одного и того же календарного возраста, ср. приведённые выше высказывания из произведений И. С. Тургенева, в которых человек под пятьдесят лет именуется стариком, с высказыванием, в котором подобный возраст не рассматривается как возраст старости: *Перед раскрытым окном ... сидели две женщины: одна – лет пятидесяти, другая – уже старушка, семидесяти лет* (И. С. Тургенев) (импликация: 50 лет – ещё не старушка).

В русском языковом сознании закрепилось весьма размытое представление о *бальзаковском возрасте*: выражение, возникшее после выхода романа Оноре де Бальзака «Женщина тридцати лет», употребляется носителями русского языка, как правило, по отношению к женщинам в возрасте от 40 лет и старше и чаще – по отношению к дамам пожилого возраста, т. е. бальзаковский возраст женщины в России заметно «постарел», а его начало остаётся трудно определимым.

В русском языке есть специальные средства, употребляемые для обозначения начала старения человека, – это глаголы несовершенного вида *стареть* (начинать стареть), *стариться*, *сдавать*, *увядать*, содержащие указание одновременно и на начало изменений в человеке, и на процесс этих изменений: *Он начинал стареть*. Говорил, что бросает сушу (А. Толстой); *Он смотрел на красивое, обветренное лицо сына, на его начавший стареть лоб...* (К. Симонов); *Это была пышная*

сорокалетняя женщина, которая уже **начинала увядать** (А. Куприн); **Сдаёт** он что-то. Хватка уже не та (из разг.); **Она видела, как старятся** соседки, и у неё всякий раз щемило сердце: «Когда-нибудь и меня настигнет старость» («Вечерний Омск», 2010).

Часто языковое сознание связывает наступление старости (старения) с определёнными жизненными обстоятельствами (обстоятельства выступают причиной того, что человек *начинает стареть, старится, стареет*). При этом обстоятельства, способствующие старению, характеризуются в картине мира как нежелательные, вредные, деструктивные, имеющие негативный оттенок и соответственно оцениваются отрицательно (например: болезнь, горе, психологическое давление со стороны окружающих и т. д.): **Смерть Пети** оторвала половину её жизни. Чрез месяц после **известия о смерти Пети**, заставшей её свежей и бодрой пятидесятилетней женщиной, она вышла из своей комнаты полумёртвой и не принимавшей участия в жизни – старухой (Л. Толстой); Лия Васильевна знала в микрорайоне женщин постарше её, которые еще и в туфлях на каблучках, пусть невысоких, щеголяли, и помаду-пудру не позабыли. Нет, не завидовала, просто считала, что им, видимо, повезло не пережить в конце жизни **горе**, выпавшее ей и подкосившее её уже 15 лет назад («Ваш ОРЕОЛ», 2011); После **операции на сердце** отец стал заметно сдавать: исчезла быая бьющая через край энергия и ей на смену пришла медлительность пожилого человека («Пенсионерская правда», 2009); **А что? Пятьдесят лет – разве это старость? Старят не года, а бедность и неблагодарность** (В. Токарева). Ср.: *Не годы, а горе старит* (пословица).

По данным русского языка, переход в старость под влиянием негативных обстоятельств может быть как **постепенным**, так и **быстрым, ранним, неожиданным**: **Михалиха состарилась рано** – тяжеловат на руку и крут нравом был в молодости Матвей Егорович, да и остался таким до старости (К. Воробьев); Можно не сомневаться, что он-то своим недюжинным интересом к жизни и утомил жену и **прежде времени подвел её к старости** (В. Распутин); Борьба за выживание дала о себе знать: **постепенно** Нина Ивановна **превратилась в усталую пожилую женщину** («Комсомольская правда», 2009). Ср. *собачья старость* в значении «преждевременная старость»: *Когда же я полюблю не насильно? Ведь мне уже под 30. О, собачья старость, старость в 30 лет* (А. Чехов).

В языке отражены представления о сигналах начала старости, имеющих отношение к внешнему или внутреннему человеку. Такими сигналами может быть появление любых атрибутов пожилого возраста, наименования которых составляют семантическое поле «старость», например: **немощь, болезни, одиночество, седина, пенсия, внуки** и т. д.: *Расстегнув шитый ворот рубахи, Тихон Ильич с горькой усмешкой ощупал шею, впадины на шее за ушами... Первый знак старости эти впадины, – лошадиной становится голова! Да и прочее недурно. Он нагнул голову, запустил пальцы в бороду... И борода седая, сухая, путаная. Нет, шабаш, шабаш, Тихон Ильич!* (И. Бунин); *Старость у женщины начинается с появлением внуков* (Д. Борисова); *Молодость заканчивается в тот момент, когда начинаешь жить прошлым больше, чем настоящим. Вот как только стал ностальгировать* – это первый звоночек (Ю. Стоянов). Сигналы старости отражаются в языке и через семантику исчезновения, утраты (человек утрачивает те атрибуты и качества, которые имел ранее): *Старость начинается тогда, когда ты перестаёшь каждый день чистить ботинки...* («Комсомольская правда», 2011); *На девчонок уже перестал смотреть – старею, видать* (из разг.); *Пропала неуёмная энергия, пришло ощущение постоянной усталости* («Аргументы и факты», 2013).

По данным русского языка, вопрос о том, в каком календарном возрасте человек переходит в разряд пожилых людей (в каком календарном возрасте наступает старость), решается неоднозначно. Безусловным признаётся отмеченное выше влияние жизненных обстоятельств на убыстрение процесса старения: *Обычно старость начинается, когда человек устает от жизни. Раньше это наступало в 40–45 лет и называлось кризисом среднего возраста. А сейчас в погоне за деньгами, карьерами и прочими фишками люди могут чувствовать себя стариками и в 30...* (И. Хакамада). *Старость начинается с появлением хронического заболевания. У кого-то и в 20 лет. А некоторые совершенно здоровы и в 45* («Комсомольская правда», 2010).

В настоящее время начало старости часто связывается с выходом человека на пенсию (необходимо в установленное законодательством время: 55 лет у женщин и 60 – у мужчин), а именно: с прекращением активной трудовой деятельности и обретением в связи с этим материальных проблем: *Старость и болезни начинаются с выхода на пенсию* (из телепередачи); *После выхода на пенсию* многие быстро находят себе болячки и умирают. Срабатывает ломка стереотипов. Чем дольше человек работает, тем дольше живёт («Комсомольская правда», 2010); *В нашей стране, увы, выход на пенсию – это синоним «выходу в тираж». И нередко моложавые люди, вкусив унижений нашенской пенсионерской жизни, быстро сдают* (А. Герман).

Однако надо признать, что в настоящее время начало старения человека существенно отодвинулось. Например, наличие таких атрибутов пожилого возраста, как пенсия и внуки, не воспринимается как однозначное наступление старости: после выхода на пенсию люди часто продолжают трудиться, остаются для своих внуков молодыми, приветствуя обращение к себе по имени вместо традиционных *бабушка, дедушка* и т. д.

По свидетельствам русского языка, старость может начинаться в любом возрасте, поскольку у каждого человека «свой календарь»: *Может быть, к старости, годам к сорока?* (В. Аксенов); *Вот была молодая, дети звали Елизаветой Аркадьевной, а теперь уже скоро старость, тридцать лет стукнуло, не шутка, а она всё Лиза да Лиза* (И. Грекова); *И я стала слушать дальние, подумав вскользь, что, называя Штыро всегда мысленно старичком, скорее иронизировала: ему ведь около пятидесяти пяти, а это ещё никакая не старость* (Е. Белкина).

Столь же неоднозначное представление о том, в каком возрасте начинается старость, продемонстрировали участники проведённого нами психолингвистического анкетирования. Респонденты молодого возраста (75 студентов 17–23 лет) заметно убыстряли время наступления преклонных лет (преобладали ответы: *в 50 лет* (19), *после пятидесяти* (15), *после ухода (выхода) на пенсию* (12); встречались и такие определения начала возраста старости: *после 30-ти, сорок лет – бабий век, примерно в 40*. Добавим, что в беседах с молодыми людьми также часто наблюдается снижение возрастной планки старости: *– А кто у вас историю ведёт? / – Да такая пожилая женщина (о 40-летнем человеке); – Да ему уже сто лет в обед* (о человеке, которому едва исполнилось 35). Респонденты в возрасте 50–60 лет и старше (всего 64 опрошенных) определяли начало старости достаточно однотипно: в большинстве случаев оно связывалось с наступлением заслуженного отдыха, с отходом человека от активной деятельности (39) и часто это время «приближалось» к 70-ти годам (17).

Вхождение в старость, по мнению наших респондентов, может происходить *в любом возрасте* (13), *в зависимости от личности / от человека* (7); *старость не зависит от возраста* (3); она начинается, когда приходит осознание этого периода (1), когда человек чувствует её приход (5), а для кого-то вообще нет такого возраста (1).

Надо признать, что и сегодня, и более ста лет назад и начало старения, и старость как целостный феномен характеризуются по данным русского языка неоднозначно: определение и ощущение возраста всегда индивидуально, поэтому для субъекта возрастных характеристик (говорящего) календарный возраст уходит на второй план, оказывается вторичным, автор высказывания ориентируется в первую очередь на собственные ощущения, определяя возраст «на глаз», учитывая при этом множество нюансов внешности, поступков, поведения человека и т. д., а собственный возраст определяет исходя из своего внутреннего состояния.

О субъективности восприятия и определения возраста свидетельствуют высказывания, содержащие указания на визуальные наблюдения говорящего, часто дающие ему право судить о преждевременном продвижении человека к старости (в этом случае субъект речи/мысли определяет возраст по внешности человека): *В свои двадцать лет он выглядел на сорок и ещё постарел на моих глазах, потому что боялся, что его имение, его имущество вырывают и непременно вырвут у него из рук...* (В. Каверин); *Он белокур, с плестью, которая дорожками пробегает по его голове. Женины, вино, бессонные ночи и тасканье по белому свету бороздой проехали по его лицу и оставили морщины. Ему было лет тридцать пять, не больше, но он старше на вид!* (А. Чехов). Ср. обратное: говорящий отмечает в пожилом человеке не свойственные его возрасту проявления, и тем самым «отодвигает» его от точки старости: *Подумаешь, внуки! Да ему на вид большие сорока не даши* (из разговора); *О чём вы говорите? Какая старуха? Вы превосходно выглядите* (из разговора).

Характерное для русского языкового сознания противопоставление календарного возраста и качеств, проявлений человека, не свойственных, по традиционным представлениям, этому возрасту, также делает поиски начала старости проблематичными: градационная шкала возраста по данным русского языка оказывается подвижной, включающей множество диффузных отрезков. Так, нетипичные для возраста старости проявления пожилого по календарному возрасту человека «передвигают» его в сторону противоположного полюса «возраст молодости» и, наоборот, признаки старости, обнаруживающиеся у молодого человека, «продвигают» его в сторону полюса «старость». Например: *Несмотря на возраст, ещё бродило в нём молодое казачье озорство, диковинно сохранившаяся грубоштатная весёлёнка* (М. Шолохов); *Хорош, старик, у которого бьёт таким ключом самая настоящая молодость!* (А. Чехов); *Когда я была на море, мое внимание привлекла пожилая пара. Они стояли по пояс в воде и целовались. Оба – за 70, полностью седые, но один их вид давал силы жить*

(Е. Ксенофонтова). Ср.: *Несмотря на молодость, была в нём какая-то усталость от жизни* («Вечерний Омск», 2010); *Вроде бы совсем пацан, а рассудительность такая – старику фору даст* (из разговора); *Она в свои двадцать пять стала редко выходить из дома*, звонить подругам, сникла и *потеряла интерес к жизни*, как будто *всё самое лучшее уже позади*, а впереди беспросветное одиночество («Жизнь», 2010). Ср. русские пословицы: *Стар, да дюж. И свеж, и гож; И стар, да весел, и молод, да угрюм; И стар, да петух, и молод, да прутух.*

Русское языковое сознание разграничивает внешнюю и внутреннюю старость (ср.: *внешне старик, а душой молод – ещё молодой, а в душе стариц*). Ср.: *маленькая собачка до старости щенок* – о пожилом человеке, который молодо выглядит из-за своей внешности (небольшого роста, стройной фигуры). Внешняя и внутренняя старость часто не совпадают, противоречат друг другу, что способствует крайней нестабильности возрастной градационной шкалы.

Чем больше не соответствующих календарному возрасту качеств отмечается у человека, тем протяженнее его «отстояние» от точки этого возраста в противоположную сторону: *А может, зря ополчились на мужика (язык не поворачивается сказать «старика», хотя подсудимому осенью стукнет 75!). И дело не в скидке на календарный возраст, из-за которого он может избежать тюремной камеры... Его [Берлускони] интеллектуальные способности позволяют ему предвидеть ход развития событий. Он обладает невероятной способностью концентрироваться и крайне высокой работоспособностью...* Между прочим, Берлускони считают самым *стильным* итальянским политиком. *Следит за своей физической формой, весом, внешним видом. Даже сделал косметическую операцию на лице и не стал это скрывать. Всегда старается быть весёлым, в добром расположении духа. Умеет держать удары судьбы и политических противников, переносить стрессы* («Комсомольская правда», 2011). В данном примере содержатся не просто характеристики 75-летнего человека, дающие повод восхищаться его «молодостью», но и указания на то, что человек сам её «создаёт» (*следит за своей физической формой, весом, внешним видом, старается быть весёлым, в добром расположении духа*), в том числе искусственно (*сделал косметическую операцию*).

Шкала возраста в русской языковой картине мира может существенно сужаться, когда у молодого по возрасту человека обнаруживаются признаки, свойственные старости, или когда один из возрастных этапов жизни человека вообще «вычёркивается»: *Я сама знаю, что ещё молода и прекрасна телом, но, право, иногда мне кажется, что мне девяносто лет. Так износилась душа* (А. Куприн). – Молодой человек ощущает себя старым, происходит сужение возрастной шкалы из-за «наложения» календарного возраста на субъективно ощущаемый; *Человек стареет не тогда, когда доживает до старости, а когда перестаёт быть ребёнком* (В. Распутин). – Утрата качеств, свойственных человеку в раннем возрасте (в детстве), приравнивается к началу старости (тем самым из градационной шкалы возраста «вычёркивается» период взросления, молодости, зрелости).

О подвижности возрастного отрезка «старость» на градационной шкале и, соответственно, об отсутствии определённости относительно времени наступления старости свидетельствуют высказывания, в которых описываемый объект, хотя и наделяется внешними и внутренними признаками пожилого человека (например, *морщины, борода, брюзжание, жизненный опыт* и т. д.), остаётся «человеком неопределённого возраста»: *Садовник – крепкий мужчина неопределённых лет, всегда обросший бородой, щетиной не щетиной, а так какой-то игольчатой порослью тоже неопределённого цвета, – очевидно обиделся и проворчал в ответ: – Все вы тут чересчур учёные...* (С. Никитин); *...акцизный надзиратель, ехавший в Асхабат, – человек совершенно неопределённых лет, сморщеный, со скверными зубами* (А. Куприн); *Сколько ему было лет, мы определить не могли: он всегда был для нас человеком вне возраста, но его житейская мудрость вызывала уважение* («Народный лекарь», 2009).

Таким образом, наступление возраста старости, по свидетельствам русского языка, процесс нефиксированный, зависящий от разнообразных причин психологического, социального, исторического характера. Градационная шкала языкового образа пожилого человека характеризуется семантической подвижностью, диффузностью значений, зависимостью от субъективных и объективных обстоятельств проявления признаков.

Библиографический список

1. Лингвистика человека: антология ; под ред. Л. Б. Никитиной, Н. Д. Федяевой. – Омск : Вариант-Омск, 2012. – 360 с.

2. Никитина, Л. Б. Антропоцентристская семантика: образ homo sapiens по данным русского языка : учебное пособие. – Омск : Изд-во ОмГПУ, 2007. – 256 с.
3. Психологический словарь ; под ред. В. П. Зинченко. – М. : Педагогика-Пресс, 1997. – 439 с.

L. B. Nikitina, Omsk State Pedagogical University

WHEN OLD AGE BEGINS: CERTIFICATES OF RUSSIAN

On material of expressions of different styles and genres, and also data of psycholinguistic questionnaire the features of reflection come to light in Russian of ideas about beginning of old age.

Keywords: linguistic world image, language image of the person, old age.

References

1. *Lingvistika cheloveka: antologiya*. [Human Linguistics: anthology]. Edited L.B Nikitina, N. D. Fedyeva. Omsk. Variant Omsk, 2012, 360 p.
2. Nikitina L. B. *Anthropocentric semantics: image “homo sapiens” according to the Russian language*: School-book [Antropotsentristskaya semantika: obraz homo sapiens po dannym russkogo yazyka]. Omsk, Publishing House OmGPU, 2007, 256 p.
3. *Psychologicum dictionary* [Dictionary of psychology]. Edited V.P. Zinchenko. Moscow, Pedagogics-press, 1997, 439 p.

© Л. Б. Никитина, 2016

Автор статьи – **Лариса Борисовна Никитина**, доктор филологических наук, доцент, Омский государственный педагогический университет, e-mail: laribn@rambler.ru

Рецензенты:

Н. Д. Федяева, доктор филологических наук, доцент, Омский государственный педагогический университет. Н. В. Орлова, доктор филологических наук, профессор, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского.

УДК 811.11-112

DOI 10.17238/issn1998-5320.2016.24.63

E. C. Степанов,
Санкт-Петербургский государственный университет

ПРИЗНАКИ ПРЕЦЕДЕНТНОГО ИМЕНИ (НА ПРИМЕРЕ ИМЕНИ «BERLINER MAUER»)

Настоящая статья систематизирует информацию о критериях, по которым возможно выделение имён собственных в особую группу – группу прецедентных имён. В статье приводится охватывающий список таких критериев и производится их анализ. Такой обобщённый список критериев может быть задействован в других исследованиях по теории прецедентности. Особый интерес представляет наглядный процесс приобретения именем статуса прецедентного – на примере имени «Berliner Mauer» рассматривается его переход в класс прецедентных имён на основе соответствия конкретным критериям: базирование на прецедентной ситуации, обладание сверхличностным характером и инвариантом восприятия с особой структурой, довольно высокая частотность, эмотивность и образность. Результаты исследования могут быть интерпретированы как комплексная методика анализа прецедентности имени собственного, на основе которой возможно определение статуса онима. Содержащиеся в статье примеры употребления имени «Berliner Mauer» могут быть применены в курсах по переводу и изучению языка СМИ.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, лингвокультурология, прецедентность, теория прецедентности; прецедентное имя, прецедентная ситуация, Берлинская стена, признаки прецедентных феноменов.

В рамках когнитивной лингвистики и лингвокультурологии при изучении связи языка и мышления всё чаще обращаются к проблеме хранения в ментальном пространстве человека знаний и

представлений социума, структурированных в процессе познания объективной реальности. Одним из компонентов такой когнитивной базы, согласно В. В. Красных, являются прецедентные феномены – так называемые ментефакты, наряду со стереотипами, духами и артефактами вторичного мира входящие в класс представлений [1]. В настоящей статье рассматривается один из таких феноменов – прецедентное имя «*Berliner Mauer*» («Берлинская стена») – и предпринимается попытка анализа его прецедентности.

Традиционно прецедентные феномены отличаются сверхличностным характером, инвариантом восприятия и частотной апелляцией к ним [2], но согласно современным трактовкам они также возникают на базе уникального феномена, формируются на основе восприятия и характеризуются эмоциональностью и образностью [3]. Таким образом, прецедентные имена как подвид прецедентных феноменов должны обладать теми же свойствами.

В традиционном определении прецедентного имени (согласно представителям школы «Текст и коммуникация» В. В. Красных, И. В. Захаренко, Д. Б. Гудкову) указывается на его связь с широко известным текстом или с прецедентной ситуацией. В них актуализируется стоящее за ними минимизированное национально детерминированное представление [4]. Как правило, в роли прецедентных имён выступают имена собственные разных подтипов, но в целом ряде случаев ими могут становиться и исконно нарицательные существительные пропозициональной семантики [5].

Рассмотрим далее историю становления указанного выше прецедентного имени «*Berliner Mauer*» и проанализируем, чем определяется характер его прецедентности.

Пятидесятые годы двадцатого века характеризуются серьёзным обострением политической обстановки вокруг Берлина. Правительство Западной Германии ввело в действие «доктрину Хальштейна», согласно которой со странами, признавшими ГДР, расторгались дипломатические отношения. Само существование ГДР ставило под сомнение суверенитет Западного Берлина, так как он находился на её территории. Как следствие был выдвинут «ультиматум Хрущёва» – требование проведения переговоров о превращении Западного Берлина в «демилитаризованный вольный город», которое западные лидеры отвергли. В августе 1960 года власти ГДР ограничили посещение гражданами ФРГ Восточного Берлина с целью пресечения западной пропаганды. Западные державы в ответ на действия ГДР подтвердили свою готовность защищать свободу Западного Берлина и гарантировали присутствие вооружённых сил Запада в этой части города.

Коренным перелом произошёл летом 1961 года, когда новая политика Вальтера Ульбрихта, целью которой было «догнать и перегнать ФРГ», хозяйственные трудности, насилиственная коллективизация и низкие зарплаты вынуждали множество граждан покидать ГДР. Это побудило руководителей стран ОВД ограничить пересечение открытой прежде и обозначенной лишь разделительной линией границы между западной и восточной частью Берлина. Такое решение было принято Советом министров ГДР 12 августа 1961 года. В час ночи 13 августа уже началась реализация проекта «Китайская стена II».

Восточно-германские историки Хартмут и Эллен Мельс позднее описывали происходившее так: «Наступила ночь с 12 на 13 августа 1961. Термометр показывал 13 градусов по Цельсию. Небо было пасмурным, и дул лёгкий ветерок. Как и каждую субботу, большинство жителей столицы ГДР поздно легли спать, надеясь подольше поспать 13 августа. До 0 часов эта ночь в Берлине протекала, как обычно. Но вскоре после полуночи во многих квартирах столицы зазвонил телефон, а движение транспорта стремительно усилилось. Функционеры СЕПГ, государственного аппарата и хозяйственных ведомств были неожиданно и срочно вызваны на службу. Огромный механизм быстро и точно пришёл в движение. В 1 час 11 минут Всеобщее немецкое информационное агентство передало в свет заявление государств Варшавского договора... Когда наступило утро 13 августа, граница между Германской Демократической Республикой и Западным Берлином была под контролем. После полудня на ней была обеспечена безопасность» [6].

Второй этап проекта был запущен 15 августа 1961 года, когда вокруг Западного Берлина началось возведение стены из бетонных блоков. В этот же день в историю было занесено имя первого перебежчика в Западный Берлин – пограничника Конрада Шуманна, перепрыгнувшего через заграждение из колючей проволоки. Пограничники ГДР получили приказ стрелять во всех, кто попытается незаконно перейти через стену, первой такой жертвой из 93 человек стал Петер Фехтер – 18-летний строитель из Восточного Берлина.

Таким образом, стена стала символом раскола Европы на противоборствующие военно-политические силы, даже несмотря на некоторую разрядку отношений благодаря политике Вилли Брандта и соглашению по Берлину, согласно которому жители Западного Берлина могли раз в год посещать Восточный.

В мае 1989 года Венгрия – партнёр СССР по Варшавскому договору – разрушила укрепления на границе с Австрией, что создало прецедентный случай и для ГДР, хотя её власти не планировали следовать такому сценарию. Теперь у жителей ГДР появилась возможность попасть в Западную Германию через другие восточно-европейские страны, что вызвало необходимость закрыть в них дипломатические представительства ФРГ из-за огромного числа желающих попасть в Западную Германию. Но после того, как 11 сентября 1989 года Венгрия полностью открыла свои границы, количество беженцев из Восточной Германии уже через три дня составило более 15 тысяч человек. Берлинская стена потеряла всякий смысл.

9 ноября 1989 года правительство ГДР выпустило постановление, согласно которому граждане ГДР могли свободно получать визы на посещение ФРГ со следующего дня. Не дожидаясь установленного срока, тысячи людей направились к Берлинской стене, где пограничники поначалу пытались отстранить их при помощи водомётов, но не справились с толпой и открыли границу. Такова история падения Берлинской стены, ставшая для множества людей новым национальным праздником. Окончательно стена была разрушена в октябре 1990 года.¹

С тех пор ежегодно не только в Германии, но и во всём мире отмечается падение Берлинской стены. Так, по случаю двадцатилетнего юбилея из Берлина в Израиль, Палестину, Корею, Йемен и в другие места, где уже сейчас остро стоит похожая проблема, были отправлены сохранившиеся блоки от стены, которые художники использовали как холст для своих творений с целью обратить внимание на проблему границ.² По случаю двадцатипятилетнего юбилея падения стены в Берлине прошла акция «Стена из огней», в ходе которой в центре города с помощью светящихся шаров была воссоздана оригинальная модель Берлинской стены.³

Итак, мы можем констатировать, что в данном случае действительно имеет место прецедентная ситуация, репрезентантом которой и стало имя «*Berliner Mauer*». Прежде всего на это указывают многочисленные акции, приуроченные к юбилеям падения Берлинской стены. Об этом эксплицитно свидетельствуют и конкретные упоминания в прессе, где Берлинскую стену часто называют символом немецкого раскола:

Die Berliner Mauer ist das Symbol der deutschen Teilung und zugleich des Kalten Krieges. – «Берлинская стена является символом немецкого раскола и одновременно Холодной войны»⁴

Erst vor kurzem zitierte man die Berliner Mauer als Metapher für eine neue drohende Teilung in Europa zwischen einem westlichen und einem östlichen Teil, die unterschiedliche Vorstellungen von Staat, Gesellschaft, Religion und kulturellem Erbe separiert. – «Лишь недавно о Берлинской стене заговорили как о метафоре нового грозящего раскола Европы между западной и восточной частями, которая размежёвывает различные представления о государстве, обществе, религии и культурном наследии».⁵

Но современные исследования показывают, что такое традиционное определение прецедентного имени оказывается недостаточным для его обоснования от других лингвокультурологических явлений в рамках новейших когнитивных теорий. Принимая во внимание, что некоторые имена собственные обладают способностью функционировать в речи как особый знак, представляющий собой симбиоз апеллятива и онима, лингвисты отмечают разнообразие возможностей изучения таких феноменов. Так, в рамках лексико-грамматической теории утверждается, что онимы могут переходить в разряд нарицательных имён вследствие их интенсионального употребления. В классической риторике в этой связи разрабатывается понятие антономасии. В теории интертекстуальности для рассмотрения аналогичных явлений был предложен термин «интертекстема». Кроме того, существуют и иные занимающиеся подобными явлениями теории, как, например, теория вертикального контекста, теория межкультурной коммуникации, теория текстовых реминисценций и другие [7].

Намеренно подчеркивая связь когнитивной и языковой природы имён собственных, мы считаем необходимым исследовать такие единицы, исходя из теории прецедентности, где они в качестве прецедентных имён вписываются в разряд прецедентных феноменов и, следовательно, обладают теми же самыми свойствами. Таким образом, прецедентное имя должно обладать инвариантом восприятия, хранящимся в когнитивной базе человека и образующим особую структуру, состоящую из ядра, где находятся дифференциальные признаки имени, и из периферии, куда входят атрибуты. Исходя из этого, лингвисты указывают на то, что прецедентные имена могут использоваться в интенсиональном и экстенсиональном употреблении [8]. Экстенсиональное использование прецедентного имени сближает его с обычными именами собственными в их номинативной функции. Опираясь на наш языковой материал, мы можем утверждать, что такое употребление свойственно исследуемому прецедентному имени «*Berliner Mauer*», к тому же независимо от временной характеристики. Данный оним на заре своего появления (примеры для данной статьи отобраны из интернет-версий немецкой, английской и русской прессы) использовался экстенсионально (причём, в основном экстенсионально), такое экстенсиональное

использование мы можем обнаружить и в современных газетных и журнальных статьях, касающихся истории Германии, особенно в периоды празднования юбилеев падения Берлинской стены:

Der Junior erinnert an Ronald Reagan und seine Forderung an Michail Gorbatschow, die Mauer einzureißen. – «Будь Младший вспоминает Рональда Рейгана и его требование к Михаилу Горбачёву о сносе стены».⁶

Beleuchtet wird die Zeit zwischen dem Bau der Mauer 1961 bis zu den Massenfluchten von DDR-Bürgern im Herbst 1989. – «Рассматривается период от возведения Стены в 1961 году до массовых перебежек граждан ГДР осенью 1989 года».⁷

В данных примерах обнаруживается прямое употребление словосочетания «*Berliner Mauer*» для обозначения конкретного денотата. Кроме того, встречаться оно может и в политических статьях, и в развлекательных пассажах, предназначенных для туристов:

Der ehemalige DDR-Anwalt gehört seit dem Fall der Mauer 1989 zum Spitzengespann der deutschen Politik. Gysi ist mit zehn Jahren im Amt dienstältester Fraktionschef im Bundestag. – «Бывший адвокат из ГДР после падения Стены в 1989 году перешёл в высший эшелон немецкой политики, Гизи с десятилетним стажем работы чиновником является лидером по сроку службы среди глав фракций в Бундестаге».⁸

Reisende interessieren sich in Deutschland stark für Bauwerke zur deutschen Geschichte. So kommt der Plenarbereich Reichstagsgebäude auf Platz eins und das Brandenburger Tor auf Platz vier. Mit dem Holocaust Mahnmal (Platz 6) und der Gedenkstätte Berliner Mauer (Platz 7) stehen zudem zwei weitere Denkmäler in Berlin hoch im Kurs bei der weltweiten Reise-Community. – «Путешественники особо интересуются памятниками немецкой истории. Так, место пленарных заседаний в Рейхстаге находится на первом месте, а Бранденбургские ворота – на четвёртом. Мемориал памяти убитых евреев (шестое место) и мемориал Берлинская стена (седьмое место) также располагаются в экскурсионном списке мирового коммюнисти путешественников».⁹

Можно утверждать, что экстенсиональное использование имени «*Berliner Mauer*» обнаруживается в обширном количестве контекстов, его тематическое соотнесение в немецкоязычной прессе является достаточно широким: история, культура, политика, экономика и так далее.

Но прецедентным имя становится именно благодаря своему интенсиональному употреблению, которому может быть присущ ряд особенностей [9]: во-первых, такое употребление актуализирует в когнитивном пространстве прецедентный текст или ситуацию; во-вторых, имени может быть свойственна особая синтаксическая позиция семантического предиката [10]; и, в-третьих, у такого имени может отсутствовать грамматическая категория рода. Как уже было отмечено выше, прецедентное имя «*Berliner Mauer*» действительно опирается на прецедентную ситуацию. Исходя из нижеприведённых примеров, мы можем отметить, что, актуализируя прецедентную ситуацию, данное имя употребляется интенсионально:

Eine Berliner Mauer am Mittelmeer? Herkunfts- und Transitstaaten im Dienste der EU. – «Берлинская стена на Средиземном море? Страны-производители и страны транзита на службе ЕС».¹⁰

Seinen Worten nach eine «Berliner Mauer», die die beiden «Monster Helmut Kohl und François Mitterrand in der Erwartung beschlossen hätten, dass auf eine «ökonomische und monetäre Union» eine Konvergenz von Nord und Süd und ein gegenseitiges Gernhaben folgen würde, «wie die Nacht auf den Tag». – «По его словам, это «Берлинская стена», решение о которой якобы приняли два монстра – Гельмут Коль и Франсуа Миттеран, в соответствии с которым за «экономическим и денежным союзом» последуют слияние Севера и Юга и взаимная симпатия, „как за днём следует ночь“».¹¹

Der Lauf über 160,9 Kilometer wird in Gedanken an die Opfer der Berliner Mauer veranstaltet. – «Забег на дистанцию более 160,9 километров устраивает в память о жертвах Берлинской стены».¹²

Ещё одним доказательством прецедентности данного имени становится его использование в роли семантического предиката. Согласно О. Е. Фроловой, «позиция семантического предиката в высказывании является критерием, определяющим степень включённости имени в речь и культуру» [10].

Необходимо отметить, что часто такому употреблению сопутствует использование атрибутов к прецедентному имени, что только усиливает образность и эффект воздействия на реципиента. В частности, О. Е. Фролова указывает на то, что возможными становятся следующие конструкции:

- Он – имярек;
- Он – как имярек;
- Он – настоящий (типичный, второй, новый, будущий) имярек;
- Он – просто (прямо) имярек.

И хотя конструкции с семантическим предикатом свойственны, в основном, прецедентным именам, относящимся к группе антропонимов, установлено, что такую функцию могут выполнять и

другие типы прецедентных имён, как, например, в следующем конкретном примере с использованием хрематонима. В отобранных примерах третий вариант конструкции встречается довольно часто:

Farage: Der Euro ist die neue Berliner Mauer. – «Фараж: Евро – новая Берлинская стена».¹³

В данном случае прецедентное имя «*Berliner Mauer*» действительно исполняет роль семантического предиката с добавочным атрибутом «*neu*». Компонент «*neu*», в целом, очень частотен в сочетании с рассматриваемым прецедентным именем, встречается он и в конструкция типа «он – как имярек»:

Die Aufnahme dieser Länder in das Militärbündnis sei wie der Bau einer neuen Berliner Mauer, sagte Putin in Moskau vor mehr als 1.200 Journalisten aus dem In- und Ausland. Weiter erklärte er, Russlands Haltung zur Ukraine sollte den Partnern verdeutlichen, dass sie den Bau einer neuen Mauer stoppen müssen. – «Принятие этих стран в военный союз – как строительство новой Берлинской стены» – заявил Путин в Москве перед более чем 1200 журналистами из России и из-за рубежа.¹⁴

Но и в других ситуациях, когда прецедентное имя не используется в качестве семантического предиката, употребление атрибута «*neu*» тоже возможно:

Der Bau der neuen «Berliner Mauer» habe nicht erst jetzt, sondern bereits in den 90er Jahren, gleich nach dem Zerfall der Sowjetunion, begonnen. – «Строительство новой «Берлинской стены», по его словам, началось не сейчас, а уже в 90-х годах, сразу после распада Советского Союза».¹⁵

Neue Berliner Mauer entsteht: Oben bleiben. Auf ihren Dächern entfliehen viele Hauptstädter bislang der Enge. Doch nun wird zwei Jahrzehnte nach dem Fall der Mauer eine erneute Teilung der Stadt vollzogen. – «Новая Берлинская стена возводится: остаётся наверху. Многие жители столицы до сих пор спасаются от тесноты на крыших своих домов. Но теперь, спустя 20 лет после падения Стены, город вновь разделяется».¹⁶

Нетрудно заметить, что чаще всего данное прецедентное имя встречается в статьях, посвящённых политическим темам, где проводятся параллели между актуальными событиями и прецедентными ситуациями, уже ставшими символичными.

Целесообразным представляется остановиться на рассмотрении ещё одного свойства прецедентных имён. Выше уже было отмечено, что апелляции к таким именам должны происходить частотно. Именно это и можно наблюдать в ситуации с прецедентным именем «*Berliner Mauer*», оно находит широкое употребление в прессе не только на немецком, но и на английском и русском языках в интересующем нас интенсиональном использовании, то есть данное прецедентное имя выходит за пределы циркулирования в одном культурно-национальном пространстве и становится, следовательно, универсальным. Этот факт приводит нас к мысли о том, что прецедентные концепты не являются закрытыми системами в рамках одного социолингвокультурного сообщества, они могут переходить от одного народа к другим, представители других культур способны свободно идентифицировать их содержание и самостоятельно встраивать их в свой лингвокультурный код. Такие наблюдения служат подтверждением теории тождества логического аппарата у разных народов и наличия одного, общего внутреннего языка, который в разных оболочках кристаллизуется в различных странах и культурах. Они, кроме всего прочего, свидетельствуют в пользу того, что человек структурирует заранее данный и не зависящий от языка окружающий его мир при помощи этого самого языка и хранит накопленный опыт в своем ментальном пространстве, о чём говорилось уже в начале статьи.

Итак, приведём примеры употребления прецедентного имени «Берлинская стена» в русском языке:

*Минобороны Грузии: в Южной Осетии – «новая Берлинская стена». Тинатин Хидашели сравнила установку российскими пограничниками в одностороннем порядке демаркационных знаков на разделительной линии между Южной Осетией и Грузией со строительством Берлинской стены.*¹⁷

«Новая Берлинская стена»: фарс после драмы. Четверть века назад казалось, что стена между Востоком и Западом рухнула навсегда, не только физически, но и прежде всего символически, мир становится единым. Сегодня можно услышать, что она возрождается, пусть без бетона и колючей проволоки.¹⁸

*Путин заявил о создании Западом новой «Берлинской стены».*¹⁹

*Берлинская стена строится вновь.*²⁰

Приведённые примеры акцентируют внимание на тех же свойствах прецедентного имени, которые были обозначены выше в данной статье: интенсиональное использование, опора на прецедентную ситуацию, усиление эффекта путём добавления атрибута «новый». Можно также отметить, что, помимо апеллирования к похожим темам, которые обсуждаются в немецкоязычной прессе, здесь наблюдается и акцентирование событий, непосредственно касающихся конкретно данного лингвокультурного сообщества.

Вышесказанное полностью относится и к англоязычным газетным статьям, в которых прецедентное имя «*Berlin Wall*» демонстрирует довольно высокую частотность:

Is this Iran's Berlin Wall moment? But arguably the most interesting change will be one of perspective and expectation. Already, progressive Iranians, of which there are many, are talking about this deal as Iran's Soviet Union wall-coming-down moment. – «Неужели в Иране наступил момент Берлинской стены? Но, вероятно, что самая интересная перемена ожидает нас впереди. Прогрессивные иранцы, коих здесь немало, уже говорят об этом, как о иранском моменте падения Стены Советского Союза».²¹

Miliband and his clique of millionaire allies a «Berlin Wall» between Labour and ordinary working class voters. Ed Miliband's clique of millionaire advisors are acting like a «Berlin Wall» stopping Labour connecting with ordinary voters. – «Милибэнд и его шайка миллионеров объединяются в «Берлинскую стену» между лейбористами и избирателями простого рабочего класса. Шайка советчиков миллионеров Эда Милибэнда выступает в роли «Берлинской стены», блокируя общение между лейбористами и простыми избирателями».²²

Из приведённых выше примеров на немецком, русском и английском языках следует вывод, что прецедентные имена «Berliner Mauer», «Берлинская стена» и «Berlin Wall» базируются на едином инварианте восприятия; воплощают один и тот же концепт, опираются на одну прецедентную ситуацию, которая стала универсальной, по крайней мере, для народов Европы; имеют свойственную прецедентным именам структуру, складывающуюся из ядра с основными признаками и периферии с атрибутами.

Немаловажным является и тот факт, что в рассмотренных языках по-разному реализуется структура прецедентного имени. В то время, как в немецком и английском языках прецедентные имена «Berliner Mauer» и «Berlin Wall» состоят из двух компонентов, один из которых – «Berliner», «Berlin» – является свободным, необязательным, в русском языке компоненты имени «Берлинская стена» оказываются связанными и по отдельности употребляться не могут.

Для подведения итогов исследования представляется необходимым обобщение и систематизация признаков и характеристик прецедентного имени, описанных в данной статье. Обобщая сведения о прецедентных феноменах, полученные из работ различных лингвистов, к основным условиям приобретения именем статуса прецедентного, таким образом, можно отнести следующие:

- прецедентное имя должно обладать «сверхличностным характером»;
- у такого имени должен иметься инвариант восприятия;
- члены лингвосоциокультурного общества должны относительно часто обращаться к прецедентному имени;
- оно должно обладать эмотивностью и образностью;
- прецедентное имя должно формироваться на основе восприятия, возникать на базе уникального феномена и опираться на прецедентный текст либо прецедентную ситуацию, актуализируя, таким образом, лежащее в их основе минимизированное национально-детерминированное представление;
- инвариант прецедентного имени должен обладать структурой, складывающейся из ядра с дистинктивными признаками и периферии с атрибутами, следовательно, его употребление может быть интенсиональным или экстенсиональным.

Настоящее исследование доказывает правомерность рассмотрения онима «Berliner Mauer» в контексте теории прецедентности и придания ему в рамках этой теории статуса прецедентного имени. Оно апеллирует к прецедентной ситуации; обладает высокой частотой использования в речи (и в СМИ, в частности); основывается на инварианте, состоящем из ядра и периферии, что делает возможным его экстенсиональное и интенсиональное употребление, последнее из которых и инициирует его прецедентность.

Примечания

¹Берлинская стена [Электронный ресурс] / Энциклопедия Кругосвет. – Режим доступа: http://www.krugosvet.ru/enc/istoriya/BERLINSKAYA_STENA.html?page=0,1, свободный.

²Берлинская стена [Электронный ресурс] / Википедия. – Режим доступа: https://de.wikipedia.org/wiki/Berliner_Mauer, свободный.

³25 Jahre Mauerfall [Электронный ресурс] / Deutsche Botschaft Khartum. – Режим доступа: http://www.khartum.diplo.de/Vertretung/khartum/de/00-startseite/Lauf_202014.html, свободный.

⁴Deutsche Teilung 1961 – 1989 [Электронный ресурс] / Berliner Zeitung. – Режим доступа: <http://www.berliner-zeitung.de/themen/berliner-mauer,24942544,25507058.html>, свободный.

⁵Die Mauer in unseren Köpfen [Электронный ресурс] / Goethe Institut. – Режим доступа: <http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:is7E6eoE0UIJ:www.goethe.de/ins/us/was/ver/de13163025v.htm+&cd=1&hl=ru&ct=clnk&gl=ru&client=safari>, свободный.

⁶Sohn von George Bush Senior bei der Union [Электронный ресурс] / Kröter T. // Berliner Zeitung, 09.06.2015. – Режим доступа: <http://www.berliner-zeitung.de/politik/sohn-von-george-bush-senior-bei-der-union-moeglicher-praesidentschaftskandidat-jeb-bush-freundet-sich-mit-berlin-an,10808018,30910736.html>, свободный.

⁷Berliner Ausstellung zu Fluchthilfe für DDR-Bürger wird verlängert [Электронный ресурс] / Berliner Zeitung, 09.06.2015. – Режим доступа: <http://www.berliner-zeitung.de/newsticker/berliner-ausstellung-zu-fluchthilfe-fuer-ddr-buerger-wird-verlaengert,10917074,30905342.html>, свободный.

⁸Gysi tritt als Fraktionschef ab [Электронный ресурс] / Berliner Zeitung, 07.06.2015. – Режим доступа: <http://www.berliner-zeitung.de/politik/gysi-tritt-als-fraktionschef-ab,10808018,30889616.html>, свободный.

⁹Travellers' Choice Awards [Электронный ресурс] / Berliner Zeitung, 02.06.2015. – Режим доступа: <http://www.berliner-zeitung.de/reise/travellers-choice-awards-das-sind-die-beliebtesten-wahrzeichen-deutschlands,10808656,30850840.html>, свободный.

¹⁰Eine neue Berliner Mauer am Mittelmeer? Herkunfts- und Transitstaaten im Dienste der EU [Электронный ресурс] / Gasteig. – Режим доступа: <http://www.gasteig.de/veranstaltungen-und-tickets/veranstaltungen/eine-neue-berliner-mauer-am-mittelmeer-herkunfts-und-transitstaaten.html,v38563>, свободный.

¹¹Farage: Der Euro ist die neue Berliner Mauer [Электронный ресурс] / Mühlbauer P. // Telepolis, 09.07.2015. – Режим доступа: <http://www.heise.de/tp/artikel/45/45397/1.html>, свободный.

¹²Mauerwegauf mit Teilnehmer-Rekord [Электронный ресурс] / Berliner Zeitung, 17.06.2015. – Режим доступа: <http://www.berliner-zeitung.de/berlin/mauerwegauf-mit-teilnehmer-rekord,10809148,30974268.html>, свободный.

¹³Farage: Der Euro ist die neue Berliner Mauer [Электронный ресурс] / Mühlbauer P. // Telepolis, 09.07.2015. – Режим доступа: <http://www.heise.de/tp/artikel/45/45397/1.html>, свободный.

¹⁴Putin sieht "neue Berliner Mauer" [Электронный ресурс] / Deutschlandfunk, 18.12.2014. – Режим доступа: http://www.deutschlandfunk.de/nato-osterweiterung-putin-sieht-neue-berliner-mauer.1818.de.html?dram:article_id=306574, свободный.

¹⁵Eine Frage überhört Putin zum zweiten Mal bewusst [Электронный ресурс] / Smirnova Ju. // Die Welt, 18.12.2014. – Режим доступа: <http://www.welt.de/politik/ausland/article135536111/Eine-Frage-ueberhoert-Putin-zweimal-ganz-bewusst.html>, свободный.

¹⁶Oben bleiben [Электронный ресурс] / Rossig R. // TAZ, 24.10.2011. – Режим доступа: <http://www.taz.de/!5109192/>, свободный.

¹⁷Минобороны Грузии: в Южной Осетии – "новая Берлинская стена" [Электронный ресурс] / Радио Свобода, 03.03.2016. – Режим доступа: <http://www.svoboda.org/content/article/27142929.html>, свободный.

¹⁸«Новая берлинская стена»: фарс после драмы [Электронный ресурс] / Кречетников А. // BBC, 07.11.2014. – Режим доступа: http://www.bbc.com/russian/russia/2014/11/141107_berlin_wall_today, свободный.

¹⁹Путин заявил о создании Западом новой «Берлинской стены» [Электронный ресурс] / Газета.ru, 18.12.2014. – Режим доступа: http://www.gazeta.ru/politics/news/2014/12/18/n_6755525.shtml, свободный.

²⁰Берлинская стена строится вновь [Электронный ресурс] / Абдулла Я. // Иносми.ру, 12.11.2014. – Режим доступа: <http://inosmi.ru/world/20141112/224228207.html>, свободный.

²¹Is this Iran's Berlin Wall moment? [Электронный ресурс] / Moaveni A. // The Guardian. – Режим доступа: <http://www.theguardian.com/commentisfree/2015/jul/14/iran-nuclear-deal-allow-people-thrive>, свободный.

²²Miliband and his clique of millionaire allies a 'Berlin Wall' between Labour and ordinary working class voters [Электронный ресурс] / McTague T. // Mail Online, 23.11.2014. – Режим доступа: <http://www.dailymail.co.uk/news/article-2846174/Miliband-clique-millionaire-allies-Berlin-Wall-Labour-ordinary-working-class-voters.html#ixzz3kVIFk0hl>, свободный.

Библиографический список

1. Красных, В. В. Когнитивная база vs культурное пространство в аспекте изучения языковой личности (к вопросу о русской концептосфере) / В. В. Красных // Язык, сознание, коммуникация. – М., 1997. – Вып. 1. – с. 131.
2. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / отв. редактор Д. Н. Шмелев; АН СССР, отд. лит. и яз. – М. : Наука, 1987. – с. 216.
3. Русское культурное пространство (РКП): Лингвокультурологический словарь: Вып. первый / И. С. Брилева, Н. П. Вольская, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко, В. В. Красных. – М. : Гнозис, 2004. – с. 16.
4. Русское культурное пространство (РКП): Лингвокультурологический словарь: Вып. первый / И. С. Брилева, Н. П. Вольская, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко, В. В. Красных. – М. : Гнозис, 2004. – с. 17.
5. Григорьева, Л. Н. Феномен прецедентности в тексте и его роль в переводе // Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете. Вып. IV. Текст и текстовые единицы. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2014. – С. 20–31.
6. Hartmut Mehls, Ellen Mehls. 13 August // Illustrierte Historische Hefte. Nr. 17. Berlin, 1979.
7. Нахимова, Е. А. Прецедентные имена в массовой коммуникации. – Екатеринбург : ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т; Институт социального образования», 2007. – с. 36–50.
8. Гудков, Д. Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности. – М. : Изд-во МГУ, 1999. – с. 43

9. Гудков, Д. Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности. – М. : Изд-во МГУ, 1999. – с. 44.
10. Фролова, О. Е. Имя собственное в культуре и речи / О. Е. Фролова // Русская речь. – 2003. – № 6. – с. 68.

E. S. Stepanov, Saint Petersburg State University

CHARACTERISTICS OF A PRECEDENT NAME (BY THE EXAMPLE OF THE NAME «BERLINER MAUER»)

In the modern cognitive paradigm the researches of special mental unities in the mental space of human are of particular concern. A representative of them is the class of precedent names that features a cross-over group between proper names and appellatives, which can be used in figurative meaning. An important task is to find out characteristics that a name should have to become precedent. Along them are such parameters as special basis (precedent situation), perceptive invariant with particular structure, emotional breadth and some others. The present article deals with such characteristics and tries to structure them. It also shows on a particular example of the name «Berliner Mauer» how a name can become precedent and which features it should possess in order to be studied within the theory of precedence. It also gives the readers a bunch of examples of the use of the name «Berliner Mauer» in German newspaper articles.

Keywords: cognitive linguistics; linguoculturology; precedence; theory of precedence; precedent name; precedent situation; Berlin Wall; characteristics of precedent phenomena.

References

1. Krasnyh V.V. *Kognitivnaya basa vs kulturnoye prostranstvo v aspekte izucheniya yazykovoy lichnosti (k voprosu o russkoj konzeptosfere)* [Cognitive basis vs cultural space in terms of studying of linguistic identity (the question of the Russian sphere of concepts)]. Moscow, 1997, issue 1, p. 131.
2. Karaulov Yu.N. *Russkiy jazyk i yazykovaya lichnost* [Russian and linguistic identity]. Shmelyov D.N. (editor-in-chief), Academy of Sciences of the USSR, literature and language department, Moscow, Nauka, 1987, p. 216.
3. Brilyova I.S., Volskaya N.P., Gudkov D.B., Zaharenko I.V., Krasnyh V.V. *Russkoye kulturnoye prostranstvo (RKP): Linguokulturologicheskiy slovar* [Russian cultural space: linguoculturological vocabulary]. Issue 1, Moscow, Gnosis, 2004, p. 16.
4. Brilyova I.S., Volskaya N.P., Gudkov D.B., Zaharenko I.V., Krasnyh V.V. *Russkoye kulturnoye prostranstvo (RKP): Linguokulturologicheskiy slovar* [Russian cultural space: linguoculturological vocabulary]. Issue 1, Moscow, Gnosis, 2004, p. 17.
5. Grigoryeva L.N. *Fenomen pretsedentnosti v tekste i ego rol v perevode* [The phenomenon of the precedence and its role in translation]. Nemetskaya filologiya v Sankt-Peterburgskom gosudarstvennom universitete. No. IV, Tekst i tekstovye edinitsi, Publishing House of SPbGU. ISSN 2307-2824, pp. 20-31.
6. Hartmut Mehls, Ellen Mehls. *13 August. Illustrierte Historische Hefte* [13th of August. Illustrated Historical Journals]. No. 17, Berlin, 1979.
7. Nahimova E.A. *Pretsedentniye imena v massovoy kommunikatsii* [Precedent names in mass communication]. Yekaterinburg, State Educational Institute for Higher Professional Education Ural State Pedagogical University, Institute of social education, 2007, pp. 36-50.
8. Gudkov D.B. *Pretsedentnoye imya i problemy pretsedentnosti* [Precedent name and problems of precedence]. Moscow, publishing house of Moscow State University, 1999, p. 43.
9. Gudkov D.B. *Pretsedentnoye imya i problemy pretsedentnosti* [Precedent name and problems of precedence]. Moscow, publishing house of Moscow State University, 1999, p. 44.
10. Frolova O.E. *Imya sobstvennoye v kulture i rechi* [Proper name in culture and speech]. Russkaya rech, 2003, no. 6, p. 68.

© E. С. Степанов, 2016

Автор статьи – Евгений Сергеевич Степанов, аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет, e-mail: eugenity@mail.ru

Рецензенты:

Н. А. Бондарко, доктор филологических наук, Институт лингвистических исследований РАН.

С. Т. Нефедов, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет.

В. А. Евдокимов,
Омская гуманитарная академия

ЭВОЛЮЦИЯ СИСТЕМЫ ИНФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВА

Рассматривая взаимодействие подсистем информирования общества, автор выявляет условия, при которых возникает дисбаланс в получении населением разнообразных сведений, обосновывает возможность приобретения социальными сетями качеств масс-медиа. В статье также изложен прогноз о совершенствовании системы информирования общества.

Ключевые слова: система информирования общества, баланс, объективность, достоверность, конкуренция.

Информирование общества, представляющее открытую динамичную систему, обеспечивают масс-медиа, пресс-службы и академические журналы, словари и энциклопедии, отчёты и законодательные акты, географические карты и новостные сайты, социальные сети, блоги и другие источники сведений. Но дисбаланс в получении людьми объективной, точной информации, как совокупности данных, знаний, осведомляющих о чьей-либо деятельности, отражающих разнообразие событий и явлений материального или духовного мира в процессе коммуникации, периодически углубляется. Вследствие этого многие общественно значимые явления, процессы остаются вне поля внимания граждан, искажается объективная картина мира.

Поиск и накопление информации о событиях являются важными элементами познания как процесса постижения человеком явлений, процессов, закономерностей объективного мира с целью применения результатов данной творческой деятельности для удовлетворения интересов индивида. Философами познание интерпретируется как поиск и нахождение баланса между рядом противоречиво дополняющих друг друга позиций. С одной стороны, познание может быть осмыслено как идеальная реальность, обладающая самостоятельностью, динамикой и источниками закономерного изменения, перехода из одного состояния в иное. Однако, с другой стороны, познание, исследующее все стороны жизни людей, можно интерпретировать в качестве процесса, сопряжённого с деятельностью и общением индивидов и обеспечивающего их идеальными образами. Для развития познания, как нелинейного процесса, важны наука и идеология, повседневный опыт и мораль, философия, право и искусство, мифы и религия. Во взаимодействии происходит обогащение этих когнитивно-культурных систем содержанием. Подсистемы информирования общества, в частности, участвуют в производстве мифов, предоставляют науке и идеологии эмпирический материал.

Сбалансированность в отношениях и действиях подсистем информирования может быть обеспечена за счёт получения людьми устраивающего их количества сведений надлежащего качества о значимых процессах и явлениях, происходящих в обществе, позиции органов власти, об их усилиях, направленных на решение волнующих население проблем, о тех сферах жизни, которые привлекают людей. Чтобы удовлетворить потребности населения, подсистемы и их компоненты непрерывно взаимодействуют. Так, масс-медиа распространяют самостоятельно подготовленные сообщения, цитируют друг друга, создают стимулы для коллег в поиске дополнительных сведений, обогащающих представление аудитории о фактах и процессах. Если одни масс-медиа искажают события, ориентируясь на невзыскательную часть аудитории, то другие элементы подсистемы нередко опровергают не соответствующие действительности сообщения, представляя обстоятельный анализ явлений общественно-политической сферы. Но подсистемы не обеспечивают баланс в информировании общества. Согласно результатам опроса, проведённого администрацией города Новошахтинска Ростовской области в 2014 году, 59 процентов респондентов выразили убеждённость в том, что смогли бы отстоять собственные права потребителей, если бы обладали полной информацией о российском законодательстве. Одновременно значительная часть жителей страны разочарована способностью масс-медиа представить картину жизни других стран. По данным опроса, проведённого «Левада-центром» в 2015 году, доля людей, считающих, что из современных телепередач можно извлечь много полезной и объективной информации о происходящих в мире событиях, снизилась за три года до 46 процентов [1].

Одна из причин неудовлетворённости граждан получаемыми сведениями заключается в том, что подсистемы информирования общества преследуют не согласующиеся друг с другом цели. Если

одни подсистемы и их компоненты демонстрируют всесиление и масштабность, то другие инициативы лишь в благоприятные периоды, например, в избирательных кампаниях. Одни элементы подсистем нацелены на сохранение власти господствующего в социуме субъекта, другие ориентированы на удовлетворение коммерческих интересов, третьи учитывают потребности отдельных социальных групп или деятельны в просвещении людей. Для коммерчески ориентированных масс-медиа просвещение граждан не представляет значимой цели, а в избирательных кампаниях внимание журналистов чаще всего сосредоточено на деятельности кандидатов в президенты или губернаторы, лидеров соперничающих партий.

Особую роль играет такая подсистема информирования общества, как государство, которое определяет формы передачи сведений от одних элементов иным, способы их воздействия друг на друга, не только обеспечивает распространение сообщений о решениях органов власти, законодательных актах, но и создаёт благоприятные условия для свободного обмена мнениями. Однако государство может и ограничить возможности получения гражданами интересующих их сведений, контролировать деятельность масс-медиа и других подсистем. В качестве предлога служит необходимость борьбы с экстремизмом, обеспечения защиты значимых для страны данных. В странах, где установлен авторитарный режим, государство является лидером в информировании общества, там же, где стабильно действуют законы и демократические нормы о свободе слова, оно распространяет сведения, находясь в условиях, равных для всех подсистем.

Государство взаимодействует с элементами информирования общества, в первую очередь – с телевизионными компаниями, занимающими в иерархии системы одну из передовых позиций. Согласно результатам опросов общественного мнения, проведённых в 2015 году ВЦИОМ и «Левада-центром», в России именно телевидение пользуется наибольшим доверием граждан [2]. По всей вероятности, аудитория не вполне осознаёт, насколько несовершенны и она сама, и система информирования общества. По данным социологов, один источник информации устраивает 51 процент опрошенных, подавляющее большинство этих респондентов черпают сведения из телепрограмм. Воспринимая навязываемые единственным источником сообщений стереотипы, люди могут убедиться в надёжности адресованных им сведений, а способны и глубоко заблуждаться. Не отличающиеся любознательностью, широтой взглядов, не склонные самостоятельно искать достоверные данные, телезрители, как правило, апатичны, легковерны, некритически относятся к получаемой информации. С одной стороны, такими людьми нетрудно управлять, с другой стороны, они не испытывают энтузиазма по поводу своего участия в модернизации стран.

Впрочем, пристрастиям аудитории свойственна изменчивость, а уверенность населения в надежности источников информации бывает недолговечной. По сведениям «Левада-центра», к ноябрю 2015 года доверие россиян телевидению снизилось на девять процентов по сравнению с данными за март предыдущего года. 28 процентов опрошенных считают, что телевидение даёт либо убогое и искаженное, либо ложное представление о мире [1]. Среди причин снижения доверия телевидению можно назвать обеднение тематики программ, связанное с насыщением информационного пространства в 2014–2015 годах сообщениями о перипетиях жизни в Украине, вытеснением суррогатами (наподобие сообщения «Первого канала» о мальчике, якобы распятом в городе Славянске) сведений о многообразных явлениях и процессах, происходящих в России и других странах. Специализирующиеся на распространении информации телеканалы по несколько раз транслируют одни и те же сюжеты, что свойственно, как правило, рупорам пропаганды, подчас демонстрируют неспособность обеспечить диалог и проявить терпимость к различным точкам зрения. По мнению П. Бурдье, телевидение предлагает банальные идеи, для усвоения которых не требуются размышления, эксплуатируя инстинкты человека и формируя его мировоззрение в определённом ключе [3, с. 35].

Систему информирования общества ослабляет также тенденция, связанная с футуризацией содержания журналистских материалов. Попытки масс-медиа учесть интересы людей, желающих предвидеть предстоящее, понятны, естественны. Проблема заключается в другом: построение на крупицах путаной информации витиеватых домыслов, представляемые в программах телекомпаний с помощью астрологов, экстрасенсов, квалифицированных эрзацами образов будущего кардинально отличаются от прогнозов, исследований перспектив явлений, основанных на научном предвидении и подкреплённых стройной, убедительной аргументацией. Информирование общества обедняют и театрализация жизненных ситуаций (реконструкция исторических событий, криминальных сюжетов, судебных слушаний), и слабое внимание журналистов к освещению всех общественно значимых фактов, свидетельствующих об отклонении субъектов политики и экономики, социальных институтов от выполнения законов, норм морали.

Очевидны и участившиеся попытки масс-медиа выдать частное, важное для ограниченного круга лиц, затрагивающее чьи-то мелкие интересы за общественно значимое, отражающее тенденции развития социума. Редкие сообщения о положении социальных групп обесцениваются на фоне многочисленных однотипных материалов, повествующих чаще всего о представителях шоу-бизнеса, актёрах театра и кино. Вследствие этого значимость содержания многих материалов общенациональных масс-медиа снижена до уровня стенгазеты, внимание аудитории отвлечено от актуальных проблем и тем. Многие масс-медиа становятся средством манипулирования общественным мнением и приобретают качества лицедея, не способного вне сцены освободиться от искусственных переживаний.

Среда не может не реагировать на изменения, происходящие в системе информирования общества. Многие граждане испытывают потребность в актуальных, оперативных сведениях, чтобы соотнести свои интересы с потребностями социальных групп ради рассмотрения, согласования и выработки взаимоприемлемых решений, получить доступ к средствам производства информации, выражения автономных мнений. Людей, которые тяготеют к управленческой, интеллектуальной деятельности, не устраивают упрощение и искажение событий и процессов, отражающие дисбаланс в информировании людей. С одной стороны, этот дисбаланс естествен. Постижению индивидом явлений, процессов и закономерностей объективного мира присуща неравномерность. Периодически возрастает внимание публики к одним элементам распространения сведений и снижается интерес к другим. Если одни граждане испытывают потребность в получении сведений о значимых явлениях и процессах, происходящих в обществе, то другие удовлетворены сообщениями о скандалах, слухах, связанных с чьей-либо частной жизнью. С другой стороны, опасения вызывает резкое углубление дисбаланса в экстремальных ситуациях, когда возникает угроза здоровью, жизни людей, а органы власти предоставляют им скучные или недостоверные данные о происходящем, подчас держат население в неведении и способствуют тем самым возникновению панических настроений. Дисбаланс в распространении сообщений можно наблюдать и в периоды обострения внутри- или внешнеполитических конфликтов, кризисов, когда административные учреждения выражают заинтересованность в освещении событий в одностороннем ключе, предоставлении гражданам сведений, не допускающих двойной интерпретации и не исключающих искажение действительности. В атмосфере политической напряжённости многие масс-медиа исполняют роль не института гражданского общества, призванного содействовать интеграции социальных групп и отстаивать их интересы, а представителя власти или бизнеса.

Неспособность одних подсистем обеспечить распространение объективной, достоверной информации публика компенсирует поиском надёжных сведений с помощью других подсистем: в Интернете – социальных сетях, блогах, а также в документах, научной литературе или общении с родственниками и друзьями. Фондом «Общественное мнение» зафиксировано, что в 2014 году из Интернета черпал информацию 41 процент респондентов. Годом позднее, по данным ВЦИОМ, в глобальной сети находили интересующие их сведения 43 процента граждан [2].

Качества подсистемы информирования общества иногда проявляют социальные сети – интернет-порталы, дающие возможность пользователям создавать персональные страницы и налаживать взаимоотношения с другими людьми на основе общих интересов, представлений, верований, а также распространять в глобальном пространстве различные материалы. Потенциал социальных сетей как источника информации, по мнению австралийских исследователей С. Йетс и Х. Партридж, ярко проявляется в природных катастрофах, а опыт в обмене сообщениями в эти периоды богат и динамичен [4]. Социальные сети становятся конкурентом телевидения. Согласно результатам исследования, проведённого агентством по маркетингу «Click Consult», 65 процентов молодых людей в возрасте от 16 до 24 лет предпочитают общение в социальных сетях, нежели просмотр телепрограмм. Представители другой группы (в возрасте от 25 до 34 лет) наблюдают телепрограммы столь же долго, сколь и ознакомляются с материалами, размещёнными в социальной сети Facebook. Для 32 процентов тех, кому более 55 лет, также привлекательны социальные медиа [5].

Социальные сети, в частности Facebook, могут превратиться в средства массовой информации, подменяя прессу, полагают авторы исследования, проведённого в США компанией «Pew Research Center» совместно с корпорацией «John S. and J.L. Knight Foundation». В качестве новости исследователи понимают любую информацию о событии или явлении, которое не касается семьи или друзей пользователя. Чем меньше человек интересуется новостями, тем в большей мере склонен рассматривать социальную сеть как источник их. Чаще всего новости в Facebook имеют развлекательный характер (73 процента респондентов интересуются именно такими известиями), менее важны события,

раскрывающие жизнь конкретных сообществ (65 процентов) и особенности национальной политики и деятельности правительства (55 процентов). В то же время мало кто из американцев использует Facebook в качестве масс-медиа. 78 процентов опрошенных делятся переживаниями, а новости находят случайно. И только четыре процента респондентов считают данную социальную сеть источником новостей [6]. Пользователи социальными сетями главным образом ориентированы на расширение возможностей для межличностной коммуникации, участия в интерпретации событий. Нередко достоверность распространяемой ими информации является сомнительной, в межличностном общении используются непроверенные данные, слухи.

В структуре системы информирования общества также значимы новостные сайты. Одни созданы информационными агентствами, масс-медиа. Другие сайты пополняют сообщениями или скриптом как программа, необходимая для динамичного обеспечения разнообразными сведениями, или модератор, или пользователи, представляющие интернет-сообщество. По данным фонда «Общественное мнение», в июне 2015 года с новостных сайтов черпали информацию 35 процентов респондентов, из социальных сетей и блогов – 17 процентов респондентов [7]. Но новостной сайт, если его пополняют сведениями непрофессионалы, не обеспечивает, как и социальные сети, доступ к достоверным данным, редко является первичным источником информации. Как правило, создатели подобного рода сайтов предпочитают заимствовать сообщения, подготовленные масс-медиа, информационными агентствами или пресс-службами.

Заполнить бреши в информировании общества, привлечь потребителей новизной подачи сообщений стремятся и блогеры. Цели многих из них отличаются от тех, к которым стремятся масс-медиа. Блогеры не вовлечены, как правило, в трудоёмкий процесс поиска информации, чем заняты журналисты, часто демонстрируют тягу к саморекламе или коммерческой деятельности. Иногда блогеры распространяют важную информацию, но чаще всего пересказывают в интернет-дневнике те сведения, которые почерпнуты в материалах масс-медиа или информационных агентств, излагают некий дайджест, не ссылаясь, как правило, на первоисточник, и интерпретируют услышанное, увиденное, прочитанное. Они привлекают внимание аудитории не новизной того, о чём рассказывают, а остроумием, резкостью оценок, отличных от официальных, облегчают поиск сообщений теми, кто не привыкли делать это самостоятельно или считают это действие утомительным, нуждаются в поводыре в мире информации или в оракуле, которому согласны безоговорочно верить. Блогера можно воспринимать как комментатора, не обременённого обязанностью обосновывать логичность излагаемого, представлять убедительную аргументацию. Значительная часть людей интересуется блогами, как и социальными сетями, в поиске развлечений.

Несмотря на интерес к обмену сообщениями, демонстрируемый пользователями социальными сетями, блогерами, а также новостными сайтами, у многих граждан распространяемая в Интернете информация вызывает разочарование. Как выяснил фонд «Общественное мнение», сведения, распространяемые новостными сайтами, социальными сетями и блогерами, не устраивают 23 процента респондентов [7]. Для них источником сообщений служит общение с друзьями и родственниками. По данным «Левада-центра», от соседей, друзей и родных получают информацию 24 процента опрошенных россиян [8]. Как правило, чем отчётливее проявляются в той или иной стране авторитарные тенденции, тем большее количество людей используют в качестве источника информации именно родных и друзей.

Какие изменения могут произойти в иерархии подсистем информирования общества? Сохранят ли свои позиции пресса, телевидение и радио? Какие качества необходимо приобрести социальным сетям, чтобы выполнять роль масс-медиа и претендовать на лидерскую позицию в системе распространения сведений?

С передовой позиции в иерархии информирования общества телевидение способны вытеснить другие элементы подсистем. Возможность для этого открывается в связи с тем, что происходит размытие функций вещательных компаний как средства массовой информации. Являясь компонентом системы информирования общества, они одновременно служат элементом индустрии развлечений, предпринимательской деятельности, ядром пропагандистского комплекса, эффективно действующим инструментом управления массами. Утверждаясь в качестве разновидности шоу-бизнеса, киноиндустрии, театрального дела, телевидение сохраняет слабую связь с журналистикой. Но она может быть укреплена в будущем. Подсистема масс-медиа способна к самоорганизации, проявлению независимости и автономности. Не исключено, что интерес людей к общественно значимой информации вырастет в связи с обострением борьбы международного сообщества с таким социальным злом, как терроризм.

Взаимодействие со средой является одним из условий существования системы информирования граждан. Дифференциация общества, деление аудитории на сегменты порождают необходимость регулярно изучать вкусы, потребности аудитории масс-медиа. Если сегмент качественной журналистики, особенно на телевидении, сжимается как шагреневая кожа, то, если следовать представлениям о циклическом развитии общества, вероятно утомление граждан от сообщений скандального характера, развлекательных программ, многочисленных сериалов о сыщиках. По данным TNS Gallup Media, в 2015 году уменьшилась (или не увеличилась, как у ТНТ) аудитория крупнейших российских телекомпаний «Первый канал», «Россия 1», НТВ, СТС. Эта тенденция отмечена впервые за многие годы.

Тем временем функции масс-медиа могут быть освоены социальными сетями. Правда, данный процесс осложнён тем обстоятельством, что первостепенную важность приобретает необходимость обеспечения безопасности пользователей Интернетом. 65 процентов граждан, опрошенных подразделением корпорации EMC в ходе акции «2010 Global Online Consumer Security Survey», отмечают, что по соображениям безопасности они всё реже желают общаться или делиться информацией с кем-либо в глобальном пространстве. Социальные сети привлекательны для мошенников, которые могут использовать персональные данные в неблаговидных целях. Это осознаёт 81 процент опрошенных граждан [9]. Кроме того, как показывают результаты исследования российских социальных медиа, проведённого агентством «Роуз креативные стратегии» совместно с компанией «HeadHunter», около 28 процентов российских интернет-пользователей заняты поиском сведений в социальных сетях лишь как потребители, перед тем как совершить покупки [10]. И, наконец, не исключено, что интересы и мировосприятие, свойственные значительной части молодых людей, для которых привлекательны социальные сети и блоги, в последующем упростятся, произойдёт их погружение в обычательшину, когда они станут старше, изменятся их психология, отношение к жизни, окружающему миру и телевидение превратится в самый важный источник сообщений.

Как правило, участие социальных сетей в конкуренции с масс-медиа кратковременно. Если в острых внутри- или внешнеполитических ситуациях, природных катастрофах официальные органы контролируют большинство масс-медиа или угрожают им применением санкций за несоблюдение установленных властью правил освещения событий и процессов и в связи с этим поток распространяемых журналистами сообщений об актуальных событиях резко сокращается, объём информации, которой обмениваются пользователи социальными сетями и блогеры, периодически возрастает. При таком стечении обстоятельств социальная сеть может приобрести некоторые качества, присущие масс-медиа. Но в случае снижения напряжённости в обществе менее интенсивным становится и обмен информацией, в котором участвуют пользователи Интернетом.

Если социальные сети в будущем окажутся привлекательными для миллионов граждан, потребность среды в поиске разнообразных сведений вызовет возникновение в Интернете сообществ, в которых будут действовать талантливые дилетанты, способные стать профессионалами и проявлять усилия в поиске, обработке и распространении актуальной социальной информации. Участвуя в обмене сообщениями, высокообразованные, критически мыслящие, имеющие доступ к скрытым от большинства людей коммерческим и иным данным, а также деловые связи в органах власти, в меру осторожные, но безмерно пытливые пользователи Интернетом могут превратить отдельную социальную сеть в ценный источник информации для населения страны. Не стоит исключать и вероятность того, что социальная сеть подобного характера может успешно конкурировать с масс-медиа при освещении конкретной сферы деятельности в течение длительного периода.

К лидерской позиции в иерархии системы информирования людей близки те подсистемы, которые способны быть первичными источниками разнообразных сведений, чутко улавливать тенденции развития общества и оперативно сообщать о них гражданам. Значение аудитории в определении приоритетов подсистем будет возрастать, она не является неким аморфным, вялым образованием. Активная, интеллектуально подготовленная часть её реагирует на колебания, происходящие в информировании общества. Если об одних важных событиях масс-медиа сообщают, а о других умалчивают, индивид способен найти ту подсистему, которая удовлетворит потребность в интересующих его сведениях. Возможно возникновение новых форм общения и обмена информацией в глобальной сети.

Механизмом, позволяющим сохранить целостность системы информирования общества, является стремление людей к познанию неведомого, глубокому осмыслению событий и процессов настоящего и прошлого, представлений о будущем народов, государств, планеты. Динамику процесса возникновения знания определяют исследование, поиск. Углубления дисбаланса в распространении разнообразных сведений в обществе можно избежать при повсеместном соблюдении международных

правовых норм, действующих в сфере деятельности масс-медиа, обмена сообщениями, защиты информации и не предусматривающих ограничения для граждан, не нарушающих общепринятые правила в поиске и распространении данных.

Вероятно, ни одна из подсистем информирования не способна утолить жажду людей в получении разнообразных сведений. Она естественна для общества, устремлённого к познанию объективного мира, закономерностей его развития. Сохраняя гибкость, система информирования общества реагирует на запросы людей, способна впитывать инновации. В то же время продолжают существовать противоречия, обусловленные разными целями, преследуемыми подсистемами информирования граждан, что нередко выливается в искажение событий ради удовлетворения узкогрупповых корыстных потребностей в ущерб объективному отражению действительности в интересах общества. Если и происходит сближение данных подсистем, то очень медленно. В острой внутренней или внешнеполитических ситуациях, кризисах, наоборот, их цели могут резко отличаться друг от друга, отражая не столько интересы общества, сколько потребности субъектов властных отношений, экономики. Конкуренция может подстегнуть подсистемы информирования общества к поиску надёжных, достоверных сообщений об объективном мире, закономерностях его развития или, напротив, вовлечь их в изощренное манипулирование сознанием граждан.

Библиографический список

1. Телевидение: доверие и функции. Пресс-выпуск от 14.08.2015 // www.levada.ru: сайт «Левада-центра» (дата обращения: 14.06.2016).
2. СМИ в России: потребление и доверие. Пресс-выпуск № 2829 // www.wciom.ru: сайт ВЦИОМ (дата обращения: 14.06.2016).
3. Bourdieu P. O televidenii i zhurnalistike. – M. : Прагматика культуры, 2002. – 160 c.
4. Yates C., Partridge H. Citizens and social media in times of natural disaster: exploring information experience // Information Research. – 2015. – Vol. 20. – № 1.
5. Barnett E. Teenagers “prefer social media to TV” // The Telegraph. – February 8. – 2012.
6. Duggan M., Smith A. Social Media Update. December 30, 2013 // pewinternet.org: сайт Pew Research Center (дата обращения: 14.06.2016).
7. Телевидение: предпочтения зрителей. 30 июня 2015 // www.fom.ru: сайт фонда «Общественное мнение» (дата обращения: 14.06.2016).
8. Российский медиаландшафт: телевидение, пресса, Интернет. Пресс-выпуск от 17.06.2014 // www.levada.ru: сайт «Левада-центра» (дата обращения: 14.06.2016).
9. RSA Global Survey Reveals Confidence in Social Networking Security Shaken as Online Crime Rises. January 20, 2010 // www.emc.com: сайт EMC Corporation (дата обращения: 14.06.2016).
10. Исследование социальных медиа в России // www.rose.ru: сайт «Роуз креативные стратегии» (дата обращения: 14.06.2016).

V. A. Evdokimov, Omsk humanitarian Academy

THE EVOLUTION OF THE SYSTEM OF SOCIETY INFORMATION

The author reveals the conditions of breaking of balance in society information, considers social networks to be mass media. There the prognosis of improvement of the system of society information is reflected in the article.

Keywords: system of society information, balance, objectivity, accuracy, competition.

References

1. *Television: trust and functions.* Press-issue 14.08.2015 [TV: trust and function. Press release from 14.08.2015] Available at www.levada.ru
2. *Mass media in Russia: consumption and trust.* Press-issue № 2829 [Russian media: consumption and confidence. Press release № 2829] Available at www.wciom.ru
3. Bourdieu P. *O televidenii i zhurnalistike* [On television]. Moscow, Pragmatics of culture, 2002. 160 p.
4. Yates C., Partridge H. *Citizens and social media in times of natural disaster: exploring information experience.* *Information Research.* 2015. Vol. 20. no 1.
5. Barnett E. *Teenagers “prefer social media to TV”.* *The Telegraph.* February 8. 2012.
6. Duggan M., Smith A. *Social Media Update.* December 30, 2013 Available at pewinternet.org
7. *Televiedenie: predpochtenija zritelej.* 30 iyunja 2015 [Television: viewers’ preferences. June 30, 2015] Available at www.fom.ru

8. *Rossijskij medialandscape: televidenie, pressa, Internet. Press-vypusk ot 17.06.2014* [Russia's landscape of media: television, press, Internet. Press-issue 17.06.2014] Available at www.levada.ru
9. *RSA Global Survey Reveals Confidence in Social Networking Security Shaken as Online Crime Rises*. January 20, 2010. Available at www.emc.com
10. *Issledovanie social'nyh media v Rossii* [Research into social media in Russia]. Available at www.rose.ru.

© В. А. Евдокимов, 2016

Автор статьи – Владимир Анатольевич Евдокимов, доктор политических наук, профессор, Омская гуманитарная академия.

Рецензенты:

Е. В. Безвиконная, доктор политических наук, доцент, Омский государственный педагогический университет.
А. Э. Еремеев, доктор филологических наук, профессор, Омская гуманитарная академия.

УДК 654.197.001.33

DOI 10.17238/issn1998-5320.2016.24.77

E. Ю. Кармалова,
Омский государственный педагогический университет

ЖАНРОВЫЕ МОДЕЛИ СОВРЕМЕННОГО ИНФОТЕЙНМЕНТА: ТИПОЛОГИЯ КОНТЕНТА ИНТЕРНЕТ-ИЗДАНИЯ И ТЕЛЕКАНАЛА LifeNews

В представленной статье рассматривается репертуар основных форматов современного телевизионного инфотейнмента. Автор анализирует особенности наиболее востребованных целевыми аудиториями телевизионных продуктов: специального репортажа, жёлтых новостей, драматизации, хоррора, трэша. Исследователем также сделан статистический анализ просмотров того или иного формата инфотейнмента.

Ключевые слова: инфотейнмент, специальный репортаж, жёлтые новости, драматизация, хоррор, трэш.

Инфотейнмент-программы появились на российских экранах сравнительно недавно. Изучение этого направления в современных СМИ представляется важным из-за того влияния, которое оно сегодня оказывает на другие медиапродукты. Сейчас большинство телепередач начинает заимствовать стилистику и приёмы выбора материала, построения сюжетов, способы общения со зрителем из тех программ, которые уже активно работают с форматом инфотейнмент. В российском эфире инфотейнмент нередко заменяет информационные и аналитические программы, претендуя занять их место.

LifeNews – российское информационное интернет-издание и телеканал. Рост печати в 2011 году назвала LifeNews третьим интернет-СМИ по количеству ссылок на него. В 2014 году информационно-аналитическая система «Медиалогия» назвала телеканал LifeNews самым цитируемым в России.

Для сравнительного анализа репертуара контента интернет-издания LifeNews в соотнесении с жанровыми моделями современных масс-медиа нами были взяты новостные материалы из разных блоков интернет-портала LifeNews.

Один из наиболее развёрнутых форматов – специальный репортаж. В центре специального репортажа, вполне соответствующего современным профессиональным стандартам, оказывается простая идея, поданная так, чтобы вызвать эмоциональный отклик у зрителей. При этом практически теряется изначальный смысл события, ставшего основой репортажа. Если же история, рассказанная в специальном репортаже, не рождает эмоцию, а апеллирует в первую очередь к разуму, материал рискует затеряться в потоке более эмоционально ярких сюжетов, коими изобилует современное телевидение [1].

«Их привела сюда война: специальный репортаж LifeNews «Комбат» – это история трёх обычных людей, которых силовая операция киевских властей выбросила из мирной жизни прямо на военную передовую. Эти сюжеты, как диктует жанровая модель, построены по принципу trip (трип), то есть погружение. Приведённый выше пример – это и есть трип. Рассказывая и наблюдая историю сложившихся жизненных обстоятельств, которые вынудили обычных

граждан выйти на самую передовую линию войны, съёмочная группа живёт в их среде, существует с ними и снимает привычной камерой события, участники которых уже не обращают на снимающего внимания.

Закон трипа требует динамики, поэтому синхрон должен сопровождаться адекватным действием персонажа, поэтому нам и показывают героев, которые не хвалятся своими наградами, а проявляют не чуждые всем нам человеческие эмоции, как, к примеру, в данном сюжете эпизод с маленьким лисёнком на руках у комбата. «Перемонтированная» по законам драмы реальность, проблемы современности, рассмотренные в развитии и погружённые в исторический контекст, подтверждённые высказываниями авторитетных людей и кинохроникой, – всё это, добавленное в разной пропорции в классический репортаж, стали называть специальным репортажем, всё чаще считая особым телевизионным жанром [2]. Продюсеры и съёмочные группы канала LifeNews жанр специального репортажа в своей работе, связанной с громкими и масштабными материалами, используют довольно часто и успешно.

Как пример «драматизации событий» в новостных сюжетах рассмотрим материал «Росгидромет уволит две тысячи сотрудников, а их функции доверит роботу». В сюжете речь идёт о внедрении автоматизированной системы на гидрологических постах. В связи с этим в компании по всей России планируется масштабное увольнение около двух тысяч сотрудников и замена их ручного труда нововведённой автоматизированной системой контроля.

Данная новость не представляет собой сенсации, и на самом деле в самом Росгидромете эти изменения и движение компании к техническому развитию воспринимают положительно, но съёмочной группе была дана установка представить аудитории отснятый материал в негативном свете, драматизировать его – показать, что компания увольняет сотрудников, записать синхронный видеоматериал, где работник одного из постов будет говорить о грядущем увольнении. На самом деле, о том, что на многих постах отсутствуют сотрудники, ведь их заработка плата составляет в среднем шесть тысяч рублей, а те, кто работают, являются пенсионерами со стажем, в сюжете не упоминается.

В России, где жизнь трудно назвать спокойной и благополучной, «драматизированные» новости прижились во многом благодаря их способности отвлекать от насущных социально-экономических проблем. Кроме того, бедные слои населения, лишённые возможности путешествовать и развлекаться, благодаря этим репортажам сопоставляют свою трудную, но не катастрофичную жизнь с ситуацией, в которую попадают жертвы сюжетов. Для подогревания конфликта используются интервью с пострадавшими, очевидцами и официальными лицами. Сопоставление мнений, высказанных в синхонах, позволяет создать ощущение аттракциона-скандала, который ещё не вспыхнул, но уже созревает в обществе. Кроме того, наличие конфликта (даже выдуманного журналистами в то время, когда еще не ясно, есть ли виновные в происшествии или это трагическое стеченье обстоятельств) – это условие превращения просто события в документальную драму, имеющую далеко идущие социальные последствия, формирующие картину мира [3].

Трэш пришёл на телевидение из кино, где с помощью этого понятия обозначались низкобюджетные ленты с актёрами-любителями и сюжетами, замешанными на сексе, садизме и страхе: «Особенностью восприятия фильмов такого рода является то, что персонажи-жертвы на экране не только близки вам по духу, а психологически родственны: они такие же, как я и ты». Это и вызывает из подсознания зрителей страх, а точнее – животный ужас вместе с физиологическим отвращением. Трэш зародился как концептуальная альтернатива глянцевым голливудским мелодрамам, это «истерический смех современного мира», и без иронии его воспринимать нельзя. Трэш в кино – продолжение концепции «театра жестокости» [4].

Примером данного жанра стала для нас серия материалов о «псковской школьнице», показанных в прямом эфире и опубликованных на портале LifeNews. Суть данного материала отражает события, произошедшие в Пскове в ночь с 26 на 27 сентября, когда группа несовершеннолетних подростков устроила издевательства над 15-летней Викторией, а затем выложила в Сеть фотографии обнажённой школьницы, на которых группа молодых людей позирует с обнажённой, находящейся в бессознательном состоянии девочкой.

Анализируемый нами материал хорошо отражает один из основных принципов трэш-публистики: «они такие же, как я и ты». На месте этой пострадавшей девочки может оказаться кто угодно, знакомые или родственники, поэтому такие материалы всегда находят большой отклик в обществе, целевой аудитории канала.

Большинство трэш-материалов – коллажи из кадров разнообразного происхождения, например, официальных выступлений, съёмок скрытой камерой или съёмка бытовой камерой или очень короткие

синхронные съёмки с участниками событий и пострадавшими (как в нашем случае). Такие материалы воздействуют на целевую аудиторию, заражая её эмоциями, транслируемыми в представленном материале, эмоциями, которые возникают от постоянной смены шокирующих кадров-деталей. От этого изобилия крови и слёз «репортаж под драму» перерастает в «репортаж-трагедию» [5].

В жанре (формате) «хоррор» LifeNews показывает в прямом эфире и публикует на портале большое количество материалов. «Хоррор» уже на протяжении многих десятилетий является одним из самых востребованных. Потребность аудитории в других традиционных жанрах (комедия, мелодрама, боевик) не всегда бывает стабильной, и лишь «хоррор» остаётся у зрителя неизменно популярным – он занимает немалую часть современного кинопроката и внедрён в масс-медиа. На протяжении всего своего становления «хоррор» очень успешно и быстро ассимилировал новейшие авторские концепции, технологии, драматургические конструкции и принципы художественного решения. Развитие данного жанра представляет особый интерес для исследования в связи с нестандартной диаграммой изменчивых зрительских предпочтений и новых направлений в этой области. Распространённые метасюжеты в большинстве своём в той или иной степени индексируют проблемы, страхи, а также постоянно изменяющиеся представления о границах добра и зла в обществе. В настоящее время исследование жанра в его современной типологии перешло из социальной области в эстетическую, которая напрямую затрагивает морально-этические вопросы дискуссии о взаимосвязи обилия насилия в реальной жизни с жестокостью, показываемой зрителю с монитора телевизора или компьютера [6].

Проанализируем как пример формата «хоррор» цикл материалов о «старушке-потрошительнице», которая была хорошо «раскручена» каналом: выпущено около 20 репортажей и статей. Главная героиня – 68-летняя пенсионерка Тамара Самсонова, она же «старушка-потрошительница», рассказала следствию о совершённых ею ранее убийствах. При обыске квартиры подозреваемой был обнаружен дневник, в котором она во всех подробностях описывала совершённые ею ранее преступления. По этим записям следователям удалось узнать, что первой жертвой стал квартирщик, чье тело она разрезала в ванной ножом, отдельные части тела разложила по мешкам и разнесла пакеты по территории района, в котором проживает. Таким образом, криминальный стаж пенсионерки насчитывает уже 15 лет. Тамара Самсонова рассказала следователям, что совершала свои преступления по одной и той же схеме: пенсионерка усыпляла жертву, подмешивая в еду снотворное сильного действия, затем, когда жертва засыпалась, приступала к расчленению. Также в ходе расследования был выяснен факт того, что подозреваемая неоднократно находилась на лечении в психиатрической больнице.

Таким образом, можно с полной уверенностью утверждать, что серия публикаций о «старушке-потрошительнице» является ярким примером жанра «хоррор», затрагивающего социальные и морально-этические вопросы о взаимосвязи обилия насилия в реальной жизни с жестокостью, транслируемой с экрана.

Количество просмотров каждого материала, опубликованного на интернет-портале телеканала, позволяет определить популярность того или иного формата инфотейнмент. Данный материал транслировался и в прямом эфире канала LifeNews, где целевая аудитория в десятки раз больше, чем стотысячное количество виртуальных просмотров. Продюсерами канала материал подавался порционно, что постоянно поддерживало интерес к теме.

С целью оценки популярности современных журналистских форматов инфотейнмента, опубликованных на интернет-портале LifeNews, которые нами были проанализированы, мы сделали статистический анализ количества просмотров материалов того или иного жанра (ноябрь 2015 г.):

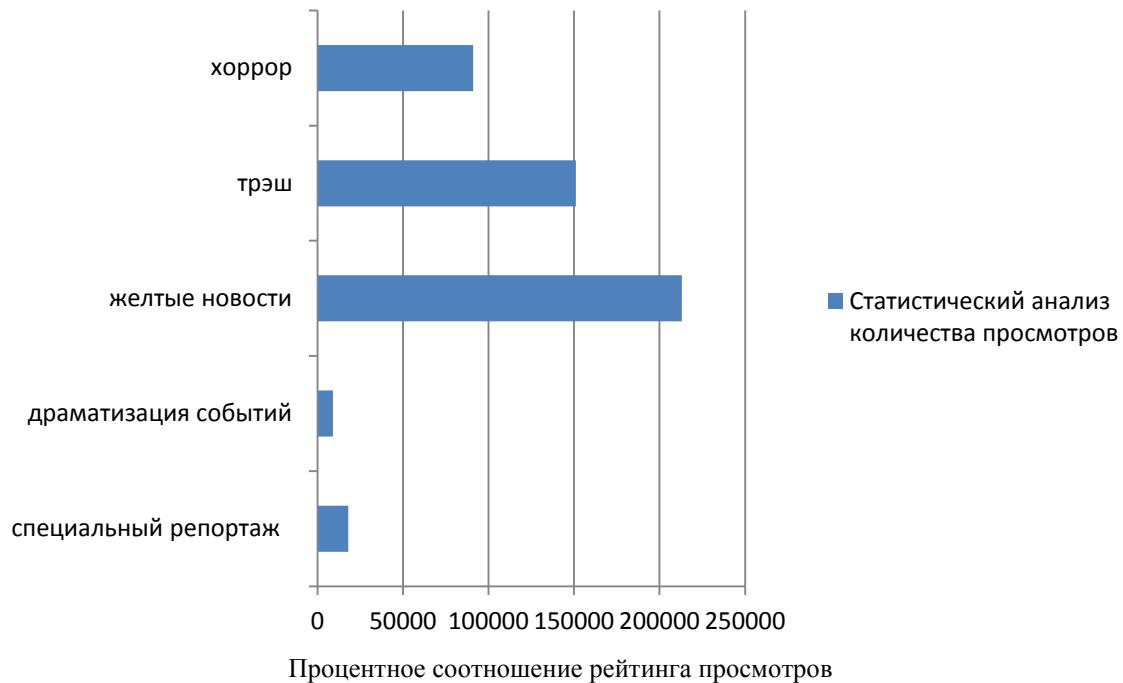
- специальный репортаж («Их привела сюда война») – 18 000 просмотров;
- драматизация событий («Росгидромет уволит две тысячи сотрудников, а их функции доверит роботу») – 9000;
- жёлтые новости («Ксения Собчак устроила развратные танцы на дне рождения сына Киселева») – 213 000;
- трэш (материалы о «псковской школьнице») – 151 000;
- хоррор (материалы о «старушке-потрошительнице») – 91 000.

Соотношение рейтинга просмотров примеров различных форматов можно увидеть на рисунке.

Из приведённого статистического анализа количества просмотров можно сделать вывод, что наибольшей популярностью среди целевой аудитории пользуются следующие форматы: «жёлтые новости», «трэш», «хоррор».

В процессе исследования мы установили, что жанровое разграничение журналистских произведений в основном существует лишь в теории. Сам репертуар жанров/форматов постоянно видоизменяется,

находится в развитии, происходит уход от старых классических жанров и появление новых, пользующихся популярностью у публики. Тем не менее, при всей динамике и диалектичности понятия «жанр» можно выделить ряд довольно-таки устоявшихся современных форм подачи журналистских материалов, анализ которых был сделан нами на примере контента интернет-издания и телеканала LifeNews.

В результате работы мы пришли к выводу, что всё разнообразие телевизионной продукции можно классифицировать по ряду формальных признаков, которые позволили нам выделить определённое количество жанров/форматов, используемых современными масс-медиа и пользующихся популярностью у целевой аудитории.

Библиографический список

1. Тертычный, А. А. Жанры периодической печати / А. А. Тертычный. – М. : Оазис. – 2007. – С. 84.
2. Ким, М. Н. Жанры современной журналистики / М. Н. Ким. – СПб. : Изд-во Михайлова В. А., 2004. – С. 221.
3. Кэрролл, В. М. Новости на TV : пер. с англ. / Виктория Маккаллах Кэрролл. – М. : Мир, 2000. – 285 с.
4. Кемарская, И. Н. Телевизионный редактор / И. Н. Кемарская. – М. : Аспект-пресс, 2009. – 191 с.
5. Матвеева, Л. В. Психология телевизионной коммуникации / Л. В. Матвеева, Т. Я. Аникеева, Ю. В. Молчанова. – М. : РИП-холдинг, 2004. – 316 с.
6. Метц, К. Воображаемое означающее: психоанализ и кино / К. Метц ; пер. Д. Калугин, Н. Мовнина ; науч. ред. А. Черноглазов ; авт. предисл. О. Аронсон ; Европейский университет в Санкт-Петербурге. – СПб. : Изд-во ЕУСПб, 2010. – 334 с.

E. Yu. Karmalova, Omsk State Pedagogical University

THE GENRE MODELS OF MODERN INFOTAINMENT: TYPOLOGY OF THE CONTENT OF THE INTERNET EDITION AND TV CHANNEL «LifeNews»

In the present article the basic repertoire of modern television infotainment formats is contemplated. The author analyzes the features of the most popular television products among the target audiences: special report, yellow news, dramatization, horror, trash. The statistical analysis of the views of different infotainment formats has been made.

Keywords: Infotainment, special report, yellow news, dramatization, horror, trash.

References

1. Tertychny A.A. *Zhanry periodicheskoy pechati* [The genres of periodical print]. Moscow, 2007, 84 p.
2. Kim M.N. *Zhanry sovremennoy zhurnalistiki* [The genres of modern journalism]. St. Peterburg, 2004, 221 p.
3. Carroll V. M. *The news on TV*. Moscow, 2000, 285 p.
4. Kemarskaya I.N. *Televizionnyi redaktor* [TV editor]. Moscow, 2009, 191 p.
5. Matveeva L.V., Anikeeva T.Ya., Molchanova Yu.V. *Psichologiya televizionnoy kommunikazii* [The Psychology of TV communication]. Moscow, 2004, 316 p.
6. Metz Ch. *The imaginary signifier: psychoanalysis and the cinema*. St. Peterburg, 2010, 334 p.

© Е. Ю. Кармалова, 2016

Автор статьи – Елена Юрьевна Кармалова, доктор филологических наук, доцент, Омский государственный педагогический университет, e-mail: Elen.ka05@mail.ru

Рецензенты:

С. Р. Удалов, доктор педагогических наук, профессор, Омский государственный педагогический университет.

Н. В. Орлова, доктор филологических наук, профессор, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского.

УДК 81'42+070

DOI 10.17238/issn1998-5320.2016.24.81

B. A. Егошина,
Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

СВОЕОБРАЗИЕ ТЕМАТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО РАЗВЛЕКАТЕЛЬНОГО РАДИОДИСКУРСА

Данная статья посвящена анализу тематического своеобразия развлекательных радиопередач. Рассматриваются механизмы, влияющие на выбор темы, её развитие и переход к другой теме. Выделяются особенности тематической организации радиокоммуникации и классифицируются приёмы изменения темы и удержания внимания слушателя. Особенности тематической организации эфирного часа в рамках развлекательного радиодискурса изучены недостаточно, что и определяет актуальность исследования.

Ключевые слова: радиокоммуникация, развлекательный радиодискурс, тема дискурса, коммуникативная стратегия, фатическая радиобеседа.

В современной лингвистике есть несколько подходов как к пониманию и употреблению термина «дискурс», так и к правомерности выделения различных типов дискурсов. Так, существует точка зрения В. В. Красных, согласно которой правомерно говорить только лишь о «национальном дискурсе» [1].

Однако данная позиция не поддерживается большинством лингвистического сообщества. Именно поэтому в работах ряда учёных можно встретить разнообразные, выделенные на различных основаниях «списки» типов дискурсов: «диалектный дискурс», «общественный дискурс», «политический дискурс», «конфликтный дискурс», «телевизионный дискурс», «журналистский дискурс» и т. д.

Очевидно, что большая часть институциональных дискурсов выявляется на основе тематической общности текстов, которые репрезентированы в рамках дискурса: медицинский, спортивный, религиозный.

Однако существует множество других оснований для типологии дискурсов или дискурсивных пространств. Так, медиадискурс как «своеобразное дискурсивное пространство, кластер различных типов взаимосвязанных, переплетающихся дискурсов» [2] может быть выделен на основании его реализации «в поле массовой коммуникации, продуцируемый СМИ. Так, можно говорить о политическом, религиозном, педагогическом и прочих медиадискурсах, подразумевая, что для своей реализации указанные типы институционального дискурса предполагают наличие относительно устойчивого набора практик производства, трансляции и интерпретации массовой информации» [3].

Без сомнения, радиодискурс, выделяемый прежде всего по каналу передачи информации, входит в поле медиадискурса.

Однако понятие «радийный дискурс» также является слишком широким, включающим в себя множество разноплановых аспектов, поэтому необходимо конкретизировать данный тип дискурса по следующим основаниям: базовая цель, коммуникативные характеристики адресанта и адресата, общая интенция коммуникации, генеральная коммуникативная стратегия. В соответствии с указанными параметрами полагаем уместным говорить о существовании развлекательного радиального дискурса, понимаемого как «*сложное, неоднородное образование, являющееся результатом взаимодействия речевых структур разных жанров, со свойственной им социальной обусловленностью, стратегической целью радиостанции, индивидуальными предпочтениями ведущих радиоэфира*» [4].

Одной из базовых характеристик развлекательного радиального дискурса, несомненно, является принцип его тематической организации. Тематика программ (так называемых «утренних шоу») на развлекательных радиостанциях в целом весьма разнообразна, но следует подчеркнуть, что «разнотемье» может характеризовать и отдельно взятую передачу, причём часто ведущие даже не определяют единую, «сквозную» тему программы. Заметим, что под *темой дискурса* мы понимаем его содержательную основу, являющуюся пересечением семантических сфер, принадлежащих высказываниям разных участников общения [5]. Круг обсуждаемых в эфире тем возникает спонтанно; тематический выбор определяется, на наш взгляд, рядом факторов, к числу которых справедливо отнести генеральную целевую установку радиопередачи, формат радиостанции, а также целевую аудиторию программы.

Кроме того, отметим, что на выбор темы и её смену оказывают влияние избираемые радиоведущими речевые стратегии. В условиях интерактивного общения обычно реализуются речевые стратегии, используемые в жанрах беседы и дискуссии. В частности, уместно выделить в качестве базовых такие речевые стратегии, как побуждение к действию и привлечение внимания. Указанные коммуникативные стратегии реализуются в речи ведущих посредством использования следующих тактик: приглашение, анонсирование, совместное действие, иллюктивное вынуждение, адресация, самопрезентация, а также диалоговая и эмоционально настраивающая тактики.

Однако специфика радиообщения проявляется в том, что участники не преследуют цели аргументировать выдвигаемый тезис, фокус тематически организуемой коммуникации смешается в сторону установки на самовыражение. При этом отчётливо прослеживается тенденция на развитие темы по нелинейной модели, когда каждый новый тезис может стать в рамках обсуждения специальной и отдельной темой [5].

Динамика развития беседы определяется общей установкой на диалог, который организован предельно широко, через набор спонтанно возникающих микротем, авторами которых являются вступившие в коммуникацию слушатели. Стимулом для развития коммуникации являются темы, которые могут совершенно не вписываться в заявленную, исходную тему, каким-либо образом организовывать её контекст (дополнять, расширять); они значимы для беседы сами по себе в силу того, что демонстрируют активность слушателей, создают впечатление живого, непосредственного диалога.

Таким образом, уместно говорить о преобладании именно фатических речевых жанров в современном развлекательном радиальном дискурсе, что, в свою очередь, также можно отнести к одному из главных факторов формирования круга тем в радиоэфире.

Как писала Т. Г. Винокур, несмотря на то, что общество «отобрало» наиболее популярные темы фатического общения, всё же отличительной чертой фатики является «тематическая свобода» [6]. «Болтовня», действительно, не запрещает общаться о чём угодно, лишь бы это отвечало настроению общающихся и ситуации общения [7].

Важно отметить, что превалирующим медиаожанром, с точки зрения современной лингвистической жанрологии, в радиошоу является фатическая радиобеседа. И. А. Стернин выделил жанр «светская беседа», который представляет собой ядро поля фатики. Учёный определил этот жанр как «взаимно приятный, ни к чему формально не обязывающий разговор на общие темы, основная цель которого – провести время с собеседником, оставаясь с ним в вербальном контакте» [8]. Данное определение в целом применимо и для жанра фатической радиобеседы. Однако стоит отметить, что жанру светской беседы свойственна имплицитность тем, а в рамках фатической радиобеседы табуированных тем практически нет. Граница между подходящими и неподходящими для радиоэфира темами в настоящее время практически стёрта. В фатической радиобеседе возникает специальная необходимость обсуждать темы, не опирающиеся на актуальную деятельность общающихся. При кажущейся важности тем, которые могут обсуждаться будто бы очень заинтересованно и профессионально, раскрытие темы, её обсуждение всё же никогда не бывает основной целью данного типа коммуникаций.

Тематика диалогов чрезвычайно разнообразна. Это и веяния моды, и пробки, и диеты, и макияж, а также новинки кино, гаджеты, новые компьютерные игры, звёзды шоу-бизнеса и т. д. Вообще круг тем чрезвычайно широк, причём порой даже сложно уловить, когда происходит переход от одного объекта обсуждения к другому. Интенция *говорить обо всём* (базовая для повседневного, разговорного дискурса) предполагает ацентричное движение темы, когда прослушивание передачи можно начать с любого места, даже с конца [5].

Каждая реплика в жанре фатической радиобеседы адресована всем участникам полилога, а не одному избранному собеседнику. Перенос инициативы осуществляется по линии наибольшей тематической ценности новой реплики или имитации такой ценности, вопроса к собеседнику.

Следовательно, правомерно говорить о том, что в своих основных аспектах тематическая организация коммуникативного взаимодействия обусловлена индивидуальностью каждого из участников общения, имеющего не только свой взгляд на тему, но и свою собственную тему.

Задача ведущего – во что бы то ни стало поддерживать непрерывный диалог с соведущим или создавать иллюзию такого диалога. Однако важен также и тот факт, что в последнее время актуально говорить не только о диалоге ведущих, но и о полилоге, поскольку во многих радиошоу ведущих уже не двое, а трое. Это не менее важный фактор в создании темы, её поддержании и переходе к новой, поскольку каждый ведущий обладает определённым набором уникальных знаний, которым может поделиться с другими участниками эфира, имеет свою точку зрения по какому-либо вопросу, жизненный опыт и т. д. Таким образом, используя свои социокультурные знания, сообщая о каких-либо фактах, связанных с данной темой, ведущий может изменить вектор развития темы в иную сторону. Очевидно, что процесс коммуникации усложняется, коммуникативные задачи и роли ведущих изменяются. Если раньше правомерно было говорить о чётком разграничении «ведущий/оппонент», «адресант/адресант информации», то сейчас очень часто появляется новая роль «модератора». Причём роль «модератора» не закрепляется за одним конкретным участником радиокоммуникации, она может изменяться в зависимости от развития темы, её уместности в радиоэфире и актуальности.

На основании проведённого анализа эмпирического материала можно выделить наиболее распространённые приёмы изменения темы в развлекательном радиошоу:

Использование речевых жанров «вопроса», «прогноза», «сплетни», «призыва», «шутки», «издёвки» и т. д.:

- Рассказывай, как провела выходные?
- Хорошо, в кино ходила.
- На какой фильм?
- «Легенда № 17».

– Что, хоккеем увлекаешься? Вот скажи, как тебе последняя игра сборной на чемпионате мира? [Эфир программы «Бригада У» от 10.05.2013 г.]

«Многие, конечно, не верили, что ты придёшь. Думали, первоапрельский розыгрыш. А нет! Вот, Сергей Светлаков в нашей студии. Будем обсуждать твой фильм, интересные подробности твоих новых проектов, а ещё раскроем тайны других звёзд. О-ля-ля. А пока, если у вас есть вопросы, пишите и звоните нам. Вернёмся через несколько минут» [Эфир программы «Бригада У» от 01.04.2014 г.].

Актуализация в речи ведущего уже известной ему ранее информации и, соответственно, вызов ответной реплики соведущего:

– Пробки заполонили всё. Не только в Москве. За город едешь – и то пробка. Пока доедешь по такой жаре, уже умереть хочется.

– Кстати, ты слышал, что в Америке в очередной раз забыли ребёнка в машине на солнце? [Эфир программы «Бригада У» от 28.06.2014 г.].

Введение в диалог личного мнения ведущего:

– Скоро премьера шестого «Форсажа». Я вот обязательно пойду. Интересно просто, чем они удивят после пятого.

– А ты знаешь, туда хотели пригласить этого из «Перевозчика»?

– Не, я считаю, что в «Форсаже» должен обязательно играть Дизель.

– Ну, не знаю, мне и «Перевозчик» нравится. Кстати, ты знаешь, что у Дизеля своя игровая компания, и он участвовал в разработке некоторых игр на тему «Форсажа»? [Эфир программы «Бригада У» от 20.05.2013 г.].

Использование в качестве «повода» для смены темы содержания эксплицированного прецедентного текста:

— *Вообще любовь зла, конечно. Обидно немного за парня. Он, понимаешь, со всей душой, а она взяла и сдала его.*

— *Если так рассуждать, вспомни, сколько таких случаев было, когда из-за женщин все планы рассстраивались. Вспомни вот песню «Мурка», например.*

— *Ну, так мы далеко уйдём.*

— *Заметь, это Вики сказала. Вот она, женская натура, расстроить всё, накосячить — и в кусты. А нам, мужчинам, отдуваться за всё. Я вот считаю, что женщинам легче живётся. А вы, друзья, как думаете? Кому сложнее в этом мире: нам, мужчинам, кормильцам, добывчикам или легкомысленным девчонкам?* [Эфир программы «Бригада У» от 13.08.2015 г.]

Сообщение о каком-либо факте, неизвестном ранее, но имеющем отношение к теме беседы:

— *А сейчас загадываем желания, потому что сейчас 8 часов, 8 минут и 8 секунд! Ой, ну всё, ну всё. Все загадали, можно начинать. Ох, итальянцы, ох, романтики! Они придумали акцию: так, на улицах города появились очки с цветными стеклами. По задумке авторов проекта, такие очки помогут взглянуть людям на мир с другой стороны.*

— *То есть там не только розовые очки?*

— *Нет, цвета вообще разные. Почему на мир надо смотреть только в розовых очках? Откуда вообще пошло такое выражение? Друзья, давайте вместе разбираться. Пишите нам ваши версии происхождения этого выражения: «смотреть на мир сквозь розовые очки». Авторы правильного и самого остроумного ответа получат от нас специальные подарки* [Эфир программы «Бригада У» от 22.10.2014 г.]

Кроме того, существуют различные приёмы, позволяющие включить в коммуникацию как можно больше слушателей, а также удержать их внимание: анонсирование запланированных мероприятий в рамках данной радиопрограммы; прочтение SMS и сообщений из социальных сетей, которые, в свою очередь, могут также задать определённую тему или служить фактором изменения какой-либо темы; розыгрыш призов, приглашений на мероприятие, билетов в кино и т. д.; проведение викторин и игр в прямом эфире; установка на дружеское общение за счёт использования определённых обращений (*друзья, дорогие радиослушатели*), формул *«ты-общения»*, применения тактики побуждения к совместному действию, которая репрезентируется за счёт использования специальных маркеров выражения совместного действия (*мы с вами, вместе*), формы 1-го лица множественного числа глаголов в значении совместного действия, императивных форм глаголов или форм простого будущего времени, употреблённых в функции императива, вопросительных грамматических конструкций, выполняющих функцию косвенного побуждения, побудительной частицы *«давайте»*.

Таким образом, подчеркнём, что широкий диапазон актуализированных в фатической радиобеседе тем свидетельствует о такой особенности радиоречи, как размытость, нечёткость тематических границ. Часто это является следствием превалирования в современном радиоэфире спонтанной, не подготовленной речи, напоминающей по своей структуре речь разговорную, которая характеризуется отсутствием единой тематической доминанты, ориентированностью на самоактуализацию через темы, связанные с собственной личностью: своими интересами, убеждениями, мнением и т. д.

Необходимо ещё раз отметить, что, поскольку речь ведущих не подготовлена, в процессе радиокоммуникации она близка к разговорной. В ней частотны неологизмы, жаргонизмы, сленговые выражения, просторечные слова, разговорные частицы, междометия. Для неё характерны черты разговорного синтаксиса: разговорные этикетные формулы, быстрый темп речи, соответствующие синтаксические конструкции, в том числе эллипсис, нарушение синтаксического строя речи, отсутствие грамматического согласования членов предложения, а также бессоюзные предложения, вопросно-ответное построение предложения, обилие местоимений, дублирующих подлежащее, употребление слов-предложений, использование вставных конструкций, вносящих добавочные сведения, поясняющих главную мысль говорящего.

Обобщая сказанное, можно заключить, что диалогическая организация темы в развлекательном радиодискурсе свидетельствует о преобладании коммуникативных интенций над информативными, о том, что для современного радиого дискурса развлекательного формата психологическая цель становится важнее информационной, что логично предположить, учитывая реальность интерсубъектной модели взаимодействия коммуникантов, для которых субъективно-модальные задачи достигаются легче и свободнее при отсутствии единой темы [5].

Однако подчеркнём, что в целом речь ведущих в структуре эфирного часа на развлекательных каналах занимает более чем скромное положение, но радиоведущему удаётся создавать иллюзию постоянного диалога со слушателем через короткие фразы, реплики или диалоги с соведущими, дозвонившимися радиослушателями, гостями в студии. Такая тактика организации радиодискурса способствует тому, что наполнение эфира воспринимается не как мозаика из сообщений с ориентацией на информирование аудитории, рекламных сообщений и музыкальных композиций, а как целостное коммуникативное единство, ориентированное на взаимодействие, – коммуникативное пространство радиоэфира [4].

Наблюдения, сделанные в данной статье, несомненно, могут иметь практическую значимость при разработке программ дисциплин «Основы теле- и радиожурналистики», «Язык СМИ», спецкурсов «Современный радиодискурс», «Навыки работы радиожурналиста» в высших учебных заведениях, а также на курсах повышения квалификации журналистов радиальных СМИ.

Библиографический список

1. Красных, В. В. «Свой» среди чужих: миф или реальность? / В. В. Красных. – М. : ИТДГК Гнозис, 2003. – 375 с.
2. Медиадискурс: новые явления и новые подходы : коллективная монография / под ред. Н. А. Кузьминой. – Омск : И. П. Баловнева. – 2010. – 262 с.
3. Кожемякин, Е. А. Медиадискурс / Е. А. Кожемякин // Современный дискурс-анализ. Типы дискурсов: теоретические описания [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.discourseanalysis.org>.
4. Нестерова, Н. Г. Коммуникативно-прагматическая специфика спонтанного радиодискурса / Н. Г. Нестерова // Вестник Томского гос. ун-та. – Серия «Филология». – 2009. – № 318. – С. 37–40.
5. Ермоленкина, Л. И. Диалог как содержательная доминанта дискурса информационного радио / Л. И. Ермоленкина // Картины русского мира: образы языка в дискурсах и текстах. – Томск : ИД СК-С, 2009. – 356 с.
6. Винокур, Т. Г. К характеристике говорящего: Интенция и реакция / Т. Г. Винокур // Язык и личность. – М., 1989. – С. 11–23.
7. Майданова, Л. М. Практическая стилистика жанров СМИ : уч. пособие / Л. М. Майданова, С. О. Калганова. – Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2006. – 336 с.
8. Стернин, И. А. Светское общение / И. А. Стернин. – Воронеж : Рико, 1996. – 18 с.

V. A. Egoshkina, Omsk State University

THEME SPECIFICITY OF THE MODERN ENTERTAINMENT RADIO DISCOURSE

This article is devoted to analysis of the thematic features of entertainment radio programs. It is considered the mechanisms which can affect the choice of the topic, her development and the transition to another topic. Also it is discussed features of the thematic organization of radio communications and classified methods which influence on change of theme and attract attention of listeners.

Thematic organization of programs within the modern entertainment radio discourse has not been studied and described so far. This aspect defines the relevance of the research.

Also conclusions, which were made in this article, can use in different disciplines and seminars in particular «Basics of television and radio journalism», «Language of mass media», «Skills of radio journalist».

Keywords: radio communication, entertainment radio discourse, theme of discourse, communicative strategy, phatic radio conversation

References

1. Krasnyh V.V. *Svoi sredi svoih: mif ili real'nost'*? [Several among aliens: fact or fiction?]. Moscow, 2003, 375 p.
2. Media discourse: new phenomena and new approaches: collective monograph under the editorship of N.A. Kuzmina. Omsk, 2010, 262 p.
3. Kozhemyakin E.A. *Modern discourse analysis*. Types of discourse: theoretical descriptions. URL: <http://www.discourseanalysis.org>.
4. Nesterova N. G. Communicative and pragmatic specifics of spontaneous radio discourse. *Vestnik Tomskogo gos. Universiteta*, 2009, no. 318, pp. 37-40.
5. Ermolenkina L.I. *Dialog kak sodergatel'naya dominanta discursa informacionnogo radio* [Dialogue as a semantic dominante of an information radio discourse]. Tomsk, 2009, 356 p.

6. Vinokur T.G. *K harakteristike govoryashchego: Intentsiya i reaktsiya* [The characterization of the speaker: Intention and reaction]. Moscow, 1989, pp. 11-23.
7. Maydanova L.M., Kalganova S.O. *Prakticheskaya stilistika zhanrov SMI* [Practical stylistics of media genres]. Yekaterinburg, 2006, 336 p.
8. Sternin I.A. *Svetskoe obshchenie* [Secular communication]. Voronezh, 1996, 18 p.

© В. А. Егошкина, 2016

Автор статьи – Виолетта Александровна Егошкина, аспирант, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, e-mail: v.egoshkina@yandex.ru

Рецензенты:

Л. Б. Никитина, доктор филологических наук, профессор, Омский государственный педагогический университет.

О. С. Рогалева, кандидат филологических наук, доцент, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского.

УДК 81'42

DOI 10.17238/issn1998-5320.2016.24.86

A. И. Михайлова,
Омский государственный педагогический университет

РЕЧЕВАЯ АГРЕССИЯ В ТЕКСТАХ РОК-МУЗЫКИ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Данная статья намечает некоторые факторы и причины проявления речевой агрессии, являющиеся специфическими для текстов рок-музыки (в частности, русской рок-музыки). Кратко рассматриваются спорные моменты, касающиеся выделения конкретных приёмов вербальной агрессии в рок-текстах. Выделенные принципиальные концептуальные черты русского рока как источника новых форм бытования вербальной агрессии могут быть использованы при проведении лингвокультурологических исследований, в частности, роковедческих.

Ключевые слова: речевая агрессия, рок-музыка, русский рок.

Речевая агрессия в текстах рок-музыки появляется довольно часто и это, пожалуй, особая ниша поэтической культуры современности, в которой нет жёсткой табуированности, а жаргон, инвективы и другие подобные явления не вызывают у рядового слушателя возмущения или недовольства. Следует определить перспективные направления анализа речевой агрессии как специфической черты рок-текста, обозначить ключевые особенности данного феномена в контексте музыкального дискурса. Обратимся к принятым в науке толкованиям термина «речевая агрессия». Речевая агрессия – это «выражение негативных чувств как через форму (ссора, крик, визг), так и через содержание словесных ответов (угроза, проклятия, ругань)» [1]. Это выражение может быть последствием деструктивного намерения говорящего или носить сугубо инструментальный характер. Существуют исследования, выделяющие особые жанры агрессивных высказываний, например работы Д. Жельвиса. Можно выделить различные формы речевой агрессии в рамках разных дискурсов. Это может быть лексика с семантикой разрушения, в частности глаголы в форме повелительного наклонения в рамках высказывания-принуждения, угрозы, инвективы, обсценная и просто грубая, вульгарная лексика и т. д.

Если опираться на определение речевой агрессии, то можно отметить уникальное качество рок-музыки как объекта лингвистического исследования вербальной агрессии, ибо агрессивное высказывание – значит, приносящее моральный вред реципиенту, но бранная лексика в музыкальном тексте для одной субкультуры является нормой, а для другой – отклонением от неё. Представители старшего поколения, не относящие себя к поклонникам рок-музыки, неустанно ругают последнюю за нарочитую агрессивность языка, и собственно музыкального компонента. Приведём в качестве примера высказывания Игумена Александра (Мидеанта): «В наши дни увлечение рок-музыкой превратилось в своего рода всемирное движение, насчитывающее сотни миллионов последователей. Для многих молодых людей рок-музыка и её более буйный вариант – «тяжёлый металл» стали стилем жизни, где поощряется распутство, употребление наркотиков, буйство и нигилизм». «Психологи, специализировавшиеся

в области влияния музыки на человека, неоднократно высказывали свои опасения по поводу рок-музыки». «Рок-музыка стимулирует половую распущенность». «Рок-песни поощряют совершать секс с кем хочется». «Неистовства на рок-концертах иногда приводят к убийствам» и т. д.

Разумеется, речь идёт не только о поведенческом аспекте рок-субкультуры, но и об агрессивном посыле в текстах. Ввиду неоднозначности отношения разных слушателей к появлению в музикально-вокальном произведении случаев употребления речевой агрессии она, с одной стороны, является лишь своего рода средством художественной выразительности, а с другой – мощнейшим орудием морального давления на человека. Это также обуславливает наличие богатого и разнообразного фонда средств привлечения вербальной агрессии в таких текстах, в отличие от, например, текстов политического дискурса или средств массовой информации. Рок-текст уникален тем, что, не будучи лирическим произведением в чистом виде, но выступая в современном мире в качестве одного из вариантов популярного музыкального текста, он тем не менее даёт создателю большую свободу проявления своего индивидуального деструктивного начала с помощью вербально-агрессивных средств, нежели текст какого-либо другого музыкального стиля.

Как уже было сказано, общественность всегда отмечает «агрессивную направленность» многих текстов как российской, так и зарубежной рок-музыки. Если изучить психологическое и философское понимание вопроса, можно увидеть причину этой нарочитой агрессивности – противопоставление личностью себя остальным, осознание собственной творческой или духовной силы, неконтролируемая внутренняя страсть, демонстрация свободы воли, в комплексе вызывающие у личности потребность в таком методе самореализации, как агрессия.

Некоторые тексты, в том числе приводимые в качестве примеров в данной статье, имеют отсылки к антиполитической, милитаристской агрессии, могут быть связаны с идеологической борьбой, то есть являться своего рода «культурным ответом» на социально-политическую ситуацию. Также тексты рок-музыки могут иметь подоплётку состояния изменённого сознания автора (наркотиков и алкоголя). Общая концепция творчества многих отечественных рок-групп включает признание враждебности мира, и в рамках этой концептуальности создаются «агрессивные тексты».

Ещё одна особенность вербальной агрессии в рок-тексте состоит в том, что, в отличие от диалога или другого вида личного общения, в котором всегда явно выражена речевая агрессия, у рок-песни – формально стихотворного текста (подавляющее большинство рок-песен созданы по канонам силлабо-тонического стихосложения) – нет конкретного адресата, как, впрочем, и в других классических поэтических текстах. Можно сказать, что агрессия направлена «на всё общество», а по сути, на любого конкретного слушателя. Есть и тексты, где вербальная агрессия выражена не стихийно, а для обозначенного лица, предмета.

Здравствуй, ночь-Людмила,
Где тебя носило,
Где беда бродила,
Я б тебя убила.
Твою мать, Людмила,
Я тебя кормила,
Я тебя растила,
Где тебя носило?
(«ДДТ», «Ночь-Людмила»)¹

Фактором выделения определённого объекта агрессии может служить, например, наличие обращения в высказывании, содержащем приём реализации вербальной агрессии.

Как закричали вы: «Вы, что, еврей?
Ах, лучше бы сердце пронзили мне пулей,
Вы погубили меня, вы злодей,
Вы обманули, вы обманули!»
(«Агата Кристи», «Декаданс»)

Кроме этого, во всем тексте может быть выделен герой, обозначенный путём употребления местоимений второго лица без прямого обращения (обращение может содержаться в последующем или предыдущем простом предложении, входящем в состав сложного).

Ты куда летишь, печальный призрак,
Вот он я, готический твой принц,
Ты выглядишь, как труп своей собачки,
Которую насиливал фашист.

(«Агата Кристи», «Садо-Мазо»)

Однако встречаются примеры с условно выделенным объектом агрессии, который не раскрывается в контексте, а все употреблённые местоимения второго лица выглядят случайными, в таком случае мы не можем однозначно сказать, что объектом является определённое лицо или группа лиц, а относим подобные тексты к проявляющим «стихийную агрессию».

Я буду классным,
Когда **взорву** ваш магазин,
Таким опасным
И сексуально заводным.

(«Агата Кристи», «В интересах революции»).

В связи с вышесказанным можно отметить ещё одну особенность рок-текстов: преобладание неявных субъекта и объекта вербальной агрессии, что опять же связано с традициями классической поэзии, условностью соотнесения автора и лирического героя, а также использования обобщающего «ты» в стихотворном тексте, тогда как простор обозначаемых этим местоимением лиц или даже ве-щей может быть необозримо велик.

Следует сказать, что при наличии в тексте вербальной агрессии всегда можно выделить определённое слово или словосочетание, которое является так называемым эмоциональным центром выскакивания, потому что в его лексическом значении или оттенках лексического значения заключена эмоционально-оценочная окрашенность, связанная с проявлением агрессивности, угрозы и т. п. Такие слова и словосочетания мы называем маркерами вербальной агрессии, тексты отечественного рока можно классифицировать в зависимости от использования того или иного маркера.

Любой тип речевой агрессии может функционировать в текстах, наполненных различными лирическими сюжетами, описанием и выражением широкого спектра чувств. Так, в отечественной рок-музыке существуют тексты, в которых можно выделить несколько форм проявления вербальной агрессии.

Значит, можно говорить правду,
Можно быть по морде падлу,
Можно рассказать секреты.
Значит, можно нарушать запреты,
Можно быть тупым и смелым
И можно взять ружьё с прицелом,
А потом махнуть в столицу
Пострелять по известным лицам.

(«Год змеи», «10 дней»)

Параллельно с ними встречаются тексты, не связанные с общим агрессивным настроем автора, в которых верbalная агрессия применяется скорее как единичный приём с определёнными целями. Упомянутое разделение, очевидно, связано классификацией агрессии на инструментальную и враждебную.

Вслед за исследователем Д. В. Жмуроным мы отмечаем, что текстуальная агрессия имеет следующие основные формы. Она может быть реализована в тексте, но преследовать цель нанесения физического вреда человеку (в случае если речь идёт, например, о магических текстах); наносить адресату «коммуникативный урон» (унижение слушателя, собеседника, использование инвектив, кодовый конфликт).

В эпосе Жмуро выделяет, прежде всего, собственно языковую агрессию. Это брань, обсценная лексика, угрозы, не связанные с сюжетом и высказываниями персонажей, то есть агрессия собственно автора, а также фразы с агрессивным содержанием, являющиеся репликами героев. Именно эта форма важна для текста лирического, а также для музыкально-поэтического. Возможна и «общая агрессивность литературного текста», побуждение читателя к агрессии посредством целенаправленного или случайного воздействия. Агрессия в литературе может быть соотнесена с физической агрессией, если предполагает не только моральный вред, это касается заговоров, магической поэзии.

В заключение скажем, что русский рок – поле «агрессии ощущений», возможно, в этом даже состоит его ментальная особенность. Песенный текст в XXI веке ещё более, чем художественный, обладает такой особенностью: он может создавать посредством языка образы любого порядка, оказывая негативное воздействие на читателя не только собственно лексическими средствами, но и воспроизведя «неприятную» ситуацию. Речь идёт не только о сценах кровавых убийств, которые, будучи описанными с физиологическими подробностями, вызывают порой физически ощущаемое отвращение, но и о простых, субъективно неприятных ощущениях человека: боли, галлюцинациях, звуках, запахах. Исследований, касающихся такого проявления речевой агрессии, пока мало. О последнем существует исследование Н. О. Зыховской. Она пишет: «“Зловонные” страницы художественной литературы достаточно часто строятся по той же модели, что и приведённый фрагмент “Преступления и наказания”. Главная задача автора в таком случае – показать неустранимость неприятного запаха и неизбежность его вдыхания (потребления)» [3].

Итак, можно выделить следующие специфические черты бытования речевой агрессии в текстах русской рок-музыки: определение уровня агрессивности того или иного текста в зависимости от принадлежности реципиента к той или иной субкультуре; своеобразное право на агрессию, порождаемое жанровыми (психологическими, субкультурными) особенностями рок-музыки и порождающее особое многообразие форм и приёмов речевой агрессии; стёрги позиции субъекта и объекта вербальной агрессии, возможность создавать собственно агрессивные тексты с концептуальной точки зрения, наличие определённых ярко выраженных маркеров вербальной агрессивности, а также «агрессии ощущений» или «языкового насилия».

В связи с вышеизложенным изучение речевой агрессии на материале текстов песен русских рок-музыкантов является перспективным направлением лингвистических исследований. Особый интерес представляет характер влияния культурологических особенностей анализируемого материала на конкретную языковую реализацию феномена вербальной агрессии, а также отличие средств и форм выражения агрессивности автора рок-текста от бытующих в других жанрах и стилях современной музыки и не только. Предпосылки выделения нестандартных форм вербальной агрессии в русском рок-тексте могут быть рассмотрены как лингвистами, так и культурологами и литературоведами, так как данная проблема является, разумеется, междисциплинарной.

Примечание

¹Тексты взяты из интернет-источников (<http://ddtmusiclib.narod.ru/texts.html>, <http://ddt-pesni.ru>, <http://megalyrics.ru>, <http://music.yandex.ru/>)

Библиографический список

1. Епископ Александр (Милеант). Рок-музыка с христианской точки зрения / Епископ Александр. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://acathist.ru/en/literatura/item/rok-muzyka-s-khristianskoj-tochki-zreniya>
2. Жмурев, Д. В. Словарь терминов агрессии / Д. В. Жмурев. – Иркутск : «АСПринт», 2006.
3. Жмурев, Д. В. Насилие (агрессия) и литература / Д. В. Жмурев. – Иркутск : «АСПринт», 2005.
4. Зыховская, Н. Л. Ольфакторная агрессия в художественном тексте / Н. Л. Зыховская // Речевая агрессия в современной культуре. – Челябинск, 2005. – С. 196–203.
5. Иванова, Р. П. Агрессия в текстах рок-песен / Р. П. Иванова // Проблемы формирования массового сознания в условиях межкультурной коммуникации : сборник материалов II Всероссийской научной междисциплинарной интернет-конференции (г. Якутск, 23–30 марта 2010 г.). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://refdb.ru/look/1960431-pall.html>.
6. Набок, И. Л. Рок-музыка: эстетика и идеология: в помощь лектору / И. Л. Набок. – Л. : Знание, 1989.
7. Цит. по Панькова, Н. В. Верbalная агрессия подростков: самозащита или самоутверждение [Текст] / Н. В. Панькова // Молодой учёный. – 2014. – № 5. – С. 457–459.

A. I. Mikhajlova, Omsk State Pedagogical University

HATE SPEECH IN TEXTS OF ROCK MUSIC: TO THE PROBLEM OF MISSILE DEFENSE

This article aims to show some factors and reasons of display speech aggression, that are specific for texts of rock music (Russian rock music, in particular). Briefly, disputable moments are considered, which are associated with display of specific methods of verbal aggression in rock lyrics. Sorted out fundamental conceptual features of Russian rock as a source of new forms of existing of verbal aggression may be used to carry out linguistic and cultural researches, and rock researches in particular.

Keywords: verbal aggression, rock music, Russian rock.

References

1. Episkop Aleksandr (Mileant). *Rok-muzyka s khristianskoy tochki zreniya* [Rock music from a Christian perspective]. Access mode: <http://acathist.ru/en/literatura/item/rok-muzyka-s-khristianskoj-tochki-zreniya>
2. Zykhoverskaya N.L. Olfactory aggression in the art text. *Rechevaya agressiya v sovremennoy kulture*. Chelyabinsk, 2005.
3. Zhmurov D.V. *Slovar terminov agressii* [Dictionary aggression terms]. Irkutsk, 2006.
4. Zhmurov D.V. *Nasiliye (agressiya) i literature* [Violence (aggression) and literature]. Irkutsk, 2005, pp. 196-203.
5. Ivanova R.P. Aggression in the texts of the rock – songs. *Problemy formirovaniya massovogo soznaniya v usloviyakh mezhkulturnoy kommunikatsii*. Access mode: <http://refdb.ru/look/1960431-pall.html>
6. Nabok I.L. *Rok-muzyka: estetika i ideologiya: v pomoshch lektoru* [Rock-music: aesthetics and ideology: to help the lecturer]. Leningrad, 1989.
7. Quoted from Pankova N. V. Verbal aggression of adolescents : self-defense or self-affirmation. *Molodoy uchenyy*, 2014, pp. 457-459.

© А. И. Михайлова, 2016

Автор статьи – Алена Игоревна Михайлова, аспирант, Омский государственный педагогический университет, e-mail: pkd-shka@mail.ru

Рецензенты:

С. А. Демченков, кандидат филологических наук, доцент, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского.

Н. Д. Федяева, доктор филологических наук, доцент, Омский государственный педагогический университет.

РАЗДЕЛ 2 **ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ**

PART 2 **PEDAGOGICAL SCIENCES**

УДК 378.147

DOI 10.17238/issn1998-5320.2016.24.91

Ю. Ю. Раянова,
Сибирский государственный университет физической культуры и спорта
Т. В. Савченко,
Омская гуманитарная академия

ФОРМИРОВАНИЕ ГНОСТИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ

В статье освещаются вопросы реализации компетентностного подхода в современном профессиональном образовании, раскрываются психолого-педагогические аспекты формирования гностической компетентности в процессе профессиональной подготовки будущих специалистов. Авторами представлены: разработанная ими технология формирования гностической компетентности в процессе профессиональной подготовки будущих специалистов физкультурного образования и результаты проведённого исследования возможностей реализованной технологической модели формирования гностической компетентности.

Ключевые слова: современное профессиональное образование, гностическая компетентность, технология формирования гностической компетентности.

Современные социально-экономические изменения на уровне государства, общества и личности предъявляют особые требования к выпускникам вузов, в соответствии с которыми они должны быть готовы работать в быстро меняющихся условиях, новых нестандартных профессиональных ситуациях, постоянно пополнять знания, а также быть способными реализовывать их в области своей профессиональной деятельности.

Реализация компетентностного подхода в профессиональном физкультурном образовании предполагает формирование профессиональной компетентности у студентов, позволяющей эффективно решать задачи будущей педагогической и тренерской деятельности. Базовым компонентом профессиональной компетентности специалиста в сфере физической культуры и спорта является гностическая компетентность [1, 2].

Так, Е. Н. Медведева, О. Н. Титорова и др. определили, что значительные затруднения выпускники вузов физической культуры на этапе адаптации к профессиональной деятельности испытывают при анализе результатов своей деятельности и опыта других педагогов, решении возникших педагогических ситуаций, учёте индивидуальных особенностей при организации деятельности учеников на занятиях [3, 4].

Изучение работ по проблеме формирования гностической компетентности у студентов физкультурных вузов в педагогической теории и практике показало необходимость в обновлении содержания, поиске новых технологий, форм и методов её развития.

Анализ научно-методической литературы позволил разработать структурный состав гностической компетентности, который представлен когнитивным, личностным и деятельностным компонентами.

Когнитивный компонент включает когнитивно-стилевые особенности, которые определяют взаимосвязь процессов анализа, синтеза в работе с информацией и стилевого поведения личности. Когнитивный стиль в научно-психологической литературе в работах М. А. Холодной рассматривается как собирательное понятие для относительно устойчивых способов познавательной деятельности, заключающихся в своеобразных приёмах получения и переработки информации, а также приёмах её воспроизведения и способов контроля. На формирование процессов анализа, оценки и коррекции, являющихся основополагающими для гностической компетентности, оказывают влияние две крайние формы интеллектуального поведения – полезависимости и поленезависимости. Поленезависимость связана с ориентацией человека на внутренние источники информации – знания и опыт. Личность с полезависимым стилем испытывает трудности при решении задач, ориентируется при работе с информацией на внешние источники [5, 6].

Личностный компонент представлен такими личностными качествами, как стремление к постоянному саморазвитию, критическое оценивание своих достоинств и недостатков, их развитие или устранение и обладание высокой мотивацией к выполнению профессиональной деятельности. Показана неоспоримость учёта и специальной организации в процессе обучения целого ряда социально-перцептивных качеств у студентов, способности адаптироваться. Способность к анализу, оценке и коррекции является важным показателем адаптивного поведения человека. Адаптивное поведение свидетельствует об умении воспринимать необходимую информацию и принимать на её основе адекватные решения, соответствующие моральным нормам и интересам партнёров по взаимодействию [5, 7].

Анализ содержания деятельностного компонента гностической компетентности раскрывает значимость категории деятельности для исследования. Основные положения общей теории деятельности сформулированы в философии Г. Гегелем, Л. Фейербахом и в психологии С. Л. Рубинштейном, А. Н. Леонтьевым. Деятельностный компонент гностической компетентности включает в себя творческое и мотивированное овладение опытом анализа, оценки и коррекции спортивной и спортивно-педагогической деятельности.

Оценка гностической компетентности осуществлялась посредством выделения критериев и уровней гностической компетентности. Критериями гностической компетентности являются: проявление интереса к учебной и профессиональной деятельности, самостоятельность, активность в анализе, оценке и коррекции учебной и профессиональной деятельности, выраженность поленезависимых когнитивно-стилевых особенностей, проявление социальной креативности (рис. 1).

В исследовании гностической компетентности принимали участие 114 студентов III курса Сибирского государственного университета физической культуры и спорта (СибГУФК).

Были использованы интеллектуальные и личностные тесты, опросники. Применяемые тесты отвечали требованиям надёжности, валидности, прогностической ценности. Оценка когнитивных стилей осуществлялась с помощью теста «Фигуры Готтшальдта» [8]. Исследование адаптивности проводилось по опроснику А. Г. Маклакова и С. В. Чермянина [9]. Социально-перцептивные качества, профессионально-педагогическая мотивация у студентов изучались по методикам, разработанным Н. П. Фетискиным [10]. Социальная креативность личности выявлялась с помощью самооценки поведения в нестандартных ситуациях жизнедеятельности (В. В. Козлов) [11]. Для определения уровня сформированности гностической компетентности использовалась авторская карта оценки (Ю. Ю. Раянова, Н. М. Костихина).

Изучение когнитивного компонента позволило выявить у 71 % студентов полезависимый, а у 29 % – поленезависимый когнитивный стиль в работе с информацией и при решении заданий. По результатам исследования показателей когнитивного компонента выявлена сформированность когнитивных свойств: на уровне ниже среднего находятся умения ставить познавательные задачи ($\bar{X}=6,1\pm1,8$), анализировать ($\bar{X}=6,2\pm1,7$), синтезировать и обобщать ($\bar{X}=6,2\pm1,9$), оперативно воспроизводить информацию ($\bar{X}=6,2\pm1,9$); на уровне выше среднего сформированы умения наблюдать ($\bar{X}=7,2\pm1,4$), видеть противоречия и проблемы ($\bar{X}=6,9\pm1,5$), удовлетворение от познания

($\bar{X}=6,8 \pm 1,6$); на высоком уровне сформировано умение слушать ($\bar{X}=7,5 \pm 1,6$). Выявлена сильная корреляционная связь между умением ставить и решать познавательные задачи, умением систематизировать ($r=0,75$), между умением анализировать и умением выделять определённое содержание ($r=0,75$).

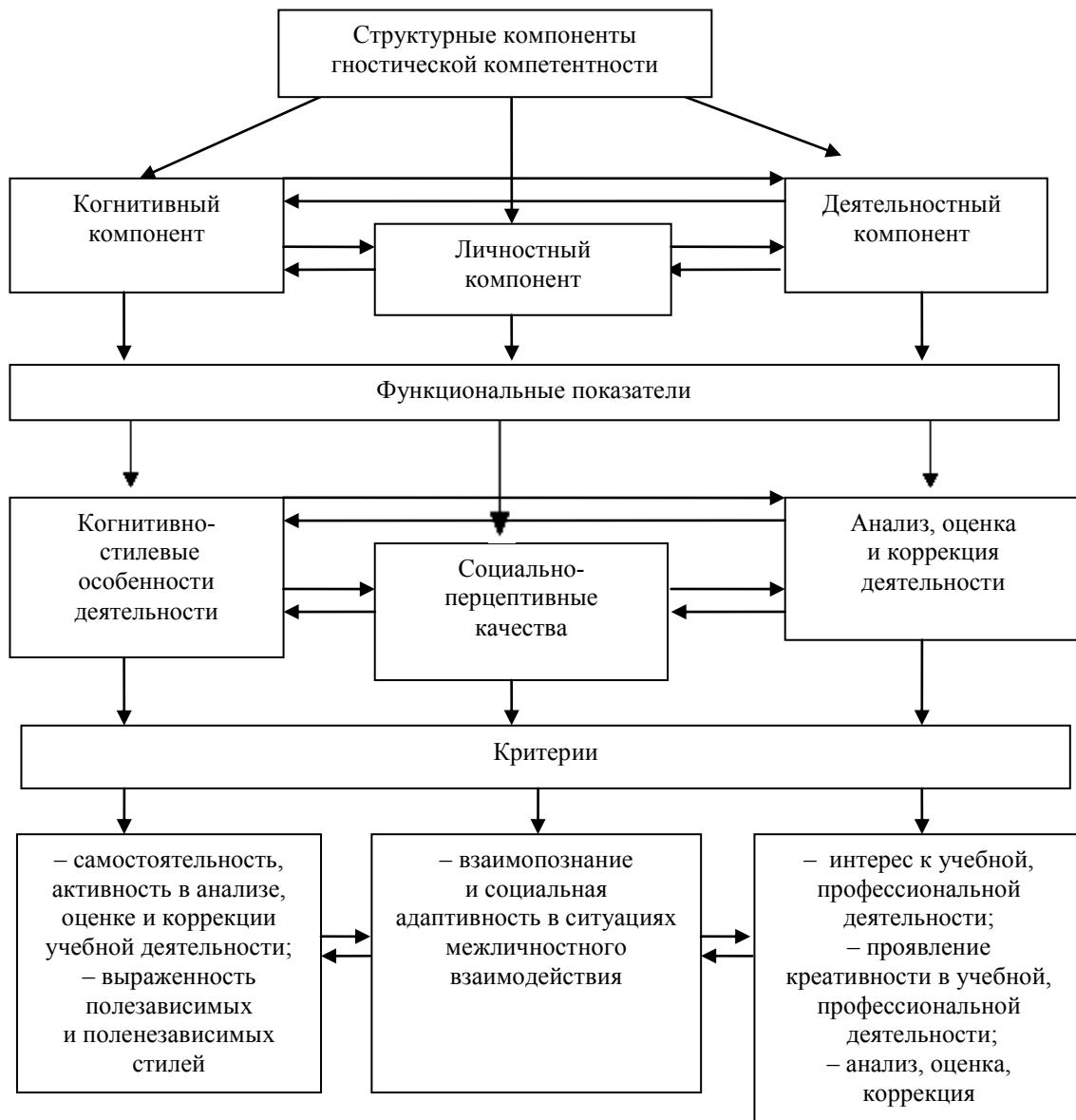

Рис. 1. Структурно-функциональная схема гностической компетентности

Исследования личностного компонента гностической компетентности свидетельствуют о том, что у 53 % студентов выявлен средний уровень адаптивности. Преобладают такие социально-перцептивные качества, как социальная автономность ($\bar{X}=4,2 \pm 0,4$) и взаимопонимание ($\bar{X}=3,9 \pm 0,4$). У 73 % студентов выявился средний уровень ригидности. Данные результаты могут являться препятствующим фактором для формирования гностической компетентности.

Изучение деятельностного компонента позволило выявить недостаточный уровень его сформированности. Такие показатели профессионально-педагогической мотивации, как профессиональная потребность, любознательность ($\bar{X}=2,7 \pm 0,7$), функциональный интерес ($\bar{X}=2,6 \pm 0,8$), проявились на среднем уровне. Социальная креативность как важный показатель гностической компетентности развит у студентов на среднем уровне (32 %) и ниже среднего (40 %).

Таким образом, результаты диагностики гностической компетентности по всем компонентам позволили сделать вывод о недостаточном уровне её сформированности у студентов, что позволило разработать технологию формирования в процессе профессиональной подготовки.

Разработанная технология была реализована в несколько этапов: диагностико-мотивирующий, формирующий, оценочно-корректирующий и контрольно-аналитический.

Цель диагностико-мотивирующего этапа заключалась в определении уровня развития гностической компетентности в соответствии с разработанной структурой.

Формирующий этап был направлен на формирование новых форм когнитивно-стилевого поведения, социально-перцептивных качеств, обеспечивающих переход на новые уровни гностической компетентности. Переход на новые уровни гностической компетентности обеспечивается прохождением следующих стадий: подготовки, осознания, действия, коррекции. Применение активных групповых методов обучения позволило сформировать новые формы поведения – умение ставить цели и задачи деятельности, творческое решение заданий с последующим анализом и коррекцией, разработку возможных альтернатив поведения, стремление к полнезависимому стилю в деятельности, а также способствовало пониманию и взаимопониманию.

Формирование когнитивного компонента было направлено на осмысление и коррекцию знаний о воспитании и обучении в сфере физической культуры и спорта, о возрастных и индивидуально-типологических особенностях участников образовательного процесса, на формирование полнезависимого стиля познавательной деятельности студентов. Наиболее эффективными методами формирования когнитивного компонента гностической компетентности были исследовательские методы и методы проблемного изложения. Например, в качестве заданий, позволяющих развивать умения анализировать и давать оценку различным событиям, явлениям, мы использовали следующие:

- дайте оценку влиянию спорта на развитие личности;
- дайте оценку состояния физической культуры в России и назовите пути её повышения;
- оцените стиль руководства кого-либо из известных тренеров по материалам публикаций в прессе или из собственного опыта, дайте свою оценку эффективности данного стиля;
- раскройте содержание психологических трудностей на разных этапах спортивной подготовки на примере личного спортивного опыта.

При формировании личностного компонента усилия сосредоточивались на анализе, оценке и коррекции социально-перцептивных качеств студентов.

Формирование деятельностного компонента предполагало освоение умений анализа, оценки и коррекции учебной, спортивной и педагогической деятельности студентов, развитие креативности в данных видах деятельности.

Работа по формированию личностного и деятельностного компонентов гностической компетентности будущих специалистов-тренеров, учителей физической культуры осуществлялась посредством применения неигровых имитационных и неимитационных методов обучения: кейсов, проектов, круглых столов, дискуссий, модераций, исследовательских методов. Такие задания, как исследование личностных особенностей воспитанника, написание его психолого-педагогической характеристики, формулирование задач и разработка плана по воспитательной работе, разработка проекта «Воспитательное мероприятие», решение кейсов, помогали студентам погрузиться в условия квазипрофессиональной деятельности.

Творческий процесс решения педагогических ситуаций, которые отражают какой-либо факт жизни школы или спортивной подготовки, всегда связан с поиском. В нём студент выступал как участник процесса воспитания. В результате критического анализа поведения тренера и спортсменов, учителя и учащихся у студентов вырабатывалось умение дать оценку ситуации, найти оптимальный вариант решения, что, в свою очередь, способствовало формированию профессионального мастерства будущего учителя или тренера.

В качестве «тренировочных» заданий студентам были предложены различные кейсы.

Примером работы над кейсом может быть следующий.

«В начале второй четверти учитель физической культуры предлагает своим воспитанникам – ученикам начального класса: – Давайте я вас буду расставлять в строю, чтобы мне было удобно с вами работать. Те, кто получил 3 или более низкую оценку, встаньте, пожалуйста, в конец строя, справа от меня. А те, кто получил другие отметки, встаньте, пожалуйста, слева от меня, в начале строя. Для чего? Дело в том, что как только вы будете получать уже не 3, а 5, я вас менять местами, а как только станете снова получать оценки ниже 4, я переставляю вас обратно. Эта игра в движение

будет наглядно показывать ваши успехи и неудачи в учёбе! Те ребята, которые стоят справа, больше нуждаются в моей и вашей помощи. Они должны заниматься лучше, изменить отношение к своей учёбе в школе и дома».

Вопросы:

1. Какие закономерности возраста учитывает педагог при стимулировании к учёбе?
2. Можно ли перенести этот приём на подростков?
3. Оцените действия педагога и предложите свои решения для стимулирования учебной деятельности младших школьников.

В процессе совместной работы осуществлялись разные интеракции: студент – студент, преподаватель – малая группа, малая группа – малая группа, студент – малая группа. Выбор интеракции зависел от конкретных задач занятия.

Формирование деятельностного компонента гностической компетентности учителя физической культуры, тренера активно проходило во время педагогической практики. Программа педагогической практики, учитывающая специфику вуза физической культуры и требующая специфических гностических умений, свойств и качеств, предусматривала разностороннюю подготовку студентов. Так, воспитательная работа проводилась с учащимися трёх возрастных групп, что приводило к необходимости при планировании и организации уроков физической культуры и воспитательных мероприятий учитывать возрастные особенности учащихся младших, средних и старших классов, уметь работать с коллективом, проводить индивидуальную работу. Студент должен проявлять умения индивидуального подхода, психологического видения личности ученика и класса и педагогического воздействия на них.

Оценочно-корректирующий этап выполнял функцию «обратной связи», тем самым обеспечивал получение информации по текущим изменениям процесса формирования гностической компетентности.

Контрольно-аналитический этап был направлен на выявление динамики уровня сформированности гностической компетентности и предполагал проведение контрольных диагностических процедур в процессе преподавания дисциплины «Педагогика физической культуры и спорта» и в ходе прохождения педагогической практики.

После внедрения в экспериментальной группе технологии формирования гностической компетентности у студентов физкультурного вуза была проведена регистрация изменений в развитии компонентов гностической компетентности.

Для проверки сформированности гностической компетентности наряду с методом тестирования была проведена оценка и самооценка в процессе преподавания дисциплины «Педагогика физической культуры и спорта» и прохождения педагогической практики. По специально разработанной десятибалльной шкале студенты и преподаватель заполняли карту компетентности. По сумме баллов можно сделать вывод об общем уровне сформированности гностической компетентности.

Результаты показали, что увеличилось количество студентов в экспериментальной группе с высоким уровнем гностической компетентности (с 14 до 44 %) и уменьшилось – с низким уровнем (с 34 до 15 %). В контрольной группе таких изменений не произошло (рис. 2).

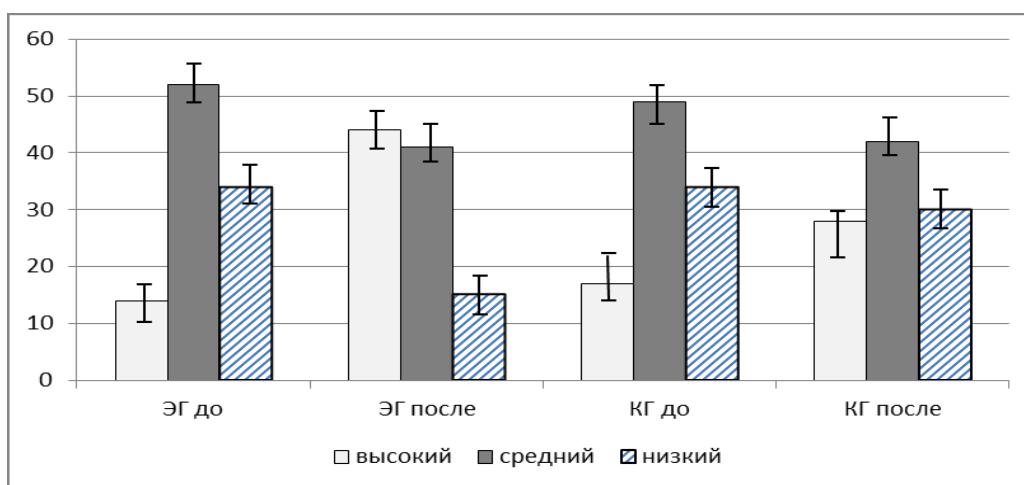

Рис. 2. Динамика изменений гностической компетентности до и после эксперимента, %

Для проверки сформированности гностической компетентности и реализации её в практической деятельности студентами была проведена экспертная оценка и самооценка в ходе прохождения педагогической практики. По специально разработанной десятибалльной шкале учителя физической культуры, методисты, студенты III курса СибГУФК оценивали уровень сформированности гностической компетентности.

Результаты средних показателей по всем оценкам продемонстрировали, что у учащихся экспериментальной группы в период прохождения педагогической практики произошло увеличение числа студентов с высоким уровнем гностической компетентности (с 43 до 60 %). Наибольший прирост в экспериментальной группе отмечается по таким критериям гностической компетентности, как проявление креативности в деятельности (8,2 %), самостоятельности в анализе, оценке и коррекции деятельности (8,2 %), адаптивного поведения (т. е. эмоционально устойчивого, неконфликтного, с соблюдением моральных норм) при $P<0,05$.

Итак, полученные результаты дают основание утверждать: определение структуры, критериев и уровней сформированности гностической компетентности, разработка и реализация технологии с учётом когнитивно-стилевых особенностей и социально-перцептивных качеств позволили совершенствовать профессиональную подготовку студентов физкультурного вуза.

Библиографический список

1. Абрамова, В. В. Формирование профессиональной компетентности будущих учителей физической культуры : дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08. – Тирасполь, 2006. – 229 с.
2. Хазова, С. А. Профессиональная компетентность специалистов по физической культуре и спорту как показатель их конкурентоспособности / С. А. Хазова // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. – 2008. – № 1. – С. 50–53.
3. Медведева, Е. Н. Педагогическое мастерство специалиста по физической культуре и современные подходы к технологии его формирования : монография / Н. Н. Медведева. – Великие Луки, 2007. – 279 с.
4. Титорова, О. Н. Анализ трудностей, возникающих у студентов физкультурного вуза в процессе прохождения педагогической практики / О. Н. Титорова, Е. А. Лосин // Национальный университет физической культуры, спорта и здоровья им. П. Ф. Лесгафта. Учёные записки университета. – СПб., 2009. – Вып. 4 (50). – С. 86–88.
5. Магин, В. А. Ключевые компетенции и квалификации специалиста в области физической культуры и спорта / В. А. Магин // Совершенствование подготовки кадров в области физической культуры и спорта в условиях модернизации профессионального образования. – М. : Физическая культура, 2008. – С. 5–9.
6. Холодная, М. А. Перспективы исследований в области психологии способностей / М. А. Холодная // Психологический журнал. – 2007. – Т. 28. – № 1. – С. 28–37.
7. Мухаметзянова, Н. В. Особенности профессионально важных качеств будущих учителей физической культуры / Н. В. Мухаметзянова // Теория и практика физической культуры. – 2007. – № 5. – С. 30–32.
8. Райгородский, Д. Я. Практическая психодиагностика. Методики и тесты. – Самара, 2007. – С. 549–558.
9. Лукьянова, М. И. Психологопедагогическая компетентность учителя: Диагностика и развитие / М. И. Лукьянова. – М. : Сфера, 2004. – 144 с.
10. Фетискин, Н. П. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп / Н. П. Фетискин, В. В. Козлов, Г. М. Мануйлов. – М., 2002. – С. 421–424.
11. Групповая работа: стратегия и методы исследования : метод. пособие / сост. В. В. Козлов. – М. : Психотерапия, 2007. – 224 с.

*Yu. Yu. Rayanova, Siberian state physical training and sports university, Omsk,
T. V. Savchenko, Omsk humanitarian Academy*

THE CONSTRUCTION OF GNOSTICAL COMPETENCE IN CURRENT VOCATIONAL EDUCATION

The article deals with the issues of competence approach actualization in current vocational education. The authors reveal pedagogic and psychological moments of gnostical competence actualization in the process of future specialists. The construction technology of gnostical competence in the process of future specialists physical education vocational training are presented by the authors. The results obtained show the implemented capabilities of the construction of gnostical competence technological modeling.

Keywords: current vocational education, gnostical competence, construction technology of gnostical competence.

References

1. Abramov V. V. *Formation of professional competence of future teachers of physical training: dis. ... cand. ped. sciences:* 13.00.08. Tiraspol, 2006, 229 p.
2. Hazova S. A. Professional competence of experts in physical training and sports as an indicator of their competitiveness. *Fizicheskay kultura: vospitanie, obrazovanie, trenirovka.* 2008, no. 1, pp. 50–53.
3. Medvedev E. N. *Pedagogicheskoe masterstvo spetsialista po fizicheskoy culture i sovremennie podhodi k tehnologii ego formirovaniy: monografiy*: монография [Pedagogical skills expert in physical training and modern approaches to the technology of its formation: monograph]. Great Luke, 2007, 279 p.
4. Titorova O. H., Losin E. A. Analysis of difficulties encountered at students of sports high school during passage of student teaching. *Natsionalniy universitet fizicheskoy kultury, sporta i zdorovay im. P.F. Lesgafta. Uchenie zapiski universiteta.* St. Petersburg, 2009, Vol. 4 (50), pp. 86–88.
5. Magin V.A. Key competencies and skills in the field of physical culture and sport. *Sovershenstvovanie podgotovki kadrov v oblasti fizicheskoy kulturi I sporta v usloviyah modernizatsii professionalnogo obrazovaniy* [Improvement of training in the field of physical culture and sports in the conditions of modernization of vocational education]. M. Physical Education, 2008, pp. 5–9.
6. Cold M.A. Prospects for research in the field of psychology of abilities. *Psihologicheskiy jurnal.* 2007, vol. 28, no. 1, pp. 28–37.
7. Mukhametzyanova N. V. Features of professionally important qualities of the future teachers of physical culture. *Teoriay i praktika fizicheskoy kulturi,* 2007, no. 5., pp. 30–32.
8. Raigorodskii D. Y. *Prakticheskaya psihodiagnostika. Metodiki I testi* [Practical psychodiagnostics. Procedures and tests]. Samara, 2007, pp. 549–558.
9. Lukyanova M. I. *Psihologo-pedagogicheskaya kompetentnost uchitelay: Diagnostics I razvitiye* [Psychopedagogical competence of the teacher: Diagnosis and Development]. M. Sfera, 2004, 144p.
10. Fetiskin N. P., Kozlov V. V., Manuilov G. M. *Sotsialno-psihologicheskaya diagnostika razvitiy lichnosti I malih grupp* [Socio-psychological diagnosis of personality development and small groups]. M., 2002, pp. 421–424.
11. *Gruppovaay rabota: strstegey I metodi issledovaniy: metod. posobie* [Group work: strategy and methods: method]. Benefit, comp. V.V. Kozlov, M., Psychotherapy, 2007, 224 p.

© Ю. Ю. Раянова, Т. В. Савченко, 2016

Авторы статьи:

Юлия Юрьевна Раянова, кандидат педагогических наук, доцент, Сибирский государственный университет физической культуры и спорта, e-mail: bachinina@list.ru

Татьяна Викторовна Савченко, кандидат педагогических наук, доцент, Омская гуманитарная академия, e-mail: savchenkotv@ya.ru

Рецензенты:

З. А. Аксютина, кандидат педагогических наук, доцент, Омский государственный педагогический университет.

О. Ю. Гаврикова, кандидат педагогических наук, доцент, Сибирский государственный университет физической культуры и спорта, г. Омск.

Е. Ю. Тюменцева, В. Л. Штабнова,
Омский государственный институт сервиса

СТУДЕНЧЕСКОЕ НАУЧНОЕ ОБЩЕСТВО В СТАНОВЛЕНИИ СПЕЦИАЛИСТА В ОМСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ ИНСТИТУТЕ СЕРВИСА

В статье рассмотрены структура, цели, основные функции студенческого научного общества (СНО) в Омском государственном институте сервиса. Определены роль и место СНО «Экология и здоровье человека» в системе становления специалиста. Представлены инновационные педагогические технологии, применяемые в рамках СНО и способствующие формированию общекультурных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций. Приведены результаты работы СНО за последние три года. Определена оценка уровня сформированности готовности к научно-исследовательской деятельности учащихся СНО «Экология и здоровье человека» на основе данных анкетирования. Реализация деятельности СНО позволила добиться повышения готовности студентов к научно-практическим исследованиям, сформировать ряд компетенций. 30 % обучающихся продолжают работать в научном обществе на протяжении 2–4 лет, в том числе переходя на обучение в магистратуру и аспирантуру. Опыт работы СНО «Экология и здоровье человека» может быть использован учебными заведениями всех уровней образования.

Ключевые слова: студенческое научное общество, научная деятельность, инновационные педагогические технологии, компетенции, студенческая научная конференция.

Образование – единый целенаправленный процесс воспитания и обучения, а также совокупность приобретаемых знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта деятельности и компетенций определённого объёма и сложности в целях интеллектуального, духовно-нравственного, творческого, физического и профессионального развития человека, удовлетворения его образовательных потребностей и интересов, являющийся общественно значимым благом и осуществляемый в интересах человека, семьи, общества и государства [1].

Современное состояние общества требует поиска подходов к подготовке широко образованных специалистов, способных системно мыслить и реализовывать свой интеллектуальный потенциал. Высокий уровень профессиональной компетентности, активная жизненная позиция специалиста способствуют его самореализации. В ходе обучения в вузе у студента перестраиваются мотивы, изменяется отношение к будущей профессиональной деятельности [2].

Перед Омским государственным институтом сервиса (ОГИС), как и другими учебными заведениями страны, в последнее время стояла общая проблема: с одной стороны, необходимость формирования общекультурных компетенций, изучение общеобразовательных предметов, развитие логического мышления, расширение мировоззрения, с другой – большое количество изучаемых предметов, стремление к узкой специализации, постепенная утрата универсальности образования и последовательное претворение идеологии жёсткого прагматизма. В этих условиях вырабатывается принцип: учить надо не столько отдельным частностям, сколько умению учиться новому и уходить от стандартных решений, так как никто не может сказать, какие конкретные знания понадобятся выпускникам через 15–20 лет.

Формирование аналитического мышления и творческих способностей будущих специалистов – важнейшая задача вузовского образования.

Цель исследования: выявление закономерностей повышения качества подготовки специалистов через организацию работы студенческих научных обществ (на примере работы студенческого научного общества в ОГИС).

Как показывает практика, в настоящее время у большинства студентов представления о научно-исследовательской деятельности неполные и достаточно пространные, практически нет навыка исследовательской работы у студентов-первокурсников. Это общая тенденция современного образования. Учащиеся, прекрасно владеющие техникой прохождения тестирования, как правило, не владеют навыками проведения эксперимента, не могут составить план исследования, организовать его и сделать логические выводы. Большинство студентов не осознаёт значимость научно-исследовательской деятельности.

Правительство Российской Федерации для формирования научного потенциала страны ввело дополнительное стимулирование студентов за достижения в различных сферах деятельности. Особое внимание уделяется научной работе обучаемых, которая в скором времени должна привести к прорыву в науке и научно-техническому прогрессу.

В ОГИС разработано «Положение о студенческом научном обществе», в котором определены основные функции, задачи, состав, структура, полномочия, а также порядок взаимодействия с другими подразделениями вуза и сторонними организациями студенческих научных обществ.

Студенческое научное общество является общественным формированием вуза, организованным из студентов, проявивших склонность к научной деятельности, с целью содействия повышению качества профессиональной подготовки молодых специалистов, созданию условий формирования творческой активности, самостоятельности студентов в их научной работе. Основными функциями СНО являются: организация участия студентов в мероприятиях различного уровня – выставках, семинарах, олимпиадах, конференциях; активное участие в научной работе и творческой деятельности; активное участие в проведении прикладных, поисковых и творческих работ по научно-исследовательским программам ОГИС с использованием полученных результатов для решения научных проблем и в учебном процессе.

Работой СНО руководит Совет, включающий председателя и заместителей деканов факультетов по научной работе. Совет координирует свою деятельность с Научно-техническим и творческим советом института, организует проведение выставок научно-исследовательского творчества и конкурсов различного уровня, обеспечивает сотрудничество и обмен опытом по вопросам научной деятельности студентов с другими вузами, оказывает помощь в организации и проведении конференций, семинаров и издании научных трудов и поощряет обучающихся, активно занимающихся научным творчеством, из внебюджетных средств, фонда социальной защиты студентов, магистрантов и аспирантов. Ежегодно составляется план мероприятий СНО, выполнение которых также координирует Совет.

Деятельность членов СНО осуществляется через работу научных обществ на кафедрах. Любой студент ОГИС, желающий заниматься наукой и творчеством, заинтересованный в собственном развитии и совершенствовании своих способностей, может как стать членом СНО, так и выйти из него по собственному желанию.

На секции естественных наук кафедры прикладной информатики и математики с 2006 года ведёт свою деятельность студенческое научное общество «Экология и здоровье человека», а ранее (с 1998 года) функционировал научный кружок «Химия кожи и меха». Многие студенты, пришедшие на кафедру для изучения дисциплин естественно-научного цикла, активно включаются в научно-исследовательскую работу [3, 4].

Целями научного общества «Экология и здоровье человека» являются формирование экоцентрического мировоззрения, признающего изначальную ценность любой жизни, пропаганда и внедрение здорового образа жизни в студенческую среду, воспитание гармоничной, творческой личности. Выполняемые в рамках СНО научные работы носят как практический, так и теоретический характер – в зависимости от индивидуальных особенностей и уровня подготовки студента.

В Федеральных государственных образовательных стандартах (ФГОС 3 и ФГОС 3+) для старшей школы и вузов, обеспечивающих требуемое качество подготовки выпускников на основе компетентностного подхода, уделено большое внимание научно-исследовательской работе студентов как важнейшему фактору формирования компетенций. Поэтому ежегодно на организационном заседании СНО определяется перечень тем научных исследований студентов, учитывающий их направления подготовки и специфику общепрофессиональных и профессиональных компетенций, который может корректироваться, в связи с появлением как новых интересов у обучающихся, так и актуальных запросов общества [1].

Формирование компетенций не может быть обеспечено отдельным мероприятием. И наряду с учебным процессом мы используем возможности СНО для формирования определённых компетенций. К таковым относятся *общекультурные компетенции*: способность к самоорганизации и самообразованию; способность работать в коллективе, толерантно воспринимая социальные, этнические, конфессиональные и культурные различия.

Общепрофессиональные компетенции: умение использовать нормативно-правовые акты в своей профессиональной деятельности; способность находить, анализировать и обрабатывать научно-техническую информацию в области профессиональной деятельности; способность применять

знания естественно-научных дисциплин для организации торгово-технологических процессов и обеспечения качества и безопасности потребительских товаров (направление подготовки «Товароведение»).

Профессиональные компетенции. Для направления подготовки «Товароведение»: знание методов идентификации, оценки качества и безопасности товаров для диагностики дефектов, выявление опасной, некачественной, фальсифицированной и контрафактной продукции; умение оценивать соответствие товарной информации требованиям нормативной документации.

Для направления подготовки «Туризм»: готовность к применению прикладных методов исследовательской деятельности в туризме.

Для направления подготовки «Гостиничное дело»: способность использовать современные научные принципы и методы исследования рынка гостиничных услуг; готовность к применению прикладных методов исследовательской деятельности в области формирования и продвижения гостиничного продукта, соответствующего требованиям потребителей.

Для направления подготовки «Технология продукции и организация общественного питания»: способность проводить исследования по заданной методике и анализировать результаты экспериментов; способность изучать и анализировать научно-техническую информацию, отечественный и зарубежный опыт по производству продуктов питания; способность измерять и составлять описание проводимых экспериментов, подготавливать данные для составления обзоров, отчётов и научных публикаций; владение статистическими методами и средствами обработки экспериментальных данных проведённых исследований.

Профессиональное становление – это форма личностного становления человека, рассмотренная сквозь призму его профессиональной деятельности. Показателем профессионального становления являются критерии формальные (диплом специалиста, сертификаты повышения квалификации, должность) и неформальные (профессиональное мышление, умение применять нестандартные средства для решения задач, востребованность труда).

В отечественной социологии и психологии, как правило, выделяют четыре или пять этапов профессионального становления личности. Так, Т. В. Кудрявцев [5] определил четыре стадии: возникновение и формирование профессиональных намерений; профессиональное обучение; активное освоение профессии и нахождение себя в производственном коллективе; полная реализация личности в профессиональном труде.

В то время как авторы [6] считают, что в течение жизни человек проходит пять этапов профессионального становления:

- предварительный этап – получение общего представления о профессии, осознание собственных потребностей и способностей. В конце этого этапа молодой человек переходит к непосредственному выбору своей будущей профессии;
- подготовительный этап – получение среднего и высшего профессионального образования, приобретение необходимых знаний, умений, навыков. В ходе этого этапа молодой человек пробует себя в роли стажёра, практиканта или работает и учится одновременно;
- этап адаптации – начало профессиональной деятельности, когда человек усваивает практические навыки и алгоритмы действий, осваивает основные социальные роли, приспосабливается к ритму, характеру, особенностям работы;
- этап профessionализации – этап превращения специалиста в профессионала, процесс совершенствования и самораскрытия субъекта трудовой деятельности;
- этап уменьшения активности – снижение профессиональной активности, связанное с достижением пенсионного возраста.

Казалось бы, место вуза находится только на этапе профессионального обучения или подготовительном этапе, однако считается, что современный специалист не должен замыкаться на своей узкой специализации, а должен быть разносторонне образован, поскольку меняющаяся экономическая ситуация часто приводит к необходимости быстрой переквалификации, получения новых навыков или смежной специальности. По этим причинам профессиональное образование сегодня выходит из узких рамок «подготовительного этапа» и распространяется на последующие этапы, позволяя не прекращать обучение в течение всей жизни. Этим задачам соответствует современная концепция непрерывного образования, подразумевающая, что человек не должен останавливаться в развитии, ему следует быть в курсе технологических новинок и последних идей в профессиональной сфере.

Модель профессионально-личностного становления будущих специалистов в ОГИС содержит следующие стадии: ориентировано-профессиональную (охватывает период обучения на первом курсе вуза и предполагает адаптацию студентов к предстоящему процессу овладения профессией); учебно-профессиональную (расширение профессиональных знаний, умений и навыков, а также организацию творческих дел студентов и совершенствование системы межличностного взаимодействия в них); профессионально-конструктивную; профессионально-практическую; профессионально-творческую (выпускной курс в вузе).

На первой и второй стадиях профессионального становления специалиста в рамках СНО «Экология и здоровье человека» происходит вовлечение студентов в научно-исследовательскую деятельность и формирование соответствующих компетенций.

На последующих стадиях, охватывающих период третьего и четвёртого курсов обучения студентов в вузе, а также подготовку и защиту ВКР, учащиеся переходят в СНО выпускающих кафедр для профессионально-делового общения. Предусмотрены организация профессиональных мастер-классов, знакомство с базой практик, выбор тем для написания курсовых, работа над которыми продолжается и в СНО. Это обеспечивает комплексное рассмотрение и глубокую проработку значимых для студентов проблем и помогает проанализировать, обобщить свой опыт.

На всех стадиях становления специалиста в работе СНО мы используем как традиционные (*проблемное обучение, технология учебного исследования, технология индивидуализации обучения*), так и инновационные педагогические технологии:

- диалоговые технологии (создание коммуникативной среды, расширение пространства сотрудничества на субъект-субъектном уровне);
- работу в малых группах (3–5 человек): тесное взаимодействие между членами группы, способствующее развитию речи, коммуникативности, мышления, интеллекта, отработке взаимодействия на паритетной, партнёрской основе;
- тренинговые технологии (систему деятельности по отработке определённых алгоритмов учебно-познавательных действий и способов решения типовых задач в процессе исследования);
- технологию проектного обучения (творческую самореализацию студента; самостоятельность в приобретении знаний; мотивацию успеха; усвоение этапов проведения исследования): разработку социально-значимых, исследовательских, практико-ориентированных проектов;
- интерактивные технологии: технологию проведения дискуссий (коллективное обсуждение проблемы через равноправные отношения, уважение и дружелюбие при высказываниях); технологию «Дебаты» (прения, обмен мнениями позволяют развивать логическое и критическое мышление у студентов, навыки устной речи, способность работать в команде).

Деятельность СНО «Экология и здоровье человека» сопровождается активным применением информационно-коммуникационных технологий (сбор информации в сети Internet; коммуникации; обработка результатов исследований; написание докладов; создание и использование презентаций).

Ежегодно в работе СНО принимают участие 26–45 студентов ОГИС.

Современный этап социально-экономического развития общества сопровождается непрерывным ростом различных форм совместной деятельности индивидов, в котором всё более значимыми становятся информационные процессы не только прямого, но и опосредованного (иногда с помощью компьютерной сети) взаимодействия специалистов различных профессиональных направлений, находящихся на расстоянии друг от друга. Возрастает роль межличностного общения и отношений, групповых и межгрупповых процессов, а также других социально-психологических феноменов в обеспечении профессиональной деятельности.

Для формирования соответствующих компетенций организуем работу трёх молодёжных конференций: международную «Экологические проблемы региона и пути их разрешения», межрегиональную (с международным участием) «Безопасность городской среды» и секцию «Научно-поисковые разработки в области естественных наук» на межвузовской студенческой конференции «Молодёжь, наука, творчество», проводимой на базе Омского государственного института сервиса уже 13 лет [7].

Цели конференций – пропаганда научно-исследовательской работы в студенческой среде, развитие имиджа и поддержка интереса к научной деятельности у молодых людей; усиление профессиональной мотивации и профессиональной деятельности будущего специалиста, стимулирование творческого потенциала, развитие творческих связей и установление контактов между студентами, магистрантами и преподавателями различных вузов.

Конференция является комплексным мероприятием, органически сочетающим в себе такие способы осуществления коммуникации, как церемония открытия, проведение круглого стола и организация работы секций, проведение выставок и презентаций, обмен мнениями, подготовка и предоставление работникам СМИ информационно-рекламных материалов, посещение культурно-массовых мероприятий; проведение деловых встреч и другое.

Каждое из мероприятий конференции вносит свой вклад в формирование общекультурной компетенции, такой, например, как способность работать в коллективе, толерантно воспринимая социальные, этнические, конфессиональные и культурные различия.

По результатам работы СНО «Экология и здоровье человека» за последние восемь лет опубликовано 117 студенческих работ, из них 45 стали победителями и лауреатами на конференциях различного уровня: 18 работ – 1-е место, 14 работ – 2-е место, 12 работ – 3-е место, 1 диплом – за социальную значимость работы; получен Диплом открытого конкурса Минобразования России за лучшую научную работу студентов по естественным, техническим и гуманитарным наукам.

На основании анализа представлений о сущности научно-исследовательской деятельности мы сформулировали определение готовности студентов к научно-исследовательской и профессиональной деятельности: состояние личности обучающегося, включающее мотивационно-ценное отношение к данной научно-исследовательской деятельности, систему методологических знаний, исследовательских умений, позволяющих продуктивно использовать данные умения при решении профессиональных задач.

Проведено анкетирование студентов и преподавателей с целью выявления компонентов готовности членов научного общества к научно-исследовательской и профессиональной деятельности, таких как мотивационный (осознание значимости знаний), деятельностный (умение спланировать и реализовать собственную деятельность), рефлексивный (способность к самоанализу, объективной самооценке).

В ходе исследования определены уровни готовности студентов к научно-исследовательской деятельности (низкий, средний, высокий), а также уровень сформированности общекультурных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций.

Анкетирование студентов проводили в течение 3 лет дважды в год: входной контроль (в начале работы в СНО) и итоговый контроль (в конце года работы в СНО). Студенты, продолжающие работу в СНО «Экология и здоровье человека» на протяжении 2–4 лет, ежегодно участвовали в итоговом анкетировании.

В анкетировании участвовали 78 респондентов. В результате исследования нами выявлено, что при входном контроле 89 % студентов обладают низким уровнем готовности к научно-исследовательской деятельности (не могут выделить цели, задачи, логику, проблему эксперимента, нет навыка работы с литературными источниками, незначительная рефлексия собственной деятельности и не совсем адекватная самооценка, не способны к творческому решению задач). Средним уровнем готовности к научно-исследовательской деятельности (неполное владение базовыми знаниями и умениями, частичная сформированность навыков научно-исследовательской работы, не всегда адекватная самооценка) при входном контроле обладают 11 % членов СНО.

Итоговое анкетирование показало, что 31 % респондентов обладает высоким уровнем готовности к научно-исследовательской деятельности (устойчивый интерес к научно-исследовательской деятельности, понимание её значимости, полное владение навыками научно-исследовательской работы, логикой научного эксперимента, умение самостоятельно поставить эксперимент, анализировать, обобщать, структурировать, работать с литературными источниками, высокая познавательная активность и адекватная самооценка). 56,5 % студентов обладают средним уровнем готовности к научно-исследовательской деятельности. На низком уровне готовности к научно-исследовательской деятельности остались 12,5 % членов СНО. Участники СНО с низким уровнем готовности к научно-исследовательской деятельности отличались и низкой мотивацией, связанной, прежде всего, с отсутствием или недостаточностью времени.

Таким образом, мы выявили устойчивую закономерность повышения готовности студентов к научно-исследовательской деятельности в результате их активной работы в СНО. Около 30 % студентов продолжают работать в СНО на протяжении всего обучения в вузе, в том числе и в качестве магистрантов и аспирантов. Но большинство из них, овладевая необходимыми навыками, активно работают в СНО своих профильных кафедр.

Таким образом, в статье рассмотрены основные понятия и структура студенческого научного общества в ОГИС; проанализированы компетенции, формируемые в результате научной деятельности

СНО, и инновационные педагогические технологии, применяемые в работе СНО для достижения поставленных целей. Приведены результаты анкетирования участников и итоги деятельности СНО «Экология и здоровье человека».

Реализация деятельности СНО «Экология и здоровье человека» позволила добиться повышения готовности студентов к научно-практической деятельности (31 % высокой готовности, 56,5 % средней готовности), сформировать общекультурные, общепрофессиональные и профессиональные компетенции. 30 % студентов продолжают активную работу в СНО на протяжении 2–4 лет.

На основании проведённого исследования можно сделать вывод об однозначности использования научно-исследовательской работы в рамках СНО для приобретения необходимых умений и навыков на подготовительном этапе становления специалиста. В деятельности СНО «Экология и здоровье человека» особое внимание уделяется формированию у студентов навыков применения общенаучных теоретических и эмпирических методов познания и специальных методов исследования, поиска научно-технической информации и применения нормативной документации, планирования и управления, работы на современных приборах и оборудовании, умений быстро и эффективно принимать решения, грамотно преподнести аудитории научный доклад, наглядно его иллюстрировать с помощью мультимедийных средств и обоснованно аргументировать свою точку зрения. В результате совместной деятельности учащихся друг с другом в рамках СНО развиваются социальная и коммуникативная компетенции, приобретается опыт взаимодействия, взаимоответственности, сотрудничества и сопричастности общему делу, формируется способность осознавать и рефлексировать собственные действия, сопоставлять, оценивать себя, проектировать будущее.

Многолетнее консультирование выпускных работ в части «Безопасность жизнедеятельности» позволило провести анализ и дать оценку сформированности выделенных выше общекультурных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций. Результаты показали, что члены СНО (даже в течение одного года) самостоятельнее и успешнее как в выполнении выпускных работ, так и при их защите.

Сформированные компетенции позволяют будущим специалистам быть более мобильными и конкурентоспособными на рынке труда в столь быстро меняющемся мире с возрастающими требованиями к качеству подготовки специалистов.

Опыт работы СНО «Экология и здоровье человека» может быть использован учебными заведениями всех уровней образования.

Библиографический список

1. Тюменцева, Е. Ю. Экологическое образование и воспитание как фактор устойчивого развития общества : монография / Е. Ю. Тюменцева, В. Л. Штабнова, Э. В. Васильева. – Омск : Омский государственный институт сервиса, 2014. – 159 с.
2. Тюменцева, Е. Ю. Совершенствование технологических приёмов в подготовке специалистов сервисных специальностей / Е. Ю. Тюменцева, Э. Ф. Зорина, Г. М. Зелева, В. Л. Штабнова // Психолого-педагогические аспекты профессионального образования молодёжи (начальное, среднее, высшее) : сборник материалов Международной научно-практической конференции. Часть II. – Пенза : Приволжский Дом знаний, 2002. – С. 34–36.
3. Тюменцева, Е. Ю. Формирование экологической культуры студентов – приоритетное направление деятельности кафедры естественно-научных и инженерных дисциплин ФГБОУ ВПО «ОГИС» / Е. Ю. Тюменцева, В. Л. Штабнова // Региональное научно-практическое молодёжное мероприятие с международным участием «Декада экологии» (при поддержке РГНФ, проект № 12-16-55503) / под общей ред. д-ра техн. наук, проф. Л. О. Штриплинга – Омск : ОГИС, 2012. – С. 4–5.
4. Тюменцева, Е. Ю. Активные методы в преподавании естественно-научных дисциплин / Е. Ю. Тюменцева, В. Л. Штабнова // Профессиональное образование в развитии региона и общества: традиции, творчество, технологии : сб. мат-лов Междунар. научно-практ. конф., посвящённой 35-летию ФГБОУ ВПО «ОГИС» / под общей ред. Д. П. Маевского. – Омск : ОГИС, 2012. – С. 20–23.
5. Профессиональное становление личности специалиста. Этапы профессионального становления [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://ifreestore.net/1238/81/>
6. Профессиональное становление [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.grandars.ru/college/biznes/professionalnoe-stanovlenie.html>
7. Тюменцева, Е. Ю. Научно-практическое мероприятие «Декада экологии» как форма выражения творческого потенциала молодёжи / Е. Ю. Тюменцева, В. Л. Штабнова // Вести МАНЭБ в Омской области – 2013. – № 1 (1). – ООО «Асмин прнт». – С. 32–33.

E. Y. Tyumentseva, V. L. Shtabnova, Omsk Stat Institute of Service

THE ROLE OF THE STUDENT SCIENTIFIC SOCIETY IN THE FORMATION OF A SPECIALIST IN OMSK STATE INSTITUTE OF SERVICE

The article reveals the role of the Student Scientific Society «Ecology and Health Care» in the system of specialist knouted, it presents the innovative educational technology within the framework of the Student Scientific Society and contributes to the cultural and general professional skills development. The article considers how the Student Scientific Society in Omsk Stat Institute of Service function, its goals and objectives.

The results of the Student Scientific Society for the last 3 years are presented. The article gives full account of how student's skill to do their own research are formed and evaluate these skills in the field of Ecology and Health Care lased on the results of student's enquiry lists.

The work in the Student Scientific Society allows to raise student's abilities to conduct theoretical and practical research in the research teams: 30 % of students have continued to work in the Student Scientific Society for 2–4 years and then entered the Master and Post-graduate Courses.

Keywords: Student Scientific Society, scientific activity, innovative pedagogical technologies, competence Student Conference.

References

1. Tjumenceva E.Ju., Shtabnova V.L., Vasil'eva Je.V. *Ekologicheskoe obrazovanie i vospitanie kak faktor ustoychivogo razvitiya obshchestva* [Ecological education and upbringing as a factor of sustainable development of society: monograph]. Omsk, 2014, 159 p.
2. Tjumenceva E.Ju., Zorina Je.F., Zeleva G.M., Shtabnova V.L. Improvement techniques in training service specialties. *Psichologo-pedagogicheskie aspekty professional'nogo obrazovaniya molodezhi (nachal'noe, srednee, vysshee) : sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Chast' II.* Penza, 2002, pp. 34–36.
3. Tjumenceva E.Ju., Shtabnova V.L. The formation of ecological culture of students-a priority of the Department of science and engineering disciplines Omsk Stat Institute of Service *Regional'noe nauchno-prakticheskoe molodezhnoe meropriyatiye s mezdunarodnym uchastiem «Dekada jekologii» (pri podderzhke RGNF, proekt № 12-16-55503)*. Omsk , 2012, pp. 4–5.
4. Tjumenceva E.Ju., Shtabnova V.L. Active methods of teaching natural sciences. *Professional'noe obrazovanie v razvitiu regionala i obshhestva: tradicii, tvorchestvo, tehnologii : sb. mat-lov Mezhdun. nauchno-prakt. konf, po-svjashchennoj 35-letiju FGBOU VPO «OGIS»* Omsk, Omsk, 2012, pp. 20–23.
5. Professional'noe stanovlenie lichnosti specialista. EHtapy professional'nogo stanovleniya – URL: <http://ifreestore.net/1238/81/>.
6. Professional'noe stanovlenie – URL: <http://www.grandars.ru/college/biznes/> professionalnoe-stanovlenie.html.
7. Tjumenceva E.Ju., Shtabnova V.L. Scientific-practical event "Decade of ecology" as a form of expression of the creative potential of young people. *Vesti MANJeB v Omskoj oblasti.* 2013, no 1(1), pp. 32–33.

© Е. Ю. Тюменцева, В. Л. Штабнова, 2016

Авторы статьи:

Евгения Юрьевна Тюменцева, кандидат педагогических наук, доцент, Омский государственный институт сервиса, e-mail: tumenceva1@yandex.ru

Валентина Леонидовна Штабнова, кандидат химических наук, доцент, Омский государственный институт сервиса, e-mail: stabnova5vl@rambler.ru

Рецензенты:

М. А. Яцто, кандидат педагогических наук, доцент, Омский государственный педагогический университет.
В. И. Гурдин, доктор технических наук, профессор, Сибирская государственная автомобильно-дорожная академия, г. Омск.

Н. Ю. Шапошникова,
Институт иностранных языков ДС, г. Москва

СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТРАЕКТОРИЙ СТУДЕНТОВ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

В статье представлены результаты анкетирования студентов российских вузов, осуществлённого в формате онлайн. Целью опроса было определение состояния проблемы реализации индивидуальных образовательных траекторий студентов. Анализ результатов опроса показал степень осведомлённости студентов о возможностях индивидуализации процесса обучения, сформированности представлений об индивидуальных образовательных траекториях и отношение к ним, участие в их построении и реализации, а также основные препятствия в индивидуализации процесса обучения в высшей школе.

Автор утверждает, что результаты исследования могут способствовать обоснованию изменений в организации обучения в вузе посредством реализации индивидуальных образовательных траекторий студентов.

Ключевые слова: высшая школа, индивидуализация обучения, индивидуальная образовательная траектория, дисциплины по выбору, тьютор.

В системе российского высшего образования актуализируется проблема индивидуализации процесса обучения. Одним из способов её реализации является предоставление каждому студенту возможности выстраивать индивидуальную образовательную траекторию. Значимость индивидуализации процесса обучения обусловлена социокультурными факторами современного общества, а необходимость закреплена в законе об образовании Российской Федерации и в образовательных стандартах. Так, в ФГОС ВО третьего поколения содержится положение о том, что университет обязан предоставить студентам реальную возможность участвовать в формировании своей программы обучения, что обязывает администрацию и профессорско-преподавательский состав выполнять предписание [4]. В связи с этим студент становится субъектом образовательного процесса, выстраивающим на основе выбора свою индивидуальную образовательную траекторию. Это способствует формированию внутренней свободы обучающегося, адекватной оценке своей деятельности на основе результатов рефлексии [6, с. 98], актуализации и реализации целей, выходящих за пределы предписанных стандартов.

Исследования свидетельствуют о проявлении новых реалий в высшей школе [1]. Однако не все из них и не всегда можно охарактеризовать положительно. Так, выбор, выстраивание и реализация индивидуальной образовательной траектории позволяют студенту развить востребованные современным обществом качества личности: самостоятельность, мобильность, гибкость, креативность, способность брать на себя инициативу, делать выбор и нести за него ответственность. Однако в вузах не создаются все условия для формирования таких качеств.

Для выявления степени реальной возможности российских студентов участвовать в конструировании содержания своего образования, обеспечивающего формирование востребованных качеств, нами был выбран метод анкетирования. В 2015 году в рамках исследования был проведён опрос студентов российских вузов в формате онлайн – мы разместили анкету на специализированном ресурсе <http://webanketa.com>. Респонденты могли иметь к ней доступ, перейдя по ссылке. Приглашения принять участие в нашем анкетировании молодые люди получали через социальные сети («ВКонтакте», «Одноклассники.ru», «Мой Мир@Mail.Ru», «Google+») и другие интернет-ресурсы. Помощь оказывали преподаватели вузов – они мотивировали своих студентов к участию в опросе и предлагали ссылку на анкету. В опросе приняли участие 108 респондентов: студенты-бакалавры с первого по четвёртый курс; студенты-магистранты первого и второго курсов; студенты, обучавшиеся по программе специалитета со второго по пятый курс, а также аспиранты из 39 вузов разных направлений подготовки профессионалов. Анкета содержала 11 вопросов как закрытого, так и открытого типа. Респондентам предлагалось не только выбрать подходящий вариант ответа из приведённого списка, но и дать собственные ответы без каких-либо ограничений. Представим результаты опроса.

1 вопрос: «Знаете ли Вы о том, что обучение в вузе может быть построено с учётом индивидуальных особенностей и образовательных потребностей студентов?» 50,47 % студентов выбрали ответ «Да». 49,53 % студентов выбрали ответ «Нет». Цифры свидетельствуют о том, что практически

половина студентов не знает о такой возможности, поскольку их индивидуальные особенности и образовательные потребности не учитываются преподавателями. Для реализации обучения студентов по индивидуальным образовательным траекториям в рамках основных образовательных программ по различным направлениям подготовки необходимо, по крайней мере, информировать обучающихся о возможности участвовать в формировании содержания своего образования и готовить их к такой деятельности. Ответы на первый вопрос побудили задать следующий.

2 вопрос: «Приходилось ли Вам встречаться с такими понятиями, как «индивидуальная образовательная траектория», «индивидуальная образовательная программа», «индивидуальный образовательный маршрут»?» 32,7 % студентов ответили утвердительно. Остальные – 67,3 % студентов ответили отрицательно. Таким образом, подавляющее большинство респондентов не имеет представления об индивидуальной образовательной траектории и близких к этому понятиях.

3 вопрос был направлен на ознакомление студентов с нашей трактовкой понятия «индивидуальная образовательная траектория» и звучал так: «Скажите, согласны ли Вы со следующим определением или хотели бы внести в него некоторые изменения? **«Индивидуальная образовательная траектория (ИОТ) студента – это его индивидуальная линия движения в образовании, выстраиваемая и реализуемая обучающимся как субъектом образовательного процесса самостоятельно при осуществлении педагогом-наставником педагогической поддержки его самоопределения и самореализации; направленная на реализацию индивидуальных устремлений, выработку жизненных стратегий, формирование основ индивидуально-творческого и профессионального развития личности студента»** [5].

Подавляющее большинство студентов – 93,5 % – полностью согласилось с представленным определением. Мы предполагаем, что оно в некоторой степени послужило просвещению обучающихся и совпало по основным моментам с имеющимися установками в получении высшего образования. 4,7 % студентов были не совсем согласны с ним. 1,8 % студентов оказались совершенно не согласны с этим определением. Представим причины, по которым респонденты оказались в той или иной степени не согласны с нашим определением.

Студенты, выразившие неполное согласие с нашим определением, отметили, что при реализации ИОТ студент не должен осуществлять весь путь образования самостоятельно. Необходимый уровень знаний он должен приобрести в ходе изучения базовых предметов, которые обеспечат освоение компетенций, обозначенных в образовательном стандарте.

Студенты, выразившие полное несогласие с нашим определением, трактуют понятие «индивидуальная образовательная траектория» как индивидуальный *план* образования для каждого студента; индивидуальную *стратегию* процесса обучения, заключающуюся в выборе *приоритетных дисциплин* для их *углублённого изучения*, выстраивание системы образовательного процесса для наиболее эффективного получения знаний, умений и навыков.

4 вопрос был направлен на выяснение отношения к ИОТ: «Хотели бы Вы выстраивать индивидуальную образовательную траекторию во время обучения в вузе?» 88,7 % студентов выбрали ответ «Да». Можно считать, что для значительной части респондентов ИОТ является ценностным ориентиром, они готовы прилагать усилия к её построению и реализации. Только 11,3 % студентов выбрали ответ «Нет».

5 вопрос состоял из двух частей. Первая часть вопроса звучала так: «Предоставляет ли ваш университет возможность для выстраивания собственной образовательной траектории?». Ответы респондентов распределились следующим образом: 35,2 % студентов ответили «Да», 39,8 % – «Нет», 21,3 % – «Не знаю» или «Затрудняюсь ответить». 3,7 % студентов ответили, что выстраивать индивидуальную образовательную траекторию в их вузе возможно только как исключение (рис. 1).

Во второй части мы просили студентов указать, *каким образом* их вуз предоставляет возможность для построения собственной образовательной траектории, или пояснить, почему они считают, что их вуз такой возможности не предоставляет (или практически не предоставляет). Студенты, ответившие, что их вуз предоставляет возможность для выстраивания собственной образовательной траектории, указали следующие **приёмы реализации ИОТ**. Дополнительные консультации с преподавателями; выбор предмета, который студент будет изучать в следующем учебном году, помимо обязательной программы; выбор *любого факультативного курса* в зависимости от образовательной потребности студента; возможность *самостоятельно* выбирать те предметы, которые наиболее интересны студенту; участие в деятельности *студенческих отрядов*, помогающих студентам в их образовании; помочь и взаимодействие с преподавателями, которые помогают студенту формировать его жизненный путь; возможность *иногда* выбирать *место прохождения* производственной или

учебной практики; при отсутствии интересующих студента дисциплин в программе обучения возможность посещения занятий, организованных для студентов, обучающихся по другим программам; возможность для студента, заинтересованного в получении дополнительных знаний, посещать интересующие его семинары и лекции, в том числе на других факультетах, в качестве вольного слушателя; научно-исследовательская деятельность студента и др. Представленные ответы свидетельствуют о том, что ряд вузов прилагает усилия для создания условий, отчасти способствующих индивидуализации процесса обучения студентов.

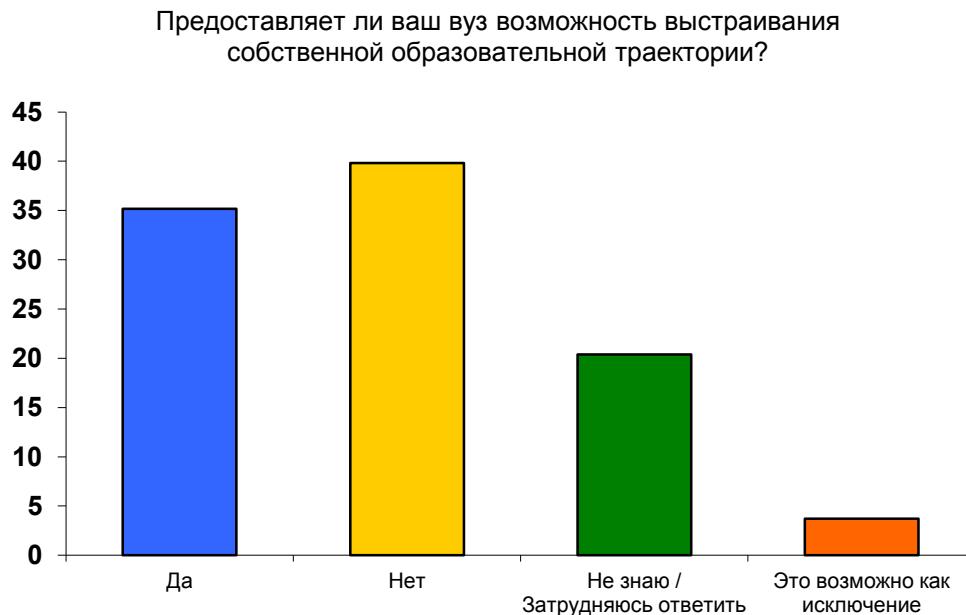

Рис. 1. Наличие в вузе возможностей для построения ИОТ

6 вопрос был направлен на выявление лиц, которые могли бы оказать помощь в выстраивании ИОТ: «Кто мог бы помочь Вам в разработке и реализации индивидуальной образовательной траектории в вузе?» Ответы респондентов распределились следующим образом: 64,5 % студентов выбрали вариант «Преподаватели», 21,6 % – «Индивидуальный (прикреплённый к студенту) тыттор», 12,1 % студентов рассчитывали только на себя: «Я могу это сделать самостоятельно, без помощи других людей», 1,8 % студентов предпочли своих сверстников: «Другой студент, выступающий в качестве тыттора» (рис. 2).

Результаты ответов на этот вопрос показывают, что в роли педагогов-наставников, помогающих выстраивать и реализовывать ИОТ, большинство российских студентов видит преподавателей. Лишь 21,5 % студентов называют тытторов. Мы связываем это с тем, что немногие студенты знают о функциях тытторов. Тытторы являются представителями новой профессии в России, они присутствуют лишь в отдельных вузах, поэтому большинство российских студентов не имели опыта общения с ними и не связывают с ними своё дальнейшее обучение. Также отдельные студенты выразили опасение в том, что введение тытторов в образовательный процесс вуза ограничит желание и возможности студентов самим принимать решения о том, каким образом выстроить ИОТ. Это повышает ответственность вузов к профессиональной подготовке тытторов и введению их в образовательное пространство. Кроме того, исследование показало, что есть часть студентов, которая не нуждается в помощи других людей.

7 вопрос звучал так: «Всегда ли Вы ответственно подходите к выбору элективных курсов (дисциплин по выбору)?» 72 % студентов выбрали ответ «Да», 28 % – «Нет». Как мы видим, большая часть респондентов ответила утвердительно. Однако почти третья часть опрошенных студентов не утруждает себя в ходе выбора элективных курсов. Это может быть обусловлено некоторыми причинами. И следующий вопрос был отчасти направлен на их выявление.

Кто бы мог помочь Вам в разработке и реализации индивидуальной образовательной траектории в вузе?

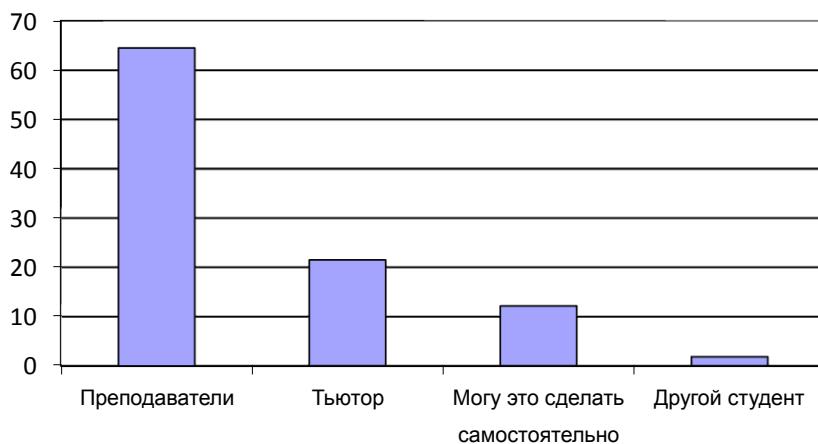

Рис. 2. Лица, способные оказать помощь студентам в построении ИОТ

8 вопрос: «Соответствуют ли дисциплины по выбору Вашим личным образовательным потребностям?» 60,8 % студентов выбрали ответ «Частично», 23,4 % – «Да», 15,8 % – «Нет». Эти ответы показывают, что далеко не все студенты удовлетворены теми дисциплинами, которые предлагаются им на выбор. Определению объёма дисциплин по выбору в ООП был посвящён следующий вопрос.

9 вопрос: «Какую часть основной образовательной программы, на Ваш взгляд, должны занимать дисциплины по выбору на разных уровнях обучения?» Респондентам предлагалось выбрать правильный с их точки зрения вариант ответа – 30, 50 или 70 % – в каждом из трёх уровней обучения в вузе, а именно: бакалавриат, магистратура и аспирантура.

Бакалавриат: 41,1 % студентов выбрали вариант «30 %», 38,3 % – «50 %», 20,5 % – «70,1 %». Итак, большинство студентов полагает, что на уровне бакалавриата дисциплины по выбору должны занимать 30 % от основной образовательной программы. Однако они не составляют подавляющее большинство респондентов – практически такое же количество студентов полагает, что на уровне бакалавриата должно быть 50 % дисциплин по выбору. Данные опроса свидетельствуют о том, что российские студенты хотят больше свободы выбора в вузе уже на уровне бакалавриата. Это можно объяснить тем, что не все студенты могут или хотят поступить в магистратуру, но все из них проходят обучение в бакалавриате. Данные студенты связывают именно с этим уровнем обучения реализацию своих индивидуальных образовательных траекторий.

Магистратура: 57,1 % студентов выбрали вариант «50 %», 34,5 % – «70 %», 8,4 % – «30 %». Таким образом, большинство студентов полагает, что дисциплины по выбору на уровне магистратуры должны занимать 50 % от основной образовательной программы. Достаточно большое количество студентов полагает, что на уровне магистратуры должно быть 70 % дисциплин по выбору. Стоит обратить внимание на то, насколько мал процент обучающихся, считающих, что в магистратуре должно быть лишь 30 % дисциплин по выбору.

Аспирантура: 58,8 % студентов выбрали вариант «70 %», 20,6 % – «50 %», такое же количество студентов выбрали вариант «30 %». Как мы видим, большинство студентов считает, что на уровне аспирантуры дисциплины по выбору должны занимать 70 % от основной образовательной программы. Предполагается, что на третьем уровне высшего образования обучаются самые способные студенты, обладающие умениями ориентироваться в выбранной области и учиться самостоятельно. Количество студентов, выбравших ответы «30 %» и «50 %», разделилось поровну.

10 вопрос: «Какие изменения, на Ваш взгляд, должны быть внесены в структуру и организацию элективных курсов? Аргументируйте Ваши доводы, пожалуйста». Это был вопрос открытого типа, поэтому студенты могли ответить на него в свободной форме, указав сколько изменений, сколько они посчитают нужным. Перечислим наиболее распространённые ответы студентов на этот вопрос.

- Затруднились ответить: 29,6 %.
- Никаких изменений не требуется – студентов устраивает всё, как есть: 10,1 %.
- Предоставить возможность выбора/обеспечить реальный выбор студентами дисциплин по выбору (добровольный выбор студентов): 10,1 %.
  - Предоставить больше свободы выбора элективных курсов – больше дисциплин по выбору, обеспечить их разнообразие: 11,1 %.
  - Предоставить студентам больше практического материала, который можно реализовать в реальной жизни, развивать прикладные навыки у обучающихся: 8,3 %.
  - Расписание дисциплин по выбору должно быть более гибкое и удобное, составленное с учётом пожеланий и возможностей студентов: 6,4 %.

Ответы респондентов были сгруппированы нами в 21 направление. Судя по такому большому списку предложений, можно утверждать, что студенты заинтересованы в элективных курсах, поскольку они представляют возможный способ индивидуализации процесса обучения в высшей школе. Следующий вопрос был направлен на выяснение трудностей в реализации принципа индивидуализации обучения.

11 вопрос: «Какие обстоятельства, на Ваш взгляд, препятствуют тому, чтобы образовательный процесс в высшей школе был максимально индивидуализирован? Обоснуйте Ваши доводы, пожалуйста».

Этот вопрос был также открытого типа, поэтому студенты могли ответить на него в свободной форме, указав столько препятствий, сколько они посчитают нужным. Приведём наиболее распространённые ответы респондентов.

- Затруднились ответить: 25,9 %.
- Недостаточное финансирование – индивидуализация обучения обойдётся слишком дорого для вузов: 10,1 %.
  - Большое количество студентов: 9,2 %.
  - Нежелание самих студентов/их недостаточное стремление к этому/студенты к этому не готовы: 10,1 %.
  - Специфика системы российского высшего образования/российской образовательной системы в целом: 8,3 %.
  - Консервативность/нежелание преподавателей/они не учитывают интересы и пожелания студентов: 16,6 %.
  - Не хватает преподавателей, которые смогут реализовать обучение студентов по ИОТ: 8,3 %.
  - Нежелание со стороны руководства вуза/деканата/Министерства образования и науки/их консерватизм: 5,5 %.
    - Существующие стандарты обучения/большое количество обязательных дисциплин в программе обучения/общая направленность образовательной программы: 8,3 %.
    - Очень сложно реализовать потребности каждого студента, «подстроиться» под каждого: 5,5 %.

Ответы респондентов были сгруппированы нами в 27 направлений. Лишь 2,7 % студентов не видят никаких препятствий к тому, чтобы образовательный процесс в высшей школе был максимально индивидуализирован. Интерес представляет такой факт: один из опрошенных студентов написал, что максимальная индивидуализация обучения не нужна. Результаты опроса также показывают, что основным препятствием в индивидуализации обучения является консерватизм и нежелание со стороны преподавателей, нежели неготовность и нежелание со стороны студентов обучаться по индивидуальным образовательным траекториям.

Подведём итоги результатов проведённого опроса студентов российских вузов. Итак, **большинство** опрошенных студентов **знают** о том, что обучение в вузе может быть построено с учётом индивидуальных особенностей и образовательных потребностей студентов; **не имеют** представления о понятии «индивидуальная образовательная траектория» и схожих с ним понятиях; **хотели бы** выстраивать ИОТ во время обучения в вузе; ответили, что их вуз **не предоставляет** возможность выстраивания собственной ИОТ; выбрали **преподавателей** в качестве тех людей, которые смогли бы помочь им в разработке и реализации ИОТ в вузе; **всегда ответственно** подходят к выбору элективных курсов; ответили, что предлагаемые *dисциплины по выбору* лишь **частично соответствуют** их личным образовательным потребностям; полагают, что на уровне **бакалавриата** *дисциплины по выбору* должны занимать **30 %** от основной

образовательной программы, на уровне **магистратуры – 50 %**, на уровне **аспирантуры – 70 %**; **заинтересованы** в наличии дисциплин по выбору в расписании и внесении изменений в их структуру и организацию; видят **препятствия** в реализации индивидуализации обучения в высшей школе.

Следует заметить, что результаты нашего исследования не противоречат результатам исследований, которые были проведены Ю. Н. Мухиной [3]; Е. С. Марсовой [2] по близкой проблематике. Результаты проведённого опроса могут помочь российским вузам в реорганизации образовательного процесса на основе принципа индивидуализации.

Библиографический список

1. Бережнова, Е. В. Деятельность преподавателя высшей школы: новые реалии / Е. В. Бережнова // Гуманитарные науки и образование. – 2013. – № 4 (16). – С. 24–29.
2. Марсова, С. Е. Специфика реализации индивидуального образовательного маршрута на уровне магистратуры [Электронный ресурс] / С. Е. Марсова // Научный журнал КубГАУ. – 2013. – № 85 (01). – Режим доступа: <http://ej.kubagro.ru/2013/01/pdf/03.pdf>
3. Мухина, Ю. Н. Представления студентов об индивидуальном образовательном маршруте / Ю. Н. Мухина // Alma mater. – 2013. – № 4. – С. 117–119.
4. Цыплакова, С. А. Профессиональная подготовка студентов в рамках ФГОС ВПО третьего нового поколения [Электронный ресурс] / С. А. Цыплакова // Современные научные исследования и инновации. – Май 2012. – № 5. – Режим доступа: <http://web.snauka.ru/issues/2012/05/12407>
5. Шапошникова, Н. Ю. Индивидуальная образовательная траектория студента: анализ трактовок понятия / Н. Ю. Шапошникова // Педагогическое образование в России. – 2015. – № 5. – С. 39–44.
6. Шрам, В. П. Реализация академических свобод студентов в системе образования / В. П. Шрам // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. – 2007. – № 3. – С. 97–101.

*N. Yu. Shaposhnikova,
Private educational institution of additional education «Institution of foreign languages DS»*

THE STATE OF THE PROBLEM OF STUDENTS' INDIVIDUAL EDUCATIONAL PATHS REALIZATION IN RUSSIAN UNIVERSITIES

The article presents the results of an online-survey of Russian students. The purpose of the survey was to determine the state of the problem of students' individual educational paths realization in Russian higher education institutions. The analysis of the survey results shows the degree of students' awareness of the individualized learning process possibilities; the degree of their acquaintance with the term «individual educational path» and their attitude towards it; the degree of students' involvement in the formation and realization of their individual educational paths, and also the main obstacles to the individualization of the learning process in Russian higher education institutions.

The author points out that the results of this research may contribute to the reasoning of the changes in the organization of higher education learning process by means of realizing students' individual educational paths.

Keywords: higher education, individualization of the learning process, individual educational path, elective courses, tutor.

References

1. Berezhnova E.V. The duties of a university teacher: new realia. *Gumanitarnye nauki i obrazovanie*, 2013, no. 4 (16), pp. 24-29.
2. Marsova S. E. The special features of individual educational route realization at a master's level of higher education [Electronic source]. *Nauchnyj zhurnal KubGAU*, 2013, no. 85 (01). Available at: <http://ej.kubagro.ru/2013/01/pdf/03.pdf>
3. Muhina Ju. N. Students' impressions of an individual educational route. *Alma mater*, 2013, no. 4, pp. 117–119.
4. Cyplakova S. A. The professional training of students according to FSES HPE of the third new generation [Electronic source]. *Sovremennye nauchnye issledovanija i innovacii*, May 2012, no. 5. Available at: <http://web.snauka.ru/issues/2012/05/12407>
5. Shaposhnikova N. Ju. Student's individual educational path: analysis of the term definitions. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*, 2015, no. 5, pp. 39–44.

6. Shram V. P. Realization of students' academic freedoms in the educational system. *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 3: Pedagogika i psichologija*, 2007, no. 3, pp. 97–101.

© Н. Ю. Шапошникова, 2016

Автор статьи – Наталья Юрьевна Шапошникова, преподаватель, Институт иностранных языков ДС, г. Москва, e-mail: nataly_353@mail.ru

Рецензенты:

И. А. Мазаева, кандидат педагогических наук, доцент, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации.

О. А. Машкина, кандидат педагогических наук, доцент, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова.

УДК 371.01

DOI 10.17238/issn1998-5320.2016.24.111

И. В. Беринская,
Иркутский государственный университет

ФОРМИРОВАНИЕ ГОТОВНОСТИ СТУДЕНТОВ ВУЗА К ОРГАНИЗАЦИОННО-УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

Современное общество предъявляет более высокие требования к образованию, выполняющему социальный заказ в подготовке специалистов, обладающих глубокими устойчивыми знаниями в своей профессиональной области. Профессиональная подготовка социального педагога должна быть дополнена функциями самоуправления и управления субъектной деятельностью. В процессе обучения обнаруживается противоречие между необходимостью реализации будущим социальным педагогом функций управления в структуре образовательного учреждения на разных уровнях и недостаточным уровнем системно-управленческой компетентности студента в образовательной сфере. Проблемы решаются при включении в учебные планы дисциплин управленческой направленности. Это позволяет целенаправленно формировать психологический, содержательный и практический компоненты готовности к организационно-управленческой деятельности в образовательных организациях.

Ключевые слова: профессиональная подготовка социального педагога, организационно-управленческая деятельность, системно-управленческая компетентность.

На современном этапе образование переживает наряду с другими формами социальной деятельности (культура, наука) сложные, неоднозначные времена. Общество предъявляет более высокие требования к образованию, выполняющему его социальный заказ в подготовке специалистов, обладающих глубокими устойчивыми знаниями в своей профессиональной области, легко ориентирующихся в меняющихся условиях жизнедеятельности, умеющих быстро обучаться и переучиваться, готовых к конструктивному взаимодействию со всеми участниками образовательного процесса.

В связи с этим возрастают требования к будущему педагогу – его социальной и профессиональной мобильности, уровню интеллектуального развития, профессиональной культуре, способности учиться на протяжении всей жизни.

Сфера вузовского обучения является самым ответственным звеном профессиональной подготовки специалистов в цепи организованных институтов образовательной системы. От качества организации процесса обучения и управления образовательным процессом профессиональной подготовки во многом зависит дальнейшее комфортное пребывание человека в будущей профессиональной деятельности, его готовность оперативно решать нестандартные проблемы в производственных и коммуникативных ситуациях.

Первостепенная задача высшей школы – помочь овладеть студентам средствами мышления и деятельности. Содержание образования как важнейший фактор экономического и социального прогресса должно быть направлено на обеспечение самоопределения личности, создание условий для её

самореализации. Традиционная обучающая деятельность будущего педагога должна быть дополнена функциями самоуправления и управления субъектной деятельностью, требующей предварительного проектирования предстоящей деятельности на основе анализа, диагностики, мониторинга, экспертизы [2; 3; 8; 9].

Особое внимание организации данного процесса уделяется и в структуре профессиональной подготовки социального педагога. Однако в процессе обучения обнаруживается противоречие между необходимостью реализации социальным педагогом функций управления в структуре образовательного учреждения на разных уровнях и недостаточным уровнем системно-управленческой компетентности педагога в образовательной сфере.

Отвечая за состояние своего «участка» социального пространства в образовательном или специализированном учреждении, такой специалист, как социальный педагог, должен на профессиональном уровне владеть всеми функциями управления, которые в литературе рассматриваются как этапы или «относительно самостоятельные виды управленческой деятельности» [1; 4; 6; 7].

Для анализа профессиональной готовности социального педагога к управлению целостным социально-педагогическим процессом, изучения уровня развития системно-управленческой компетентности в образовательной среде было проведено исследование на базе факультета педагогики Педагогического института ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет». В исследовании приняли участие 14 студентов, обучающихся в магистратуре по направлению «Педагогическое образование», магистерская программа «Социальная педагогика».

В структуре исследования были определены критерии готовности к организационно-управленческой деятельности в образовательной среде: мотивационно-личностная направленность на организационно-управленческую деятельность (наличие у студентов положительной мотивации и интереса к организационно-управленческой деятельности в рамках выбранной специальности); когнитивная направленность на организационно-управленческую деятельность (объем теоретических знаний и организационно-управленческих способностей); деятельностьная направленность на организационно-управленческую деятельность (сформированность практических умений и навыков, умение адекватно ситуации применять способы воздействия, устанавливать контакт с людьми, овладение рефлексивными навыками).

В результате выявления уровня готовности студентов, обучающихся в магистратуре, к организационно-управленческой деятельности в образовательной среде были получены следующие результаты:

– прогнозируя ролевое поведение участников команды, 14 % выразили способность разъяснять цели в работе с командой, мотивировать коллег к совместной творческой деятельности; 14 % способны работать в режиме высокого напряжения, преодолевать препятствия для достижения цели; 21 % готов изучать ресурсы коллектива, новые возможности, развивать новые контакты для улучшения деятельности; предлагать оригинальные идеи, решать сложные, нестандартные задачи считают возможным только 7 %; претворять в жизнь идеи и планы готовы 23 % участников; выражали готовность выстраивать сложные отношения с коллегами 14 %, готовность вовремя увидеть ошибки, чётко соблюдать сроки выполнения задания и активизировать других – 7 %;

– оценка уровня знаний основ менеджмента в образовании показала низкий уровень – 28 %, средний уровень – 44 %, выше среднего – 28 %, высокий уровень – 0 %;

– на основе самооценки студентов способности владения аналитическими функциями управления (где функция анализа является первостепенной в управленческом цикле в условиях модернизации образования) наибольшую сложность представляют такие функции, как: оперативно анализировать учебно-воспитательный процесс, прогнозировать потенциальные возможности коллектива и необходимые коррективы его социально-психологического климата – 21 %; осознавать перспективу своего профессионального развития – 7 %, определять особенности своего индивидуального стиля – 21 %, диагностически формулировать цели и задачи – 14 %, умение гибко перестраивать педагогические цели и задачи по мере изменения педагогической ситуации вызывает трудность у 37 % респондентов.

Совершенно очевидно, что для грамотного выполнения этих функций студент должен пройти специальную подготовку, которая представляется нам возможной и целесообразной в рамках обучения в вузе при включении в учебные планы дисциплин управленческой направленности.

Полученные результаты определили необходимость решения проблем, с которыми сталкиваются студенты в процессе изучения дисциплины «Социально-педагогический менеджмент

в образовательной среде». Это позволило создать условия для формирования базовой профессиональной готовности к управлению целостного социально-педагогического процесса, развития системно-управленческой компетентности в образовательной среде; готовности организовывать межведомственное взаимодействие со специалистами разного уровня и грамотно организовывать командную работу для решения задач развития образовательной организации [7].

Формирование готовности студентов вуза к организационно-управленческой деятельности рассмотрено на основе системно-структурного подхода. С его помощью структурировано содержание модели формирования готовности студентов, которая позволяет нам показать целостную совокупность взаимосвязанных компонентов и их функций, между которыми существуют системообразующие связи, определяющие их взаимообусловленность [2]. Данный процесс проводился поэтапно, на основе установленных в модели задач, направленных на целенаправленное формирование психологического, содержательного и практического компонентов готовности к организационно-управленческой деятельности:

- 1) формирование системы знаний о роли и возможностях социального менеджмента в процессе управления целостным социально-педагогическим процессом образовательной организации;
- 2) формирование компетентности осуществлять основные функции управления при решении поставленных социально-педагогических задач;
- 3) развитие системно-управленческой компетентности студентов на репродуктивно-аналитическом, исследовательском уровнях;
- 4) формирование готовности организовывать командную работу для решения задач развития образовательной организации, реализации опытно-экспериментальной работы;
- 5) содействие готовности использовать индивидуальные и групповые технологии принятия решений в управлении образовательной организации, опираясь на отечественный и зарубежный опыт.

В процессе изучения дисциплины раскрываются содержание, задачи, условия, структура социально-педагогического процесса с точки зрения управления данным процессом; специфика профессиональной деятельности социального педагога с разными категориями детей, нуждающихся в социально-педагогической помощи, сопровождении и поддержке; студенты включены в процесс междисциплинарного и межведомственного взаимодействия со специалистами разного уровня для решения профессиональных задач [6; 7].

Процесс формирования готовности студентов к организационно-управленческой деятельности осуществляется как через теоретическую подготовку, так и через организацию специальных практикумов, защиту исследовательских проектов, решение ситуационных управленческих задач, стажёрско-управленческой практики в образовательных организациях [5]. В структуре семинарских занятий основной акцент в работе со студентами делается на развитие мотивации, психологической готовности, потребности и стремления к управленческой деятельности, несмотря на отсутствие первоначального опыта. Данная система реализуется посредством комплекса педагогических условий:

- формирование положительной мотивации студентов к организационно-управленческой деятельности;
- использование профессиональной подготовки студентов в формировании системы знаний об организационно-управленческой деятельности;
- формирование у студентов в процессе их профессиональной подготовки практических умений и навыков в области организационно-управленческой деятельности;
- включение студентов в рефлексивно-оценочную деятельность в процессе формирования их знаний и практических умений в области организационно-управленческой деятельности.

Таким образом, при создании специальных условий использования возможностей образовательной среды педагогического вуза, управления процессом формирования у студента готовности к организационно-управленческой деятельности в образовательной организации необходимо, чтобы содержание изучаемых дисциплин носило практико-ориентированный характер; формы и методы управленческой деятельности были понятны, логически обоснованы и легко применимы в школьной практике; а также организовано конструктивное взаимодействие со всеми субъектами учебно-воспитательного процесса. Такой подход будет способствовать педагогической, управленческой самореализации студентов, обладающих потенциальными лидерскими качествами, стремящихся быть руководителями. В целом, изучение психологического-педагогических дисциплин, менеджмента в образовании, организации управленческих практикумов, тренингов, защиты исследовательских проектов позволит достичь достаточно высокой степени готовности выпускников к организационно-управленческой деятельности в общеобразовательных организациях всех типов.

Библиографический список

1. Гончаров, М. А. Основы менеджмента в образовании : учеб. пособие для студ. вузов / М. А. Гончаров. – М. : Кнорус, 2006. – 476 с.
2. Загвязинский, В. И. Методология и методы психолого-педагогического исследования / В. И. Загвязинский, Р. М. Атаканов. – М., 2001. – 208 с.
3. Зимняя, И. А. Компетентностный подход. Каково его место в системе современных подходов и проблем образования? / И. А. Зимняя // Высшее образование сегодня. – 2005. – № 11. – С. 20–26.
4. Корзникова, Г. Г. Менеджмент в образовании: практический курс : учеб. пособие / Г. Г. Корзникова. – М. : Академия, 2008. – 288 с.
5. Малюк, В. И. Менеджмент: Деловые ситуации, практические задания, курсовое проектирование : практикум / В. И. Малюк. – М. : Кнорус, 2009. – 304 с.
6. Методика и технологии работы социального педагога : учеб. пособие для вузов [Гриф УМО] / Б. Н. Алмазов [и др.] ; ред. М. А. Галагузова, Л. В. Мардахаев. – М. : Академия, 2004. – 191 с.
7. Теоретические основы профессиональной подготовки социального педагога как социально-педагогического менеджера : монография / Н. Г. Санникова; Рос. гос. проф.-пед. ун-т. – Екатеринбург : Издательство РГППУ, 2008. – 166 с.
8. Сластенин, В. А. Общая педагогика : учебное пособие : в 2 ч. Ч. 2 / В. А. Сластенин. – М. : Владос, 2002. – 254 с.
9. Шамова, Т. И. Управление образовательными системами : учебное пособие / Т. И. Шамова, Т. М. Давыденко, Г. Н. Шибанова. – М. : Академия, 2002. – 384 с.

I. V. Berinskaya, Irkutsk state university

FORMATION OF READINESS OF STUDENTS OF HIGHER EDUCATION INSTITUTION FOR ORGANIZATIONAL AND ADMINISTRATIVE ACTIVITY IN THE EDUCATIONAL ORGANIZATIONS

Modern society places more great demands on the education which is carrying out the social order in training of specialists, having profound steady knowledge in the professional area. Vocational training of the social teacher has to be added with functions of self-government and management of subject activity. In the course of training the contradiction between need of realization by future social teacher of functions of management for structure of educational institution at the different levels and the insufficient level of system and administrative competence of the student in the educational sphere is found. Problems are solved at inclusion in curricula of disciplines of an administrative orientation. It allows to form purposefully psychological, substantial and practical components of readiness for organizational and administrative activity in the educational organizations.

Keywords: vocational training of the social teacher, organizational and administrative activity, system and administrative competence.

References

1. Goncharov M.A. *Osnovy menedzhmenta v obrazovanii* [Fundamentals of management in education] – Moscow: Knorus, 2006. – 476 p.
2. Zagvyazinskii, V.I., Atakhanov R.M. *Metodologiya i metody psikhologo-pedagogicheskogo issledovaniya* [Methodology and methods of psychological and pedagogical research]. Moscow, 2001. 208 p.
3. Zimnyaya I.A. Competence approach. What is its place in the system of modern approaches and educational problems? *Vysshee obrazovanie segodnya*. 2005. No 11. pp. 20–26.
4. Korznikova G.G. *Menedzhment v obrazovanii* [Management in education]. Moscow: Akademiya, 2008. – 288 p.
5. Malyuk V.I. *Menedzhment* [Management]. Moscow: Knorus, 2009. 304 p.
6. Almazov B.N., Belyaeva M.A., Bessonova N.N. *Metodika i tekhnologii raboty sotsial'nogo pedagoga* [Methods and techniques of social work educator]. Moscow: Akademiya, 2004. 191 p.
7. Sannikova N.G. *Teoreticheskie osnovy professional'noi podgotovki sotsial'nogo pedagoga kak sotsial'no-pedagogicheskogo menedzhera* [Theoretical bases of vocational training of the social teacher as a social and pedagogical manager: monograph]. Ekaterinburg: RGPPU, 2008. 166 p.
8. Slastenin V.A. *Obshchaya pedagogika* [General pedagogy] in 2 parts. Part. 2. Moscow: Vlados, 2002. 254 p.

9. Shamova T.I., Davydenko T.M., Shibanova G.N. *Upravlenie obrazovatel'nymi sistemami* [Management of educational systems]. Moscow: Akademiya, 2002. 384 p.

© И. В. Беринская, 2016

Автор статьи – Инна Владимировна Беринская, кандидат педагогических наук, доцент, Иркутский государственный университет, e-mail: innaber@rambler.ru

Рецензенты:

Г. П. Геранюшкина, кандидат психологических наук, доцент, Байкальский государственный университет, г. Иркутск.

А. И. Тимошенко, доктор педагогических наук, профессор, Иркутский государственный университет.

УДК 371.3

DOI 10.17238/issn1998-5320.2016.24.115

Е. Н. Белая,
Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНТЕРАКТИВНЫХ МЕТОДОВ ОБУЧЕНИЯ НА ЛЕКЦИЯХ ПО КУРСУ «ВВЕДЕНИЕ В ТЕОРИЮ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ»

Статья посвящена интерактивным методам, которые используются на лекциях по курсу «Введение в теорию межкультурной коммуникации». Творческие задания, работа в малых группах, диспут, «мозговой штурм», анализ ситуаций способствуют усвоению студентами учебного материала и направлены на развитие критического мышления, умения анализировать, аргументировать, общаться с другими людьми.

Ключевые слова: интерактивный метод, саморефлексия, мозговой штурм, кейс-стади.

Современный подход к обучению должен ориентировать на внесение в процесс обучения новизны, обусловленной особенностями динамики развития жизни и деятельности, спецификой различных технологий обучения и потребностями личности, общества и государства в выработке у обучаемых социально полезных знаний, убеждений, черт и качеств характера, отношений и опыта поведения. А это означает, что приоритет в работе преподавателя отдаётся приёмам опосредованного педагогического воздействия. В связи с этим на первый план выдвигаются диалогические методы общения, совместный поиск истины, развитие через создание воспитывающих ситуаций, разнообразную творческую деятельность. Основные методические инновации связаны сегодня с применением интерактивных методов обучения.

Слово «интерактив» пришло к нам из английского, от слова interact: inter – «взаимный», act – «действовать». Интерактивный означает способность взаимодействовать или находиться в режиме беседы, диалога с кем-либо (человеком). **Интерактивное обучение** – это диалоговое обучение, в ходе которого осуществляется взаимодействие преподавателя и обучающегося. Все участники взаимодействуют друг с другом, обмениваются информацией, совместно решают проблемы, моделируют ситуации, оценивают действия других и своё собственное поведение, погружаются в реальную атмосферу делового сотрудничества по разрешению проблемы. Одна из целей состоит в создании комфортных условий обучения, таких, при которых студент чувствует свою успешность, свою интеллектуальную состоятельность, что делает продуктивным сам процесс обучения.

В ходе диалогового обучения студенты учатся критически мыслить, решать сложные проблемы на основе анализа обстоятельств и соответствующей информации, взвешивать альтернативные мнения, принимать продуманные решения, участвовать в дискуссиях, общаться с другими людьми. С. И. Заир-Бек и И. В. Муштавинская считают, что критическое мышление становится точкой опоры, естественным способом взаимодействия с идеями и информацией [1]. И действительно, очень часто человек оказывается перед проблемой выбора информации, поэтому необходимо выработать умения не только овладевать информацией, но и научиться рассматривать её в разных аспектах. Получаемая информация должна быть не только усвоена, но и отрефлексирована, тогда она становится достоянием личности. Добиться подобного результата можно только в процессе диалога, так как он предполагает активный обмен информацией и является совместной творческой деятельностью.

По мнению Е. О. Галицких, в проблематике образования диалог рассматривается как цель, результат и содержание образования, способ познания действительности [2]. Данные позиции поддерживаются и исследователями в области медиаобразования. Известный британский медиапедагог Л. Мастерман считает, что необходимо развивать новые пути диалога, когда преподаватель и студенты могли учить чему-то друг друга и быть соисследователями [3].

Таким образом, развитие критического мышления – одновременно активный и интерактивный процесс. Сегодня разработано множество интерактивных методов обучения студентов. В ходе подготовки лекции на основе интерактивных форм обучения перед преподавателем стоит вопрос не только в выборе наиболее эффективной и подходящей формы обучения для изучения конкретной темы, но и открывается возможность сочетать несколько методов обучения для решения проблемы, что, несомненно, способствует лучшему осмыслению информации студентами. Представляется целесообразным рассмотреть необходимость использования разных интерактивных форм обучения для решения поставленной задачи.

Проиллюстрируем применение интерактивных методов в преподавании дисциплины «Введение в теорию межкультурной коммуникации».

Одним из основных методов является **интерактивная лекция**. Обсуждение темы ведётся через серию вопросов, например: Что такое стереотипы? Как возникают стереотипы? Каковы механизмы формирования стереотипа? Какими характерными признаками обладает стереотип? Проиллюстрируйте каждый из них. Какие виды стереотипов различаются в теории межкультурной коммуникации? Приведите примеры на каждый вид стереотипа.

На занятии возможно использование **видеофильма**. Фильмы могут быть художественными или документальными, показаны фрагментарно или в качестве видеоролика. Так, например, на лекции, посвящённой теме «Стереотипы сознания», студенты смотрят фрагмент из британско-американского фильма «Онегин», экранизированного по произведению А. С. Пушкина «Евгений Онегин» (1999 г., режиссёр Марта Файнс), и анализируют его. Затем преподаватель задаёт вопрос студентам: «Почему в фильме актёры, играющие представителей других культур, часто недостоверны и зачастую просто смешны?»

Среди интерактивных методов обучения на занятиях по дисциплине «Введение в теорию межкультурной коммуникации» часто используется анализ **ситуаций**. В процессе решения конкретной ситуации студенты используют свой опыт и полученные знания.

Например, студентам предлагается проанализировать следующую ситуацию: в рекламе стирального порошка, транслируемой в России, одна из героинь сюжета пятно на блузке закрыла наручными часами. При этом её подруга полагает, что она тем самым хочет продемонстрировать свои новые дорогие часы. Известно, что аналогичная реклама с тем же сюжетом показывается и в других странах, но всякий раз причина – предполагаемая и реальная – для появления часов поверх рукава блузки иная. Чем можно объяснить такого рода несоответствия? Приведите свои соображения, учитывая, во-первых, что в разных культурах на экранах телевизоров демонстрируется один и тот же ролик и автор рекламы один и тот же; во-вторых, что рекламируется один и тот же товар и один и тот же производитель; в-третьих, что одни из главных требований к переводу – адекватность и эквивалентность.

Преподаватель задаёт вопрос студентам: «Можно ли в таком случае предположить, что при переводе текста к рекламному ролику необходимо руководствоваться какими-то иными соображениями, нежели языковыми закономерностями языка оригинала и языка перевода?»

На лекциях очень часто возникают спорные вопросы, которые можно решить через **дискуссию / диспут**, обеспечивающие глубокое, личностное усвоение материала. Например, дискуссию вызывает вопрос преподавателя: «Почему и с какой целью журналисты навязывают стереотипы, если они стремятся быть объективными? При этом многие из них показывают свою независимость, подчёркивают свою смелость свободно высказываться по той или иной проблеме». Подобные типы вопросов, как правило, вызывают спор. Необходимо обеспечить широкое вовлечение в разговор как можно большего количества студентов, а лучше – всех. Преподаватель не должен допускать ухода за рамки обсуждаемой проблемы и оставлять без внимания ни одно неверное суждение, но и не следует давать сразу правильный ответ. При этом необходимо научить студентов сопоставлять разные точки зрения, вовлекая их в коллективный анализ и обсуждение, помнить слова К. Д. Ушинского о том, что в основе познания всегда лежит сравнение.

Кроме того, необходимо следить за тем, чтобы объектом критики являлась точка зрения участника, а не он сам.

Преподавателю следует создать доброжелательную атмосферу, положительный эмоциональный фон, а также помнить, что основой любого интерактивного метода обучения являются доброжелательность и бесконфликтность.

Большой интерес представляет метод **мозгового штурма** как способ генерирования идей для разрешения проблемы. Во время мозгового штурма студенты свободно обмениваются идеями по мере их возникновения. Например, преподаватель даёт следующее задание: «Стереотипы – это генерализации. Что обобщается в стереотипе? Можно ли судить о знаке – положительном или отрицательном – применительно к такого рода генерализациям в условиях межкультурного общения?»

На занятиях по дисциплине «Введение в теорию межкультурной коммуникации» используются различные **творческие задания**, которые придают смысл обучению и мотивируют студентов. Преподавателю необходимо найти такое задание, которое вызывало бы интерес у студентов и максимально служило целям обучения. Например, студентам предлагается нарисовать стереотип британца / американца / француза / немца / испанца / итальянца, опираясь на известные данные по научной или художественной литературе, прессе, публицистике. Студенты должны ответить, какому источнику информации они склонны в большей степени доверять и почему?

Можно предложить другое творческое задание. Например, после изучения анкеты Л. Энзеля по выявлению стереотипов русских студенты должны представить свой вариант анкеты или опросник для выявления авто- и гетеростереотипов представителей той или иной лингвокультуры.

На занятиях нередко организуется **работа в малых группах**. Такая форма работы даёт возможность студентам практиковать навыки сотрудничества, межличностного общения, вырабатывать общее мнение, разрешать возникающие разногласия. Например, студентам предлагается решить вопрос: изменились ли стереотипы восприятия американцев, англичан, немцев, французов со стороны русских за последние годы? При этом анализ каждой группы должен опираться на использование фильмов, книг, газетных публикаций, телевизионных передач.

Среди интерактивных методов обучения очень популярен **метод саморефлексии**. Например, студентам предлагается задание: составить список распространённых стереотипов своей культурной группы или написать эссе о стереотипах представителей своей культуры.

Особую роль играет метод **моделирования профессиональной деятельности студентов**. Например, студенты получают задание расписать случаи, когда стереотипы приносят определённую пользу и когда препятствуют межкультурной коммуникации.

На занятиях очень широко используются **ресурсы интернета**. Студентам даётся задание найти в интернете интересные сайты, посвящённые проблемам стереотипов, и сделать краткие сообщения или резюме. Один студент выступает со своим сообщением, остальные задают ему вопросы по тем проблемам, которые он изложил.

В преподавании дисциплины «Введение в межкультурную коммуникацию» особое место занимают **студенческие проекты**. Метод проектов – это система обучения, при которой студенты приобретают знания и умения в процессе самостоятельного планирования и выполнения постепенно усложняющихся практических заданий – проектов. Проект – комплекс поисковых, исследовательских видов работ, выполняемых студентами самостоятельно, но под руководством преподавателя. Например, студентам можно предложить в качестве одной из тем проектов «Гендерные стереотипы студентов ОмГУ». Работа осуществляется в следующей последовательности: сначала студенты вырабатывают чёткий план действий, формулируют задачи, затем собирают информацию (чтение специальной литературы по данной теме, проведение опросов и интервью студентов ОмГУ), далее осуществляется анализ собранной информации и, наконец, проходит обсуждение проекта с его коллективной оценкой.

Итак, практика показывает, что использование интерактивных методов пробуждает у студентов интерес, поощряет активное участие каждого в учебном процессе, способствует эффективному усвоению учебного материала, развивает критическое мышление, оказывает многоплановое воздействие на обучающихся, осуществляет обратную связь (ответная реакция аудитории), формирует у обучающихся представления, отношения, жизненные навыки.

Библиографический список

1. Заир-Бек, С. И. Развитие критического мышления на уроке / С. И. Заир-Бек, И. В. Муштавинская. – М. : Просвещение, 2004. – 260 с.
2. Галицких, Е. О. Диалог в образовании как способ становления толерантности / Е. О. Галицких. – М. : Академический проект, 2004. – 105 с.

3. Мастерман, Л. Обучение языку средств массовой информации / Л. Мастерман // Специалист. – 1993. – № 4. – С. 17–21.

E. N. Belya, Dostoevsky Omsk State University

THE USAGE OF THE INTERACTIVE TRAINING METHODS AT THE LECTURES ON THE COURSE OF «INTRODUCTION TO THE THEORY OF CROSS-CULTURAL COMMUNICATION»

The article is devoted to the interactive methods which are used in lectures on the course called “Introduction to the theory of cross-cultural communication”. Creative tasks, work in small groups, discussions, brainstorming and case-study help students to learn training material. These methods are aimed at development of critical thinking, ability to analyze, give reasons and communicate with other people.

Keywords: interactive methods, self-reflection, brainstorming, case- study.

References

1. Zaïr-Bek S.I, Mushtavinskaya I.V. *Razvitiye kriticheskogo myshlenija na uroke* [Development of the critical thinking at the lessons]. Moscow, 2004, 260 p.
2. Galitskikh E. O. *Dialog v obrazovanii kak sposob stanoljenija tolerantnosti* [Dialogue in education as a way of tolerance formation]. Moscow, 2004, 105 p.
3. Masterman L. Teaching the media language. *Spetsiolist*, 1993, no. 4, pp. 17–21.

© Е. Н. Белая, 2016

Автор статьи – Елена Николаевна Белая, кандидат филологических наук, доцент, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, e-mail: elena555-90@mail.ru

Рецензенты:

А. А. Петруевич, доктор педагогических наук, профессор, Омский филиал Финансового университета при Правительстве РФ.

Г. П. Урюпина, кандидат педагогических наук, доцент, Омская юридическая академия.

УДК 37.01

DOI 10.17238/issn1998-5320.2016.24.118

B. A. Мельников,

Уфимский государственный нефтяной технический университет

I. A. Синицына, I. A. Синицын,

Стерлитамакский филиал «Башкирский государственный университет»

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ДИЗАЙНА: ФРАКТАЛЬНО-РЕЗОНАНСНЫЙ ПОДХОД

Открытость современного образования предполагает интеграцию традиций и инноваций, широкое использование информационно-коммуникационных технологий, междисциплинарный характер различных областей знания. Это ведёт к появлению новых целей, методов, приёмов, средств, которые используются в сфере педагогической практики. В статье представлен анализ по проблеме использования педагогического дизайна в современных условиях, приведены различные позиции авторов относительно содержания данного понятия, дано собственное определение педагогического дизайна, рассмотрено использование педагогического дизайна с позиций фрактально-резонансного подхода к организации среды образовательного учреждения. На основе анализа содержания текста трактата П. Т. де Шардена «Феномен человека» представлена авторская интерпретация «ряда чувств», выступающих основой для создания среды, в которой возможна самореализация субъектов образовательного процесса, а также выделена система принципов её структурирования.

Ключевые слова: дизайн, педагогический дизайн, «ряд чувств», П. Т. де Шарден, фрактально-резонансный подход, основные этапы педагогического дизайна.

Инновационные процессы в развитии общества определяют современный облик и будущее человеческой цивилизации и актуализируют поиск идей, направленных на решение задачи подготовки молодого

поколения к жизни в современном обществе. Основным документом, регламентирующим этот процесс, является Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», где конкретизируется проблема образовательно-технологической модернизации сферы образования, поиска и использования ресурсов, необходимых для осуществления обучения и иных видов учебной деятельности. Эффективность здесь будет выражаться через интеграцию традиционных и инновационных форм образования, проектирование и конструирование развивающей образовательной среды, ориентированной на становление социально активной личности, мотивированной на творчество и инновационную деятельность. В данном случае речь должна идти о разработке наиболее эффективных, рациональных и комфортных способов, методов и систем обучения, которые могут быть использованы в сфере педагогической практики. Здесь целесообразно обращение к педагогическому дизайну – направлению педагогической науки, связанному с разработкой и изучением объектов, условий, ситуаций, сценариев, направляющих и поддерживающих образовательную деятельность.

Впервые слово «дизайн» появилось в XVI веке и означало первый набросок будущего произведения искусства. В словаре С. И. Ожегова о дизайне говорится как о процессе конструирования вещей, интерьеров, основанном на принципе сочетания удобства, экономичности и красоты [7]. В энциклопедическом словаре мы находим определение дизайна как вида проектировочной деятельности, целью которой является формирование функциональных и эстетических качеств предметной среды. Если говорить о дизайне в архитектуре, то продуктом дизайна будет выступать совокупность зданий и сооружений, создающих пространственную среду для жизни и деятельности человека [2]. Исходя из данных определений, дизайн можно рассматривать как способ самовыражения человека; как среду обитания людей; предметно-вещный мир.

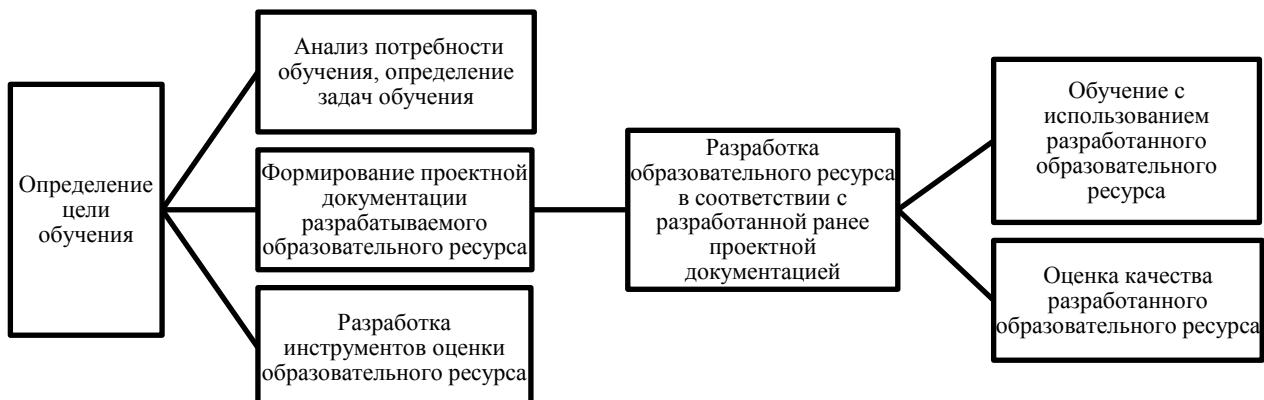
Педагогический дизайн как направление зародилось в США в период второй мировой войны с целью эффективного обучения большого количества людей выполнению сложных технических задач. Впоследствии разработки в данном направлении были перенесены в сферу педагогической практики и послужили импульсом к созданию эффективной системы самостоятельного обучения.

Психологической основой педагогического дизайна выступила теория бихевиоризма (Э. Торндайк), согласно которой обучение происходит методом проб и случайного успеха, что ведёт к формированию представления о путях достижения цели, т. е. решения поставленной задачи, где важная роль принадлежит стимулам внешней среды, определяющим реакцию и поведение человека [8].

В работе «Условия обучения» американский психолог Р. Ганье представил несколько результатов обучения: интеллектуальные навыки, когнитивную стратегию, вербальную информацию, двигательные навыки и отношение. Для достижения каждого из представленных результатов должны создаваться особенные условия, способствующие обучению. Основой теории Р. Ганье выступает идея об иерархическом строении навыков, а организация обучения требует учёта уровня знаний и умений каждого обучающегося. Главное отличие теорий педагогического дизайна (Р. Ганье, П. Смит, Т. Рэган, К. Рейгелут и др.) от когнитивных теорий учения (А. Бандура, Б. Скиннер, Ж. Пиаже, Л. С. Выготский и др.) состоит в том, что в первых описываются не когнитивные процессы, а соответствующие среде методы, стимулирующие их развитие.

В начале 60-х гг. XX века постепенное развитие бихевиористской теории обучения привело к качественному познавательному (когнитивному) перевороту и оказало влияние на формирование педагогического дизайна в его современной форме: как дисциплины и технологии, поддерживающей индивидуальное развитие когнитивных учебных процессов.

В настоящее время проблематика педагогического дизайна соприкасается с исследованиями в области философии, психологии, социологии, педагогики (Г. А. Бордовский, Е. С. Полат, Д. Брунер и др.). Педагогический дизайн рассматривается как систематическое (приведённое в систему) использование знаний (принципов) об эффективной учебной работе (учении и обучении) в процессе проектирования, разработки, оценки и использования учебных материалов [10]; как педагогическая технология (система процедур), обеспечивающая педагогическую эффективность учебных материалов, в том числе разработанных с использованием новых информационных технологий [5]. С позиций системного подхода педагогический дизайн рассматривается в виде целостного процесса разработки разнообразных электронных учебных и методических материалов на основе психолого-педагогических, технологических, эргономических и методических требований к информационно-образовательной среде, включающих анализ, проектирование, разработку, применение и оценку эффективности разработок [3]. На рисунке показаны основные этапы педагогического дизайна с позиций системного подхода.

Основные этапы педагогического дизайна

Учитывая имеющиеся научные исследования по данной проблеме, отметим, что главной целью педагогического дизайна выступает эмпирическое обоснование теоретических положений и доказательство эффективности выбранных педагогом стратегии и методов обучения, которые способствуют тому, чтобы сделать учебный процесс творческим, единственным и доступным, в противовес шаблонной деятельности. С целью адаптации новых объектов и удержания традиционных педагогический дизайн порождает новые формы организации деятельности, методы, средства, утверждая наиболее значимые из них.

Идея педагогического дизайна оформлялась на фоне развития психологического знания о личности, а также синергетической методологии, рассматривающей образование как стимулирующее или пробуждающее, открытие себя или сотрудничество с самим собой и другими людьми. Как отмечает А. Г. Роуланд [13], дизайн подразумевает не только решение задач, открытие нового, но и социальное взаимодействие. Личность как субъект активности – социальной, коммуникативной, рефлексивной и т. д. выступает в центре внимания, и при выборе форм организации деятельности, средств и методов должно учитываться отношение к другим субъектам. Здесь речь идет о понимании в процессе коммуникации, принятии разных позиций, точек зрения, систем ценностей, взаимодействии и взаимоизменении. Принимая во внимание данное положение, в качестве методологической основы мы определили фрактально-резонансный подход, соединяющий в одно ценностно-смысловое пространство ряд структур, подразумевающих своими целями развитие у субъектов образовательного процесса рефлексивных свойств, эмоциональной отзывчивости и эмпатических способностей [6].

Подтверждением выбранной позиции послужила точка зрения П. Г. Щедровицкого относительно того, что «человек – не машина, а прежде всего, социальный человек, который ожидает внимания и ориентируется на эмоционально-психологические отношения в коллективе» [12, с. 220]. Кроме этого, по определению Е. В. Головневой, «если знания, нормы, ценности, значения можно передать, то смыслы могут быть только выработаны как результат внутренней работы, которая и должна быть организована педагогами в ходе воспитательной работы со студентами» [1, с. 20]. Пьер Тейяр де Шарден в своем трактате «Феномен человека» представляет человека не как статический центр мира, а как ось и вершину эволюции и выделяет «ряд чувств», приобретение которых необходимо для становления индивида как особой целостности [11]. Считаем необходимым представить их в нашей авторской интерпретации:

- *чувство пространственной необъятности*, которое позволяет человеку оценивать вероятную результативность возможных действий, ставить перед собой цели, планировать новые способы их достижения и в целом ощущать личную эффективность;
- *чувство глубины*, которое выражается в стремлении к истине, а не к мыслительному само выражению;
- *чувство количества*, которое направляет внутреннюю активность на то, чтобы знать больше, изучать явления окружающей действительности через наделение их личностно-значимыми смыслами. Такое «осмысленное учение» предназначается не только лишь для внешнего результата, но и ради ощущения здоровья и творческого созидания внутренней и внешней гармонии с самим собой и окружающим миром;

- *чувство пропорции*, благодаря которому реализуется равенство отношений, происходит продуктивный обмен идеями, эмоциями, различными формами понимания;
- *чувство качества или новизны*, благодаря которому происходит превращение естественной сущности человека в инструмент реализации социальных и социокультурных целей и намерений;
- *чувство движения*, благодаря которому человек выходит за рамки своих интересов, подчиняет себя познанию и делает себя средством достижения познавательных целей, в этом движении он проходит путь от самопознания и самоотношения к самоизменению и саморазвитию, при этом важная роль отводится рефлексии;
- *чувство органического* направляет на создание и поддержание баланса между спонтанностью и организацией, между чувственным и рациональным.

Подход П. Т. де Шардена согласуется с принципиальными положениями учений об эмоциях Аристотеля, Р. Декарта, Б. Спинозы, К. Г. Ланге, Э. Титченера и других, которые, представляя собой продукт пристального наблюдения и анализа, до сих пор не утратили своего значения.

Как показывают исследования Е. Н. Князевой и С. П. Курдюмова [4], главное в образовании – открытие человеком себя в сотворчестве с другими. Индивид, включённый в образовательную среду, сам (осмысленно или неосознанно) создаёт свои отношения к себе и окружению, а также способен формировать отношение к себе окружающих. Посредством резонансных воздействий можно подвести систему к благоприятному для неё вектору развития, способствовать обеспечению самоуправляемого и самоподдерживаемого воздействия.

В рамках фрактально-резонансного подхода педагогический дизайн выступает в качестве многоуровневой информационной системы, где каждый объект генерирует различные информационные сигналы, образующие множественные связи, действующие на человека и вызывающие определённый отклик, т. е. резонанс. Необходимо, чтобы компоненты (фракталы), входящие в структуру образовательной среды, были правильно подобраны, эффективно взаимодействовали и дополняли друг друга, создавая фасилитационное (от англ. to facilitate – облегчать, содействовать) пространство, позволяющее субъектам образовательного процесса эффективно взаимодействовать друг с другом, используя вербальные и невербальные средства коммуникации, осуществлять эмоциональную оценку партнёра по общению, что обеспечит обратную связь, взаимопонимание и гармонию.

Сочетание этих компонентов задаёт образовательную среду с определёнными характеристиками и развивающим потенциалом. Образовательная среда выступает в качестве многоуровневой системы, её сложность характеризуется наличием разнообразных элементов, каждый из которых выступает в качестве подсистемы, при этом сложность взаимосвязей зависит от количества различных факторов (пространственно-предметное окружение, социокультурная обстановка, социальное окружение, характер взаимодействия субъектов образовательного процесса и т. д.). В качестве основных её характеристик выступают неопределенность, открытость, динамизм, развивающий характер, способность наращивать упорядоченность за счёт адаптивной активности.

Под неопределенностью образовательной среды следует понимать насыщение процесса обучения проблемными заданиями, заставляющими обучающегося включить механизмы самодетерминации по всем уровням развития (физический, творческий, межличностный, социальный и др.). Рассматривая общение в педагогическом процессе как двустороннее взаимодействие, следует отметить неопределенность действий, предпринимаемых каждым субъектом. Ответная реакция одного субъекта на действие другого определяется конкретным состоянием субъектов, уровнем развития качеств, свойств, способностей, внешними условиями среды, где происходит взаимодействие. Стимулирование активности обучающегося создаёт ситуацию неопределенности реакции на действие педагога, которая приводит к различным поведенческим проявлениям со стороны обучающегося и педагогическим оценкам со стороны педагога. Преподносимая педагогом информация в зависимости от личностных особенностей обучающегося воспринимается и интерпретируется различно. Неопределенность воздействия находит выражение в непредсказуемости влияния информации в ситуации наложения новой информации на уже имеющиеся установки и убеждения обучающегося. Таким образом, проектирование педагогического дизайна представляет собой сложную систему, элементы которой взаимосвязаны, а её целостность и эмерджентность обеспечивается принципами функционирования педагогической системы. При выделении принципов проектирования педагогического дизайна мы руководствовались следующими положениями:

- адаптируемость – действие принципа распространяется на каждый элемент педагогического дизайна с целью улучшения или приобретения новых качеств в условиях изменения образовательной среды, при этом обязательным условием возможности адаптации является наличие обратных связей;

- наблюдаемость – действие принципа определяет критерии оценивания новых приёмов, способов обучения и воспитания;
- открытость – принцип предполагает мобильность, взаимодействие педагогических технологий, методов, средств, органично дополняющих друг друга в целях расширения функциональных возможностей педагогического дизайна.

На основе контент-анализа теоретических и научно-методических работ по проблемам современного образования при структурировании образовательной среды нами были выбраны принципы фрактально-резонансного подхода.

Принцип резонанса состоит в использовании в образовательном процессе стимулов, релевантных потребностям и ценностям личности, при этом они воспринимаются правильней и быстрее, чем не соответствующие им.

Принцип сетевого взаимодействия предполагает возникновение новой культуры совместной деятельности, обеспечивающей формирование готовности к партнёрству участников образовательного процесса при сохранении своей уникальности. В сетевом взаимодействии субъекты могут преследовать разные интересы, однако каждый из них заинтересован в партнёрских отношениях (синергетический эффект).

Принцип фрактальной гармонии утверждает идею о необходимости обеспечения гармонии различных способов освоения действительности – познавательного, эмоционального и действенного.

Принцип самоорганизации и самодостривания, в соответствии с которым обеспечивается ориентация на механизмы управления, поддерживающие активность, оптимизм, самостоятельность, способность к самодостриванию и формированию гуманистических идеалов в экзистенциально-духовной сфере, где существенную роль играет согласованность действий, коопeração усилий, необходимых для решения поставленных целей.

Принцип иерархической упорядоченности предполагает необходимость учёта не только внешней стороны иерархии, но и функциональных отношений между уровнями иерархии при структурировании образовательной среды. В зависимости от условий, в которых находятся субъекты образовательного процесса, деятельность протекает на различных уровнях её иерархии: операционном (человек-исполнитель), тактическом (человек-деятель), стратегическом (человек-творец) [5].

Проектирование педагогического дизайна требует анализа образовательных целей, разработки дизайнерских планов, направленных на удовлетворение потребностей обучающихся, корректировки и преобразования дизайнерских идей в определённые кластеры в соответствии с индивидуальными потребностями и особенностями развития обучающихся, включая детей с ограниченными возможностями здоровья, а также оценки их эффективности. Такое проектирование, на наш взгляд, будет способствовать оптимизации образовательного процесса, расширению смыслового пространства содержания и форм образования и, что немаловажно, укреплению здоровья субъектов образовательного процесса.

Здесь важно подчеркнуть, что среда взаимопонимания, способствующая обогащению физической и культурной сферы жизнедеятельности субъектов образовательного процесса, использование методов, форм воспитательной работы, построенных на базе делового, разнообразного и духовно-эмоционального общения, «акупунктурное» эффективное управление личностью, основанное на минимальном психологическом влиянии, будет направлять здоровьесозидающий процесс жизнедеятельности личности [9, с. 173]. В контексте данного определения под здоровьесозидающим процессом жизнедеятельности личности следует понимать ресурсоразвивающий характер взаимодействия субъектов образовательного процесса.

Таким образом, в контексте фрактально-резонансного подхода педагогический дизайн может выступать как важный компонент социальной практики, ориентированной на создание среды, где на основе представления различных образовательных ресурсов, разработанной системы мер организуется и направляется процесс становления личности обучающегося как субъекта культуры и жизнетворчества, обеспечивается психологически комфортное и педагогически обоснованное развитие субъектов образовательного процесса. Продуктом педагогического дизайна является опыт самостоятельной деятельности и личной ответственности, формирование современных ключевых компетенций, таких как умение действовать в рамках согласованных целей и задач; умение согласовывать свои действия с действиями партнёра, умение самостоятельно развиваться, если уровень имеющихся способностей не отвечает требованиям современности.

Библиографический список

1. Головнева, Е. В. К вопросу о профессиональном воспитании студентов в вузе // Е. В. Головнева, И. В. Сергиенко // Вестник ВЭГУ. – 2012. – № 5. – С. 18–24.

2. Иконников, А. В. Архитектура // Большая Советская Энциклопедия. 3-е изд. / гл. ред. А. М. Прохоров. – М. : Советская Энциклопедия, 1970. – Т. 2. Ангола – Барзас. – С. 296–302.
3. Клепикова, А. Г. Подготовка будущего учителя к использованию педагогического дизайна в профессиональной деятельности : автореферат дис. ... канд. пед. наук : 13.00.08 [Место защиты: Белгород. гос. ун-т] Белгород, 2009. – 23 с.
4. Князева, Е. Н. Законы эволюции и самоорганизации сложных систем / Е. Н. Князева, С. П. Курдюмов. – М. : Наука, 1994. – 238 с.
5. Курносова, С. А. Принципы подготовки студентов вуза к проектированию педагогического дизайна // Вестник ЧГПУ. – № 11.– 2009. – С. 66–75.
6. Маджуга, А. Г. Фрактальная педагогика: ноументальная ментальность человека третьего тысячелетия / А. Г. Маджуга, И. А. Синицына // Философия образования. – 2015. – № 5 (62). – С. 74–84
7. Ожегов, С. И. Словарь русского языка : 70 000 слов / под ред. Н. Ю. Шведовой. – М. : Рус. яз., 1989. – 924 с.
8. Психологический словарь / под ред. В. П. Зинченко, Б. Г. Мещерякова. – 2-е изд. перераб и доп. – М. : Педагогика-Пресс, 1999. – 440 с.
9. Синицына, И. А. Концептуальные основы формирования здоровьесозидающего поведения личности / И. А. Синицына // Инновационная наука. – 2015. – № 10. – С. 169–173.
10. Уваров, А. Ю. Педагогический дизайн / А. Ю. Уваров // Информатика: прил. к газ. «Первое сентября». – Б. м. – 2003. – 8–15 авг. (№ 30). – С. 2–31.
11. Шарден, П. Т. Феномен человека / Пьер Тейяр де Шарден [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.psyoffice.ru/2512-9-shard01-index.html> (Дата обращения 02.03.2016)
12. Щедровицкий, П. Г. PUZZLES : Как современный управленец формирует картину мира: Цикл лекций в НИТУ МИСИС / П. Г. Щедровицкий. – М., 2010–2011 гг. – 237 с.
13. Rowland, G. (1993). Designing and Instructional Design. Educational Technology Research and Development, 41(1), 79–91.

*V. A. Melnikov, Ufa State Oil Technical University,
I. A. Sinitsyna, I. A. Sinitsyn, Sterlitamak Branch «Bashkir State University»*

CONCEPTUAL BASES INSTRUCTIONAL DESIGN: FRACTAL RESONANCE APPROACH

The openness of modern education involves the integration of tradition and innovation, the widespread use of information and communication technologies, the interdisciplinary nature of the various fields of knowledge. This leads to new objectives, methods, techniques, tools used in teaching practice. The article presents an analysis on the use of instructional design in modern conditions are the various positions of the authors regarding the content of this concept, given its own definition of instructional design, discussed the use of instructional design from the viewpoint of fractal resonance approach to the organization of the environment of the educational institution. Based on the analysis of the content of the text of the treatise P.T.de Chardin's «The Phenomenon of Man», the authors presents the author's interpretation of the «number sense» is the basis for creating an environment in which self-realization is possible subjects of the educational process, as well as a system of principles highlighted in its structuring.

Keywords: design, pedagogical design, «a series of feelings», P. T. de Chardin, fractal resonance approach, the main stages of instructional design.

References

1. Golovneva E. V., Sergienko I. V. K voprosu o professional'nom vospitanii studentov v vuze. *Vestnik Vostochnoj jekonomiko-juridicheskoy gumanitarnoj akademii*, 2012, no. 5, pp. 18–24.
2. Ikonnikov A. V. *Arhitektura*. [Bol'shaja Sovetskaja Jenciklopedija]. 3-e izd. Gl. red. A. M. Prohorov. Moskva: Sovetskaja Jenciklopedija, 1970, T. 2, Angola – Barzas, pp. 296–302.
3. Klepikova A. G. *Podgotovka budushhego uchitelja k ispol'zovaniju pedagogicheskogo dizajna v professional'noj dejatel'nosti*: avtoreferat dis. ... kand. ped. nauk: 13.00.08 [Mesto zashhity: Belgorod. gos. un-t]. Belgorod, 2009, 23 p.
4. Knjazeva E. N., Kurdjumov S. P. *Zakony jevoljucii i samoorganizacii slozhnyh sistem*. Moscow, Nauka Publ., 1994, pp. 238
5. Kurnosova S. A. Principy podgotovki studentov vuza k proektirovaniyu pedagogicheskogo dizajna. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2009, no. 11, pp. 66–75
6. Madzhuga A. G., Sinicina I. A. Fraktal'naja pedagogika: noumental'naja mental'nost' cheloveka tret'ego tysjacheletija. *Filosofija obrazovanija*, 2015, no. 5 (62), pp. 74–84

7. Ozhegov S. I. *Slovar' russkogo jazyka: 70 000 slov.* [Pod red. N.Ju.Shvedovoj]. Moscow: Russkij jazyk Publ., 1989, pp. 924
8. *Psihologicheskij slovar'*. Pod red. V.P.Zinchenko, B.G.Meshherjakova. 2-e izd. pererab i dop. Moscow: Pedagogika-Press, 1999, 440 p.
9. Sinicina I. A. Konceptual'nye osnovy formirovaniya zdorov'esozidajushhego povedenija lichnosti. *Innovacionnaja nauka*, 2015, no. 10, pp. 169–173
10. Uvarov A. Ju. Pedagogicheskij dizajn. *Informatika: prilozhenie k gazete «Pervoe sentjabrja»*, 2003, 8–15 avg. (no. 30), pp. 2–31.
11. Sharden P. T. *Fenomen cheloveka* [Jelektronnyj resurs] URL: <http://www.psyoffice.ru/2512-9-shard01-index.html> (Data obrashhenija 02.03.2016)
12. Shhedrovickij P. G. *PUZZLES: Kak sovremennyj upravlenec formiruet kartinu mira* [Cikl lekcij v NITU MISIS]. Moscow, 2010, 2011. 237 p.
13. Rowland, G. Designing and Instructional Design. *Educational Technology Research and Development*, 1993, no. 41(1), pp. 79–91.

© В. А. Мельников, И. А. Синицина, И. А. Синицын, 2016

Авторы статьи:

Валерий Александрович Мельников, кандидат педагогических наук, профессор, Уфимский государственный нефтяной технический университет.

Ирина Анатольевна Синицина, старший преподаватель, Стерлитамакский филиал «Башкирский государственный университет».

Илья Александрович Синицын, магистрант, Стерлитамакский филиал «Башкирский государственный университет».

Рецензенты:

А. Г. Маджуга, доктор педагогических наук, Стерлитамакский филиал «Башкирский государственный университет».
Е. В. Головнева, доктор педагогических наук, профессор, Стерлитамакский филиал «Башкирский государственный университет».

УДК 371.2.

DOI 10.17238/issn1998-5320.2016.24.124

R. Г. Зарипов,

Омский государственный педагогический университет

B. П. Чащин,

Омская гуманитарная академия

M. В. Пашина,

Омский государственный педагогический университет

ЭКСКУРСИИ В ДЕНДРОЛОГИЧЕСКОМ САДУ г. ОМСКА КАК СРЕДСТВО ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ

В статье предложена авторская версия проведения экологической тропы в пределах дендросада, которая направлена на экологическое образование и воспитание населения любого возраста и уровня образования.

Ключевые слова: дендросад, древесные растения, экскурсия, экологическая тропа, интродуценты, фоновые виды, экзоты.

Деревья и кустарники являются истинными сокровищами населённых пунктов, это не только эстетические украшения, но и гаранты экологического благополучия среды. Цель данной статьи – показать направление проведения экскурсий в форме экологической тропы, которое воспитывало бы экологическое воззрение на хозяйственную деятельность человека и природную среду.

Экологическое воспитание и образование необходимы каждому человеку, поскольку только природа оказывается единственным первоисточником благосостояния и жизни людей. Формируемое в результате соответствующего воспитания экологическое мировоззрение призвано обеспечить ответственное отношение к природе и человеку.

В центре города Омска находится уникальный для Западной Сибири дендрологический сад. Одним из основоположников в развитии дендросада стал Герберт Иванович Гензе.

Рис. 1. Г. И. Гензе

В настоящее время здесь проводятся экскурсии для всех, кто пожелает познакомиться с растениями из разных уголков земного шара. Кроме того, на экскурсии появляется возможность узнать историю развития флоры Сибири в прошлом и на современном этапе природопользования.

Цель разработки экологической тропы – предложить такой вариант проведения экскурсии, при котором были бы рассмотрены наиболее актуальные и жизненно важные темы с точки зрения значения и происхождения растений из дендросада. В задачу разработчиков входило показать основные направления и темы обсуждения, которые наиболее приемлемы при проведении экскурсии именно экологической направленности, на фоне интродуцированных и местных растений в коллекции дендросада.

Теоретическим аспектом экскурсии мы считаем необходимость заложить такую форму взгляния на природу, когда возникает понимание того, как много зависит от людей в деле сохранения и умножения природных богатств для последующих поколений. С практической точки зрения происходит знакомство с многочисленными (более 250 видов) формами жизни разных территорий (Дальний Восток, Китай, Япония, Канада, Кавказ, Казахстан и Средняя Азия и др.).

Площадь дендросада составляет около 10 га, и времени для знакомства с разнообразием видов и форм потребуется от полутора до четырёх часов в зависимости от требований посетителей.

Мы считаем, что для первоначального знакомства необходимо не менее полутора часов. За это время мы выделяем 10 остановок (станций), в которых имеется своя тема беседы.

Первая остановка – у входа в дендросад, где объектами наблюдения служат ель колючая (форма голубая), спирея японская, боярышник Арнольда, черёмуха птичья (форма пурпурная) и др.

Беседа: даются общие понятия об интродукции и значении растений, оговаривается понятие об экотоне и экотипе растений.

На первой остановке внимание посетителей обращается на абсолютное превосходство растений в любой экосистеме, в связи с их положением в надстроенной трофической пирамиде, где они служат базисной основой как продуценты и как создатели кислородной основы жизни на планете. В городах и населённых пунктах они гаранты экологического благополучия людей, действуют как фильтры, регулирующие безопасность воздушной и почвенной среды, как адсорбенты негативных форм хозяйственной деятельности людей. Среди всего многообразия видов древесных растений в коллекции дендросада особенно выделяются вечнозелёные т. к., кроме всего прочего, растения способны благотворно влиять на психику людей в роли бальнеологических агентов.

Рис. 2. Визитная карточка дендросада

Вторая остановка – фоновое растение шефердия серебристая, ива белая (форма шаровидная), кизильник черноплодный, жимолость алтайская (съедобная) и др.

Беседа: климат и требования растений при интродукции, адаптивные возможности и роль человека при внедрении интродуцентов в городскую среду. Цель – показать потенциал интродукции и роль людей в современном этапе природопользования.

Третья остановка – у альпийской горки, рокария и визитная карточка дендросада, где растут посадки лиственницы, сорта сирени.

Беседа: краткая справка из истории сада, значение работ Г. И. Гензе. Возможности введения природных форм (на примере ели сибирской – формы змеевидной) и сортов сирени в озеленении населенных пунктов.

Четвёртая остановка – фоновые виды из местной флоры: ива прутоветвистая, лиственница сибирская, сосна сибирская – кедр, привитый на сосну обыкновенную, можжевельник сибирский и интродуцированные виды – дуб черешчатый, девичий виноград, магония падуболистная, сирень амурская, тuya западная, клён ясенелистный (форма золотистая) и др.

Беседа о широком диапазоне в использовании интродуцентов и адаптивных возможностях видов, формировании искусственных рекреационных ансамблей, о многолетних и многовековых посадках деревьев. Роль растений в архитектуре города и жизни людей, плановое зелёное строительство.

Пятая остановка – центральная, на фоне пихты сибирской, рябины сибирской, тополя дрожащего (осины), бузины, ольхи серой, дуба черешчатого, дуба монгольского, ясения ланцетолистного, гибридного тополя (гибрид тополя Боле × T. белый), вяза гладкого (в виде шалаша) и др.

Беседа: краткая история флоры доледникового и постледникового времени. Понятия о полтавской и тургайской флоре. История сложения флоры Сибири и Омской области.

Шестая остановка – фоновые виды: кедр сибирский, ель колючая (форма золотистая), боярышник чёрный, жостер слабительный, ель змеевидная, черёмуха пенсильванская, орех маньчжурский, каштан конский и др.

Беседа: синантропизация современной флоры, понятие об аддитивных и натурализовавшихся видах, о природных и искусственных гибридах.

Седьмая остановка – на аллее тополя советского: гибрид тополя Боле и тополя белого. Фоновые виды: тополь чёрный, черёмуха Маака, клён платанолистный, бархат амурский и др.

Беседа: разнообразие декоративных форм деревьев и методы агротехники при озеленении городов и населенных пунктов. Селекция декоративных форм деревьев и кустарников. Общие понятия о длительности роста и жизни деревьев, омоложение и методы возобновления, периодичность.

Рис. 3. Кедр – сосна сибирская

Восьмая остановка – фоновые виды: яблоня Недзведского, черёмуха Маака, липа амурская, липа сердцелистная, груша уссурийская, карликовая ель, карликовая сосна, чубушник европейский, лох серебристный, скумпия кожистая и др.

Беседа: экзоты в ансамблях города. Использование теплолюбивых и вечнозелёных растений в летнее время, контейнерные методы.

Девятая остановка – фоновые растения: можжевельник казачий, можжевельник сибирский, тамарикс гребенчатый, яблоня домашняя, принсепия китайская и др.

Беседа: сибирская флора в озеленении населённых пунктов области и Западной Сибири.

Десятая остановка – фоновые растения: берёза белая, рябина сибирская, калина красная, сирень обыкновенная.

Беседа: понятие о клонингах, вегетативной форме воспроизводства, продолжительности жизни древесных растений при использовании растений в озеленении и устойчивость видов древесных растений при условии жизни в городах и населённых пунктах.

Благодаря посредству натурального соприкосновения с природой естественной аборигенной флоры и натурализированной и нетродуцированной флоры каждый человек нашего города может составить представление о необходимости бережного отношения к ресурсам Родины. Российская Федерация располагается во всех природно-климатических областях северного полушария, и богатство России будет прирастать, по определению М. В. Ломоносова, с Сибирью. Развитие природы и эволюция в значительной степени, в планетарном масштабе, зависят только от людей.

Библиографический список

1. Бекишева, И. В. Принципы организации ботанических заказников в Омской области / И. В. Бекишева, Б. Ф. Свириденко // Природное наследие России : материалы Междунар. науч. конф. – Тольятти, 2004. – С. 22–23.
2. Городской дендрологический сад // Земля, на которой мы живем: природа и природопользование Омского Прииртышья. – Омск, 2002. – С. 490–493.
3. Дендрологический сад города Омска [Электронный ресурс] / Заповедная Россия. – Режим доступа: <http://www.zapoved.net/>
4. Красная книга Омской области / Правительство Омской области, Омский государственный педагогический университет ; отв. ред. Г. Н. Сидоров, В. Н. Русаков. – Омск : Изд-во ОмГПУ, 2005. – 460 с.
5. Свириденко, Б. Ф. Флористические находки в Омской области / Б. Ф. Свириденко, Р. Г. Зарипов, И. В. Бекишева, Т. В. Свириденко // Ботанический журнал. – 2001. – Т. 86. – № 1. – С. 153–156.
6. Чащин, В. П. Природопользование и охрана природы на территории Омской области / В. П. Чащин. – В 2 частях. – Ч. 1. – Омск : Изд-во ОмГПУ, 2006. – 160 с.
7. Чащин, В. П. Природопользование и охрана природы на территории Омской области / В. П. Чащин. – В 2 частях. – Ч. 2. – Омск : Изд-во ОмГПУ, 2006. – 205 с.

R. G. Zaripov, Omsk State Pedagogical University
V. P. Chashin, Omsk humanitarian Academy
M. V. Pashina, Omsk State Pedagogical University

EXCURSION IN THE DENDROLOGICAL GARDEN OF THE CITY OF OMSK AS A MEANS OF ENVIRONMENTAL EDUCATION

In the article the author's version of the ecological trails within the dendrological garden , which is aimed at environmental education and education of the population of any age and level of education.

Keywords: dendrogarden, woody plants , tour, nature trail , introducers , background species, exotic.

References

1. Bekisheva I. V. The principles of the Botanical reserves organization in the Omsk region. *Prirodnoe nasledie Rossii : materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferencii*. Tol'atti, 2004, p. 22–23.
2. Gorodskoi` dendrologicheskii` sad. *Zemlia, na kotoroi` my` zhivem: priroda i prirodopol`zovanie Omskogo Priirty`sh`ia*. Omsk, 2002, p. 490–493.
3. *Dendrological garden of the city of Omsk*. Zapovednaia Rossiia. Av/ at: <http://www.zapoved.net/>
4. *Krasnaia kniga Omskoi` oblasti*. [The red book of the Omsk region]. Ed. by G. N. Sidorov, V. N. Rusakov. Omsk, Publishing house of Omgpu, 2005. 460 p.
5. Sviridenko B. F., Bekisheva I. V., Sviridenko T. V. Floristic finds in the Omsk region. *Botanicheskii` zhurnal*, 2001, vol. 86, no. 1, pp. 153–156.
6. Chashchin V. P. *Prirodopol`zovanie i okhrana prirody` na territorii omskoi` oblasti* [Nature management and nature protection on the territory of Omsk region]. Part 1. Omsk, Publishing house of Omgpu, 2006, 160 p.
7. Chashchin V. P. *Prirodopol`zovanie i okhrana prirody` na territorii omskoi` oblasti* [Nature management and nature protection on the territory of Omsk region]. Part 2. Omsk, Publishing house of Omgpu, 2006, 205 p.

© Р. Г. Зарипов, В. П. Чащин, М. В. Пашина, 2016

Авторы статьи:

Рафаил Гарифович Зарипов, кандидат биологических наук, доцент, Омский государственный педагогический университет.

Валерий Павлович Чащин, кандидат сельскохозяйственных наук, доцент, Омская гуманитарная академия.

Марина Владимировна Пашина, кандидат биологических наук, доцент, Омский государственный педагогический университет.

Рецензенты:

К. В. Фролов, кандидат биологических наук, доцент, Омский государственный педагогический университет.

Н. А. Калиненко, доктор сельскохозяйственных наук, профессор, Омский государственный педагогический университет.

Л. Н. Антилогова,

Омский государственный педагогический университет

Л. Г. Карпова,

Омская гуманитарная академия

РОЛЬ САМООЦЕНКИ В РАЗВИТИИ ТВОРЧЕСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

В данной статье раскрываются психологическая сущность самооценки и творческих способностей, их структура, основные показатели развития творческих способностей детей младшего школьного возраста, на основе корреляционного анализа прослеживается взаимосвязь между самооценкой и показателями развития творческих способностей детей.

Ключевые слова: самооценка, творческие способности, структурные компоненты творческих способностей, младшие школьники.

В становлении и развитии личности велика роль самооценки как осознание себя, своей деятельности, как важное звено внутренней регуляции своего поведения. «Умение оценить свои возможности наряду с умением “примеривать” свои силы к задачам и требованиям окружающей среды делает самооценку важным фактором в формировании личности», – отмечает Е. И. Савонько [6, с. 107].

Роль самооценки в развитии личности подчёркивается в многочисленных зарубежных исследованиях. Так, А. Адлер рассматривает самооценку как стремление человека к совершенству, К. Роджерс – как стремление к росту, А. Маслоу – как стремление к самоактуализации.

Отечественные учёные (Б. Г. Ананьев, И. С. Кон, С. Л. Рубинштейн, А. Г. Столин, И. И. Чеснокова и др.), рассматривая самооценку как компонент самосознания личности, трактуют её как стержень процесса самосознания личности, его интегрирующее начало, показатель индивидуального уровня его развития. Так, по мнению И. С. Коня, самооценка – это «компонент самосознания, включающий наряду со знанием о себе оценку себя, своих способностей, нравственных качеств и поступков» [4, с. 71].

Под самооценкой в психологии понимается ценность, значимость, которой индивид наделяет себя в целом и отдельные стороны своей личности, деятельности, поведения [5, с. 343].

Самооценка, являясь ядром самосознания личности, позволяет человеку оценивать самого себя, свои физические силы, умственные способности, своё отношения к окружающему, к другим людям и к самому себе, а также свои поступки, мотивы и цели своего поведения. Можно согласиться с Е. И. Савонько, который считает, что количество детей, ориентированных на самооценку, увеличивается с возрастом, а количество детей, ориентированных на оценку, уменьшается [6].

Самооценка как психологический феномен имеет определённые особенности, структуру и функции.

Что можно отнести к отличительным чертам самооценки?

Во-первых, самооценка, являясь структурным компонентом самосознания личности, выступает побудителем деятельности человека.

Во-вторых, самооценка может быть общей и частной (парциальной). Общая самооценка, являясь показателем меры уверенности личности в себе или силы «Я», связана с развитием у индивида волевых качеств и эмоциональной стабильности. Она отражает степень развития у индивида самоуважения, принятия себя, то есть позитивного отношения ко всему тому, что входит в сферу «Я». Частная самооценка отражает оценку субъектом своих конкретных проявлений и качеств: поступков, действий, отношений, способностей, физических данных и личностных особенностей [1].

В-третьих, отличительными чертами самооценки являются эмоциональность, адекватность, устойчивость.

Эмоциональный компонент самооценки интерпретируется психологами чаще всего в терминах «принятие-непринятие себя», «удовлетворённость-неудовлетворённость собой» [7]. Эти оппозиции связываются с переживаниями успеха или неуспеха при реализации целей и задач, которые человек ставит перед собой. Успех, как правило, вызывает у человека чувство гордости, удовлетворённости собой. Неуспех порождает чувство недовольства собой, раздражение.

Адекватность самооценки рассматривается как её соответствие реальным проявлениям качеств субъекта или экспертным оценкам. При адекватной самооценке субъект правильно соотносит

свои возможности и способности, достаточно критически относится к себе, стремится реально смотреть на свои неудачи и успехи, старается ставить перед собой достижимые цели.

Неадекватно завышенная самооценка приводит, как правило, к тому, что человек склонен переоценивать себя в ситуациях, которые не дают для этого повода. У него возникает идеализированный образ своей личности и возможностей, своей ценности. В результате он нередко сталкивается с противодействиями окружающих, отвергающих его претензии, озлобляется, проявляет подозрительность, мнительность или нарочитое высокомерие, агрессию и, в конце концов, может утратить необходимые межличностные контакты, замкнуться.

Чрезмерно низкая самооценка может привести к неуверенности в себе, робости, невозможности реализовать свои способности, к развитию у человека комплекса неполноценности, устойчивой неуверенности в себе, отказу от инициативы, безразличию, самообвинению и тревожности. Такие люди часто слишком критичны к себе.

Чрезмерно высокая или чрезмерно низкая самооценка нарушают процесс управления человеком своим поведением, что особенно заметно в общении, где лица с завышенной или заниженной самооценкой выступают причиной конфликтов, возникающих в первом случае из-за пренебрежительного отношения к другим людям, во втором – из-за чрезмерной критичности этих людей, постоянно указывающих на недостатки и промахи как свои, так и других.

Можно предположить, что при адекватной самооценке в большей степени происходит более продуктивное развитие личности.

Ещё одной отличительной чертой самооценки является её устойчивость, когда оценка поддерживается внутренними детерминантами: позицией личности в отношении к себе, самоконцепцией, сложившимися принципами самоактуализации и эмансионирована от случайных успехов-неуспехов.

Особенностью самооценки является также её полифункциональность. Так, исследователь А. В. Захарова выделяет следующие функции самооценки: актуальную (оценка и коррекция исполнительных действий по ходу развертывания деятельности, поступка), ретроспективную (оценка субъектом достигнутого уровня развития, итогов деятельности, последствий поступков), прогностическую (оценка субъектом своих возможностей) и регулятивную (регуляция поведения человека) [2].

Данные функции самооценки позволяют человеку всесторонне проанализировать свою деятельность и поступки, соотнести их с требованиями морали, принятыми в обществе, и в случае несоответствия скорректировать их.

Следует заметить, что самооценка в младшем школьном возрасте находится в стадии формирования, но её отличительные особенности в большинстве своём присущи и детям этой возрастной группы.

Следует согласиться с А. В. Захаровой, которая считает, что недостаточные знания ребёнка о себе ведут к уязвимости младшего школьника перед внешними отрицательными оценками, что может блокировать активность ребёнка в различных видах деятельности и негативно влиять на его отношение к себе. При работе со школьниками А. В. Захарова считает необходимым обучение детей самостоятельной и аргументированной оценке своих возможностей, умений и личных качеств, как с собственной точки зрения, так и с точки зрения других людей [2, 3].

Таким образом, оценка себя помогает младшему школьнику мобилизовать собственные силы и реализовать скрытые возможности, свой творческий потенциал, что способствует развитию творческих способностей.

Под творческими способностями обычно понимают индивидуально-психологические особенности человека, отличающие его от других людей, возникающие на основе творческих задатков и определяющие успешность овладения человеком различными видами деятельности, носящими творческий характер.

Как и многие психологические феномены, творческие способности имеют свою структуру. Исходя из анализа психолого-педагогической литературы, где рассматриваются различные структуры творческих способностей, а также из нашего понимания данного феномена, можно выделить следующие компоненты творческих способностей: когнитивный, эмоциональный и мотивационный.

Когнитивный компонент включает в себя знания, умения и навыки, помогающие младшему школьнику реализовываться в различных видах деятельности и решать нестандартные задачи.

Эмоциональный компонент творческих способностей отражает отношение младших школьников к выполняемой им деятельности, склонность ребёнка эмоционально проявлять себя в процессе выполнения нестандартных заданий, выражать те или иные эмоции.

Мотивационный компонент творческих способностей представляет собой систему побудителей, включающую мотивы, интересы, потребности. В качестве основной составляющей данного компонента выступают мотивы – внутренние побудители младшего школьника к творческой деятельности, связанные с удовлетворением потребности в творчестве.

Изменение этих компонентов при целенаправленной работе с младшими школьниками влечёт за собой изменение и творческих способностей в целом.

Акцентируя внимание на структуре творческих способностей, можно определить последние как интегративное, динамическое образование, включающее когнитивный, эмоциональный и мотивационный компоненты, формирующееся на основе творческих задатков и определяющее успешность выполнения любой деятельности, носящей творческий характер.

Развитие творческих способностей младших школьников – это динамический процесс, при котором происходит закономерное и качественное изменение структурных компонентов изучаемого феномена в процессе специально организованной деятельности творческой направленности.

Исходя из определения творческих способностей, их структуры, возрастных особенностей младших школьников, мы выделили следующие показатели развития творческих способностей младших школьников: оригинальность (способность младшего школьника давать нестандартные ответы), абстрактность названия (способность трансформации образной информации в словесную), беглость (способность выражать большое количество идей) творческого мышления; невербальное воображение (создание новых образов), наглядно-образное мышление (оперирование различными образами и представлениями при решении задач), эмоциональное отношение к творческому учителю (положительные или отрицательные эмоции в процессе взаимодействия школьника с учителем), проявление эмоциональных переживаний в творческой деятельности (эмоциональное состояние ребёнка, связанное с различными формами его включения в творческую деятельность) и творческую мотивацию (внутренние побудители к творческой деятельности, связанные с удовлетворением потребности в творчестве).

На основе данных показателей были определены уровни развития творческих способностей младших школьников: средний, который был присущ 41 ребёнку (54 %), низкий, присущий 23 детям (30 %) и высокий, отмеченный у 12 детей (16 %).

Дети с высоким уровнем развития творческих способностей демонстрировали положительное отношение к различным видам деятельности, проявляли творческую активность, стремились думать и рассуждать. Они легко усваивали новые знания, проявляли интерес к творческому учителю, стремились к преобразованию и созданию нового на основе полученных знаний, имеющегося опыта как самостоятельно, так и совместно с одноклассниками.

Школьники со средним уровнем развития творческих способностей также демонстрировали положительное отношение к различным видам деятельности. Они самостоятельно решали типовые задачи, проявляли интерес к новому материалу и творческим заданиям, творческому учителю, но при этом интерес был ситуативный, они испытывали потребность в одобрении со стороны учителя. У этих детей преобладали социальные мотивы: общение, стремление соответствовать новой социальной роли, мотив долга и ответственности.

Младшие школьники с низким уровнем развития творческих способностей характеризовались отрицательным или безразличным отношением к творческой деятельности, новый материал они усваивали фрагментарно, к творческим заданиям и творческому учителю не проявляли интереса, нуждались в постоянном одобрении, демонстрировали стремление соответствовать новой социальной роли и стремление избежать неприятности.

Далее мы определили уровни самооценки младших школьников. Из 76 детей, участвовавших в эксперименте, большая часть школьников имеет завышенную самооценку – 58 %, что согласуется с возрастными особенностями детей, у 25 % детей была выявлена адекватная самооценка, что свидетельствует о тенденции выравнивания самооценки у младших школьников по сравнению с дошкольниками, и у 17 % школьников отмечена заниженная самооценка, что может быть связано с индивидуальными особенностями этих детей: застенчивостью, тревожностью, неуверенностью в себе.

Нас интересовал вопрос: влияет ли самооценка на развитие творческих способностей младших школьников?

С этой целью был проведён корреляционный анализ. С помощью линейной корреляции Пирсона были выявлены корреляционные связи между показателями самооценки и показателями творческих способностей младших школьников. Обратимся к анализу полученных результатов (см. таблицу).

Матрица корреляции показателей самооценки и показателей компонентов творческих способностей младших школьников экспериментальной и контрольной групп

Самооценка	Показатели компонентов творческих способностей							
	То	Тб	Тн	НВ	НОМ	М	ЭП	Э
Завышенная	0,234**	0,430**	0,562**	0,537**	0,477**	0,659**	0,573**	0,489**
Адекватная	0,427**	0,456**	0,454**	0,364*	0,278	0,461**	0,481**	0,378*
Заниженная	0,044	0,142	0,178	0,155	0,102	0,321*	0,474**	0,331*

Условные обозначения: показатели когнитивного компонента: То – оригинальность, Тб – беглость, Тн – абстрактность названия, НВ – невербальное воображение, НОМ – наглядно-образное мышление, М – творческая мотивация, ЭП – эмоциональные переживания в творческой деятельности, Э – эмоциональное отношение к творческому учителю.

Примечание: * – корреляция значима при $p \leq 0,05$; ** – корреляция значима при $p \leq 0,01$.

Как видно из таблицы, значимые корреляционные связи выявлены по всем показателям компонентов творческих способностей и завышенной самооценкой школьников, что может свидетельствовать о том, что это вселяет уверенность ребёнка в собственных силах и возможность справиться с любой деятельностью, носящей творческий характер. Эти дети демонстрировали творческие способности в изобразительном искусстве, представляя оригинальные рисунки, оригинальное решение различного рода задач. Практически такой же уровень творческих способностей демонстрировали дети с адекватной самооценкой. Что касается детей с заниженной самооценкой, то, как видно из таблицы, значимых корреляционных связей между заниженной самооценкой и показателями компонентов творческих способностей выявлено всего три. Это говорит о том, что заниженная самооценка оказывает влияние на развитие только отдельных компонентов творческих способностей, в частности творческой мотивации, являющейся побудителем к творческой деятельности, а также эмоционального компонента творческих способностей, показателями которого выступают эмоциональные переживания ребёнка в ходе творческой деятельности и эмоциональное отношение к творческому учителю. Дети с заниженной самооценкой раскрывали свой творческий потенциал только при создании эмоционально положительной атмосферы, при доброжелательном отношении к ним учителя. В этом случае они создавали достаточно интересные, нестандартно выполненные продукты своей творческой деятельности. В случае же напряжённой атмосферы занятий эти дети либо неправлялись с заданиями, либо выполняли их стандартным способом, не привнося творческое начало.

Библиографический список

1. Захарова, А. В. Генезис самооценки : дис. ... д-ра психол. наук / А. В. Захарова. – М., 1989. – 346 с.
2. Захарова, А. В. Как формировать самооценку школьника / А. В. Захарова, М. Э. Боцманова // Начальная школа. – 1992. – № 3. – С. 58–65.
3. Захарова, А. В. Структурно-динамическая модель самооценки / А. В. Захарова // Вопросы психологии. – 1989. – № 1. – С. 6–14.
4. Кон, И. С. Открытие «Я» / И. С. Кон. – М. : Политиздат, 1978. – 367 с.
5. Психологический словарь / под ред. В. П. Зинченко, Б. Г. Мещерякова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Педагогика-Пресс, 1996. – 440 с.
6. Савонько, Е. И. Оценка и самооценка как мотивы поведения школьников разного возраста / Е. И. Савонько // Вопросы психологии. – 1969. – № 4. – С. 107–116.
7. Соколова, Е. Т. Зависимость самооценки подростка от отношения к нему родителей / Е. Т. Соколова, И. И. Чеснокова // Вопросы психологии. – 1986. – № 2. – С. 100–117.

L. N. Antilogova, Omsk state pedagogical University
L. G. Karpova, Omsk humanitarian Academy

THE ROLE OF SELF-ASSESSMENT IN THE DEVELOPMENT OF CREATIVE ABILITIES OF YOUNGER SCHOOLCHILDREN

In given article the psychological essence of a self-estimation and creative abilities, their structure, the basic indicators of development of creative abilities of children of younger school age reveals, on the basis of the correlation analysis the interrelation between a self-estimation and indicators of development of creative abilities of children is traced.

Keywords: a self-estimation, creative abilities, structural components of creative abilities, younger schoolboys.

References

1. Zaharova A. V. *Genezis samoocenki*. PhD dissertation [The Genesis of the self-assessment]. Moscow, 1989, 346 p.
2. Zaharova A. V., Botmanova M. E'. How to build self-esteem of the student. *Nachal'naia shkola*. 1992, no. 3, pp. 58-65.
3. Zaharova A. V. Structural-dynamic model of self-esteem. *Voprosy` psihologii*, 1989, no. 1, pp. 6-14.
4. Kon I. S. *Otkrytie «Ja»* [Discovery of the self]. Politizdat, 1978, 367 p.
5. *Psihologicheskii` slovar`* [Dictionary of psychology] Ed. by V.P. Zinchenko, B.G. Meshcheriakova. Moscow. Pedagogika-Press, 1996, 440 p.
6. Savon'ko E. I. Evaluation and self-assessment as the motives of students of different age. *Voprosy` psihologii*, 1969, no. 4, pp. 107-116.
7. Sokolova E.T., Chesnokova I.I. The dependence of the self-esteem of the adolescent from the attitude of the parents. *Voprosy` psihologii*. 1986, no. 2, pp. 100-117.

© Л. Н. Антилого́ва, Л. Г. Ка́рпова, 2016

Авторы статьи:

Лариса Николаевна Антилого́ва, доктор психологических наук, профессор, Омский государственный педагогический университет.

Людмила Григорьевна Ка́рпова, кандидат психологических наук, доцент, Омская гуманитарная академия.

Рецензенты:

Е. П. Щербаков, доктор психологических наук, профессор, Омская гуманитарная академия.

В. А. Шамис, кандидат психологических наук, доцент, Сибирская государственная автомобильно-дорожная академия, г. Омск.

Н. С. Гилева,
Омская гуманитарная академия

ВЛИЯНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ПРИВЯЗАННОСТИ РЕБЁНКА К МАТЕРИ НА СТАНОВЛЕНИЕ САМООЦЕНКИ СТАРШИХ ДОШКОЛЬНИКОВ

Статья посвящена формированию эмоциональной привязанности ребёнка к матери и её типов, оказы-вающих влияние на дальнейшее его развитие. Раскрывается связь между особенностями привязанно-сти в детском возрасте и её качеством (моделью отношений) у взрослого человека со своим партнё-ром, а также взаимосвязь между типом привязанности ребёнка и его самооценкой.

Ключевые слова: эмоциональная привязанность, типы привязанности, самооценка, тревожно-амбивалентный.

Привязанность в современной психологии – это понятие, описывающее эмоциональную связь между взрослым и ребёнком, возникновение которой зависит от качества общения. Тип привязанности определяет дальнейшее развитие ребёнка, поскольку освоение окружающего мира, нового для него и неизвестного, даёт чувство безопасности и уверенности.

В дошкольном возрасте роль эмоциональных взаимоотношений так велика, что её трудно переоценить, поскольку надёжная привязанность определяет самооценку ребёнка, следовательно, уверенность в себе, уровень притязаний и многое другое [3].

Процесс формирования эмоциональной привязанности рассматривался и зарубежными учёными в разном контексте. Теория привязанности основана на межличностных отношениях, определяющих духовную сущность личности, проявляющуюся в отношении к себе и к миру.

Г. В. Бурменская определяет привязанность ребёнка как стремление к защите и безопасности [6]. Принципы теории привязанности сформулированы в теории Дж. Боулби, в которой привязанность рассматривается как эмоциональная связь, устанавливавшаяся между матерью и ребёнком и оказывающая в дальнейшем воздействие на развитие его личности [5]. Объект привязанности занимает центральное место, чаще всего им является мать, кроме которой объектом привязанности может быть другой человек, сумевший установить позитивные отношения с ребёнком.

Ненадёжная связь с матерью снижает способности и стремление ребёнка к установлению социальных контактов с другими, поскольку не удовлетворены его потребности в любви, безопасности и защищённости. Адаптация усыновлённых детей к новым условиям среды и людям в первом полугодии младенчества происходит относительно легко, потому что мотивационно-поведенческая система, обеспечивающая удовлетворение потребности в безопасности и любви, формируется в 8–9 месяцев. Поэтому разлука с матерью после седьмого месяца жизни более болезненна для младенца, поскольку затрудняет привыкание к взрослому, заменяющему её.

Дж. Боулби полагал, что привязанность включает в себя две противоположные тенденции [4]:

- стремление к познанию нового;
- стремление к поддержке и защите.

Следовательно, потребность в защите матерью обусловлена возникновением опасности, и чем она сильнее, тем острее потребность в контакте с матерью. В жизни каждый человек может быть и объек-том, и субъектом привязанности, например, в супружеских отношениях, а для родительской любви ха-рактерны дополнительные отношения привязанности, поскольку мать не нуждается в защите и под-держке со стороны ребёнка, поэтому она является объектом привязанности, а субъектом – ребёнок.

В составе привязанности выделяют следующие типы компонентов:

- когнитивный – как образ, связанный с матерью;
- эмоциональные реакции, сигнализирующие о состоянии ребёнка и удовлетворении по-требностей;
- поведенческие реакции – плач, улыбка, цепляние;
- внутренние механизмы, связывающие данные компоненты в единое целое.

Следовательно, в контексте системы привязанности формируются следующие образы: «образ матери» и «образ Я».

Проблема привязанности до недавнего времени в отечественной психологии практически не разрабатывалась. Однако в последние десятилетия XX века появились труды М. И. Лисиной, Л. И. Божович, В. В. Лебединского.

М. И. Лисина длительное время занималась разработкой проблемы общения, его генезиса и развития в детском возрасте, в концепции которой активно исследовалось понятие общения и связанной с ним сферы взаимоотношений ребёнка с матерью [7]. Сфера общения неизбежно включает в себя взаимоотношения с близкими взрослыми, в первую очередь с матерью, однако предполагает и некоторые другие аспекты. Если Дж. Боулби в своей теории привязанности акцентировал внимание именно на отношениях матери и ребёнка, то М. И. Лисина видела в них лишь одно из условий развития общения как деятельности.

М. И. Лисина в своих работах неизбежно обращается к анализу наиболее ранних отношений ребёнка с матерью: к двум месяцам появляется «комплекс оживления» как возникновение потребности ребёнка в общении с окружающими людьми, как духовной потребности, заключающейся в привязанности к взрослому, стремление заслужить одобрение. Дж. Боулби считает, что сензитивность матери определяет формирование определённого типа привязанности.

Л. А. Абрамян отмечает, что существует потребность ребёнка в безопасности и защищённости, что способствует формированию уверенности в себе посредством проявления заботы и демонстрации ребёнку позитивного отношения к нему матери. Возникающее у ребёнка чувство эмоционального комфорта свидетельствует о его состоянии и является условием для полноценного развития [2].

Таким образом, эмоциональная привязанность – это определённая система внутренней регуляции, направленная на поиск близости и контакта с конкретным человеком. Привязанность к матери – это первичная привязанность, возникающая в младенчестве как потребность ребёнка в любви, защищённости и безопасности (базальные потребности), из-за неудовлетворённости которых он не сможет в дальнейшем устанавливать социальные контакты с другими людьми. Глубина эмоциональных связей определяет особенности развития ребёнка, формирует доверие к миру, адекватную самооценку и тип привязанности. Выделяют три типа привязанности: надёжный, ненадёжный, тревожно-амбивалентный [4].

Надёжный тип – если мать чувствительна и отзывчива к потребностям ребёнка, который, в свою очередь, воспринимает её как источник безопасности и защищённости, в результате у него формируется чувство уверенности.

Ненадёжный тип – мать нечувствительна и неотозвичива на потребности ребёнка, в результате он не чувствует себя защищенным и в безопасности, у него возникает чувство неуверенности.

Тревожно-амбивалентный тип – мать непредсказуема и непоследовательна в своих действиях, что вызывает у ребёнка тревожность, он мало взаимодействует с незнакомыми взрослыми, болезненно реагирует на расставание с матерью, испытывая амбивалентные чувства.

Таким образом, качество привязанности характеризует отношения между родителем и ребёнком, определяет его дальнейшее поведение, стимулируя проявление заботы матерью.

Современные исследования, изучающие связь между особенностями привязанности в детском возрасте и её качеством (моделью отношений) взрослого человека к своему романтическому партнёру, выделили определённое соотношение между типами привязанности в детстве и вариантами рабочих моделей взрослых людей. Взрослые, получившие опыт сензитивного материнского отношения и заботы в детстве, характеризуются позитивными внутренними представлениями о своих романтических взаимоотношениях, поэтому качество привязанности во взрослом возрасте к партнёру в меньшей степени зависит от типа привязанности в младенчестве, а в большей – от типа привязанности, наблюдавшегося в шесть, десять и шестнадцать лет.

Н. Н. Авдеева и Н. А. Хаймовская считают, что семейные дети чаще характеризуются надёжным типом привязанности, что позволяет им более активно осваивать мир, обладать более высокой социальной и эмоциональной компетентностью, позитивным образом «Я», более высоким уровнем развития коммуникативных навыков. Это происходит благодаря тому, что рядом находится взрослый, с которым установлена прочная эмоциональная связь. Важная особенность, показанная в исследовании Н. Н. Авдеевой и Н. А. Хаймовской, заключается в том, что между семейными детьми и детьми из дома ребёнка с надёжной привязанностью существуют определённые отличия: реакции условно надёжно привязанных младенцев из дома ребёнка носят противоречивый, упрощённый характер, хотя детьми и демонстрируется привязанность к воспитателю [1].

В рамках классической теории привязанности принято положение о том, что характер привязанности обнаруживает тенденцию к её сохранению, однако качество привязанности по-разному проявляется на этапах онтогенеза, оказывая влияние в каждом возрасте на определённые сферы жизнедеятельности ребёнка. В школьном возрасте качество привязанности начинает оказывать ощущимое влияние на познавательную активность и школьную успеваемость.

Е. О. Смирнова, анализируя западные исследования по этой проблематике, отмечает, что дети с надёжной привязанностью показывают более высокие результаты в интеллектуальной деятельности в младшем школьном и подростковом возрастах. У детей с амбивалентной привязанностью большая часть энергии направлена на установление более прочных личностных связей с учителем (с целью восполнить недостаток тёплых отношений с матерью), что препятствует развитию познавательной активности и приводит к отставанию в развитии мышления. Дети с ненадёжным типом привязанности стараются избегать контактов с учителем, а в случае возникновения трудностей в школе часто прогуливают занятия, не уверены в себе и почти не имеют познавательных интересов [9].

Отношения со сверстниками очень важны для развития социальных навыков, компетентности, чувства безопасности, представлений о себе и понимания себя. Дети, успешно общющиеся со сверстниками, имеют меньше проблем в развитии. Социальные трудности, возникающие в общении со сверстниками в школьном возрасте, могут привести к снижению самооценки, повышенной тревожности, низкой социальной компетентности и даже повысить риск психических расстройств в будущем. Все эти данные стимулировали интерес к изучению происхождения индивидуальных различий у детей в отношениях со сверстниками.

Установлено, что дети с надёжной привязанностью чаще получают от сверстников положительные реакции, их поведение более гармонично и адекватно ситуации, они чаще придерживаются кооперативной стратегии отношений. Дети с ненадёжной привязанностью имеют негативное представление о себе и других как о неотзывчивых к их нуждам. Поэтому они ожидают отвержения и могут вести себя, используя неадекватные стратегии и приёмы общения, приводящие к этому отвержению.

Следовательно, дети с надёжной привязанностью учатся взаимодействовать в детско-родительских отношениях кооперативно и «синхронно», затем эти взаимодействия обобщаются и переносятся на отношения со сверстниками, посредством которых дети развиваются способность конструктивно регулировать негативные эмоции, а с ненадёжной привязанностью рисуют овладеть неприемлемыми способами выражения эмоций, что отрицательно сказывается на их отношениях со сверстниками.

Таким образом, отношения привязанности играют значимую роль как в формировании позитивного образа «Я» и образа других, социальной компетентности, высокой познавательной мотивации, так и в развитии навыков гармоничного и кооперативного общения со сверстниками, умения выражать свои эмоции приемлемыми способами.

Американский психолог и философ У. Джеймс, занимавшийся изучением проблемы «Я» в психологии, ввёл понятие Я-концепции, получившей дальнейшее развитие в работах А. Маслоу, К. Роджерса. Среди отечественных учёных изучением Я-концепции занимались Б. Г. Ананьев, А. А. Бодалев, И. С. Кон, Д. А. Леонтьев, В. Н. Мясищев, А. Б. Орлов, С. Л. Рубинштейн, А. А. Реан, В. В. Столин и другие.

Образ «Я» рассматривается как составляющая Я-концепции, а самооценка – как отношение к себе или отдельным качествам. Следовательно, обобщённое представление человека о самом себе определяется как Я-концепция, означающая понимание, анализ различных явлений. Самооценка – значимость, которой индивид наделяет себя и отдельные стороны своей личности, деятельности и поведения, поэтому она является относительно устойчивым структурным образованием Я-концепции, самопознания и как процесс самооценивания [1].

Самооценка может быть адекватной и неадекватной (занесенной или заниженной). Адекватная самооценка характеризуется критическим отношением человека к себе, объективно оценивающим свои возможности, а неадекватная связана с переоцениванием или недооцениванием себя. Самооценка формируется и проявляется в межличностных отношениях, на формирование её оказывают влияние семья, социальная среда, поэтому деформированная самооценка может быть причиной дезадаптации в социуме.

С первого дня рождения взрослый, заботливо ухаживая за ребёнком и разговаривая с ним, даёт нежные имена, чутко улавливает его состояние, настроение и потребности, тем самым способствуя формированию у ребёнка первичного доверия к миру. Взрослый, оценивая малыша, всегда должен помнить о доброжелательном отношении.

Таким образом, взрослый, выделяя малыша из окружающего мира и наделяя его неповторимостью и уникальностью, как нечто особенно ценное и значимое для себя, тем самым закладывает

основу для формирования у ребёнка положительной самооценки – отношения к себе как к важному и любимому, формирует положительное самоощущение и отношение к людям.

В дошкольном возрасте, когда идёт становление личности, ребёнку особенно необходимы доброжелательное отношение и поддержка окружающих его людей, чтобы возникающее чувство автономии не гасилось конфликтами, связанными с запретами взрослых, в результате которых может появляться застенчивость. Развитие самоконтроля у ребёнка должно происходить без ущерба для формирования адекватной самооценки [3, 10].

Позитивным результатом в развитии дошкольника является чувство независимости и самостоятельности, поэтому его стремление освободиться от полной зависимости от взрослых и обрести некоторую самостоятельность приводят к отвержению любой помощи, поскольку взрослые из-за соображений безопасности и целесообразности ограничивают детскую активность. Сопротивление ребёнка требованиям взрослых приводит к конфликтам, что способствует возникновению неуверенности в своих силах и автономии.

Р. Мей утверждает, что в семьях, имеющих слабые эмоциональные связи между членами, ребёнок не чувствует себя в безопасности и защищённости, поэтому вероятность формирования неадекватной самооценки достаточно высока [8].

Н. Н. Авдеева, исследовавшая привязанность ребёнка к матери и образ «Я», установила, что образ «Я» и привязанность в младенческом возрасте сопряжены с рядом трудностей: до середины младенческого возраста ещё не возникает привязанности к конкретному человеку, поэтому она диффузного характера; образ «Я» представлен в основном аффективным компонентом [1].

Результаты проведённых исследований говорят о том, что у дошкольников развитие образа «Я» определяется типом привязанности: чем он надёжнее, тем выше уровень развития образа «Я», характеризующийся самостоятельностью и меньшей зависимостью от матери, выраженной активностью в незнакомой для него ситуации.

Большое значение в эмоционально-личностном развитии ребёнка играют родительские установки, значительная часть которых положительна и способствует его благоприятному развитию. В таблице приведены часто встречающиеся негативные родительские установки, имеющие неблагоприятные последствия для ребёнка.

Негативные установки		Позитивные установки
Сказав так:	подумайте о последствиях:	и вовремя исправьтесь:
«Вот дурашка, всё готов раздать...»	Низкая самооценка, жадность, затруднения в общении со сверстниками, эгоизм	«Молодец, что делишься с другими! Я горжусь тобой»
«Не твоего ума дело!»	Низкая самооценка, отсутствие своего мнения, робость, отчуждённость и конфликты с родителями	«А что ты думаешь, как ты считаешь?»
«Ты совсем как твой папа (мама)...»	Неадекватная самооценка, упрямство, повторение поведения родителя	«Папа у нас замечательный человек!» «Мама у нас умница!»
«Ничего не можешь делать!»	Неуверенность и низкая самооценка, страхи, безынициативность, недостаточная мотивация достижения чего-либо	«Давай посмотрим, что у тебя не получается!»
«Какой неряха, какой грязнуля!»	Чувство вины, страхи, рассеянность, невнимание к себе и своей внешности, неразборчивость в выборе друзей	«Какое удовольствие смотреть на тебя чистого и аккуратного!»

Чувство вины и стыда, вызываемые родителями, мешают ребёнку быть здоровым и счастливым, поскольку реакция родителей на трудности и переживания ребёнка либо вселяет в него уверенность, либо обесценивает его.

Проведите анализ оценок и установок относительно ваших детей, учитесь их трансформировать в позитивные, развивающие веру в себя, богатство и яркость эмоционального мира.

Рекомендации родителям для повышения самооценки детей. Для формирования адекватной самооценки у ребёнка необходима длительная и целенаправленная работа, поскольку за короткое время это сделать невозможно, поэтому стремитесь соблюдать следующие правила:

1. Называйте ребёнка по имени.

2. Хвалите ребёнка:

- наедине и при посторонних людях (например, при совместном ужине, на улице);
- похвала должна быть искренней, поскольку дети очень остро реагируют на ложь;
- ребёнку надо говорить, за что вы его хвалите, потому что просто так хвалить нельзя;
- хвалите даже за незначительные успехи в сравнении с его результатами, поскольку для ребёнка они важны.

3. Учитывайте индивидуальные и возрастные особенности ребёнка, ваши требования должны быть разумными и посильными, требуйте, помогайте ребёнку, оказывая поддержку.

4. Следите за своей речью, избегайте употребления слов, унижающих достоинство ребёнка (осёл, дурак и т. д.).

5. Формируйте умение управлять своим поведением.

6. Детям с низкой самооценкой трудно говорить открыто об имеющихся затруднениях, поэтому они иногда скрывают их. Когда ребёнок говорит, что он ничего не боится, это не означает, что его слова соответствуют действительности. Желательно поговорить с ребёнком (посадите его рядом, обнимите, установив контакт глазами – наклонитесь) о чувствах, переживаниях в волнующих ситуациях. Покажите, что смелый не тот, кто ничего не боится, а тот, кто умеет преодолевать страхи. Такие беседы помогут ребёнку понять, что и у других людей есть аналогичные трудности.

7. Совместное сочинение сказок способствует развитию умения выражать словами свою тревогу и страх, даже если они приписываются вымышленному герою, поскольку это помогает эмоциональному расслаблению, успокаивает ребёнка.

8. Играйте с ребёнком. В игре ребёнок учится управлять собой в наиболее волнующих его ситуациях. Например, в игре «Школа» формируются навыки уверенного ответа у доски.

9. Для снятия мышечного напряжения используйте спокойную и приятную музыку. Ребёнок лучше отдыхает, если рядом будете вы.

10. Игры на телесный контакт, массаж. Растирание тела (особенно напряжёнными у неуверенных детей бывают живот, шея, голова – отсюда и частые головные боли).

11. Ласковые прикосновения. «Рисование» на спине (упражнение «Добрый мелок»).

12. Для снятия напряжения используйте дыхание. «Глубокое дыхание» – глубоко вздохнуть, задержать дыхание, счёт до 5, медленный выдох. «Воздушный шарик» – надувая шарик – вдох – руки в стороны, сдувается – выдох – сжимается (очень плавно) или руки на животе: вдох – шарик надули, выдох – сдули. При стрессах дыхание грудное, а в спокойном состоянии – брюшное.

Библиографический список

1. Авдеева, Н. Н. Развитие образа себя и привязанностей у детей от рождения до трёх лет в семье и доме ребёнка / Н. Н. Авдеева, Н. А. Хаймовская. – М. : Смысл, 2003. – 216 с.
2. Абрамян, Л. А. Эмоциональное самочувствие ребёнка в процессе взаимодействия с матерью / Л. А. Абрамян // Проблемы гуманизации воспитательно-образовательного процесса в детском саду. – Пермь, 2003. – 301 с.
3. Бороздина, Л. В. Притязания личности и самооценка / Л. В. Бороздина // Вестник МГУ. Серия 14. Психология. – 2001. – № 3. – С. 161–170.
4. Боулби, Дж. Привязанность / Дж. Боулби. – М. : Гардарики, 2003. – 477 с.
5. Боулби, Дж. Создание и разрушение эмоциональных связей / Дж. Боулби. – Академический проект, 2006. – 240 с.
6. Бурменская, Г. В. Привязанность ребёнка к матери как основание типологии развития / Г. В. Бурменская // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. – 2009. – № 4. – С. 17–31.
7. Лисина, М. И. Проблемы онтогенеза общения / М. И. Лисина / Науч.-исслед. ин-т общей и педагогической психологии Акад. пед. наук СССР. – М. : Педагогика, 1986. – 144 с.
8. Мэй, Р. Искусство психологического консультирования / Р. Мэй. – ЭКСМО-Пресс, 2002. – 256 с.
9. Смирнова, Е. О. Теория привязанности: концепция и эксперимент / Е. О. Смирнова // Вопросы психологии. – 1995. – № 3. – С. 139–151.
10. Эмоции и отношения человека на ранних этапах развития ; под ред. Р. Ж. Мухамедрахимова. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2008.

N. S. Gileva, Omsk Humanitarian Academy

INFLUENCE OF MOTHER-CHILD EMOTIONAL ATTACHMENT ON THE FORMATION OF A SELF-ASSESSMENT OF THE SENIOR PRE-SCHOOLERS

Article is devoted to the formation of mother-child emotional attachment and its types, influencing his or her further development. It is also dealt with the features between the emotional attachment in childhood and its quality (relations model) in the future partner communication. Attention is drawn to the correlation between type of attachment of the child and his/her self-assessment.

Keywords: emotional attachment, attachment types, self-assessment, and anxi-ambivalent.

References

1. Avdeeva H. H., Hai'movskaia H. A. *Razvitiye obrazza sebia i priviazannosti u detei ot rozhdeniya do trekh let v sem'ye i dome rebyonka* [The development of self-image and attachment in children from birth to three years in the family and the child's home]. Moscow, Smysl Publ., 2003, 216 p.
2. Abramian L. A. The emotional health of the child in the process of interaction with the mother. *Problemy gumanizatsii vospitatel'no-obrazovatel'nogo protessa v detskom sadu*. Perm', 2003, 301 p.
3. Borozdina L. V. Claims of identity and self-esteem. *Vestnayk MGU*, Series 14, Psychology, 2001, No. 3, pp. 161–170.
4. Boulbi Dzh. *Priviazannost'* [Attachment]. Moscow, Gardariki Publ., 2003, 477 p.
5. Boulbi Dzh. *Sozdanie i razrushenie emotsional'nykh sviazey* [The creation and destruction of emotional ties]. Akademicheskii proekt Publ., 2006, 240 p.
6. Burmenskaia G. V. The child's attachment to mother as the basis of a typology of development. *Vestnayk MGU*, Series 14, Psychology, 2009, No. 4, pp. 17–31.
7. Leesina M. I. *Problemy ontogeneza obshcheniya*. [Problems of ontogenesis of communication]. Moscow, Pedagogika Publ., 1986. 144 p.
8. Me'i R. *Iskusstvo psihologicheskogo konsul'tirovaniia* [The art of counseling]. E'KSMO-Press Publ., 2002, 256 p.
9. Smirnova E. O. Attachment theory: concept and experiment. *Voprosy psichologii*, 1995, no. 3, pp. 139–151.
10. Emotsii i otnosheniia cheloveka na rannikh etapakh razvitiia [Emotions and human relationships in the early stages of development]. Ed. by Muhamedrahimova R. ZH.. SPb. Publishing House Of St. Petersburg State University, 2008.

© Н. С. Гилева, 2016

Автор статьи – Нина Семеновна Гилева, кандидат психологических наук, доцент, Омская гуманитарная академия.

Рецензенты:

С. Н. Рягин, доктор педагогических наук, профессор, Омская гуманитарная академия.

Б. А. Шамис, кандидат психологических наук, доцент, Сибирская государственная автомобильно-дорожная академия, г. Омск.

E. A. Стебляк,
Омская гуманитарная академия,
Омский государственный педагогический университет

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ УМСТВЕННО ОТСТАЛЫХ ОБУЧАЮЩИХСЯ

В статье рассматривается программно-методическое оснащение формирования социальных компетенций и познавательных действий социального познания умственно отсталых обучающихся. Обсуждаются пути психолого-педагогического изучения и формирования социально-временных представлений умственно отсталых подростков.

Ключевые слова: умственная отсталость, социальные компетенции, социально-временные представления, познавательные действия, семантический дифференциал.

Задачи формирования социальных компетенций умственно отсталых (УО) обучающихся получили развёрнутое представление в нормативных документах, регламентирующих содержание их образования и планируемые результаты, – во ФГОС и примерной адаптированной основной общеобразовательной программе образования обучающихся с умственной отсталостью (ПрАОП). В соответствии с системно-деятельностным подходом овладение социокультурным опытом признаётся осуществимым при условии планомерного освоения УО обучающимися всех предметных областей, включённости в коррекционно-развивающую и внеурочную деятельность, участия в программах духовно-нравственного развития и формирования экологической культуры [1]. Непременным условием развития социальных компетенций УО воспитанников является опора на прочные отечественные традиции в формировании их социально-бытовой культуры, в нравственном воспитании и сопровождении профессионального становления. Однако социокультурный потенциал современной олигофренопедагогики несводим к формированию умений насыщно необходимого жизнеобеспечения, социально-бытовых и профессионально-трудовых навыков и предполагает формирование осмыслинной картины мира [1].

С целью обнаружения путей наращивания социокультурного потенциала олигофренопедагогики и выстраивания сбалансированного психолого-педагогического подхода к достижению соответствующих личностных результатов сопоставим значимые методические идеи, представленные в различных образовательных областях адаптированной программы, в исследованиях социальных представлений УО обучающихся. Это позволит обнаружить точки приложения усилий для дальнейшего совершенствования практики трансляции социокультурного опыта – уточнения задач, планируемых результатов и критериев их оценки; конкретизации и дополнения методов, методик и приёмов коррекционно-развивающих занятий в соответствии с особыми образовательными потребностями УО обучающихся (необходимость этого обозначена в ПрАОП) [1, с. 294].

В качестве личностных результатов освоения ПрАОП выделен комплекс социальных (жизненных) компетенций, состоящих во владении разноаспектными социальными представлениями и навыками социального поведения «в динамично изменяющемся мире» в диапазоне от начальных навыков адаптации до «проявления готовности к самостоятельной жизни» [1, с. 25]. Тем самым содержание жизненных компетенций, отталкиваясь от актуального уровня развития УО обучающихся, упреждает усложнение задач их жизнедеятельности в период послешкольной социализации. В этой связи планируемые личностные результаты их социокультурного развития, не сводясь к социально-бытовым навыкам и представлениям о насыщно необходимом жизнеобеспечении, включают «способность к осмыслинию социального окружения, своего места в нём, принятие соответствующих возрасту ценностей и социальных ролей» [1, с. 25]. Овладение данной способностью среди прочих равных спроектировано в форме соответствующего личностного учебного действия УО обучающихся [1, с. 87]. Наряду с этим, личностная составляющая учебной деятельности включает практику таких познавательных действий, как «целостный, социально ориентированный взгляд на мир в единстве его природной и социальной частей» и «понимание личной ответственности за свои поступки на основе представлений об этических нормах и правилах поведения в современном обществе» [1, с. 87].

Упрочение активной и независимой позиции в мире УО лиц осуществимо благодаря направленности внеурочной деятельности адаптивной образовательной организации на развитие способностей «выбирать целевые и смысловые установки в своих действиях и поступках, принимать элементарные решения; <...> организовывать свою деятельность, определять её цели и задачи, выбирать средства реализации цели <...>, оценивать достигнутые результаты», основанных на когнитивно опосредованной смысловой регуляции жизнедеятельности [1, с. 310]. Развитие ориентировки в мире обоснованно связывается с обучением УО школьников целе-средственному и причинно-следственному анализу жизнедеятельности [1, с. 294]. В этой связи закономерно сосредоточение психолого-педагогических усилий на психотехнической стороне реализации обозначенной стратегии [3].

Методический поиск обращает к анализу преемственной взаимосвязи планируемых познавательных действий, на первом этапе обучения представленных умениями «выделять некоторые существенные, общие и отличительные свойства хорошо знакомых предметов; устанавливать видородовые отношения предметов; делать простейшие обобщения, сравнивать, классифицировать на наглядном материале; пользоваться знаками, символами, предметами-заместителями...» [1, с. 87]. На втором этапе обучения их реализация включается в процесс дифференцированного восприятия окружающего мира, в познание его временно-пространственной организации. Мыслительные операции сравнения, анализа, синтеза, обобщения, классификации, установления аналогий, закономерностей, причинно-следственных связей предлагается реализовывать в практической деятельности и на доступном наглядном, вербальном материале в соответствии с индивидуальными возможностями воспитанников [1, с. 90]. В этой связи подчеркнём принципиальную применимость названных действий и операций не только к предметному познанию, но и к социальному, при условии осуществления последнего на материале доступных существенных связей и отношений социальных объектов и явлений [4; 5].

Избегая в дальнейшем обстоятельного перечисления положений, характеризующих предметные и личностные результаты освоения образовательных областей адаптированной программы, рассмотрим их содержательное пересечение в нескольких важных аспектах.

Первый аспект связан с поощрением познавательного отношения к миру, направленного на его *дифференцированное восприятие, осмысление и понимание*. При этом, к сожалению, не называется номенклатура интересующих социальных объектов (явлений) и их взаимосвязей. Показательна в этой связи формулировка задач учебного предмета «Основы социальной жизни» – «овладение учащимися некоторыми знаниями и жизненными компетенциями, необходимыми для успешной социализации в современном обществе» [1, с. 240]. На фоне наличия конкретных требований к бытовому, экономическому, экологическому, физкультурно-оздоровительному поведению УО воспитанников подобное указание представляется нуждающимся в уточнении объектов изучения области знаний «Человек». Заметим, что на сегодняшний день обоснование выбора социальных объектов, явлений, их связей и разработка специальной методики их познания УО школьниками является малоизученной областью олигофренопсихологии и олигофренопедагогики [2; 3; 5; 6]. Её развитие нуждается в экспериментальном опробовании способов обучения познавательным учебным действиям на материале социального опыта воспитанников и ином биографическом материале. Основой могут послужить учебные действия, основанные на анализе личных фотографий, иллюстраций биографического содержания, кинофильмов и литературных произведений; на узнавании и назывании социальных объектов, выделении отличительных существенных признаков групп объектов; отнесении жизненного события или ситуации к определённой группе с учётом различных оснований для классификации, назывании сходных событий (ситуаций), отнесённых к одной и той же группе; составлении о них повествовательного или описательного рассказа по предложенному плану; развёрнутой характеристике своего отношения к ним, стимулируемой постановкой вопросов педагога или психолога (курс «Мир природы и человека», первый этап обучения) [1, с. 32].

Второй аспект содержательной общности связан со стремлением научить УО школьников умению *упорядочивать социальные представления во времени и пространстве*. Уделяя приоритет рассмотрению пространственно-временных форм общественно-исторических процессов, программа нацелена также на трансляцию способов организации личного пространства и времени. Так, практические задания, рекомендуемые при знакомстве с основами социальной жизни, предполагают составление автобиографии, биографий и родословного дерева членов семьи, календарей на разные сроки, «ленты времени» определённого исторического периода; объяснение смысла пословиц и поговорок о времени, о человеке и времени и др.; чтение и пересказы адаптированных текстов по изучаемым темам; просмотр фильмов и викторины на темы, относящиеся к истории семьи, рода и страны и др. [1, с. 202]. Дальнейшее

уточнение программно-методического оснащения в анализируемом аспекте может быть сфокусировано на формировании представлений о психологическом времени жизненного пути личности в единстве с формированием начатков *биографического мышления* УО воспитанников [6 и др.].

Третий замеченный нами центр содержательного единства планируемых результатов освоения АООП состоит в ориентации на овладение умением совершать выбор в обыденных житейских ситуациях. Известно, что принятие решения о жизненном выборе предполагает выход за пределы налично данной ситуации в план прогнозов, представлений и фантазий; проигрывание в воображении совершения действий и их последствий; переживания смысла ситуации [7]. В соответствии с данными теоретическими положениями развитие «способности к самостоятельным поступкам и действиям, совершающим на основе морального выбора», опирается на формирование «критичности к собственным намерениям, мыслям и поступкам; умение давать элементарную нравственную оценку своим и чужим поступкам»; способность предвидеть результаты действий и поступков, принимая за них личную ответственность [1, с. 267]. Анализ программно-методического обеспечения формирования социального поведения УО лиц позволяет утверждать недостаточность и разобщённость опыта аprobации программ формирования социально-временных представлений и развития критичности к социальному поведению УО воспитанников [3]. Выскажем некоторые предварительные соображения о теоретических ориентирах разработки искомого программно-методического обеспечения.

Программа духовно-нравственного развития настаивает на обучении жизненному выбору с опорой на величие морально-этические и нормативные критерии, что предполагает усвоение воспитанниками предписаний о том, что считается хорошим и плохим, правильным и неправильным. При этом жизненный выбор индивида основывается на предпочтении решения, санкционированного общественными предписаниями – моралью и нормами поведения. Моральная регуляция поведения эффективна при условии достаточной дифференцированности этических и нормативных представлений, включении в них прецедентов морального поведения «на все случаи жизни», что предполагает обширный корпус образцов действий, опираясь на который возможно в каждом отдельном случае осуществлять правильный выбор поведения.

Однако столь изощрённая казуистика в динамично меняющемся современном обществе по-просту невозможна, и современный индивид вынужден дополнять формализованный казуистический подход к регуляции собственного поведения ориентацией на личностные критерии жизненного выбора. Столкновение с обстоятельствами, спонтанно рождающимися в жизненной ситуации, вынуждает человека отказаться от безусловного следования формальным требованиям и корректировать применение на практике действующих нормативных стереотипов. Несмотря на значение социальных норм, в условиях меняющейся действительности мы вынуждены признавать их неполноту и важность умения объяснить себе и другим уместность своих поступков [2; 8]. Сказанное подтверждается теорией морали, пронизанной этическим субъективизмом и включающей описание чувств и пожеланий индивида, в связи с чем моральные действия часто выводятся из диктуемых обстоятельствами требований. Поэтому, признавая важную роль морально-нравственных ориентиров в формировании нравственного сознания и поведения УО воспитанников, отметим не меньшую значимость освоения ими критериев жизненного выбора, основанных на субъективном предпочтении той или иной поведенческой альтернативы в связи с собственными намерениями. При этом коррекционно-развивающая работа, направленная на развитие способности УО школьников к выбору поведенческой альтернативы (способа действий), не может ограничиваться нормоцентричным социальным воспитанием, но должна развивать качества, обеспечивающие способность к ситуационному анализу и социальному прогнозу [2].

В завершение представленного анализа обратим внимание на преемственность выделенных содержательных аспектов личностных результатов освоения АООП. Так, формирование осмыслиенного и дифференцированного восприятия социальной реальности находит закономерное продолжение в познании личного времени и пространства жизненного пути, в формировании представлений о жизненном пути как множестве реализованных решений и о правилах совершения выбора альтернативного характера.

Формирование представлений о социально-временных отношениях личности и конкретная постановка проблем жизненного пути особенно своевременна на втором этапе обучения, когда обучающиеся становятся подростками. Признано, что решение задач подросткового возраста связано с осознанием социальной реальности, когда «важное значение приобретает изменение представлений о времени, истории, о прошлом, настоящем и будущем. Это способствует формированию более зрелых суждений о действительности...» [9, с. 53]. Современная олигофренопсихология располагает эмпирическими

свидетельствами некомпетентности УО подростков в ситуации выбора, недифференцированности и слабой осмысленности представлений о жизненном пути человека, о взрослости [3; 6; 10 и др.]. Между тем, представляется, что методика формирования представлений УО подростков о социально-временных отношениях личности, её жизненном пути, бюджете времени и, в более широком масштабе, «бюджете жизни» находит в специальной литературе слабое отражение [11].

В сложившейся теоретико-эмпирической ситуации актуально дальнейшее экспериментальное изучение феноменологии восприятия и понимания УО подростками социальных объектов и явлений, связанных с временной перспективой человеческой жизнедеятельности, психологическим временем личности, законами человеческой судьбы, обусловленными умениями планировать жизнедеятельность, предвидеть последствия принятого решения, осуществлённого выбора. Результаты эмпирического исследования социально-временных представлений УО подростков позволят разработать содержание и методические средства социально-психологического обучения в указанной области социальных представлений.

В связи со сказанным нами поставлена задача разработки методики изучения социально-временных представлений УО подростков о психологическом времени жизни индивида в ситуативно-биографическом масштабе жизнедеятельности. При построении программы исследования мы руководствовались следующими принципами:

Ориентация при выборе исследуемых социальных объектов на содержание планируемых познавательных учебных действий, личностных и предметных результатов освоения АОП для УО обучающихся [1].

Учёт особенностей субъективной семантики и социально-временных представлений УО подростков, включая данные об индивидуальных и групповых семантических универсалиях опыта отношения к важным биографическим событиям [3; 10; 13].

Опора на специально организованную процедуру семантического описания социальных объектов, амплифицирующую сознание УО испытуемых [13].

Исследование феноменологии восприятия и понимания социально-временных отношений личности основывается на методах, предлагающих испытуемому в режиме искусственной деятельности осуществлять разнообразные познавательные процедуры над стимульными объектами – лексикой, текстами, образами, символами некоей содержательной области. К числу таковых относятся методы и методики экспериментальной психосемантики и когнитивной психологии – свободные словесные ассоциации, семантический дифференциал, перечисление признаков понятий, формулировка проблемы, обобщение трёх слов, свободная сортировка слов, вербальные аналогии, понятийный синтез, визуальный портрет содержания слова и др. Они позволяют осуществить анализ, синтез, выявление семантического поля концепта, категориальное обобщение, сортировку объектов, мышление по аналогии, словесно-образный перевод, ассоциативный процесс, субъективное шкалирование признаков объекта и др. [4; 12; 14].

В контексте поставленной задачи для семантической дифференциации целесообразен отбор стимульных объектов, представляющих варианты жизненного расписания индивида, его действия и переживания в ситуации жизненного выбора, важного жизненного события. При этом необходимо отдавать предпочтение важным переломным ситуациям, связанным с принятием решения, надолго определяющего дальнейший жизненный путь человека. Такой выбор оправдан положениями психологии жизненного пути о совмещении ситуативного и биографического масштабов жизнедеятельности в значимых жизненных ситуациях-событиях, определяющих основное содержание человеческой жизни, временную структуру биографии. К числу событий, становящихся важными вехами на жизненном пути человека, относятся ситуации профессионального выбора, принятия решения о вступлении в брак, о рождении ребёнка и др. [11; 15; 16].

В наших предыдущих публикациях была обоснована целесообразность такого тематического структурирования стимульных объектов психосемантического эксперимента, при котором каждой теме соответствует биполярный стимул [3; 13]. Таким образом, нами было отобрано четыре темы – жизненное расписание, связь текущего образа жизни с самочувствием и положением дел в зрелом и пожилом возрасте, выбор профессии, принятие решения стать родителем. Восемь стимульных ситуаций выражали конструктивный и деструктивный варианты развития каждой темы. Стимульные ситуации были представлены фрагментами из кинофильмов, отражающими упомянутые социально-временные отношения личности. Так, с целью демонстрации рационального планирования жизненного расписания и планомерного, целеустремленного поведения нами был выбран фрагмент кинофильма «Первый в космосе» (2013). С противоположной целью – демонстрации пустой траты

времени, откладывания дел «на потом», бездельничанья и лени был отобран фрагмент из экранизации сказки Е. Шварца «Сказка о потерянном времени» (1964). Ситуации жизненного выбора, характерные индивидуальные стили жизни целесообразно представлять с помощью коротких видеосюжетов или повествовательных рассказов, проиллюстрированных фотографиями или рисунками.

С целью семантической дифференциации понимания социально-временных отношений предпочтение отдано биполярному варианту семантического дифференциала «Время», предложенного В. П. Серкиным [14]. Выбор шкал описания стимульных ситуаций мы сориентировали в пользу денотативных характеристик личностных усилий персонажа по управлению временем своей жизни, таких, как:

- прилагательные, описывающие стиль распоряжения бюджетом времени: *свободное – занятое, наполненное – пустое, организованное – стихийное, ненаправленное – направленное, упорядоченное – хаотичное, неожиданное – запланированное, однообразное – разнообразное, контролируемое – бесконтрольное, содержательное – бессодержательное, неопределенное – нормированное, полезное – бесполезное, благоприятное – неблагоприятное* и др.;
- прилагательные, уточняющие стилевые особенности принятия решений о жизненном выборе: *пассивное – активное, напряжённое – расслабленное, согласованное – спонтанное, ответственное – безответственное, незначимое – значимое, спокойное – беспокойное, ведомое – лидерское, спокойное – нервное, долгое – мгновенное, непримиримое – компромиссное, неуверенное – уверенное*;
- прилагательные, характеризующие когнитивную специфику рассмотрения персонажем альтернатив действий: *нелогичное – логичное, бессмысленное – осмысленное, осознаваемое – неосознаваемое, ясное – туманное, известное – неизвестное, обычное – смутное, глупое – мудрое, реальное – фантастическое, неоправданное – оправданное* [13; 14].

При этом были отвергнуты характеристики времени как физического явления, культурно-исторические реконструкции времени и коннотативные метафорические характеристики типа *лёгкое – тяжёлое, новое – старое, грязное – чистое, смелое – трусливое, безопасное – опасное, больное – здоровое, печальное – весёлое* и др. [13].

Для изучения ментальных репрезентаций понятий, обозначающих социальные процессы, явления, феномены переживания и регуляции психологического времени, предпочтение отдано познавательным процедурам над такими словам-стимулами, как:

- *возраст, время* – для перечисления отличительных свойств объектов, представленных в содержании данных слов;
- *взросление, окончание школы, старение* – для перечисления ряда проблем, которые возникают в связи с заданным явлением;
- *мечта, планы, надежда; воспоминания, опыт, знания* – для установления общего признака триады слов и его формулировки путём называния слова или словосочетания;
- *воспоминания, прошлое, настоящее, будущее, предчувствие, мечта, опыт, судьба, участь, счастье, предназначение, предвидение, желание, цель, увлечённость, равнодушие, планы, ожидания, надежды, невезение, увлечённость, скуча, рождение, детство, молодость, зрелость, старость, смерть, фантазии, память; расписание, дневник, календарь, часы, ежедневник, каникулы, отпуск, пенсия, сон, перерыв, лень, упорство, организованность, бдительность, нерешильность, выдержанка, медлительность, торопливость, работа, отдых, досуг, учёба, начало, конец, финал, середина, задержка, спешика, ожидание, опоздание* – с целью свободной сортировки слов, обозначающих разные аспекты категорий «время» и «жизненный путь»;
- *будильник, школа, дневник; вечер, прогулка, контрольная; увлечение, время, учитель и др.* – с целью конструирования множества семантических контекстов (осмысленных текстов) на основе трёх не связанных по смыслу слов;
- *мечта, судьба, счастье, планы, взросłość* – с целью объяснения значения этих слов условному собеседнику;
- *причина / прошлое – цель / ... (будущее, настоящее, прошлое, мечта); выбор профессии / уроки труда – ведение семейного бюджета / ... (уроки математики, уроки русского языка, перемены, каникулы) и др.* – с целью установления межпонятийной связи по аналогии (подходящее по аналогии слово или словосочетание выбирается из скобок).

После завершения исследования социально-временных представлений УО подростков автор планирует представить его результаты.

В заключении отметим, что подбор стимульных объектов для исследования социально-временных представлений УО подростков опирается на номенклатуру социальных объектов (явлений) и их взаимосвязей, выделенную в олигофренопедагогике впервые. Результаты экспериментальной апробации диагностического комплекса будут полезны олигофренопедагогам в уточнении задач формирования социально-временных представлений УО подростков, планируемых результатов и критериев их оценки; в конкретизации и дополнении методов, методик и приёмов коррекционно-развивающих занятий в соответствии с выявленными особенностями ментальных репрезентаций понятий данной содер жательной области. В дальнейшем представленные в диагностическом комплексе познавательные процедуры найдут применение в процессе формирования социальных компетенций и базовых учебных действий УО подростков в социальном познании.

Библиографический список

1. Примерная адаптированная основная общеобразовательная программа образования обучающихся с умственной отсталостью (интеллектуальными нарушениями) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://fgos-ovz.herzen.spb.ru/wp-content/uploads/2015/10/1-и-2-варианты-АОП-УО>.
2. Стебляк, Е. А. Моделирование проблемных ситуаций в социально-психологическом обучении лиц с интеллектуальной недостаточностью / Е. А. Стебляк // Омские социально-гуманитарные чтения: материалы Международной научно-практической конференции, 24–26 марта 2015 г., г. Омск. – Омск : ОМГТУ, 2015. – С. 326–333.
3. Стебляк, Е. А. Формирование социальных представлений лиц с интеллектуальной недостаточностью : учеб. пособ. в 3 ч. Ч. 1 / Е. А. Стебляк. – Омск : Полиграф. Центр «Татьяна», 2015. – 202 с.
4. Холодная, М. А. Психология понятийного мышления : От концептуальных структур к понятийным способностям / М. А. Холодная. – М. : Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. – 288 с.
5. Гончарова, Е. Л. Внутренний мир человека как предмет изучения в специальной школе: опыт проектирования нового содержания обучения / Е. Л. Гончарова, О. И. Кукушкина // Дефектология. – 1998. – № 3. – С. 3–13.
6. Стебляк, Е. А. Об опыте апробации «Уроков жизнетворчества» в СКОШ-интернате VIII вида / Е. А. Стебляк // Гуманитарное знание. Серия «Преемственность» : сб. науч. тр. Ежегодник. Вып. 13. – Омск : Изд-во ОмГПУ, 2012. – С. 89–91.
7. Леонтьев, Д. А. Психология смысла. Природа, структура и динамика смысловой реальности / Д. А. Леонтьев. – М. : Смысл, 1999. – 487 с.
8. Тюрин, П. Т. Поведенческие альтернативы в условиях нормативных и ситуативных требований (ПАУНСТ) / П. Т. Тюрин. – М. : Московский психолого-социальный институт, 2010. – 264 с.
9. Храпенко, И. Б. Психологические основы формирования у школьников социальных представлений : дис. ... канд. психол. наук / И. Б. Храпенко. – М., 2005. – 184 с.
10. Заиграева, Н. В. Взросłość в понимании умственно отсталых подростков / Н. В. Заиграева, Ю. Л. Волкова // Дефектология. – 2015. – № 5. – С. 50–58.
11. Грибакин, А. В. Жизненный путь как социально-историческое утверждение человека / А. В. Грибакин. – Иркутск : Изд-во Иркутск. ун-та, 1985. – 200 с.
12. Петренко, В. Ф. Многомерное сознание: психосемантическая парадигма / В. Ф. Петренко. – М. : Эксмо, 2013. – 448 с.
13. Стебляк, Е. А. Специфика оперирования семантикой умственно отсталых лиц / Е. А. Стебляк // Современные исследования социальных проблем. – 2015. – № 7. – С. 450–468.
14. Серкин, В. П. Методы психологии субъективной семантики / В. П. Серкин. – М. : ПЧЕЛА, 2008. – 380 с.
15. Головаха, Е. И. Психологическое время личности / Е. И. Головаха, А. А. Кроник. – Киев : Наукова думка, 1984. – 208 с.
16. Кроник, А. Каузометрия. Методы самопознания, психоdiagностики и психотерапии в психологии жизненного пути / А. Кроник, Р. Ахмеров. – М. : Смысл, 2008. – 284 с.

E. A. Stebliak, Omsk Academy of the Humanities, Omsk State Pedagogical University

PSYCHO-PEDAGOGICAL CONDITIONS OF FORMATION SOCIAL COMPETENCE OF MENTALLY RETARDED STUDYING

The article considers methodical equipment of formation of social competence, cognitive actions of social cognition of mentally retarded studying. Discusses the psychological and pedagogical research and the formation of socio-temporal representations of mentally retarded adolescents.

Keywords: mental retardation, social competence, socio-temporal representations, cognitive actions, semantic differential.

References

1. Approximate adapted mainstream education program studying with mental retardation (intellectual disabilities). <http://fgos-ovz.herzen.spb.ru/wp-content/uploads/2015/10/1-и-2-варианты-АООП-УО> (accessed Marth, 7, 2016).
2. Steblyak E. A. The modeling of problem situations in social-psychological training of persons with intellectual disabilities. *Sotsial'no-gumanitarnye chteniya*. Omsk, 2015, pp. 326–333.
3. Steblyak E. A. *Formirovanie sotsial'nykh predstavleniy lits s intellektual'noy nedostatochnost'yu* [Formation of social representations of people with intellectual disabilities]. Omsk, 2015, 202 p.
4. Kholodnaya M. A. *Psikhologiya ponyatiynogo myshleniya : Ot kontseptual'nykh struktur k ponyatiynym sposobnostyam* [Psychology of conceptual thinking: From conceptual frameworks for conceptual abilities]. Moscow, 2012, p. 288 c.
5. Goncharova E. L., Kukushkina O. I. The inner world of man as a subject of study in a special school. *Defektologiya*, 1998, no. 3, pp. 3–13.
6. Steblyak E. A. On the experience of testing «Life lessons creativity» in the boarding school type VIII. *Gumanitarnoe znanie. Seriya «Preemstvennost'»*. Omsk, 2012, vol. 13, pp. 89–91.
7. Leont'ev D. A. *Psikhologiya smysla. Priroda, struktura i dinamika smyslovoj real'nosti* [Psychology of meaning. Nature, structure and dynamics of the semantic of reality]. Moscow, 1999, 487 p.
8. Tyurin P. T. *Povedencheskie al'ternativy v usloviyakh normativnykh i situativnykh trebovaniy (PAUNST)* [Behavioral alternatives in conditions of regulatory requirements and situational (PAUNST)]. Moscow, 2010, 264 p.
9. Khrapenko I. B. *Psikhologicheskie osnovy formirovaniya u shkol'nikov sotsial'nykh predstavleniy* Dis. kand. psikhol. nauk [Psychological bases of formation at schoolboys of social representations]. Moscow, 2005, 184 p.
10. Zaigraeva N. V., Volkova Yu. L. Adulthood in the understanding of the mentally retarded teenagers. *Defektologiya*, 2015, no. 5, pp. 50–58.
11. Gribakin A. V. *Zhiznennyj put' kak sotsial'no-istoricheskoe utverzhdenie cheloveka* [The life as a socio-historical human approval]. Irkutsk, 1985, 200 p.
12. Petrenko V. F. *Mnogomernoe soznanie: psikhosemanticheskaya paradigm* [Multidimensional consciousness: Psychosemantic paradigm]. Moscow, 2013, 448 p.
13. Steblyak E.A. Specifics operating semantics mentally retarded persons. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem*, 2015, no. 7, pp. 450–468.
14. Serkin V. P. *Metody psikhologii sub"ekтивnoy semantiki* [Methods of psychology subjective semantics]. Moscow, 2008, 380 p.
15. Golovakha E. I., Kronik A. A. *Psikhologicheskoe vremya lichnosti* [Psychological time of personality]. Kiev, 1984, 208 p.
16. Kronik, A. A. Kauzometriya. *Metody samopoznaniya, psikhodiagnostiki i psikhoterapii v psikhologii zhiznennogo puti* [Kauzometriya. Methods of self-knowledge, psycho-diagnoses and therapy in the psychology way of life]. Moscow, 2008, 284 p.

© Е. А. Стебляк, 2016

Автор статьи – Елена Анатольевна Стебляк, кандидат педагогических наук, доцент, Омская гуманитарная академия, Омский государственный педагогический университет, e-mail: steblyak@list.ru

Рецензенты:

Л. Н. Антилогова, доктор психологических наук, профессор, Омский государственный педагогический университет.

Л. Е. Томме, кандидат педагогических наук, доцент, Омский государственный педагогический университет.

Д. И. Ткаченко,
Омская гуманитарная академия

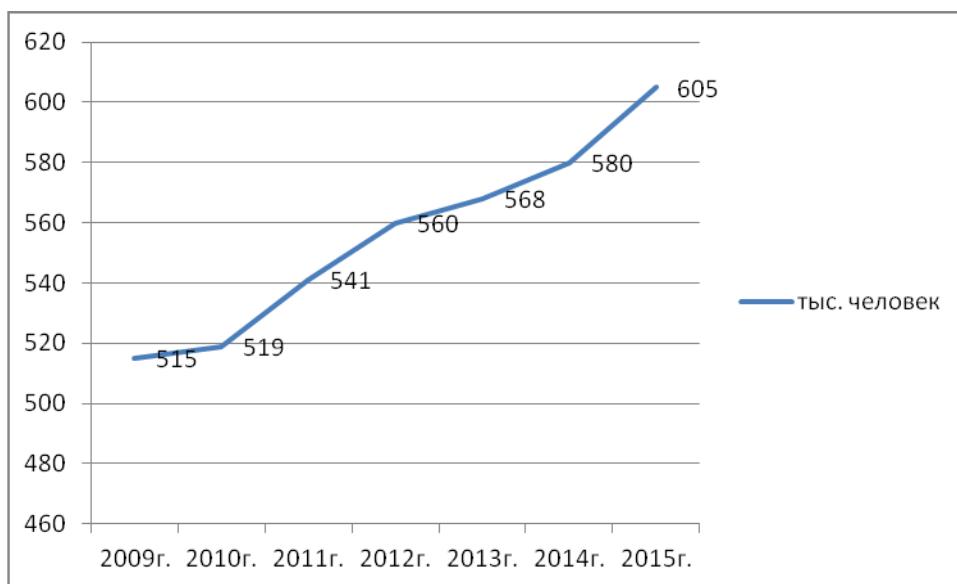
АНАЛИЗ ФЕДЕРАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СТАНДАРТОВ ПО ПЕДАГОГИЧЕСКИМ НАПРАВЛЕНИЯМ ПОДГОТОВКИ НА СООТВЕТСТВИЕ СОВРЕМЕННЫМ ТРЕБОВАНИЯМ В УСЛОВИЯХ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В статье обосновывается актуальность использования и развитие инклюзивных технологий при работе с детьми с ограниченными возможностями здоровья в системе современного образования. Представлен системный анализ федеральных государственных образовательных стандартов по направлениям подготовки 050100.62 «Педагогическое образование», 050700.62 «Специальное (дефектологическое) образование», 050400.62 «Психолого-педагогическое образование» на соответствие современным требованиям к работе с детьми с ограниченными возможностями здоровья и их родителями в условиях инклюзивного образования. А также сформулирована примерная компетенция у будущих педагогов для формирования знаний, умений и навыков, необходимых в работе с родителями и детьми с ограниченными возможностями.

Ключевые слова: модернизация образования, образовательные стандарты, профессиональный стандарт, компетенция, дети с ограниченными возможностями здоровья, инклюзивное образование.

В условиях модернизации высшего образования происходит корректировка, усовершенствование федеральных государственных образовательных стандартов (ФГОС). Одной из причин модернизации системы высшего образования, а также перехода от стандартов первого поколения к стандартам третьего поколения является необходимость формирования профессиональных знаний, умений, навыков (ЗУН) выпускника вуза, соответствующих современным требованиям рынка труда. Применительно к выпускникам бакалаврам-педагогам – это необходимость сформировать ЗУН, которые будут соответствовать современным требованиям работы в школе.

Одним из требований современного образования является формирование ЗУН, необходимых в работе с детьми с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) в условиях инклюзивного образования. За последние семь лет количество детей с ОВЗ увеличилось, о чём свидетельствуют данные статистики (рис.). Такая тенденция говорит о необходимости профессиональной подготовки будущих педагогов к работе в условиях инклюзивного образования [7].

Общая численность детей с ограниченными возможностями здоровья

Однако работа педагога не сводится только к обучающей деятельности, также присутствует и воспитательный аспект, причём не только детей, но и их родителей. Необходимы определённые ЗУН, которыми педагог мог бы поделиться при работе с родителями, воспитывающими детей с ОВЗ.

С целью выявления соответствия стандартов по педагогическому образованию требованиям по подготовке будущих бакалавров-педагогов к работе с детьми с ОВЗ и их родителями в условиях инклюзивного образования был проведён системный анализ. Проанализированы пункты 4.1. «Область профессиональной деятельности», 4.2. «Объекты профессиональной деятельности», 4.4. «Решение профессиональных задач в соответствии с видами профессиональной деятельности», 5. «Требования к результатам освоения основных образовательных программ бакалавриата» ФГОС высшего профессионального образования по направлениям подготовки 050100.62 «Педагогическое образование», 050700.62 «Специальное (дефектологическое) образование», 050400.62 «Психолого-педагогическое образование». Были выявлены следующие несоответствия.

Анализируя пункт 4.1. «Область профессиональной деятельности» в трёх стандартах на наличие инклюзивных технологий, выявлено отсутствие инклюзивной составляющей в области профессиональной деятельности в направлении подготовки 050100.62 «Педагогическое образование». Наличие инклюзивной составляющей присутствует в стандартах по направлению подготовки 050700.62 «Специальное (дефектологическое) образование»: «образование лиц (детей, подростков и взрослых) с ограниченными возможностями здоровья на базе учреждений образования», а также 050400.62 «Психолого-педагогическое образование»: «образование (общее, коррекционное, инклюзивное)» [3; 4; 5].

Анализируя пункт 4.2. «Объекты профессиональной деятельности» на наличие направленности на взаимодействие с детьми с ОВЗ и их родителями, мы выявили, что конкретная направленность на взаимодействие с родителями и детьми с ОВЗ присутствует в образовательном стандарте по направлению «Психолого-педагогическое образование»: «психолого-педагогическое и социальное сопровождение обучающихся, педагогов и родителей в образовательных учреждениях различного типа и вида». В образовательных стандартах по направлениям «Педагогическое образование» и «Специальное (дефектологическое) образование» перечисляются объекты профессиональной деятельности без конкретной направленности на работу с детьми с ОВЗ и их родителями [3; 4; 5].

Анализируя пункт 4.4. «Решение профессиональных задач в соответствии с видами профессиональной деятельности» на решение задач в области инклюзивного образования, выявили, что в обязанности будущего педагога, обучающегося по направлению 050100.62 «Педагогическое образование», не входит решение задач в области инклюзивного образования. Решение подобных задач присутствует в образовательном стандарте направления подготовки 050400.62 «Психолого-педагогическое образование»:

- работа с педагогами с целью организации эффективного учебного взаимодействия детей и их общения в образовательных учреждениях и в семье;
- работа с педагогами и родителями с целью организации эффективных учебных взаимодействий детей с ОВЗ и их общения в образовательных учреждениях и в семье;
- создание благоприятной и психологически комфортной социальной среды с привлечением родителей и членов семьи здоровых детей и детей с ОВЗ [4].

Педагог-психолог в данном случае является связующим звеном между педагогом, с одной стороны, и ребёнком и родителями – с другой. При выпадении педагога-психолога из данной цепи взаимосвязь может разрушиться.

Также ориентация на подготовку обучающихся к решению профессиональных задач при работе с детьми с ОВЗ и их родителями присутствует в образовательном стандарте направления 050700.62 «Специальное (дефектологическое) образование»:

- консультирование лиц с ограниченными возможностями здоровья, членов их семей и педагогов по проблемам образования, развития и профессионального самоопределения на основе комплексного подхода к реабилитационному процессу;
- оказание консультативной помощи членам семей лиц с ОВЗ по вопросам семейного воспитания [5].

Также, изучив перечень ОК, ОПК, ПК в пункте 5. «Требования к результатам освоения основных образовательных программ бакалавриата» ФГОС ВПО направления подготовки 050100.62 «Педагогическое образование», мы выявили отсутствие компетенций, направленных на формирование необходимых ЗУН в работе с детьми с ОВЗ и их родителями в условиях инклюзивного образования.

Однако подобные компетенции присутствовали в образовательных стандартах по направлениям 050700.62 «Специальное (дефектологическое) образование»:

- готовность к оказанию консультативной помощи лицам с ОВЗ, их родственникам и педагогам по проблемам обучения, развития, семейного воспитания, жизненного и профессионального самоопределения (ПК-8) [5].

А также 050400.62 «Психолого-педагогическое образование»:

- способность контролировать стабильность своего эмоционального состояния во взаимодействии с детьми, имеющими ОВЗ, и их родителями (ПКСПП-4);
- способность осуществлять психологическое просвещение педагогов и родителей по вопросам особенностей психического развития детей с разными типами нарушенного развития (ПКСПП-5) [4].

Полученные результаты можно представить в виде таблицы.

Соответствие образовательных стандартов педагогического направления требованиям по подготовке к работе с детьми с ОВЗ и их родителями в условиях инклюзивного образования

Номер пункта образовательного стандарта	Содержание сравнительной составляющей	Психолого-педагогическое образование	Педагогическое образование	Специальное (дефектологическое) образование
4.1.	Область профессиональной деятельности, содержащая инклюзивный аспект	+	-	+
4.2.	Направленность на взаимодействие с детьми с ОВЗ и их родителями	+	-	-
4.4.	Решение задач в области инклюзивного образования	+	-	+
5.	Наличие компетенций, направленных на формирование ЗУН, необходимых в работе с детьми с ОВЗ и их родителями	+	-	+

Подводя итог, можно сказать, что ФГОС ВПО по направлению «Педагогическое образование» не отвечает современным требованиям при подготовке будущих бакалавров-педагогов к работе как с детьми с ОВЗ, так и с родителями детей в условиях инклюзивного образования.

Также о необходимости подготовленности педагога к работе с детьми с ОВЗ и их родителями в образовательной среде говорится в профессиональном стандарте педагога. В нём упоминаются следующие положения о том, что должен уметь педагог:

1. Использовать специальные подходы к обучению для того, чтобы включить в образовательный процесс всех учеников: со специальными потребностями в образовании; одарённых учеников; учеников, для которых русский язык не является родным; учеников с ограниченными возможностями и т. д.
2. Поддерживать конструктивные воспитательные усилия родителей (лиц, их заменяющих) учащихся, привлекать семью к решению вопросов воспитания ребёнка.
3. Принимать разных детей, вне зависимости от их реальных учебных возможностей, особенностей в поведении, состояния их психического и физического здоровья [6].

Одним из решений данной проблемы, на наш взгляд, является добавление в образовательный стандарт профессиональной компетенции, способствующей формированию необходимых ЗУН у будущих педагогов. Опираясь на основные составляющие структуры компетентности, а именно: непрерывное получение новых знаний в определённой области, способность выбирать определённые ЗУН в зависимости от определённых условий или сложившейся социальной ситуации, наличие нестандартного мышления, способность к мобилизации ЗУН в нестандартных ситуациях – сформулируем примерное содержание интересующей нас компетенции следующим образом: *готовность применять необходимые знания и методы при решении различных задач в работе с детьми с ОВЗ и их родителями, опираясь на отечественные и зарубежные научные труды по инклюзивному образованию*.

Уровневое содержание данной компетенции мы представим следующим образом:

1. Теоретический уровень:

- Знание трудов авторитетных отечественных и зарубежных учёных, занимающихся изучением проблем обучения детей с ОВЗ в условиях инклюзивного образования.

- Знание психолого-педагогических особенностей различных категорий детей с ОВЗ.

- Знание особенностей взаимодействия с родителями, воспитывающими детей с ОВЗ.

2. Базовый практический уровень:

- Умение решать стандартные задачи в условиях инклюзивного образования, опираясь на труды авторитетных отечественных и зарубежных учёных, занимающихся данной проблемой.

- Умение решать типовые проблемы детей с ОВЗ, влияющие на их личность, с учётом психолого-педагогических особенностей детей данной категории.

- Умение применять традиционные формы взаимодействия с родителями, воспитывающими детей с ОВЗ.

3. Продвинутый практический уровень:

- Навык решения нестандартных задач в условиях инклюзивного образования, с учётом трудов авторитетных отечественных и зарубежных учёных, занимающихся данной проблемой.

- Навык поиска путей решения неординарных проблем детей с ОВЗ, влияющих на их личность, с учётом психолого-педагогических особенностей детей данной категории.

- Навык использования традиционных и нетрадиционных форм взаимодействия с родителями, воспитывающими детей с ОВЗ.

Наличие предложенной компетенции в ФГОС направления подготовки «Педагогическое образование», по нашему мнению, необходимо для формирования у будущего бакалавра-педагога способности решать профессиональные задачи в условиях инклюзивного образования.

Проведённый анализ образовательных стандартов показал, что ФГОС ВПО направления «Педагогическое образование» не соответствует современным требованиям подготовки будущих педагогов. В данном стандарте отсутствует инклюзивная составляющая, способствующая формированию у будущих педагогов необходимых ЗУН при работе с детьми с ОВЗ и их родителями. Сформулированная компетенция показывает, в каком направлении необходимо модернизировать образовательные стандарты по подготовке педагогов. Исследования в этом направлении могут быть продолжены. К примеру, важно не только сформулировать содержание примерной компетенции, которая формировалась бы необходимые ЗУН для дальнейшей работы с детьми с ОВЗ и их родителями, но и изучить и составить примерное содержание учебной дисциплины, включающей необходимые ЗУН, которые пригодятся будущим педагогам в работе с детьми с ОВЗ и их родителями. Эту дисциплину можно было бы включить в учебные планы кафедр, обучающих педагогов, а также в отделения преподготовки и повышения квалификации, которые помогут педагогам-практикам получать необходимые ЗУН для соответствия современным профессиональным требованиям.

Библиографический список

1. Рягин, С. Н. Модернизация педагогического образования в России: проблемный анализ практики первого года реализации / С. Н. Рягин // Управление образованием: теория и практика – 2015. – № 2. – С. 5–12.
2. Смирнов, И. Н. Инклюзивное образование в современном обществе / И. Н. Смирнов, С. Н. Рягин // Наука и общество в современных условиях. – 2015. – № 1 (3). – С. 27–29.
3. Федеральный государственный стандарт высшего профессионального образования. Направление подготовки 050100 Педагогическое образование (квалификация (степень) «бакалавр»). – М., 2009.
4. Федеральный государственный стандарт высшего профессионального образования. Направление подготовки 050400 Психолого-педагогическое образование (квалификация (степень) «бакалавр»). – М., 2010.
5. Федеральный государственный стандарт высшего профессионального образования. Направление подготовки 050700 Специальное (дефектологическое) образование (квалификация (степень) «бакалавр»). – М., 2010.
6. Профессиональный стандарт педагога. [Электронный ресурс] // URL: <http://xn--80abuscjibhv9a.xn--p1ai%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D1%83%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%8B/3071/> (дата обращения: 05.03.2016).
7. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс] // URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat_ru/statistics/population/disabilities/# (дата обращения: 03.03.2016).

D. I. Tkachenko, Omsk humanitarian Academy

THE ANALYSIS OF THE FEDERAL STATE EDUCATIONAL STANDARDS OF TRAINING FOR COMPLIANCE WITH MODERN REQUIREMENTS IN THE CONDITIONS OF INCLUSIVE EDUCATION

The article substantiates the relevance of the use and development of inclusive technology when working with children with disabilities in the system of modern education. The article provides a systematic analysis of the federal state educational standards in areas of training 050100.62 «Teacher Education», 050700.62 «Special (defectological) education», 050400.62 «Psycho-pedagogical education» to meet modern requirements for work with children with disabilities and their parents in terms of inclusive education. And also formulated an exemplary competence for the formation of knowledge, abilities and skills of future teachers needed to work with parents and children with disabilities.

Keywords: modernization of education, educational standards, professional standards, competition, children with disabilities, inclusive education.

References

1. Riagin S. N. Modernization of pedagogical education in Russia: problem analysis of practices of the first year of implementation. *Upravlenie obrazovaniem : teoriia i praktika*. 2015, no. 2, pp. 5–12.
2. Smirnov I. N., Riagin S. N. Inclusive education in modern society. *Nauka i obshchestvo v sovremennoy kh usloviiakh*, 2015, no. 1 (3), pp. 27-29
3. *Federal'nyi` gosudarstvennyi` standart vysshego professional'nogo obrazovaniia. Napravlenie podgotovki 050100 Pedagogicheskoe obrazovanie (kvalifikaciia (stepen') «bakalavr»)*. [Federal state standard of higher professional education. The direction of training 050100 Pedagogical education (qualification (degree) "bachelor")]. Moscow, 2009.
4. *Federal'nyi` gosudarstvennyi` standart vysshego professional'nogo obrazovaniia. Napravlenie podgotovki 050400 Psihologo-pedagogicheskoe obrazovanie (kvalifikaciia (stepen') «bakalavr»)* [Federal state standard of higher professional education. The direction of preparation 050400 Psycho-pedagogical education (qualification (degree) "bachelor")]. Mosco, 2010.
5. *Federal'nyi` gosudarstvennyi` standart vysshego professional'nogo obrazovaniia. Napravlenie podgotovki 050700 Spetsial'noe (defektologicheskoe) obrazovanie (kvalifikaciia (stepen') «bakalavr»)* [Federal state standard of higher professional education. Field of study 050700 Special (defectological) education (qualification (degree) "bachelor")]. Moscow, 2010.
6. *Professional'nyi` standart pedagoga* [Professional standard of the teacher]. Available at <http://xn--80abucjiibhv9a.xn--p1ai/%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D1%83%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%8B/3071/>.
7. *Federal'naia sluzhba gosudarstvennoi` statistiki* [Federal state statistics service]. Available at http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/disabilities.

© Д. И. Ткаченко, 2016

Автор статьи – Дмитрий Игоревич Ткаченко, аспирант, Омская гуманитарная академия, e-mail: dmitrij.tc@yandex.ru

Рецензенты:

Ю. Ю. Раянова, кандидат педагогических наук, доцент, Сибирский государственный университет физической культуры и спорта, г. Омск.

М. В. Колесникова, кандидат педагогических наук, доцент, Омский государственный педагогический университет.

*А. П. Жигадло, Л. В. Зуева, Е. П. Сидоринко,
Сибирская автомобильно-дорожная академия, г. Омск*

ДИФФЕРЕНЦИРОВАННАЯ АВТОДРОМНАЯ ПОДГОТОВКА СЛУШАТЕЛЕЙ АВТОШКОЛ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ ВОДИТЕЛЬСКОГО МАСТЕРСТВА

Обсуждаются экспериментальные данные об уровне профессиональных водительских навыков на различных этапах автодромного обучения у девушек, проходящих подготовку в автомобильных школах. Показано, что уровень начальных умений оказывает влияние на качество дальнейшего формирования навыков. Определена необходимая продолжительность автодромной подготовки для дифференцированного обучения лиц с более низкими начальными навыками вождения.

Ключевые слова: дифференцированная автодромная подготовка водителей, профессиональные водительские навыки, уровень подготовленности к вождению.

Развитие любой отрасли хозяйства обеспечивается эксплуатацией автомобильного транспорта. Значительный рост парка машин и увеличение объема перевозок выступают факторами, усложняющими условия дорожного движения. Такая ситуация, в свою очередь, актуализирует важность формирования у водителей автотранспортных средств навыков безопасного вождения.

Недостаточный уровень профессиональных водительских навыков является причиной большого количества дорожно-транспортных происшествий (ДТП) [1, с. 35]. Этот вывод подтверждается результатами исследований, согласно которым причиной 70 % ДТП является человеческий фактор: низкий уровень подготовленности и отсутствие культуры вождения автомобиля [2, с. 117].

Деятельность водителя рассматривается в сложной системе, состоящей из взаимодействующих между собой элементов: «водитель – автомобиль – дорога – среда». При этом системообразующим звеном, поддерживающим равновесие всей системы, является элемент «водитель». От него зависят эффективное использование транспортных средств и безопасность движения [3, с. 69].

Современному водителю необходимо в совершенстве владеть техникой оптимальных действий в различных дорожно-транспортных ситуациях. Разработка вариативного компонента профессионального обучения, направленного на овладение водителями такой техникой, позволит в значительной степени повысить качество их подготовки.

Успешность овладения профессией водителя во многом зависит от правильной, педагогически грамотной организации занятий по вождению автомобиля. Как отмечает С. А. Волков, очень часто мастера производственного обучения, пытаясь повысить эффективность учебного процесса, на первых же занятиях вывозят обучаемых на улицы с интенсивным движением, создавая тем самым стрессогенные условия в подготовке [4]. В действительности при таком режиме обучения не только не закрепляются профессиональные водительские навыки, их формирование замедляется. Это связано с несоответствием уровня подготовленности слушателей автошкол условиям дорожного движения, в которых осуществляется подготовка.

Развитие навыков вождения имеет постепенно-последовательную структуру [5, с. 85]. На первом этапе происходит создание мысленного образа, представления о действиях, которые необходимо освоить. После этого осуществляется начальное разучивание техники управления автомобилем. Этот этап характеризуется значительным количеством ошибок, которые допускает обучающийся, и несогласованностью его действий по управлению автомобилем. В дальнейшем, по мере увеличения количества попыток управления автомобилем наступает третий этап формирования профессиональных навыков вождения – формирование динамического стереотипа. Действия приобретают слаженную координационную структуру, но, как и на предыдущем этапе, выполняются под полным контролем. В этот период навыки управления автомобилем крайне неустойчивы и под влиянием усложненных дорожных условий меняют свою структуру и эффективность. На протяжении четвертого этапа происходит закрепление навыков управления автомобилем, действия выполняются без прямого контроля внимания. Пятый этап является завершающим в обучении управлению автомобилем и отличается развитием у водителя способностей к вариативности выполняемых действий (рис. 1).

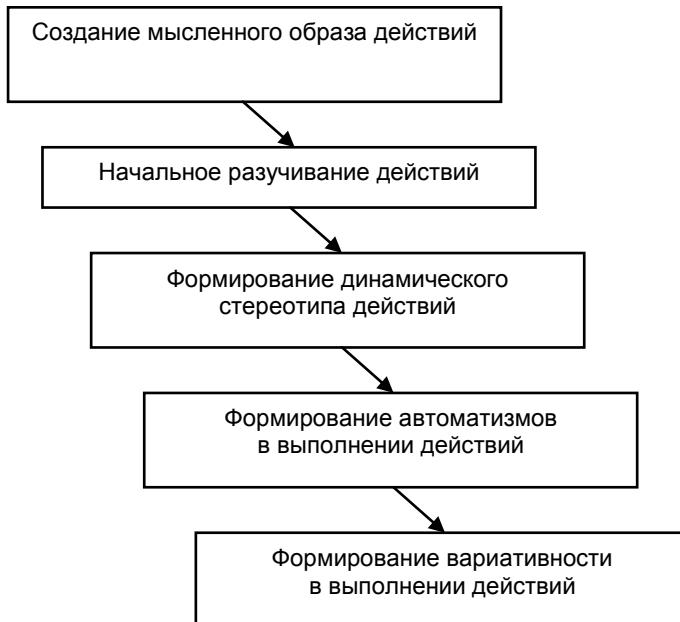

Рис. 1. Стадии формирования профессиональных водительских навыков [4]

При этом эффективность обучения обусловлена не только используемыми дидактическими методами и средствами, но и индивидуально-психологическими особенностями водителей. Имеется достаточное количество исследований, показывающих, что динамика их подготовки связана с типологическими особенностями проявления свойств нервной системы [6, с. 454–465; 7, с. 137–142], психодинамическими свойствами темперамента [8, с. 115–121; 9, с. 76–81], уровнем тревожности обучаемых [10, с. 301–310; 11, с. 153–156].

Структура профессионального обучения водителей определяется приказом Министерства образования и науки № 1408 от 26.12.2013 г. [12]. Этим документом предусмотрена модульная система подготовки. Но, как показывает практика, при реализации общих подходов к организации и осуществлению подготовки важно учитывать существенные различия способностей к управлению автотранспортными средствами у слушателей автошкол.

Целью нашего исследования было определение уровня навыков вождения у девушек в условиях автодромной подготовки и прогноз необходимой продолжительности дифференцированного обучения лиц, имеющих отставание в формировании профессиональных водительских навыков.

В проведении исследования мы опирались на понимание структуры вождения автомобиля как комплекса взаимодействующих между собой психических и двигательных актов, имеющих определённую последовательность. Получаемая водителем посредством органов чувств информация об условиях и режимах движения особым образом интерпретируется, после чего им на основании предшествующего опыта и планируемой программы действий строится план управления автомобилем.

Для формирования навыков безопасного вождения автомобилем необходимо решить ряд задач:

- обучить эффективному рулению;
- сформировать достаточный уровень скоординированности действий, направленных на управление автомобилем;
- изучить особенности управления автомобилем в стандартных и нестандартных дорожных условиях [1, с. 89].

Для определения уровня подготовленности водителя фиксируют время выполнения специальных тестовых упражнений, моделирующих те или иные дорожные ситуации. При этом подразумевается, что испытуемые полностью владеют профессиональными приёмами управления автомобилем.

В. Н. Зудиным представлены навыки водителя, обеспечивающие его профессиональную безопасность:

- навык координации движений рук и ног при различных режимах движения автомобиля (прямолинейное движение, режим разгона и торможения, маневрирование, в экстремальных условиях и др.);
- навык сохранения устойчивости автомобиля в условиях повышенной опасности;

– навык выполнения последовательных действий при осуществлении различных по сложности манёвров;

– возможность коррекции действий в соответствии с условиями движения автомобиля;

– способность к построению оптимальных траекторий движения;

– навыки преодоления препятствий и неровностей;

– умение совмещать различные стили вождения в зависимости от дорожных условий;

– навык оценки действий других водителей и координации совместных действий с ними [13, с. 13].

Автором отмечено, что наиболее остро проблема подготовленности к управлению автомобилем в более сложных условиях дорожного движения стоит перед выпускниками автошкол, не прошедшими дополнительного обучения.

Процесс управления автомобилем охватывает три стороны [1, с. 94].

Во-первых, это определение расположения автомобиля в среде движения, оценка расстояния между автомобилем и окружающими транспортное средство объектами. Эта способность в большей степени обеспечивается особенностями зрительного анализатора человека. В частности, бинокулярное зрение позволяет водителю чувствовать габариты автомобиля.

Во-вторых, для поддержания равновесия системы ВАДС необходимо определение и дифференцирование изменений положения автомобиля в среде и характеристик его движения. Чтобы обеспечить эту возможность, водитель выбирает наиболее оптимальные траектории движения автомобиля как передним, так и задним ходом.

Третья особенность процесса управления автомобилем в большей степени определяется двигательной активностью водителя. Осуществляются как манипуляции отдельными органами управления, так и построение сложных программ последовательно выполняемых действий по управлению автомобилем, различающихся своим содержанием и варьирующихся по продолжительности.

Рассмотренные выше составляющие профессионального мастерства водителей позволяют объективно оценить уровень их подготовленности к управлению автомобилем в транспортных потоках и ситуациях повышенной сложности. Те, кто имеет определённый опыт управления автомобилем, не испытывают значительных затруднений в выполнении тестовых заданий. В то же время оценка уровня подготовленности лиц, делающих первые шаги в профессию, весьма затруднительна.

Для устранения этого недостатка нами использовался метод экспертных оценок развития основных профессиональных навыков вождения автомобиля [14, с. 110–115], уровень которых определяется в баллах. Интегральный показатель общей подготовленности выражен суммой баллов, полученных каждым испытуемым в ходе тестирования по каждому навыку.

Тестируемые навыки группируются по признакам, отражающим особенности управления автомобилем. Первая группа (двигательные навыки) включает действия, в большей степени связанные с проявлением двигательной активности в управлении автомобилем. К ним относятся устойчивость двигательного навыка начала движения (УДН) и общая скоординированность управляющих автомобилем действий (СД). Во вторую группу входят сенсорно-оценочные навыки, позволяющие определять пространственные взаимоотношения. Это чувство переднего (ПГ) и боковых (БГ) габаритов автомобиля. В третью группу включены навыки, связанные с оценкой изменений положения автомобиля в среде движения (сенсорно-ориентировочные). В первую очередь это навык оценки зрительно-моторных ориентиров движения (ЗМО) и во вторую – навык определения ориентиров движения задним ходом (ДЗХ), который включает в себя чувство заднего габарита автомобиля.

В эксперименте приняли участие девушки-курсантки автошколы ($n = 44$). Начальный уровень подготовленности обучаемых был определён путём констатирующего тестирования, которое проводилось после прохождения подготовки на автотренажёре и ознакомительного занятия на автомобиле. Автодромная подготовка осуществлялась на протяжении 17-ти часов и завершалась этапным тестированием. Для оценки уровня сформированности навыков вождения нами использовались специальные упражнения, которые в обучении испытуемых не применяются, но состоят из элементов маневрирования, имеющихся в учебных заданиях.

На протяжении эксперимента обучение было направлено на развитие профессиональных навыков управления автомобилем, занятия носили комплексный, закрепляющий характер. Для повышения эффективности обучения и более рационального распределения учебного времени использовался кольцевой маршрут на учебной площадке. Подготовительная часть каждого урока была направлена на закрепление навыка скоростного руления и действий органами управления. Для этого обучаемыми выполнялся обезд препятствий, связанный с изменением скоростного режима и

направления движения автомобиля. В основной части каждого занятия выполнялись упражнения, направленные на развитие и закрепление профессиональных водительских навыков. Время выполнения отдельных заданий и их комплексов было ограничено. Использование этого методического приёма способствовало развитию у обучаемых самостоятельности в принятии и реализации решений. Во время заключительной части занятий выполнялось тестирование навыков, поводились беседы с обучаемыми о допущенных ошибках и способах их устранения.

Данные, полученные на констатирующем тестировании, показывают, что девушки с более высокой начальной подготовленностью имеют достоверное преимущество в уровне сформированности всех профессиональных навыков по сравнению с менее подготовленными девушками-водителями. Наибольшие различия проявляются в уровне навыка оценки зрительно-моторных ориентиров движения (47 баллов у более подготовленных и 39 баллов у тех, кто имеет более низкую начальную подготовленность; при $p < 0,01$) и навыка чувства боковых габаритов автомобиля (соответственно 51 и 47 баллов; при $p < 0,01$) (таблица).

Уровень профессиональных водительских навыков у девушек с разной начальной подготовленностью, на различных этапах обучения

Период подготовки	Уровень начальной подготовленности	n	Навыки, баллы						Σ баллы
			УДН	СД	ПГ	ЗМО	БГ	ДЗХ	
Констатирующее тестирование	Более высокий	10	61 $\pm 0,86$	55 $\pm 0,64$	19 $\pm 0,81$	47 $\pm 0,90$	51 $\pm 0,69$	14 $\pm 0,38$	247 $\pm 0,75$
	Более низкий	14	59 $\pm 0,77$	52 $\pm 0,68$	15 $\pm 0,70$	39 $\pm 1,24$	47 $\pm 1,04$	13 $\pm 0,37$	226 $\pm 1,06$
P			< 0,05	< 0,01	< 0,01	< 0,01	< 0,01	< 0,05	< 0,01
Этапное тестирование	Более высокий	10	83 $\pm 0,47$	82 $\pm 1,05$	68 $\pm 3,06$	82 $\pm 1,17$	82 $\pm 0,88$	74 $\pm 1,68$	470 $\pm 4,56$
	Более низкий	14	81 $\pm 1,22$	1 $\pm 0,67$	61 $\pm 3,00$	76 $\pm 1,74$	79 $\pm 1,52$	8 $\pm 3,69$	446 $\pm 8,28$
P			> 0,05	> 0,05	> 0,05	< 0,01	> 0,05	> 0,05	< 0,05

Интегральный показатель подготовленности девушек с более высоким уровнем навыков вождения составляет 247 баллов, а у тех, кто имеет более низкую начальную подготовленность, – 226 баллов ($p < 0,01$).

После завершения автодромной подготовки были выявлены достоверные различия в навыке оценки зрительно-моторных ориентиров движения. У более подготовленных девушек его средний уровень достигает 82 баллов, а у менее подготовленных – 76 баллов ($p < 0,01$). У первых респондентов интегральный показатель подготовленности составляет 470 баллов, а у вторых – 446 баллов ($p < 0,05$).

Анализ полученных экспериментальных данных позволяет определить необходимую продолжительность обучения для лиц с отставанием в подготовленности. Это необходимо для выравнивания общего уровня профессиональных водительских навыков в учебной группе.

Нами определена зависимость величины интегрального показателя подготовленности обучающихся от количества учебных часов вождения автомобиля в условиях автодрома (рис. 2). Для упрощения расчётов принимаем, что изменение подготовленности обучаемых имеет прямолинейный характер.

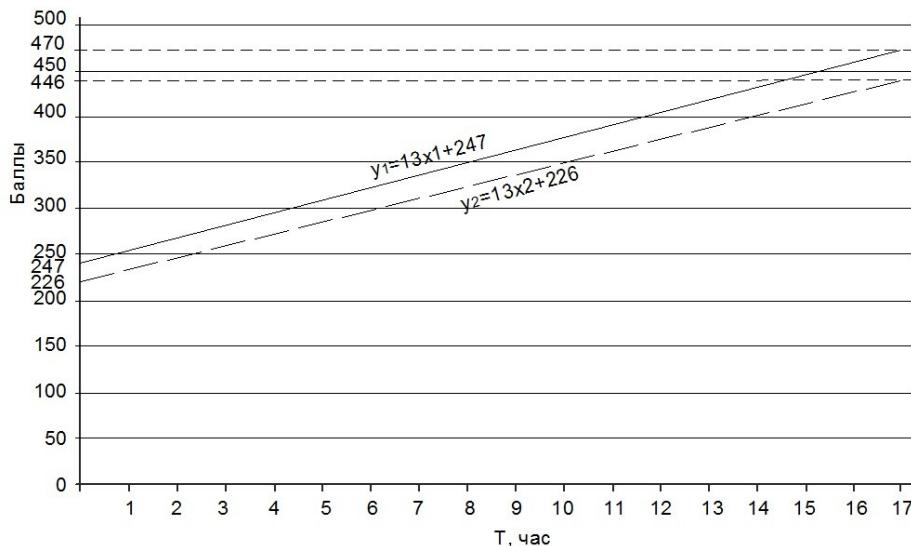

Рис. 2. Изменение величины интегрального уровня подготовленности девушек в зависимости от количества учебных часов автодромной подготовки: сплошная линия – результаты более подготовленных участников эксперимента; пунктируя линия – результаты девушек с более низким уровнем подготовленности

Тогда функция изменения навыков вождения у менее подготовленных девушек имеет вид:

$$y2 = 13 \times 2 + 226$$

Отсюда находим количество учебных часов (x), необходимое менее подготовленным девушкам, чтобы достичь уровня водительских навыков обучавшихся с более высокой подготовленностью:

$$x = \frac{y_1 - 226}{13},$$

где $y1$ – общий уровень профессиональных навыков более подготовленных девушек на этапном тестировании.

$$x = \frac{470 - 226}{13} = 19 \text{ часов.}$$

Таким образом, расчётное количество учебных часов для лиц с более низкими начальными навыками вождения составляет 19 часов.

Использование дифференцированного автодромного обучения позволит сформировать приблизительно одинаковый уровень основных профессиональных навыков вождения у всех участников эксперимента не зависимо от уровня их начальной подготовленности. Для повышения эффективности обучения «отстающих» девушек необходимо дополнительно применять методы, направленные не только на закрепление навыков вождения, но и позволяющие совершенствовать ранее изученные действия по управлению автомобилем.

Библиографический список

1. Цыганков, Э. С. Высшая школа водительского мастерства / Э. С. Цыганков. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : ИКЦ «Академкнига», 2007. – 400 с.
2. Романов, А. Н. Автотранспортная психология / А. Н. Романов. – М. : Академия, 2002. – 224 с.
3. Горбачев, М. Г. Энциклопедия безопасного вождения в экстремальных условиях / М. Г. Горбачев. – М. : РИПОЛ классик, 2007. – 704 с.
4. Волков, С. А. Совершенствование методов подготовки водителей в автошколах / С. А. Волков, Т. А. Авдеева [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://interlibrary.narod.ru/GenCat/GenCat.Scient.Dep/GenCatAuto/320000002/320000002.htm> (дата обращения к ресурсу: 15.01.2016).
5. Ильин, Е. П. Психомоторная организация человека / Е. П. Ильин. – СПб. : Питер, 2003. – 384 с.

6. Бебинов, С. Е. Влияние типологических особенностей проявления свойств нервной системы курсантов автошкол на динамику обучаемости и формирование индивидуального стиля управления автомобилем / С. Е. Бебинов, В. А. Сальников // Сибирский педагогический журнал. – 2008. – № 10. – С. 454–465.
7. Гордеева, А. К. О некоторых проявлениях силы нервной системы в деятельности водителя автобуса / А. К. Гордеева, В. С. Клягин // Вопросы психологии. – 1977. – № 1. – С. 137–142.
8. Бебинов, С. Е. Взаимосвязь обучаемости управлению легковым автомобилем со свойствами темперамента / С. Е. Бебинов, В. А. Сальников // Казанский педагогический журнал. – 2008. – № 9 (63). – С. 115–121.
9. Бебинов, С. Е. Формирование индивидуальных водительских навыков у курсантов автошкол, различающихся свойствами темперамента / С. Е. Бебинов, В. А. Сальников // Казанский педагогический журнал. – 2008. – № 9 (63). – С. 76–81.
10. Бебинов, С. Е. Предрасположенность курсантов автошкол, отличающихся свойствами личности к управлению автомобилем / С. Е. Бебинов, В. А. Сальников // Сибирский педагогический журнал – 2011. – № 9. – С. 301–310.
11. Бебинов, С. Е. Формирование водительских навыков у юношей с различным уровнем экстраверсии, нейротизма и тревожности / С. Е. Бебинов, В. А. Сальников // Омский научный вестник. – 2011. – № 6 (102). – С. 153–156.
12. Об утверждении примерных программ профессионального обучения водителей транспортных средств соответствующих категорий и подкатегорий : приказ Министерства образования и науки РФ от 26.12.2013 г. № 1408 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.Consultant.ru/cons/cgi/online.Cgi?Req=doc;base=LAW;n=165639> (дата обращения к ресурсу: 12.01.2016).
13. Зудин, В. Н. Формирование навыков активной безопасности у спортсменов и водителей транспортных средств : автореф. дис. ... канд. пед. наук / В. Н. Зудин. – М., 2008. – 30 с.
14. Бебинов, С. Е. Стилевая направленность основных навыков управления автомобилем / С. Е. Бебинов, В. А. Сальников // Известия Волгоградского государственного педагогического университета, серия «Педагогические науки». – 2011. – № 1 (55) – С. 110–115.

*A. P. Zhigadlo, L. V. Zueva, E. P. Sidorinko,
Siberian state automobile and road academy, Omsk*

DIFFERENTIAL MOTODROME TRAINING OF DRIVING SCHOOLS' TRAINEES, AS A FACTOR OF INCREASING DRIVER'S SKILL

The article dwells on the experimental data on the level of professional driver's skills on various stages of motodrome training of girls, studying in driving schools. The authors show, that the level of elementary skills influence on the quality of further skills' formation. There is determined the appropriate duration of motodrome training for differential training of persons with low elementary skills of driving.

Keywords: differential driver training at the training site, professional driving skills, the level of preparedness for driving.

References

1. Tsygankov 'E. S. *Vysshaja shkola voditel'skogo masterstva* [The higher school of driver's skill]. Moscow, IKTs Akademkniga, 2007. 400 p.
2. Romanov A. N. *Avtotransportnaja psihologija* [Motor transportation psychology]. Moscow, Akademija, 2002. 224 p.
3. Gorbachev M. G. *'Entsiklopedija bezopasnogo vozhdenija v 'ekstremal'nyh uslovijah* [The encyclopedia of safe driving in extreme conditions]. Moscow, RIPOL klassik, 2007. 704 p.
4. Volkov S. A., Avdeeva T. A. *Sovershenstvovanie metodov podgotovki voditelej v avtoshkolah. Nazvanie s ekrana* [Improvement of methods of training of drivers in driving schools]. Available at:<http://interlibrary.narod.ru/GenCat/GenCat.Scient.Dep/GenCatAuto/320000002/320000002.htm> (assessed: 15.01.2016).
5. Il'in E. P. *Psihomotornaja organizatsija cheloveka* [Psychomotor organization of the person]. St. Petersburg, Piter, 2003. 384 p.
6. Bebinov S.E., Sal'nikov V. A. Influence of typological features of manifestation of properties of nervous system of cadets of driving schools on dynamics of learning ability and formation of individual management style by the car. *Sibirskij pedagogicheskij*, no 10, 2008, pp. 454–465.
7. Gordeeva A. K., Kljagin V. S. About some manifestations of force of nervous system in activity of the bus driver *Voprosy psichologii*, 1977, no 1, pp. 137–142.

8. Bebinov S. E., Sal'nikov V. A. Interrelation of learning ability to control of the car with properties of temperament. *Kazanskij pedagogicheskij zhurnal*, no 9 (63), 2008, pp. 115–121.
9. Bebinov S. E., Sal'nikov V. A. Formation of individual driver's skills at cadets of the driving schools differing with properties of temperament. *Kazanskij pedagogicheskij zhurnal*, 2008, no 9 (63), no 76–81.
10. Bebinov S. E. Sal'nikov V. A. Predisposition of students of the driving schools differing with properties of the personality to driving. *Sibirskij pedagogicheskij zhurnal*, Novosibirsk: OOO NemoPress, 2011, no 9, pp. 301–310.
11. Bebinov S.E., Sal'nikov V.A. Formation of driver's skills at young men with various level of an ekstraversiya, neyrotizm and uneasiness. *Omskij nauchnyj vestnik*, Omsk, 2011, no 6 (102), pp. 153–156.
12. *Ob utverzhdenii primernyh program professional'nogo obuchenija voditelej transportnyh sredstv sootvetstvujuschih kategorij i podkategorij* :priказ Ministerstva obrazovanija i nauki RF ot 26.12.2013 g. № 1408 [About the approval of approximate programs of a vocational education of drivers of vehicles of the corresponding categories and subcategories: the order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation from 12/26/2013 No. 1408]. Available at: <http://base.Konsultant.ru/cons/cgi/online.Cgi?Req=doc;base=LAW;n=165639>. (accessed: 12.01.2016).
13. Zudin V.N. *Formirovanie navykov aktivnoj bezopasnosti u sportsmenov i voditelej transportnyh sredstv*. avtoref. Dis. kand. ped. nauk [Formation of skills of active safety at athletes and drivers of vehicles. avtoref. Dis. kand. ped. sci.]. Moscow, 2008. 30 p.
14. Bebinov S.E., Sal'nikov V.A. Style orientation of the main skills of driving. *Izvestija Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, serija. Pedagogicheskie nauki*, Volgograd, 2011, no 1 (55) pp. 110–115.

© А. П. Жигадло, Л. В. Зуева, Е. П. Сидоринко, 2016

Авторы статьи:

Александр Петрович Жигадло, доктор педагогических наук, доцент, Сибирская государственная автомобильно-дорожная академия, г. Омск, e-mail: ap_zhigadlo@mail.ru

Лилиана Владимировна Зуева, аспирант, Сибирская государственная автомобильно-дорожная академия, г. Омск.

Елизавета Павловна Сидоринко, студентка, Сибирская государственная автомобильно-дорожная академия, г. Омск.

Рецензенты:

Ю. П. Дубенской, доктор педагогических наук, профессор, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского.

С. А. Маврин, доктор педагогических наук, профессор, Омский государственный педагогический университет.

РАЗДЕЛ 3 **ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ**

PART 3 **ECONOMIC SCIENCES**

УДК 330.163

DOI 10.17238/issn1998-5320.2016.24.159

Н. Е. Алексеев, О. В. Демиденко,
Омская гуманитарная академия,
Сибирская государственная автомобильно-дорожная академия, г. Омск

ИНСТИТУТЫ И МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПОТРЕБНОСТЕЙ В СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКЕ

Рассмотрены разнообразные институты и механизмы формирования экономических потребностей населения. Отмечается взаимовлияние социально-экономических институтов и экономических потребностей. Раскрыт механизм и процесс самоорганизации и саморазвития потребностей.
Ключевые слова: социально-экономические институты, механизм формирования потребностей, самоорганизация и саморазвитие.

Обострение политических разногласий на geopolитической карте мира, очередной экономический кризис, уход от массового серийного производства и распространение индивидуализации потребления, ориентация на импортозамещение в национальной экономике, необходимость социально-экономического прогресса вновь обострили дискуссии о неэффективности рыночного механизма и, как следствие, о выборе нового магистрального направления сосредоточения усилий.

Экономическое развитие России шло в основном по пути роста материального благосостояния и находилось на достаточно высоком уровне (по отчётным показателям) довольно продолжительное время, однако в обществе по-прежнему проявлялись различные негативные тенденции, препятствующие дальнейшему развитию. Реформы российской экономики, основанные на неолиберальной парадигме, вошли в открытую конфронтацию с потребностями развития общества. Более того, этому способствовала сама экономическая наука, на протяжении двух последних столетий концентрировавшая своё внимание на объяснении экономического развития в основном со стороны факторов производства, вопросы развития, связанные с особенностями поведения общества и отдельных индивидов, во внимание не брались. В советское время политэкономия ограничивалась в основном сферой материального производства и лишь к концу 1980-х гг. производство стало рассматриваться через призму необходимости воспроизводства общества и индивида. Экономическая наука постсоветской России, попав под жесточайшее влияние западного майнстрима (принцип методологического индивидуализма), отошла от экономических исследований категорий, учитывавших междисциплинарные факторы национально-экономического развития.

На наш взгляд, определяющим вектором экономической науки является её способность объяснять реальные экономические процессы, ядром которых являются потребности общества и индивида, рассматривая в качестве предмета своего анализа всю экономическую систему, все механизмы её функционирования. Экономическая наука теряет свой смысл и перестаёт быть нужной обществу, если оказывается неспособной выразить в теоретическом виде национальные потребности людей, а также показать конкретный механизм их реализации.

Эффективность национального хозяйственного механизма определяется реализацией встроенных в каждое экономическое отношение потребностей. Экономические потребности и институты, формирующие, развивающие и удовлетворяющие их, определяют основные характеристики поведения хозяйствующих субъектов и являются движущей силой социально-экономических преобразований.

Внимание в отечественной экономической науке к проблеме экономических потребностей заметно снизилось на начальном этапе реформ. В результате на сегодняшний день в отечественной экономической науке остро ощущается отсутствие современной теоретико-методологической концепции экономических потребностей как ядра стимулирующих и мотивационных механизмов формирования поведения субъектов экономических отношений. В этой связи наблюдается вполне правомерное возрождение интереса экономической науки к проблеме потребностей.

Особый интерес представляет эволюционно-институциональный аспект изучения проблемы потребностей. Помимо пересмотра положений и выводов экономического майнстраима о потребностях, закономерностях их формирования и развития, что само по себе ценно и необходимо, гетеродоксный подход позволяет совершенствовать и углублять методологию, обновлять общие подходы к оценке процесса формирования и развития потребностей и форм их реализации. Именно в исследованиях потребностей заключено понимание специфики человеческого поведения, структуры экономических отношений, сущности производства, модификации содержания стоимостных категорий, социально-экономического смысла благосостояния как цели развития.

Соответственно, одной из наиболее значимых проблем национальной экономики является необходимость формирования эффективных механизмов согласования и интеграции множества потребностей и интересов различных субъектов хозяйствования.

Формирование концепции экономических потребностей как методологической основы национальной экономики может служить основой для выбора их системы, наиболее удовлетворяющей конкретной ситуации, и позволит эффективно реализовывать модель хозяйствования, опирающуюся на базовые и элементные потребности субъектов экономических отношений.

Дilemma механизмов формирования потребностей заключается в том, что:

I. Потребности выступают как объект управления со стороны социально-экономических институтов.

II. Сами потребности являются определённым социально-экономическим институтом, обратному влиянию которого подвержены другие социально-экономические институты.

III. Механизм и процесс удовлетворения потребностей активирует внутренний потенциал саморазвития и самоорганизации потребностей.

Касательно первой позиции можно констатировать, что человеческая деятельность осуществляется в определённой экономической системе, которую можно трактовать как совокупность производительных сил и производственных отношений, системы институтов и механизмов взаимодействия хозяйствующих субъектов. На сегодняшний день в национальной экономике можно выделить множество формальных и неформальных социально-экономических институтов.

Основатель институционализма американский экономист и социолог Т. Веблен отвергал представление об «экономическом человеке», выступающем в качестве субъекта максимизации полезности. Его основная мысль состояла в том, что человеческую жизнь нельзя нормализовать статистическими или математическими моделями, экономический процесс динамичен, эволюционен, егодвигают вперёд развитие техники и конфликты между интересами различных классов и групп людей.

Несмотря на противоречивость концепций, составляющих это направление, характерными для него являются два основных момента: во-первых, в центр исследования ставятся технологические факторы; во-вторых, в экономическую науку включаются разработки целого комплекса других наук – социологии, психологии, права.

В основу своего анализа Т. Веблен положил психологическую трактовку экономических процессов. Методологической основой исследований Т. Веблена является неэкономическая трактовка экономических явлений. Т. Веблен поставил в центр исследований не «рационального», а «живого»

человека и пытался определить, чем диктуется его поведение на рынке. Он доказал, что в экономике потребители подвергаются всевозможным видам общественного и психологического давления, вынуждающим их принимать неразумные решения, что отразится на потребительском поведении и структуре их потребления.

Т. Веблен считал, что основой социальной жизни любого общества является материальное производство, ограниченное технологией. Он полагал, что чувства, традиции и взгляды людей отличаются от изменений в области технологии производства, а поступательное развитие общества в основном сводится к процессу умственного приспособления индивидов к этим изменениям.

Основой появления институциональной школы стала нацеленность на замещение ограниченной утилитаристской модели *homo economicus* более широкой интерпретацией, основанной на междисциплинарном подходе.

В основу модели *homo economicus* ставится эгоистический материальный интерес, стремление индивидуума получить максимальный результат при минимальных затратах в условиях ограниченности используемых возможностей и ресурсов. Для реализации такого рационального поведения субъект экономической деятельности нуждается в свободе выбора, что возможно при ликвидации политических, классовых и прочих ограничений.

Институционализм и другие направления экономической мысли создали сложные (с преобладанием материального интереса) модели мотиваций людей к труду, в которых ярко выражены социально-групповые потребности. Осознание необходимости поддержания в масштабах общества равновесия между спросом и предложением обусловило их выводы о целесообразности ограниченного вмешательства в экономические процессы со стороны государственных органов и повышение внимания к социальным проблемам.

Эволюция общества является процессом естественного отбора институтов, которые являются привычными образами мыслей в том, что касается отношений между обществом и личностью, индивидом и его потребностями. Ведь именно под нажимом обстоятельств, складывающихся в жизни общества, происходит изменение образов мышления людей, а следовательно, и структуры потребностей, т. е. развитие институтов, и перемены в самой человеческой природе, предполагающей новые потребности.

У. К. Митчелл считал правильной критику Т. Вебленом модели рационального гедониста, полностью исключающего ориентацию на социальную политику, и продолжил её в ряде своих статей. Он подчёркивал ошибочность принятия классической школой жёсткой поведенческой модели человека, преследующего свой рационально просчитанный интерес и исключающего целую группу потребностей – социальных. У. К. Митчелл настаивал на взаимосвязи экономических проблем с неэкономическими, в частности проблемами социологии, культуры и другими, обуславливающими психологию, поведение и мотивы деятельности, формирование и удовлетворение потребностей людей в обществе.

В центре внимания У. К. Митчелла находится поведение, а следовательно, и потребности людей в обществе. Он основывался на положении, что главный фактор экономического развития людей заключается в их психологии, в традициях и обычаях. У. К. Митчелла интересовала, прежде всего, общественная психология, а не психология индивида. Это объясняется тем, что для него суть развития человеческого общества сводилась к совершенствованию коллективных связей между его членами. В свою очередь, в рыночной экономике пропагандируется совершенствование индивидуального поведения человека.

Личный вклад У. К. Митчелла в институциональную теорию состоит в выявлении влияния на экономические факторы так называемых неэкономических факторов посредством конкурентного изучения цифровых показателей на базе широкого массива статистических данных и в попытке обоснования концепции бескризисного цикла посредством различных вариантов государственного вмешательства в экономику [1, с. 11–13].

Объектом исследования Д. Р. Коммонса являлись институты и характеризующие их связи. К ним он относил семью, производственные корпорации, профсоюзы, государство, с их потребностями и интересами. В своих исследованиях Д. Р. Коммонс соединял теорию предельной полезности с юридической концепцией в экономике. По мнению Д. Р. Коммонса, производство не является предметом изучения его институциональной экономики. Таким образом, предметом исследования является сфера обращения, так или иначе включающая и потребности, и потребление, но она рассматривается не как реальное движение товаров, а как перемещение титулов собственности, т. е. как юридические сделки.

Д. Р. Коммонс выражал несогласие с маржиналистской индивидуалистической трактовкой распределения общественного дохода и игнорирование исторической изменчивости отношений собственности и прав личности, включающих право на возможно большую долю в национальном продукте. Он пришёл к пониманию институтов как исторически сложившихся и освящённых юридически авторитетом обычаями, уходящих корнями в коллективную психологию, что ещё раз подчёркивает историческую природу формирования потребностей. Сформировавшись, действующие коллективные институты направляют поведение индивидов в сфере удовлетворения их потребностей. Таким образом, речь идёт, во-первых, о потребностях, удовлетворяемых общественными институтами; во-вторых, о возможности и необходимости влиять на потребительское поведение.

Институциональный подход получает всё большее признание, т. к. связан с возможностью сознательного воздействия различных институтов на состояние экономической системы, сферу воспитания, культуру, образование и в целом на благосостояние народа.

О. Уильямсон трактует институт как «структуру, главной целью и результатом функционирования которой является минимизация транзакционных издержек» [2, с. 690]. Согласно Д. Норту, институты – это «правила игры» в обществе, т. е. созданные человеком ограничительные рамки, организующие взаимоотношения между людьми. Определение института как норм, правил взаимоотношений подразумевает действующий характер таких норм, т. е. их встроенность в дееспособные процедуры реализации. Это обстоятельство учитывает Д. Норт, когда выделяет в составе институтов набор ограничений в виде правил и предписаний, набор процедур для обнаружения отклонений от правил и предписаний, механизмы по осуществлению принуждения [3, с. 17]. Д. Норт в своих исследованиях зачастую даёт довольно противоречивые определения институтов. В них не всегда отражается суть механизмов принуждения к выполнению правил и механизмов контроля. Однако все без исключения определения институтов содержат социальный характер тех норм, которые наполняют понятие института. В. Тамбовцев в этом случае разделяет все правила по характеру механизма принуждения к исполнению на два вида: правила с внутренним механизмом принуждения и правила с внешним механизмом принуждения. Им предлагается следующее определение: «Институт – это совокупность, состоящая из правила или нескольких правил и внешнего механизма принуждения индивидов к исполнению этого правила» [4, с. 23]. Г. Клейнер не приемлет механизм принуждения, считая, что он сам по себе представляет отдельное правило и концентрирует внимание на принципе устойчивости. «Под институтами будем понимать относительно устойчивые по отношению к изменению поведения или интересов отдельных субъектов и их групп, а также продолжающие действовать в течение значимого периода времени формальные и неформальные нормы, а также системы норм, регулирующие принятие решений, деятельность и взаимодействие социально-экономических субъектов и их групп. Для наименования института может использоваться как ключевая норма (“институт банкротств”), так и ключевой объект (“институт семьи”») [5, с. 6].

Основоположник новосибирской школы социологии Т. И. Заславская так отзывалась об институтах как составной части социально-экономического механизма развития экономики: «Говоря о таком механизме, мы имеем в виду устойчивую систему взаимодействий общественно-экономических групп по поводу производства человеческой жизни, использования природной среды, создания и потребления материальных благ и услуг. Систему, регулируемую, с одной стороны, исторически сложившимися социальными институтами, а с другой – текущей деятельностью государственных органов управления экономикой» [6, с. 27].

На основании вышеизложенного мы можем классифицировать всё многообразие общественных институтов по признаку влияния на формирование потребностей на четыре класса: формальные–неформальные и экономические–неэкономические. Данную классификацию представим схематично в виде укрупнённой обобщённой матрицы социально-экономического механизма развития экономики (рис.).

Необходимо отметить, что в каждом из четырёх секторов происходит непрерывная экономическая динамика, отражающая преобладание того или иного института в каждый момент времени. Очевидно, что формирование потребностей посредством формального и неформального, экономического и неэкономического влияния институтов носит весьма сложный, неоднозначный характер. Всё это позволяет сделать вывод о том, что группа формальных и экономических институтов оказывает решающее значение на формирование потребностей в краткосрочном периоде, в то время как влияние группы неформальных и неэкономических институтов прослеживается в долгосрочной перспективе. Иногда направление формирования потребностей формальными и экономическими институтами совпадает с направлением формирования неформальными и неэкономическими институтами, однако чаще всего эти потоки направлены навстречу друг другу. Основной вектор развития национальной экономики следует тому, что время между моментом возникновения потребности и моментом её удовлетворения неуклонно сокращается, подчёркивая тем самым непосредственное участие и компенсационную роль социально-экономических институтов. Социально-экономические институты позволяют снижать время существования неудовлетворенной потребности, определяя её количественные и качественные границы, посредством реального производства и когнитивно-психологического механизма создания определённых образов и стандартов потребления. Формирование потребностей со стороны социально-экономических институтов подвержено следующему алгоритму:

1. Производство товаров и услуг, соответствующих достигнутому уровню развития производительных сил и производственных отношений.
2. Трансформация приоритетности, насущности и имиджа товара и услуги в общей структуре экономических потребностей населения.
3. Формирование спроса и стимулирование сбыта товаров и услуг посредством маркетингового инструментария и средств массовой информации.

Таким образом, касательно влияния институтов на потребности как объект управления, в аспекте формирования, можно заключить, что согласно предложенной схеме в формировании потребности одновременно участвуют все четыре группы общественных институтов, выступающих в качестве ограничений и факторов свободы принятия решения. Институциональная система, в свою очередь, выступает средством координации деятельности субъектов в национальной экономике в целях скорейшего и наиболее полного удовлетворения потребностей.

Сами потребности, в свою очередь, также далеко не нейтральны по отношению к общественным институтам. Что касается признания и рассмотрения экономических потребностей в качестве отдельного специфического института, то следует отметить, что процессы формирования, развития и удовлетворения потребностей формируют определённую институциональную среду и вне неё не существуют. Испытывая на себе влияние общественных институтов по формированию и развитию, они также оказывают на них большое влияние и выступают в качестве определённого института, стимулирующего или ограничивающего дальнейшее развитие общественных институтов. Необходимо отметить, что взаимодействие общественных институтов и института потребностей осуществляется через человека, в то время как сами общественные институты являются определённым «детищем» человеческой деятельности. Взаимосвязь общественных институтов и института потребностей носит диалектический характер. Потребности как институт имеют двойственную природу с одной стороны, рост степени удовлетворения потребностей является одним из индикаторов

эффективности развития общественных институтов и национальной экономики, с другой стороны, рост степени эффективности развития национальной экономики не всегда свидетельствует о росте степени удовлетворения потребностей и совершенствовании общественных институтов. Естественно, что эта диалектика имеет противоречивый характер, а именно доступные технологии удовлетворения потребностей и имеющиеся ресурсы не в состоянии удовлетворить потребности полностью, что, в свою очередь, выступает фактором, способствующим экономическому развитию. Вопрос о первичности институтов остаётся пока без ответа, однако здесь можно выделить определённые тренды. Базовые или родовые потребности (в питании, в защите от внешней среды и т. д.), имеющие биологическую природу, являются первичными по отношению к общественным институтам, а элементные потребности (потребности в конкретных благах, которые удовлетворяют одну или сразу несколько базовых потребностей) являются вторичными по отношению к общественным институтам и регулируются ими.

Изменение системы общественных институтов определяется механизмом формирования, развития и удовлетворения потребностей и непосредственно деятельностью людей. Деятельность людей по преобразованию общественных институтов подчинена, в свою очередь, определённой институциональной среде, в которой осуществляется эта деятельность. Институты ограничивают и формируют потребности в зависимости от различных комбинаций единовременных факторов. Общественные институты формируются и изменяются в тесной связи с формированием и развитием потребностей общества, они налагаются друг на друга, пересекаются и т. д.

Механизм координации деятельности хозяйствующих субъектов, который реализуется с помощью определённых экономических инструментов, ориентирован на удовлетворение потребностей населения и позволяет упорядочить множество стихийных экзогенных и эндогенных процессов, происходящих в институциональной системе, частью которой являются и потребности, и совокупность различных институтов. Следует отметить, что среди конкурирующих теорий, объясняющих трансформацию институтов, можно выделить некоторые общие моменты: маржиналисты трактовали институциональную трансформацию через сопоставление издержек производства и эффективность отдачи ресурсов; неоинституционалисты фокусировали своё внимание на динамике транзакционных и трансформационных издержек; классики и марксисты увязывали трансформацию институтов с необходимостью развития производительных сил и производственных отношений.

Таким образом, касательно влияния института потребностей на прочие общественные институты можно заключить, что данный процесс является динамическим и диалектическим, суть которого состоит в постоянном взаимовлиянии института потребностей и прочих институтов друг на друга в аспекте постоянного развития и совершенствования с точки зрения определённых единовременно критерии.

В качестве основных характеристик системы можно утверждать, что она представляет собой достаточно сложную, самоорганизующуюся и саморазвивающуюся, открытую, диссипативную, неравновесную систему. Механизм и процесс удовлетворения потребностей активирует внутренний потенциал саморазвития и самоорганизации потребностей. Исследованием подобных аспектов существования сложных, динамических, неравновесных систем занимается синергетика, используя принципы отрицательной и положительной обратной связи. В социальных системах любому субъекту в той или иной степени присуще свойство самоорганизации и саморазвития, предполагающее изменение прежней организации, структуры и соотношения элементов системы. Причины изменения организации необходимо искать в процессе взаимодействия элементов системы с внешней средой. Любая экономическая система является открытой и неравновесной. Основное отличие социальных систем от природных состоит в том, что в них самоорганизация *сочетается* с организацией. Субъективное и объективное составляют основу развития общества. На наш взгляд, вполне оправданы, с точки зрения методологии, самоорганизацию и саморазвитие в дихотомии «механизм-процесс», то есть самоорганизация потребностей будет выступать как механизм, вызывающий изменения, а саморазвитие будет определяться как процесс трансформации потребностей.

Проанализировав множество определений самоорганизации различных авторов, можно заключить, что это процесс, отражающий самовоспроизведение субъекта и его реакцию на изменение внешней среды. В качестве исходных условий самоорганизации системы потребностей необходимо отметить удалённость системы от точки некоторого равновесия, разница между желаемой целью и имеющимся состоянием как раз и выступает условием запуска механизма самоорганизации. Переход от одного состояния к другому и возрастание разбалансированности в удовлетворении потребностей индивидов ведёт к увеличению у них так называемых диссипативных издержек и, как

следствие, к снижению эффективности функционирования всей системы хозяйствования. Подобное развитие событий на микроуровне, в свою очередь, обусловливает создание на макроуровне новых, противодействующих этому снижению институтов и новых организационных форм хозяйствования. Этот порядок на макроуровне, образовавшийся в результате дисциплинирования процессов на микроуровне, был сформирован по принципу отрицательной обратной связи.

В любой экономической системе постоянно наличествуют и отрицательные, и положительные обратные связи, и только их совокупность и постоянное взаимодействие образует механизм, обеспечивающий достижение системой нового уровня порядка. Более того, одни и те же связи могут выступать и как положительные, и как отрицательные, а также переплетаться в своём действии со многими другими [7].

Следовательно, можно констатировать, что самоорганизация экономических потребностей осуществляется согласно принципу отрицательной обратной связи, т. е. когда достигнутый результат не в полной мере соответствует предполагаемым ожиданиям и, соответственно, оказывается влияние на изменение комплекса входящих факторов. Саморазвитие тех же потребностей осуществляется по принципу прямой обратной связи, т. е. когда результат в полной мере отвечает ожиданиям, и изменение комплекса входящих факторов не требуется.

Таким образом, следует отметить, что механизм формирования потребностей развивается в трёх одинаково важных направлениях: потребности есть объект управления со стороны социально-экономических институтов; потребности сами являются определённым социально-экономическим институтом, обратному влиянию которого подвержены другие социально-экономические институты; механизм и процесс удовлетворения потребностей активирует внутренний потенциал самоорганизации и саморазвития потребностей.

Библиографический список

1. Глухова, З. В. Трансформация личных потребностей в современной экономике России / З. В. Глухова, Н. Е. Алексеев. – Омск : Изд-во ОмГТУ, 2006 – 120 с.
2. Уильямсон, О. И. Экономические институты капитализма: Фирмы, рынки, «отношенческая» контрактация / О. И. Уильямсон. – СПб. : Лениздат; CEV Press., 2002 – 702 с.
3. Норт, Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт. – М. : Начала, 1997 – 180 с.
4. Институциональная экономика: новая институциональная экономическая теория : учебник / под общ. ред. д-ра экон. наук, проф. А. А. Аузана. – М. : ИНФРА-М, 2005. – 416 с.
5. Клейнер, Г. Б. Особенности формирования экономических институтов в России / Г. Б. Клейнер // Экономика и математические методы. – 2003, т. 39. – № 3. – С. 1–24.
6. Заславская, Т. И. Социология экономической жизни. Очерки теории / Т. И. Заславская, Р. В. Рывкина. – Новосибирск : Наука, 1991 – 437 с.
7. Финансовые аспекты предпринимательства в новой экономике : коллективная монография / О. Ю. Патласов [и др.], под общ. ред. д-ра экон. наук, проф. О. Ю. Патласова. – Омск, 2013. – 300 с.
8. Алексеев, Н. Е. Трансформация личных экономических потребностей в реформируемой экономике России : автореф. дис. ... канд. экон. наук / Н. Е. Алексеев. – Омск, 2005. – 24 с.
9. Мишулин, Г. М. Международный маркетинг (практикум) : учеб. пособие / Г. М. Мишулин, А. Н. Секисов. – 2-е изд., доп. – Краснодар : Изд. ФГБОУ ВПО «КубГТУ»; М. : ЗАО «Издательство современная экономика и право», 2015. – 456 с.

*N. E. Alekseev, O. V. Demidenko, Omsk Academy of the Humanities,
Siberian state automobile and highway Academy, Omsk*

THE INSTITUTIONS AND MECHANISMS OF FORMATION NEEDS IN THE MODERN ECONOMY

The article tells the story of a variety of institutions and mechanisms of formation of the economic needs of the population. Notes the influence of socio-economic institutions and economic needs. The mechanism and process of self-organization and self-development needs.

Keywords: socio-economic institutions, the mechanism of formation of needs, self-organization and self-development.

References

1. Glukhova Z. V., Alekseev N. E. *Transformatsiia lichnykh potrebnostei v sovremennoi ekonomike Rossii* [Transformation of personal needs in the modern economy of Russia]. Omsk, Publishing House Of Omgtu, 2006, 120 p.
2. Uil'iamson O. I. *Ekonomicheskie instituty kapitalizma: Firmy, ryynki, «otnoshencheskaia» kontraktaciia* [The economic institutions of capitalism: Firms, markets, "relational" Contracting]. SPb. Lenizdat Publ.; CEV Press., 2002, 702 p.
3. Nort D. *Instituty, institucional'nye izmeneniia i funkcionirovanie ekonomiki* [Institutions, institutional change and economic performance]. Moscow, Nachala Publ., 1997, 180 p.
4. *Institucional'naya ekonomika: novaia institucional'naya ekonomicheskaya teoriia* [Institutional Economics: new institutional economic theory]. Ed by. Auzan A. A. Moscow, INFRA-M Publ., 2005, 416 p.
5. Cleiner G. B. Features of formation of economic institutions in Russia. *Ekonomika i matematicheskie metody*. 2003, vol. 39, no. 3, pp. 1–24.
6. Zaslavskaya T. I., Ryvkin R. V. *Sociologiya ekonomicheskoi zhizni. Ocherki teorii* [Sociology of economic life. Essays on the theory]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1991, 437 p.
7. *Finansovyye aspekty predprinimatel'stva v novoy ekonomike: kollektivnaia monografija* [Financial aspects of entrepreneurship in the new economy : collective monograph]. Ed. by Patlasov O. Iu. Omsk, 2013, 300 p.
8. Alekseev N. E. *Transformatsiia lichnykh ekonomicheskikh potrebnostei v reformiruemoy ekonomike Rossii. Extended abstract of PhD dissertation (Economy)*. Omsk, 2005, 24 p.
9. Mishulin G. M., Sekisov A. N. *Mezhdunarodnyi marketing (praktikum)* [International marketing (workshop)]. Krasnodar, Publishing House Of The Kuban State University, 2015, 456 p.

© Н. Е. Алексеев, О. В. Демиденко, 2016

Авторы статьи:

Николай Евгеньевич Алексеев, кандидат экономических наук, доцент, Омская гуманитарная академия, Сибирская государственная автомобильно-дорожная академия, г. Омск, e-mail: oeip@mail.ru

Ольга Владимировна Демиденко, кандидат технических наук, доцент, Омская гуманитарная академия, Сибирская государственная автомобильно-дорожная академия, г. Омск.

Рецензенты:

О. Ю. Патласов, доктор экономических наук, профессор, Омская гуманитарная академия.

Е. В. Романенко, кандидат экономических наук, доцент, Сибирская государственная автомобильно-дорожная академия, г. Омск.

УДК 338.12

DOI 10.17238/issn1998-5320.2016.24.166

O. Yu. Patlasov,
Омский региональный институт, Омская гуманитарная академия

E. K. Jarov,
Омская гуманитарная академия

УСЛОВИЯ ПЕРЕХОДА К ФАЗЕ КРЕАТИВНОГО РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИК КАЗАХСТАНА И РОССИИ

Доказана актуальность формирования элементов креативной экономики в России и Казахстане. Описаны критерии, условия и требования по формированию креативной экономики. Вскрыта зависимость между долей иностранных мигрантов среди трудовых ресурсов страны и уровнем проникновения креативного сектора в экономику. Изучено влияние отраслевой структуры экономики на скорость перехода к креативной фазе развития.

Ключевые слова: креативная экономика, креативный сектор, креативная продукция, креативная среда.

В научной литературе для идентификации состояния развития экономики предлагаются различные критерии отнесения национальных экономик к креативным. Для определения критериев уровня готовности экономики к переходу в фазу креативного развития необходимо учитывать различные факторы, к ним можно отнести следующие: наличие стратегических планов по развитию

экономики страны с основным фокусом на креативный сектор; уровень образованности и финансовой обеспеченности потребителей креативных услуг и товаров; уровень профессиональной подготовки и творческого потенциала работников, производящих креативные товары и услуги; развитая инфраструктурная и институциональная база креативной экономики; высокий уровень толерантности и трасторентности общества; нетерпимость к коррупционным явлениям и т. д. [1].

Исходя из данных факторов, можно выделить 3 основных критерия, которые необходимо соблюдать для формирования креативного сектора, это *условия, выдвигаемые к потребителям, условия, выдвигаемые к производителям, и наличие креативной среды*.

Рассмотрим предложенные критерии и выявим связь между ними и уровнем развития креативной экономики.

Условия, выдвигаемые к потребителям креативной продукции. Для успешного развития креативной экономики необходимо учитывать уровень материального и духовного развития населения страны как конечного потребителя креативных товаров и услуг. То есть следует создать общество, где будет превалировать количество богатых и образованных людей.

Товары и услуги креативного сектора не относятся к категории первой необходимости, поэтому, как правило, сначала потребитель тратит свой доход исключительно на удовлетворение жизненно важных потребностей, таких как одежда, питание и др., затем при условии наличия свободных денежных средств приобретаются креативные блага, как то: фильмы, музыка, произведения изобразительного и ремесленного искусства, компьютерные игры и т. д. Именно на эту категорию платёжеспособных людей будет направлена основная конкурентная борьба производителей креативной продукции.

Следующим немаловажным условием формирования креативного класса страны является уровень образования людей. Необходимо, чтобы потребитель обладал высоким эстетическим восприятием культурных ценностей для проявления интереса к таким продуктам, как кино, музыка, изобразительное искусство, театр и т. д. Также важно, чтобы потребитель имел навыки использования информационно-коммуникационных технологий, например, способность скачать посредством интернета видео- или аудиоконтент, заказать онлайн понравившийся товар или услугу, включить компьютерную игру и т. д.

Одним из наиболее авторитетных показателей, измеряемым уровнем грамотности населения и величиной валового внутреннего продукта на душу населения, является Индекс человеческого развития, ежегодно публикуемый Программой развития Организации Объединённых Наций (ПРООН).

В соответствии с данными на 2015 год, Россия и Казахстан относятся к группе стран с высоким уровнем развития человеческого капитала, занимая 50 и 56 места соответственно.

К числу стран с очень высоким уровнем индекса человеческого капитала относятся страны ОЭСР. Следует отметить, что в этих странах сильно развит креативный сектор экономики (см. табл. 1).

Таблица 1

Индекс человеческого развития в 2015 году

№	Страна	Индекс человеческого развития
1	Норвегия	0,944
2	Австралия	0,935
3	Швейцария	0,930
4	Дания	0,923
5	Нидерланды	0,922
6	Германия	0,916
6	Ирландия	0,916
8	США	0,915
50	Россия	0,798
56	Казахстан	0,788

Источник: составлено автором на основе данных [2]

Условия, предъявляемые к производителям креативной продукции. Процесс производства креативных услуг и товаров требует от производителей определённого уровня знаний и компетенции, зачастую с наличием творческого и креативного мышления, со способностью генерации идей и оригинальных решений. Данные условия формируют новые требования к трудовым ресурсам, так как креативная продукция не всегда серийная, и часто речь идёт о единичном выпуске продукции. Поэтому приоритет, прежде всего, отводится развитию индивидуальных творческих способностей человека. В данном случае на первый план выходят такие показатели, как эффективность системы обучения и подготовки кадров, уровень затрат на развитие науки и образования.

Уровень затрат на образование и науку выступает ключевым индикатором оценки развития креативного сектора. По данным Всемирного банка, наибольшую поддержку этим сферам оказывают страны ОЭСР, средний уровень расходов составляет 3,5 % к ВВП на науку и 6,5 % на образование. Для сравнения: показатели России и Казахстана существенно ниже – 1,16 и 0,23 % на науку и 4,1 и 3,1 % на образование соответственно (см. табл. 2).

Таблица 2

Затраты на развитие образования и науки

№	Страна	Уровень затрат, в % к ВВП	
		НИОКР (данные за 2012 год)	Образование (данные за 2014 год)
1	Израиль	4,40	5,8
2	Финляндия	3,88	6,8
3	Швеция	3,40	7,3
4	Дания	3,06	8,7
5	Швейцария	2,99	5,4
6	США	2,90	5,4
7	Германия	2,82	4,6
8	Великобритания	1,76	5,6
9	Россия	1,16	4,1
10	Казахстан	0,23	3,1

Источник: составлено автором на основе данных [3, 4]

Создание креативной среды. Следующим важным условием, способствующим увеличению доли креативного сектора в экономике, является наличие креативной среды, предполагающее развитие творческой личности и генерирование новых идей. Важно, чтобы креативная среда была толерантной, гибкой, способной принять людей вне зависимости от их жизненных взглядов, ценностей, вероисповедания, расовой принадлежности и сексуальной ориентации.

В связи с тем, что креативный человек не может эффективно работать в рамках «корпоративных аквариумов», работодатель для раскрытия потенциала должен предоставить возможность гибких форм занятости, это:

- отсутствие жёсткой трудовой регламентации;
- личная мобильность персонала (гаджеты, скорость интернета).

Необходимым условием формирования благоприятной творческой среды для развития креативной экономики является развитая институциональная инфраструктура, на базе которой происходит распределение грантов на различные научно-исследовательские работы, реализация проектов в данной области, развитие культурных традиций, проводятся культурные мероприятия, создание различных объединений и групп по поддержке и стимулированию творческой инициативы.

Для обеспечения успешного функционирования институциональной инфраструктуры и креативной среды в целом необходимо иметь достаточное финансирование и некоррумпированное общество, что будет гарантом того, что современный креативный работник сможет найти в нём место для реализации своего творческого потенциала. В противном случае существует риск оттока талантливых людей из страны в другие более благополучные в этом отношении регионы.

В качестве гипотезы, проверяемой в рамках данного исследования, выступило следующее положение: существует ли зависимость между долей иностранных мигрантов среди трудовых ресурсов страны и уровнем проникновения креативного сектора в экономику?

В качестве наглядного примера рассмотрим Объединённые Арабские Эмираты (ОАЭ). По данным Информационного агентства России, численность трудовых мигрантов в ОАЭ составляет 90 % от всей рабочей силы [5]. В настоящий момент цифра равна 5 млн человек, из них 2,2 млн из Индии, 1,25 млн из Пакистана, 0,5 млн из Бангладеш и 1 млн из других стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Следует отметить, что высококвалифицированные иммигранты составляют малую часть от числа всех трудовых мигрантов ОАЭ – 2,2–2,5 % (125 000 чел.). В связи с экспортно-сырьевой направленностью экономики ОЭА, за исключением провинции Дубай, основная часть мигрантов задействована именно в этом секторе, что является сдерживающим фактором в развитии научно-ёмких отраслей. В последние годы правительство ОАЭ проводит политику диверсификации экономики, стремясь сократить долю нефтедобывающего сектора в экономике, что предусматривает реализацию крупномасштабных проектов, требующих наличия высококвалифицированных специалистов. Тем самым должна измениться сама философия привлечения иностранной рабочей силы в сторону качественного улучшения.

В противовес ОАЭ можно привести ряд стран, проводящих селективную политику привлечения иностранной рабочей силы, которые устанавливают особые квоты для мигрантов, такие как: критерии оценки кандидатов; списки профессий, востребованных на рынках труда. При этом преимущественными правами обладают специалисты в области ИТ, инженеры и люди творческих специальностей. К таким странам можно отнести Австралию и Канаду, где доля иностранной рабочей силы составляет 24,5 и 19,1 % от общей численности трудовых ресурсов соответственно [6].

В таких условиях решающее значение приобретает не количество привлечённой иностранной рабочей силы, а её структура, в том числе по уровню квалификации и видам профессии.

Анализ статистических данных и зависимостей также показал, что факторами развития креативности может являться уже сам факт привлечения иностранной рабочей силы, так как это сопряжено с привлечением иной культуры труда и знаний.

Данный вопрос сейчас актуален в России, где отток квалифицированных специалистов является одной из структурных проблем экономики страны. Так, за 2014 год, по данным Федеральной службы государственной статистики, страну покинули 295 806 квалифицированных специалистов, что на 60 % превышает уровень 2013 года – 178 837. Основные направления эмиграции – это США, Канада и Финляндия [7].

Аналогичная ситуация и в Казахстане, где отток высококвалифицированных специалистов за рубеж ежегодно увеличивается.

По данным Комитета статистики Министерства национальной экономики Республики Казахстан, если в 2014 году отток специалистов за рубеж составил 21 291 человека, то в 2015 году уже 22 480 человек [8].

В сложившихся условиях основным драйвером формирования креативного класса должно выступить государство, основной целью которого будет создание таких условий жизни, труда, взаимоотношений, обучения, при которых индивид может максимально развить и реализовать свои творческие качества, возможности и способности.

В качестве постановки проблемы научного исследования выдвинут вопрос: как отраслевая структура экономики отражается на **скорости перехода к креативной экономике?**

Если экономика базируется на традиционных отраслях, в том числе сырьевых, например, угольная, газовая, нефтяная и её переработки, то в классическом понимании сложно развивать там креативность. В странах с высокой долей сферы услуг и экспортного потенциала информационных технологий объективные возможности проявления контуров креативности существенно выше. Это объясняется тем, что для формирования креативного сектора экономики требуются определённый ресурсный задел в форме высококвалифицированных специалистов, наличие информационно-коммуникационного обеспечения и развитой научно-исследовательской базы. Данные сегменты наибольшее развитие получили в странах с постиндустриальной экономикой, это преимущественно страны Западной Европы, США, Япония и др. Креативная экономика – это высшая ступень развития постиндустриальной системы, которая включает в себя элементы сервисной экономики, информационной экономики, экономики знаний. Страны, находящиеся на стыке данных трендов, быстрой приспособливаются к условиям креативной экономики. Например, в Японии

продукция и производство являются нематериальноёмкими, а масштабы развития человеческих ресурсов достаточно высокими, что, бесспорно, является предпосылкой для развития креативности.

В экономических условиях России и Казахстана, где доля нефти и других сырьевых товаров в экспорте составляет 75 и 85 % соответственно, переход экономики к фазе креативного развития будет сопряжён с рядом сложностей, связанных с объективными причинами структурного характера. Вместе с тем, для России и Казахстана в сложившихся условиях необходимо ускорить процесс трансформации действующей экономической системы и создать условия для перехода в фазу креативной экономики.

Для этого нужно сосредоточить усилия на создании благоприятного фона, необходимого для развития креативных отраслей, а именно: создать инфраструктуру для развития креативного сектора, сформировать сеть образовательных организаций, усилия которых будут направлены на подготовку представителей креативного класса, сконцентрировать внимание на поиске финансовых средств для развития сфер культуры.

Проведённый нами анализ индикаторов креативности экономик в рамках трудовых ресурсов, потребителей и креативной среды показал, что требуется дополнительная аргументация внесения того или иного показателя характеристики креативности, что является не бесспорным.

Библиографический список

1. Kloudova, J. Expanse creative economy and its impact on the less developed regions / J. Kloudova // Journal of the New Economic Association. – 2010. – № 5. – С. 110–125.
2. Программа развития ООН: Индекс человеческого развития в странах мира в 2015 году [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gtmarket.ru/news/2015/12/16/7285>
3. Рейтинг стран по уровню расходов на НИОКР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gtmarket.ru/ratings/research-and-development-expenditure/info>
4. Рейтинг стран по уровню расходов на образование [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gtmarket.ru/ratings/expenditure-on-education/info>
5. Информационное агентство России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tass.ru/obschestvo/1158130>
6. World migration report 2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://publications.iom.int/system/files/wmr2015_en.pdf
7. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_107/Main.htm
8. Комитет статистики Министерства национальной экономики Республики Казахстан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.stat.gov.kz/faces/homePage?afrLoop=30676768002619032>

*O. Yu. Patlasov, Omsk Regional Institute, Omsk Academy of the Humanities
Ye. K. Zharov, Omsk Academy of the Humanities*

CONDITIONS OF TRANSITION TO THE PHASE OF CREATIVE DEVELOPMENT OF ECONOMIES OF KAZAKHSTAN AND RUSSIA

Relevance of formation of elements of creative economy in Russia and Kazakhstan is proved. Criteria, conditions and requirements for formation of creative economy are described. Dependence between a share of foreign migrants among a manpower of the country and the level of penetration of creative sector into economy is opened. Influence of branch structure of economy on the speed of transition to a creative phase of development is studied.

Keywords: creative economy, creative sector, creative production, creative environment.

References

1. Kloudova J. Expanse creative economy and its impact on the less developed regions. *Journal of the New Economic Association*, 2010, no. 5, pp. 110–125.
2. *Programma razvitiia OON: Indeks chelovecheskogo razvitiia v stranakh mira v 2015 godu* [The United Nations development programme: human development Index in the world in 2015]. Available at <http://gtmarket.ru/news/2015/12/16/7285>
3. *Reiting stran po urovniu rashodov na NIOKR* [Ranking of countries by level of expenditure on R & d]. Available at <http://gtmarket.ru/ratings/research-and-development-expenditure/info>
4. *Reiting stran po urovniu rashodov na obrazovanie* [The ranking of countries on level of expenditure on education]. Available at <http://gtmarket.ru/ratings/expenditure-on-education/info>
5. *Informacionnoe agentstvo Rossii* [Russian information Agency]. Available at <http://tass.ru/obschestvo/1158130>
6. World migration report 2015 Available at http://publications.iom.int/system/files/wmr2015_en.pdf

7. Federal`naia sluzhba gosudarstvennoi` statistiki [Federal state statistics service]. Available at http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_107/Main.htm

8. Komitet statistiki Ministerstva natsional`noi` e`konomiki Respubliki Kazakhstan [The statistics Committee of the Ministry of national economy of the Republic of Kazakhstan]. Available at http://www.stat.gov.kz/faces/homePage?_afrLoop=30676768002619032

© О. Ю. Патласов, Е. К. Жаров, 2016

Авторы статьи:

Олег Юрьевич Патласов, доктор экономических наук, профессор, Омский региональный институт, Омская гуманитарная академия, e-mail: opatlasov@mail.ru

Ержан Каирович Жаров, аспирант, Омская гуманитарная академия, e-mail: zharov-05@mail.ru

Рецензенты:

Н. В. Боровских, доктор экономических наук, профессор, Омская гуманитарная академия.

А. К. Балабекова, кандидат экономических наук, доцент, Академия государственного управления при Президенте Республики Казахстан.

УДК 338.484

DOI 10.17238/issn1998-5320.2016.24.171

M. Б. Дюжева,

Омская гуманитарная академия,

Омский государственный университет путей сообщения

T. Н. Тарасова,

Омский государственный университет путей сообщения,

Сибирский институт бизнеса и информационных технологий, г. Омск

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ УПРАВЛЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬЮ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье рассматривается информационное пространство предпринимательства как основа управления его конкурентоспособностью. Приводится описание внешнего информационного пространства бизнес-структур, предлагается структура внутренней информации.

Ключевые слова: предпринимательство, предпринимательская структура, конкурентоспособность, информация, информационное обеспечение.

Непростой исторический период, в котором оказался российский бизнес второго десятилетия XXI века, характеризуется экономическими, политическими, социальными трансформациями, оказывающими безусловное влияние на тенденции и перспективы развития предпринимательской среды. Данный период определяется обострёнными кризисными условиями, которые, с одной стороны, содержат в себе угрозы устойчивости и стабильности бизнес-структур, с другой – несут с собой возможности, умелое использование которых способно вывести бизнес на более высокий качественный уровень.

Технологии информационного обеспечения основных видов деятельности предприятия, менеджмента организации зависят от масштаба и специфики бизнеса, к примеру, поле конкурентоспособности субъекта малого бизнеса [1] существенно отличается от транснациональных компаний [2] и т. д. В научной и специализированной литературе представлены современные методы и методики оценки информационных потоков, информационных рисков в предпринимательских структурах [3].

При этом управляемое и координируемое информационное обеспечение способно влиять на экономический результат деятельности предприятия в целом. В основе успешного развития бизнеса, его предпринимательской структуры вне зависимости от её отраслевой принадлежности, размера, формы собственности исходным является выработка, реализация наиболее эффективного варианта управленческого решения, т. к. последствия ошибочного решения могут привести к необратимым процессам. При этом, как показывает практика, динаминость и агрессивность внешней среды с каждым годом только возрастают, а значит, результаты неудачных решений становятся всё ощущимее. Таким образом, в вопросах управления и принятия рациональных решений мало полагаться только

на опыт руководителей и их здравый смысл. В этой связи особую значимость приобретает информационная основа, послужившая базой для решений, носящих стратегический характер. Необходимо более масштабное использование современных технологий сбора и анализа информации, а также информатизации процесса управления. Данное положение очень актуально для российского бизнеса, особенно для его малых и средних форм.

Сегодня проблема обеспечения и удержания конкурентоспособности предпринимательских структур испытывает сложности, обусловленные не только внешними изменениями, воздействиями, но и условиями неопределенности, в которых риск принятия и реализации стратегически неверного решения существенно возрастает. Это свидетельствует о важности применения технологии информационного обеспечения, инструментов анализа конкурентоспособности с целью постоянного поиска путей её укрепления, а также эффективного управления ею.

Управление конкурентоспособностью на основе технологии информационного обеспечения является одной из первостепенных задач маркетинговой деятельности бизнеса и предпринимательских структур. В этой связи имеет смысл обратить внимание на систему информационного обеспечения выполнения этой задачи, поскольку принятие управлеченческих решений в предпринимательстве основывается на информационных процессах. Другими словами, пригодность управлеченческого решения находится в прямой зависимости от качества информационного обеспечения деятельности организации.

Можно отметить, что в условиях системного экономического кризиса XXI века правильнее и реалистичнее усилить работу по оценке, мониторингу, прогнозированию конкурентоспособности бизнеса, предпринимательских структур, поскольку большинство из них либо не владеет методиками проведения маркетинговых исследований [7], либо не считает их значимыми. Маркетинговые службы, маркетологи предпринимательских структур зачастую формулируют цели, не имеющие чётких границ исследования [7], их функционал ограничивается рекламной и PR деятельностью. Задача исследований рыночных тенденций перед ними либо не ставится, либо на практике оказывается не по силам работающим в таких службах специалистам. Для малых форм бизнеса, предпринимательства проблема эффективных маркетинговых исследований [7] и коммуникаций усложняется собственной структурной и материальной ограниченностью, а ведь именно для них проблема информационного обеспечения управления конкурентоспособностью стоит наиболее остро – неверное управлеченческое решение может лишить и без того уязвимую малую структуру экономической устойчивости. Любое исследование базируется на чётко сформулированной цели, которая определяет границы необходимой информации. В литературе по менеджменту, маркетингу достаточно хорошо освещены разработанные наукой, практикой классификации информации, однако на практике необходима её конкретизация в соответствии с имеющимися условиями: наличием финансовых, временных, кадровых, технических ресурсов и т. п. Качественное, эффективное управление предполагает наличие информации о внутренней, внешней средах объекта управления, о его реакции на их воздействие. Кроме того, необходимы наличие зависимости между действиями пользователя информации и реакцией объекта управления на эти действия, обратная связь и возможность реализовать управлеченческое воздействие.

В настоящее время информационное пространство предпринимательской деятельности является динамичным и насыщенным – сайты компаний, информация Росстата, потребительские форумы, специализированные бизнес-издания и информационно-аналитические сайты дают возможность не только получать информацию для исследования социальных и экономических тенденций, но и коммуницировать друг с другом, обмениваться компетентными, авторитетными и экспертными мнениями, а также получать/предоставлять информационную поддержку. Чтобы авторитетно оценить достаточность и реальность информационного обеспечения бизнеса, предпринимательских структур в России, следует, прежде всего, определить, какая информация, в каком объеме, для каких целей необходима собственнику бизнеса, предпринимателю.

В период с февраля по май 2014 г. нами было проведено исследование, направленное на выявление и определение границ информационных потребностей предпринимателей на территории России. С этой целью был изучен характер управлеченческих решений, принимаемых ими на регулярной основе в рамках интересов существующего бизнеса.

Исследование проводилось в форме опроса (анкетирование и устный опрос). В качестве объекта исследования выступили 256 омских предпринимателей, чей бизнес соответствует критериям малого предпринимательства – не более 100 человек штатного состава и не более 400 млн рублей финансового оборота за предшествующий период. Предпринимателям было предложено самостоятельно сформулировать в порядке значимости перечень наиболее актуальных управлеченческих решений, принимаемых ими регулярно. Среди полученных ответов были выбраны наиболее часто повторяющиеся. Анализ результатов опроса позволил сгруппировать принимаемые решения следующим образом:

1. Решения относительно развития предпринимательской структуры:

- на выбор партнёров (поставщиков, каналов сбыта, посредников), сотрудничество с которыми перспективно, указали 62,1 % (159 опрошенных);
- вопросы имущества (размер уставного капитала, наличие основных фондов в собственности и проч.) – 36,7 % респондентов (94 человека);
- выбор маркетинговых инструментов позиционирования себя во внешней среде и привлечения потенциальных клиентов (реклама, PR, личные продажи и проч.) – 56,6 % респондентов (145 человек);
- кадровые вопросы (подбор кадров, их развитие и мотивационная политика) – 63,7 % респондентов (163 человека);
- развитие ассортимента услуг (например, в торговле – рассрочка платежа, упаковка, доставка и проч., в туризме – ж/д и авиабилеты, платёжные терминалы, поиск попутчиков и проч.) – 34,8 % опрошенных (89 человек);

2. Решения относительно текущей деятельности:

- хозяйственные вопросы – 94,9 % опрошенных (243 человека);
- предоставление скидки и проч. варианты ответа – 14,8 % опрошенных (38 человек).

Очевидно, что решения из первой группы прямо направлены на повышение собственной конкурентоспособности, поэтому именно они станут объектом нашего внимания. Таким образом, отраслевая статистика не входит в приоритетный перечень информационных ресурсов, в которых нуждается малое предпринимательство, поскольку для решения обозначенных выше вопросов она не может быть использована. В целом, авторы статьи считают, что задача статистики – обслуживать решения государственного уровня. К примеру, Правительством было принято решение о делении малого предпринимательства на малое и сверхмалое (микропредприятия), что нашло отражение в Федеральном законе Российской Федерации от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» (в редакции от 29 декабря 2015 г.) [4]. Решение было направлено на оказание адресной поддержки сверхмалым формам предпринимательства, стремление сделать государственную поддержку малого предпринимательства более гибкой. Однако при этом не были предусмотрены механизмы учёта микропредприятий, а значит, отследить эффективность принимаемых для их развития и поддержки решений крайне сложно. Необходимо определить, какое информационное обеспечение позволит эффективно решать обозначенный выше круг вопросов. Решать вопрос об информационном обеспечении малых форм предпринимательства предлагается с позиции многомерной конкурентоспособности [6], рассмотренной авторами в предыдущих статьях (рис. 1).

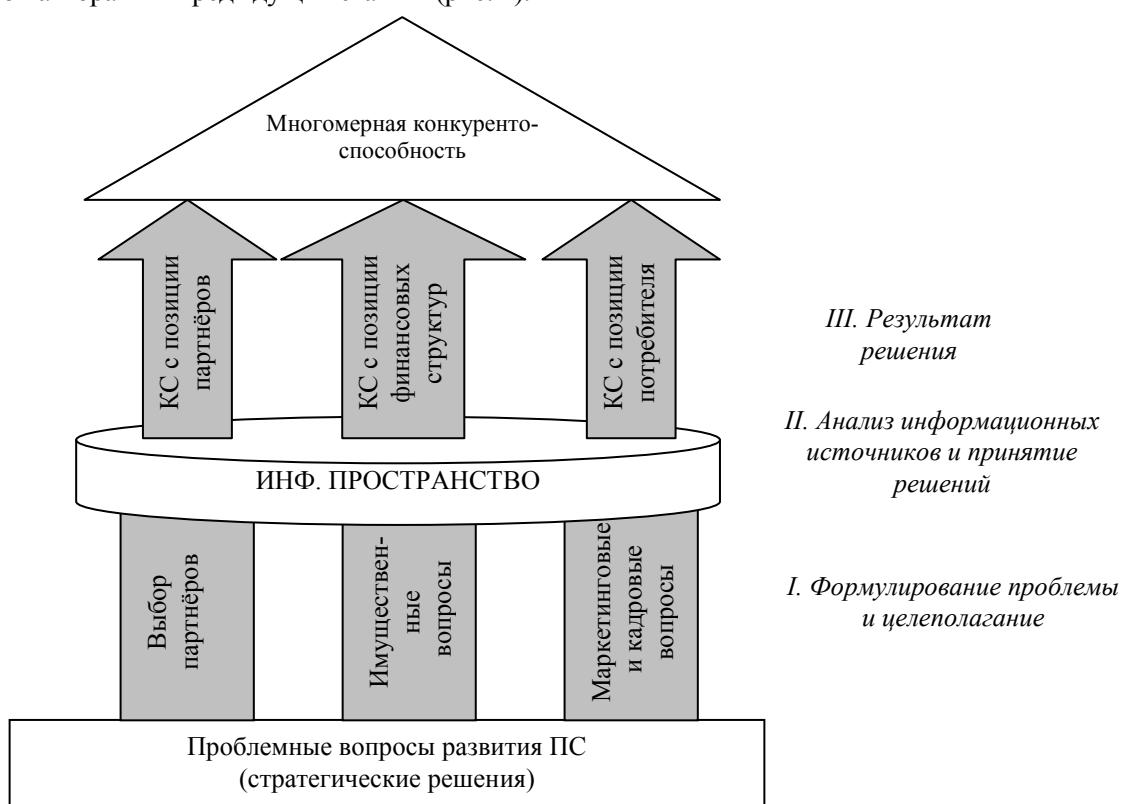

Рис. 1. Место информационного пространства в достижении многомерной конкурентоспособности предпринимательской структуры

В основном решения, направленные на развитие бизнеса, предпринимательских структур, а также формирующие её многомерную устойчивую конкурентоспособность, базируются на выявлении, определении границ проблемы, препятствующей достижению цели, реализация которой будет способствовать предпринимательской структуре стремиться к лидирующим позициям на конкурентном рынке. Поставленная цель предполагает принятие соответствующих, рациональных, реальных решений по её реализации. Принятие того или иного решения требует информационного обеспечения, а это значит, что необходимо изучить и проанализировать различные источники информации. В этой связи имеет смысл определить, что есть информационное пространство предпринимательства.

В общем виде информационным пространством может считаться совокупность банков и баз данных, технологий их сопровождения и использования, информационных телекоммуникационных систем, функционирующих на основе общих принципов и обеспечивающих:

- информационное взаимодействие организаций и граждан;
- удовлетворение их информационных потребностей [5].

Таким образом, информационное пространство предпринимательства – это комплекс информационных источников (общих и отраслевых) вне зависимости от формы, обеспечивающих информационные потребности предпринимателей.

Информационное пространство предпринимательства состоит из внешних и внутренних источников.

Внешние источники информационного пространства включают в себя специализированные интернет-сайты и журналы, рассчитанные на категорию профессионалов. Среди них можно выделить: «Бизнес курс», «Бизнес журнал», «Бизнес и экономика», «Предприниматель», «Современный предприниматель» и проч.; портал бизнес-планов и франшиз для малого бизнеса – www.openbusiness.ru, форум малого бизнеса – www.biznet.ru, сайт помощи малому бизнесу – www.bizidei.ru и др. Таким образом, очевидно, что актуальная информация сегодня как никогда доступна, внешнее информационное пространство можно считать достаточным для обоснования и принятия управленческих решений относительно развития предпринимательских структур.

Внутренние источники информационного пространства формируются непосредственно самой предпринимательской структурой. Как правило, это исследования, направленные на выявление конкурентоспособности с позиции потребителя.

В части формирования внутреннего информационного пространства предпринимательские структуры сталкиваются с трудностями. Ресурсная и структурная ограниченность малых форм предпринимательства не позволяет им иметь в штате профессиональных маркетологов, а это означает, что их функции либо делят между собой все сотрудники предпринимательской структуры, либо они возложены на её руководителя, который чаще является профессионалом в области управления, чем в области маркетинга. Услуги же профессиональных маркетинговых агентств часто оказываются не по карману.

Для того чтобы оценить конкурентоспособность любой предпринимательской структуры вне зависимости от формы собственности и отраслевой принадлежности, следует проанализировать достаточно большой объём информации. При этом необходимо помнить, что конкурентоспособность – это оценка, которая даётся предпринимательской структуре или её продукту (услуге) с точки зрения рынка, потребителя. Поэтому первостепенное значение имеет информация, получаемая извне – о динамике рынка о конкурсах, потребительских предпочтениях и т. п. Такая информация позволяет оценить конкурентоспособность в статике, на какой-то конкретный момент времени. Для того чтобы управлять конкурентоспособностью, следует сопоставлять её с потенциалом предпринимательской структуры, оценить который позволяет информация изнутри – о её сильных и слабых сторонах.

Таким образом, информация для управления конкурентоспособностью имеет 2 источника: внутренний и внешний. Существенной базой для анализа сильных и слабых полей предпринимательской структуры является её внутренняя информация. Часть её зафиксирована в документации, другая часть – не менее важная – состоит из информации субъективного характера и не может быть зафиксирована на материальных носителях.

Информационная система предпринимательской структуры призвана обслуживать её систему управления, поэтому должна строиться на основе структуры системы управления, которая видится нам следующим образом:

- финансово-экономическая подсистема;
- производственно-технологическая подсистема;
- социально-кадровая подсистема;
- информационно-маркетинговая подсистема.

Каждая из подсистем имеет свой информационный массив, анализ и синтез которого может быть основой для оценки своих сильных и слабых сторон. В совокупности с анализом внешней информации это является базой для оценки конкурентоспособности предпринимательской структуры.

Нами предлагается следующая структура системы внутренней информации предпринимательских структур (рис. 2).

Рис. 2. Структура системы внутренней информации

Необходимо помнить, что все перечисленные информационные системы находятся в тесной взаимосвязи. Данная структура будет справедлива, в том числе и для малых форм предпринимательства, различие будет заключаться лишь в количестве рассчитываемых показателей.

Внешняя информация содержит совокупность сведений о состоянии рынка, его инфраструктуре, динамике потребительских предпочтений и факторах спроса, поведении конкурентов, изменении государственного регулирования, внешнеполитических и социальных тенденциях и т. п. Источниками такой информации являются специализированные интернет-сайты, периодические и специальные издания, конъюнктурные обзоры, независимые маркетинговые исследования и проч.

Таким образом, можно сделать вывод о комплексном характере работы по применению технологии информационного обеспечения бизнеса в рамках информационного пространства предпринимательства в целом и информационной системы предпринимательской структуры в частности.

Кроме того, следует ещё раз подчеркнуть значимость информационного обеспечения управления конкурентоспособностью предпринимательской структуры, т. к. это является неотъемлемой частью эффективного функционирования в сложных экономических рыночных условиях.

Библиографический список

1. Патласов, О. Ю. Субъекты малого и среднего бизнеса: критерии, структура, финансовый механизм / О. Ю. Патласов, А. В. Гордусенко // Омский научный вестник. – 2011. – № 6. – С. 41–46.
2. Бандурин, В. В. Информатизация и глобализация инновационной экономики : монография / В. В. Бандурин, И. Э. Есиповский, Д. С. Ушаков ; под ред. В. С. Балабанова. – М. : АП «Наука и образование», 2008. – 263 с.
3. Патласов, О. Ю. Теория и практика предпринимательского риска : в 2 т. / О. Ю. Патласов. – Омск, 1997. – Т. 1. – 172 с.
4. Федеральный закон Российской Федерации от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» (в редакции от 29 декабря 2015 г.). – Гарант: информационно-правовой портал [Электронный ресурс]. – URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/12154854/paragraph/25850:1>
5. Игнатов, В. С. Информационное пространство. Структура и функции / В. С. Игнатов, Д. В. Пименова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2007. – № 3 – С. 3–10.
6. Таракова, Т. Н. Многомерная конкурентоспособность микропредприятия туризма: сущность и оценка / Т. Н. Таракова // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. – 2012. – № 2.
7. Дюжева, М. Б. Основы бизнес-исследования : учебно-методическое пособие / М. Б. Дюжева, Н. И. Роговская. – Омск, Омский гос. ун-т путей сообщения, 2015. –27 с.

M. B. Duzheva,

Omsk humanitarian Academy, Omsk state transport University

T. N. Tarasova,

Omsk state transport University, Siberian Institute of business and information technologies, Omsk

INFORMATION SUPPORT OF COMPETITIVENESS MANAGEMENT OF BUSINESS ACTIVITIES

The article briefly considers the information space of business as the basis of its competitiveness. It gives the description of the external information space of business structure and a structure inside information.

Keywords: business, business structure, competitiveness, information, information provision

References

1. Patlasov O. Yu., Gordusenko A. V. The small and medium-sized businesses: criteria, structure, financial mechanism. *Omskij nauchnyj vestnik*, 2011, no. 6, pp. 41-46.
2. Bandurin V. V., Esipov I. E., Ushakov D. S. *Informatizacija i globalizacija innovacionnoj jekonomiki* [The Informatization and globalization of the innovation economy]. A monograph. ed. by V. S. Balabanov, Moscow, «Science and education», 2008. 263 p.
3. Patlasov, O. Ju. *Teorija i praktika predprinimatel'skogo riska : v 2 tt. T 1* [Theory and practice of entrepreneurial risk : in 2 t.]. Omsk, 1997. 172 p.
4. About development of small and medium entrepreneurship in the Russian Federation (in edition from December 29, 2015). *Federal'nyj zakon Rossijskoj Federacii ot 24 iulja 2007 g. № 209-FZ*. Avialable at Garant: informacionno-pravovo portal. URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/12154854/paragraph/25850:1>
5. Ignatov V.S., Pimenova D. V. Information space. Structure and functions. *Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region. Obshhestvennye nauki*, 2007. no 3, pp. 3–10.
6. Tarasova, T. N. The multidimensional competitiveness of micro-enterprises tourism: the essence and assessment. *Vestnik Sibirskogo instituta biznesa i informacionnyh tehnologij*, 2012. no. 2.
7. Djuzheva, M.B., Rogovskaja, N.I. *Osnovy biznes-issledovanija: uchebno-metodicheskoe posobie* [The basics of business studies: textbook]. Omsk, Omsk state University of means of communication, 2015. 27 p.

© М. Б. Дюжева, Т. Н. Таракова, 2016

Авторы статьи:

Марина Борисовна Дюжева, кандидат экономических наук, доцент, Омская гуманитарная академия, Омский государственный университет путей сообщения.

Татьяна Николаевна Таракова, кандидат экономических наук, Омский государственный университет путей сообщения, Сибирский институт бизнеса и информационных технологий.

Рецензенты:

В. А. Ковлев, доктор экономических наук, доцент, Омский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

О. А. Никифоров, доктор исторических наук, доцент, Омский государственный университет путей сообщения.

В. И. Белых, С. Г. Полковникова,
Омский государственный технический университет

СИСТЕМООБРАЗУЮЩИЕ ПРИЗНАКИ КЛАССИФИКАЦИИ РИСКОВ ПРЕДПРИЯТИЙ

Научно обоснованная классификация рисков позволяет чётко определить место каждого конкретного риска в системе предпринимательских рисков на предприятии. Соответствующая таким критериям классификация создаёт предпосылки для грамотного и эффективного применения адекватных методов управления рисками. Поэтому при анализе деятельности предприятий и оценки рисков необходимо выявить и сформулировать цели и задачи классификации.

Ключевые слова: классификация рисков, структурные характеристики, критерии классификации, страхование рисков.

Под классификацией следует понимать распределение риска на конкретные блоки, группы в соответствии с определёнными критериями для достижения поставленных целей. Имеющаяся на сегодняшний день литература по рискологии изобилует различными подходами и конструкциями классификации предпринимательских рисков. Однако до сих пор ещё не разработано общепринятой и одновременно исчерпывающей классификации рисков. Сложность классификации рисков объясняется их многообразием, а также появлением новых видов по мере экономического, социального, технико-экономического развития государств и набирающими обороты процессами глобализации. Поэтому всё многообразие ситуаций и проблем, возникающих в хозяйственных единицах различного уровня и с различными целями функционирования, порождает стремление обозначать каждый источник неопределённости своим видом риска, пытаются изложить наиболее злободневные проблемы бизнеса, а некоторая поспешность умозаключений приводит порой к тавтологиям.

Наибольшее внимание классификации рисков заслуживают подходы, определяемые её целями и задачами. Одним из них является подход по критерию содержания структурных характеристик риска таких, как опасность, подверженность риску, уязвимость, взаимодействие с другими рисками, а также по критерию содержания других параметров: наличие информации о риске, величине риска, расходов, связанных с риском. Тем самым авторы, рассмотрев большое число критериев классификации, попытались выяснить, какие факторы как влияют на риск. Основной задачей является выявление однородных рисков. Но при этом затруднение вызвало изучение неоднородных рисков в силу сложности понимания связи наблюдаемых эффектов со спецификой рисков или с неоднородностью их классификации.

Попытки провести максимально полную и объёмную классификацию рисков содержатся в учебном пособии О. Ю. Патласова. Причём рассмотрены классификации по различным признакам, в том числе и отраслевых и особых видов риска таких, как: транспортные, риск банкротства, информационный, риски последствий промышленного шпионажа, инфляционный и ценой; страховемые и несторхуемые, аудиторские риски [1], целый веер финансовых рисков [2].

В зависимости от величины потерь в научной литературе выделяют допустимый, критический и катастрофические риск, а также безрисковую зону; по критерию экономико-этической среды – деловой, криминальный, нравственный, моральный; в рамках регулирования и юридического толкования – правомерный и неправомерный; по сфере возникновения – политические, социальные, технологические, экономические и др.; в рамках политических катаклизмов выделяются два блока: внутренние и внешние (страновые) [3] и т. д.

Существуют и другие подходы к классификации рисков. Но они, как правило, повторяют в чём-то друг друга. Небольшие расхождения заключаются в количественном составе признаков, а иногда и в содержательном смысле. Например, признак «сфера возникновения», подразумевающий деление рисков на внешние и внутренние. Почти все авторы к внешним относят риски, не связанные непосредственно с деятельностью предприятия.

Следующий признак – «масштаб воздействия»: локальный и глобальный используется также во многих работах. Масштаб воздействия подразделяется, помимо локального и глобального, на отраслевой, региональный, национальный, хотя глобальный как раз и подразумевает перечисленные последние границы охвата. Локальный же риск возникает на уровне предприятия.

Признак «по возможности страхования»: страхуемый и нестрахуемый, как правило, встречается в большинстве работ. Страхуемые риски – это те риски, которые поддаются возможности оценки их уровня и могут быть приняты страховыми организациями. Нестрахуемые риски не принимаются страховщиками. Их уровень, как правило, не может быть точно определён.

Незначительны расхождения во мнении относительно признака, характеризующего «длительность воздействия риска». Данный признак подразумевает существование краткосрочного и долгосрочного риска. К группе краткосрочных относятся те риски, которые «угрожают» предпринимателю в течение известного отрезка времени. К постоянным относятся те риски, которые непрерывно «угрожают» предпринимательской деятельности.

Ещё один признак, повторяющийся в большинстве работ, – это «степень допустимости». Поскольку основная задача предпринимателя – рисковать расчтливо, не переходя ту грань, за которой может произойти полный крах, следует выделять допустимый, критический и катастрофический риски.

Следует отметить, что существует очень устойчивая взаимосвязь между принимаемым на себя риском и предполагаемой доходностью предприятия: более высокому риску свойственна более высокая доходность. Интересно отметить и ещё одну общую закономерность: чем выше ожидаемый доход, тем ниже вероятность его получить, т. е. тем выше риск. Оптимальной комбинацией доходности и риска является та, в которой достигается минимум для соотношения «риск – доходность». При этом должны одновременно выполняться два условия:

1. Ни одна другая комбинация доходности и риска не может обеспечить большей доходности при данном или меньшем уровне риска.

2. Ни одна другая комбинация доходности и риска не может обеспечить меньшего риска при данном или большем уровне доходности.

Однако кроме принятия разумного риска и его минимизации предприятие должно осуществлять свою деятельность таким образом, чтобы обеспечить себе определённый доход, превышающий некий минимально допустимый уровень («минимально достаточный доход»).

На практике выбор оптимальной зоны достигается предприятием в процессе управления риском, причём поиск оптимального соотношения «риск – доходность» осуществляется, как правило, поэтапно, через реализацию управленческих решений.

Согласованность авторов обнаруживается и в существовании признака «возможность диверсификации», представляющий деление рисков на систематический и несистематический (специфический), где систематический характерен для всей экономической системы и не поддаётся диверсификации, а несистематический связан со спецификой деятельности предприятия, отрасли и т. п. И он может быть преодолён посредством диверсификации.

По степени риска бывают оправданные и неоправданные риски. Главным моментом в этой разновидности классификации выступает граница между ними в разных видах предпринимательской деятельности. В области научно-технического прогресса допустимая вероятность получения отрицательных результатов на стадии фундаментальных исследований составляет 5–10 %, в области прикладных научных разработок – 80–90 %, в области проектно-конструкторских разработок – 90–95 %. При этом существуют отдельные отрасли, где возможность риска вообще не допускается – атомная энергетика и т. п.

По критерию «ожидаемые результаты» риски подразделяются на чистые, характеризующиеся постоянством потерь для предприятия, и спекулятивные, характеризующиеся как потерями, так и дополнительной прибылью.

Наиболее многочисленная классификация по признаку «сфера деятельности». В основу её положены сферы деятельности предприятия. И здесь начинаются разнотечения в представлении этих сфер. Одни авторы выделяют риски, относящиеся непосредственно к предприятию, другие – в перемешку с внешними.

Многие авторы [6, 8, 9, 11] классифицируют риски по критерию «в зависимости от этапа решения проблемы»:

- риски в сфере принятия решений и риски в сфере их реализации;
- «природы возникновения» – хозяйственный, связанный с личностью предпринимателя и недостатком информации;
- «степени новизны» – повседневные и инновационные;
- «возможные последствия» – упущенная выгода;
- «повторяемость» – постоянный, повторяющийся;

- «причины возникновения» – субъективный характер, объективные причины;
- «объект возникновения» – отдельные операции, отдельные направления деятельности и деятельность предприятия в целом;
- «возможность предвидения и точность оценки» – риски, прогнозируемые с большей точностью оценки вероятности, риски, трудно прогнозируемые и риски прогнозируемые;
- «далнейшей детализации» – простые и сложные.

Заслуживает более подробного рассмотрения классификации рисков по критерию «сфера, виды деятельности». И. Т. Балабанов [3] в систему рисков включает группы, категории, виды, подвиды и разновидности рисков, объединённые по определённым признакам. Данная классификация отражает риски, которые возникают в любой сфере предпринимательской деятельности. В зависимости от возможного результата автор делит их на две большие группы: чистые и спекулятивные. Но при этом почему-то объединяет в риски одного уровня кредитный, процентный, валютный, т. е. риски, возникающие в различных сегментах финансового рынка, и риск упущенной выгоды. Подобное объединение не совсем правомерно, поскольку риск упущенной выгоды, во-первых, представляется как один из подходов к определению категории риска – это субъективное отношение автора к его пониманию, а не его разновидность. Во-вторых, это такой вид риска, который непосредственно относится к конъюнктурной среде, окружающей организацию в целом. Поэтому данное объединение рисков различных уровней не соответствует структуре и возможностям управления, не позволяет адекватно описать ситуации неопределенности, в которых находится предприятие, и поэтому дезориентирует усилия рискового менеджмента, т. е. обуславливает принятие неэффективных управлеченческих решений. В качестве замечания следует также отметить, что автор не разделил риски на внешние и внутренние, что также затрудняет процесс принятия решений в силу отсутствия чёткого представления о границах между внутренним потенциалом предприятия и внешней неопределенностью, не зависящей от деятельности предприятия и не поддающейся его влиянию.

Ряд авторов [5, 7] выделяет риски макроуровня (страновые), мезоуровня (отраслевые) и микроуровня (внутрифирменные), где последние различаются по стадиям проявления в проекте: инвестиционный и предпринимательский. Однако в этой классификации не учитывается то обстоятельство, что инвестиционный риск является составной частью общего финансового риска. Целесообразно добавить в группу предпринимательского риска наряду с финансовыми рисками и коммерческими рисками управлеченческой деятельности риски менеджмента, поскольку они ещё в более значительной степени влияют на результаты деятельности предприятия.

Наиболее отвечающим требованиям управления рисками является деление их на производственный, коммерческий, финансовый (кредитный), инвестиционный и рыночный [11]. С этой классификацией нельзя не согласиться. Однако включение в производственное изменение конъюнктуры рынка, усиление конкуренции не совсем верно, поскольку это результат несовершенной маркетинговой политики. Маркетинг представляет собой отдельную сферу, поэтому всё, что касается маркетинговых составляющих, необходимо относить в отдельную группу маркетингового риска. Следует отметить, что все составляющие групп рисков являются элементами как внешней, так и внутренней среды.

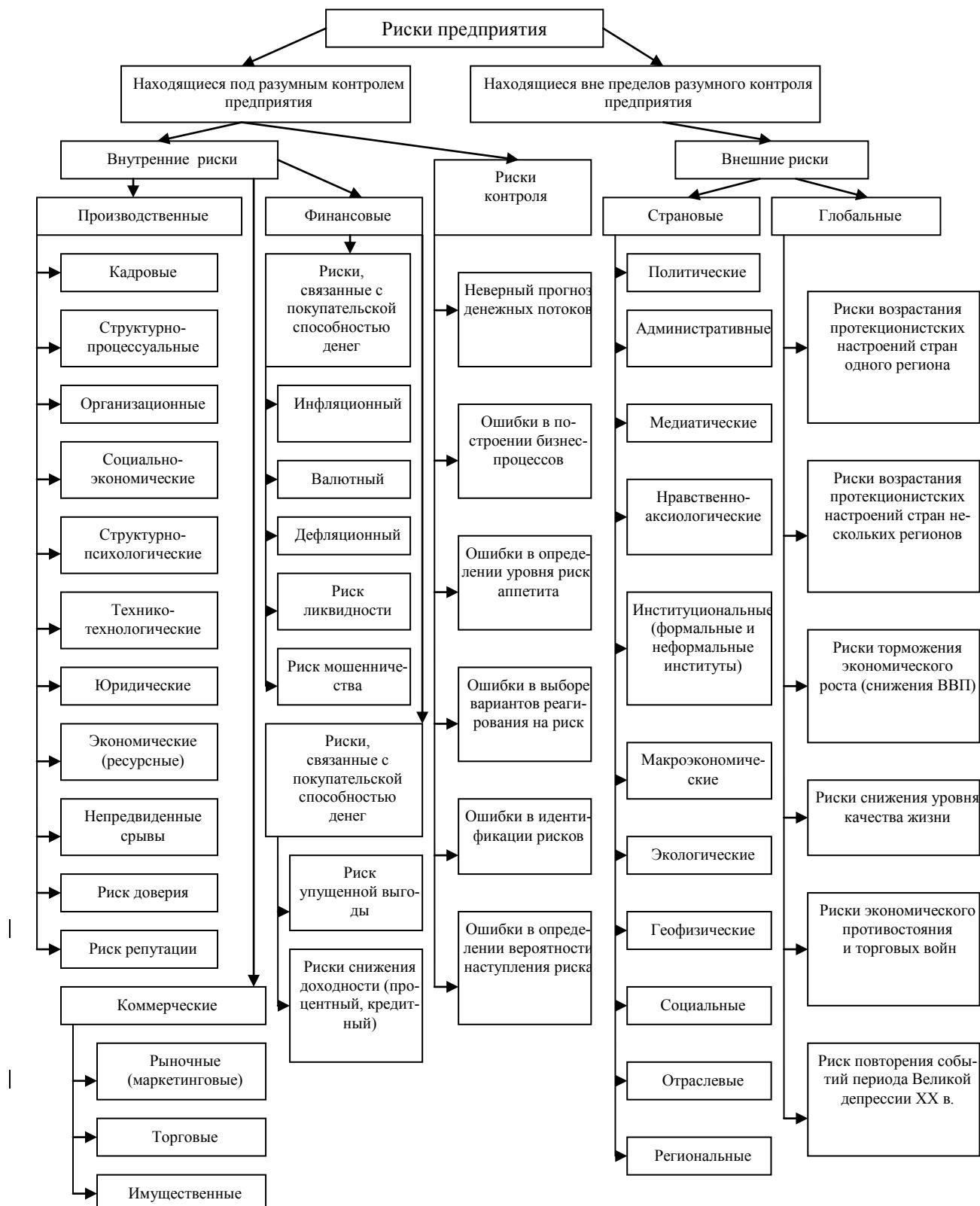
Более рациональной классификацией является классификация факторов хозяйственного риска в деятельности предприятия [9]. В качестве объекта анализа риска определяется предприятие производственного типа и чётко разграничиваются внешние и внутренние риски. Внешние подразделяются на политические, социально-экономические, экологические и научно-технические. Внутренние – в зависимости от сферы деятельности, которую автор разделяет на промышленную и непромышленную.

Таким образом, анализ существующих классификаций рисков выявил многовариантность в подходах к их классификации. Во-первых, это объясняется, прежде всего, различием целей и задач классификации. Во-вторых, сравнивая рассмотренные подходы к классификации рисков, можно отметить, что одни из них основываются на излишней детализированности по всем возможным признакам, другие оторваны от реалий производственно-хозяйственной деятельности предприятий.

На основании анализа, содержащегося в заслуживающей внимания современной рискологической и рисковеденческой литературе различных критериальных и целеориентированных подходов к процессу классификации рисков, и учитывая высокий динамизм трансформации всей совокупности общественно-экономических и технико-технологических отношений странового и мирового масштаба, можно сформулировать аксиому, согласно которой задача конструирования исчерпывающей и общепризнанной классификации рисков в принципе является нерешаемой. И поэтому

каждый исследователь в области рискологии и рисковедения будет использовать ту выстроенную им классификацию рисков, которая соответствует поставленным целям и задачам исследования.

Предлагаемая классификация рисков предпринимательских структур базируется на следующих постулатах (рис.).

Классификация рисков

1. Риски не возникают из ничего. С одной стороны, они объективно обусловлены, жёстко детерминированы, неотвратимы. С другой стороны, взаимодействие людей в процессе осуществления трудовой деятельности в силу релятивизма познания окружающей действительности, неполноты и ассиметричности информации и своего несовершенства всегда сопряжено с наступающими рисками. Природа рисков всегда двояка: детерминистская и стохастическая. Это первое, что должно быть положено в основание классификации рисков.

2. Риски предпринимательской деятельности на рынке возникают в результате построения и осуществления контрактных отношений между различными экономическими агентами одной или нескольких сфер (деятельности). В результате межагентских отношений возникает масса неожиданных рисков различного содержания и интенсивности.

3. Предпринимательские риски возникают в случае изменения внешнеэкономической деятельности государства, нарастания интеграционных процессов и глобализации.

4. Предпринимательские структуры осуществляют свою деятельность в условиях того или иного уровня политической стабильности, непредсказуемых институциональных изменений, макроэкономической цикличности.

5. Специфика предпринимательских рисков обуславливается в каждом конкретном случае тактико-стратегическими целями предприятия.

6. В связи с возрастанием роли и значения человеческого фактора в условиях реального информационного общества значительно вырастают риски контроля со стороны человека.

7. Риски повышенной опасности для всех предпринимательских структур – резидентов – это риски изменения нормативной базы (regulatory risk) и правительственные риски (governance risk).

8. Но выше по степени опасности риск подрыва деловой репутации. («Ваша репутация стоит ровно столько, сколько могут дать вам деньги взаймы». У. Черчилль)

Не случайно девизом нижегородских купцов в дореволюционной России, выражаясь современным языком, был лозунг: «Прибыль превыше всего, но честь выше прибыли».

Всё изложенное выше с учётом полученной информации в результате историко-логического рассмотрения постоянно нарастающей «волны» рисковых ситуаций, а также публикаций исследователей в области рискологии, которые либо повторяют друг друга, либо изобретают нечто необыкновенное, поражающее своей фантазией, позволяет приблизиться к верному и рациональному выводу о том, что риск – это всегда отношение, где имеет место и субъект, и объект отношения.

Риск – это отношение двойкого рода:

- 1) отношение субъекта к объекту (риску);
- 2) отношение субъект – субъект, складывающееся по поводу объекта.

Во всех исследованиях осмысленно или неосознанно рассматривается лишь один срез этого отношения – отношение к риску (событию) и к его эффекту, результатам (последствиям). Понятно, что это отношение является своеобразным исходным, определяющим основное – по поводу и событий, и результатов.

Итак, риск – это совокупность специфических экономических отношений, складывающихся между экономическими агентами странового и международного уровня (резидентами и нерезидентами) по поводу распознавания, предотвращения, нейтрализации или ослабления (смягчения) рисков и их последствий.

Специфичность этих отношений заключается в достаточно высокой степени их реагирования на неформальные институты, правила и поведение контрагентов, преследующих свои узкоэгоистические интересы. Оппортунистическое поведение в рамках предпринимательских структур по вектору «принципал – агент» внеисторично, равно как и оппортунистическое поведение «принципалов» предпринимательских структур различного уровня. Это поведение влечёт за собой ощущимые издержки как до (ex ante), так и после (ex post) заключения сделки, имманентно присущей самой природе предпринимательства.

Библиографический список

1. Патласов, О. Ю. Теория и практика предпринимательского риска: в 2 ч. / О. Ю. Патласов. – Омск, 1997. – Ч. 1. – 172 с.
2. Патласов, О. Ю. Теория и практика предпринимательского риска : в 2 ч. / О. Ю. Патласов. – Омск, 1997. – Ч. 2. – 168 с.
3. Организация производства и предпринимательства в АПК : учебное пособие / Ф. Я. Начитов, О. Ю. Патласов, Ф. К. Шакиров [и др.]. – Омск : Изд-во ОмГАУ, 2004. – С. 528–573.
4. Балабанов, И. Т. Риск-менеджмент / И. Т. Балабанов. – М. : Финансы и статистика, 1996. – 188 с.
5. Балдин, К. В. Управление рисками : учеб. пособие / К. В. Балдин, С. Н. Воробьев. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2005. – 511 с.
6. Бусыгин, А. В. Предпринимательство : учебник / А. В. Бусыгин. – 3-е изд. – М. : Дело, 2001. – 640 с.
7. Буянов, В. П. Рискология (управление рисками) : учеб. пособие. – 2-е изд., испр. и допол. / В. П. Буянов, К. А. Кирсанов, Л. М. Михайлов. – М. : Изд-во «Экзамен», 2003. – 384 с.
8. Воробьев, С. Н. Управление рисками в предпринимательстве / С. Н. Воробьев, К. В. Балдин. – М. : Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2006. – 772 с.
9. Качалов, Р. М. Теория и методы анализа риска в деятельности предприятия / Г. Б. Клейнер, В. Л. Тамбовцев, Р. М. Качалов // Предприятия в нестабильной экономической среде: риски, стратегии, безопасность. – М. : ОАО Изд-во «Экономика». 1997. – С. 181–248.
10. Воеводина, А. А. Применение системы управления рисками при оценке эффективности предпринимательских проектов / А. А. Воеводина // Экономика региона: комплексные инновационные подходы и решения. Материалы межрегиональной научно-практической конференции. 31 мая 2005 года. – Омск : Правительство Омской области, 2005. – С. 319–322.
11. Швец, А. В. О наиболее нецелесообразном методе оценки риска / А. В. Швец // Управление риском. – 2002. – № 4. – С. 56–60.

V. I. Belykh, S. G. Polkovnikova, Omsk State Technical University

SIGNS BACKBONE RISK CLASSIFICATION COMPANIES

Evidence-based risk classification allows you to clearly identify the location of each specific risk in the system of business risks across the enterprise. The relevant criteria for classification of such a prerequisite for correct and efficient application of adequate risk management practices. Therefore, when analyzing the activities of enterprises and risk assessment is necessary to identify and target sformulirovat and classification tasks.

Keywords: risk classification, structural features, classification criteria, risk insurance.

References

1. Patlasov O. Iu. *Teoriia i praktika predprinimatel'skogo riska* [Theory and practice of entrepreneurial risk]. Omsk, 1997, part 1, 172 p.
2. Patlasov O. Iu. *Teoriia i praktika predprinimatel'skogo riska* [Theory and practice of entrepreneurial risk]. Omsk, 1997, part 2, 168 p.
3. Nachitov F. Ia., Patlasov O. Iu., Shakirov F. K. *Organizaciia proizvodstva i predprinimatel'stva v APK* [Organization of production and entrepreneurship in agriculture]. Omsk, OmGAU Publ., 2004, pp. 528–573.
4. Balabanov I. T. *Risk-menedzhment* [Risk management]. Moscow, Finansy' i statistika Publ., 1996, 188 p.
5. Baldin K. V., Vorob'ev S. N. *Upravlenie riskami* [Risk management]. Moscow, IUNITI-DANA Publ., 2005, 511 p.
6. Busy`gin A. V. *Predprinimatel'stvo* [Entrepreneurship]. Moscow, Delo Publ., 2001, 640 p.
7. Buianov V. P., Kirsanov K. A., Mihai'lov L. M. *Riskologiya (upravlenie riskami)* [Riskology (risk management)]. Moscow, E'kzamen Publ., 2003, 384 p.
8. Vorob'ev S. N., Baldin K. V. *Upravlenie riskami v predprinimatel'stve* [Risk management in entrepreneurship]. Moscow, Dashkov i K Publ., 2006, 772 p.
9. Clei`ner G. B., Tambovtcev V. L., Kachalov R. M. Theory and methods of risk analysis in the enterprise. *Predpriatiia v nestabil'noi e'konomicheskoi srede: riski, strategii, bezopasnost'*. Moscow, E'konomika Publ., 1997, pp. 181–248.
10. Voevodina A. A. Application of risk management when assessing the effectiveness of business projects. *E'konomika regiona: kompleksny'e innovacionny'e podhody' i resheniiia*. Omsk, Pravitel'stvo Omskoi oblasti Publ., 2005, pp. 319–322.

11. Shvetc A. V. About the most impractical method of risk assessment. *Upravlenie riskom*, 2002, No. 4, pp. 56–60.

© В. И. Белых, С. Г. Полковникова, 2016

Авторы статьи:

Владимир Иванович Белых, кандидат технических наук, доцент, Омский государственный технический университет, e-mail: belykhVI@yandex.ru

Светлана Геннадьевна Полковникова, кандидат экономических наук, доцент Омский государственный технический университет, e-mail: polkovnikova.svetlana2011@yandex.ru

Рецензенты:

В. В. Бирюков, доктор экономических наук, профессор, Сибирская государственная автомобильно-дорожная академия, г. Омск.

А. Д. Косьмин, доктор экономических наук, профессор, Омский государственный технический университет.

УДК 336.7

DOI 10.17238/issn1998-5320.2016.24.183

Н. П. Кононова,

Омский региональный институт

О. Ю. Патласов,

Омская гуманитарная академия

Э. Д. Кононов,

Омский региональный институт

РИСК-ОРИЕНТИРОВАННЫЙ ПОДХОД В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ОТМЫВАНИЮ ДОХОДОВ И ФИНАНСИРОВАНИЮ ТЕРРОРИЗМА

Проанализировано международное и национальное законодательство по предупреждению финансовых преступлений. Приведён опыт зарубежных стран – участниц ФАТФ по созданию национальных систем противодействия легализации доходов. Описаны правила внутреннего контроля. Приведена методика оценки риска клиента по правилам внутреннего контроля кредитной организации.

Ключевые слова: преступные доходы, отмывание денег, Росфинмониторинг, оценка риска, финансирование терроризма.

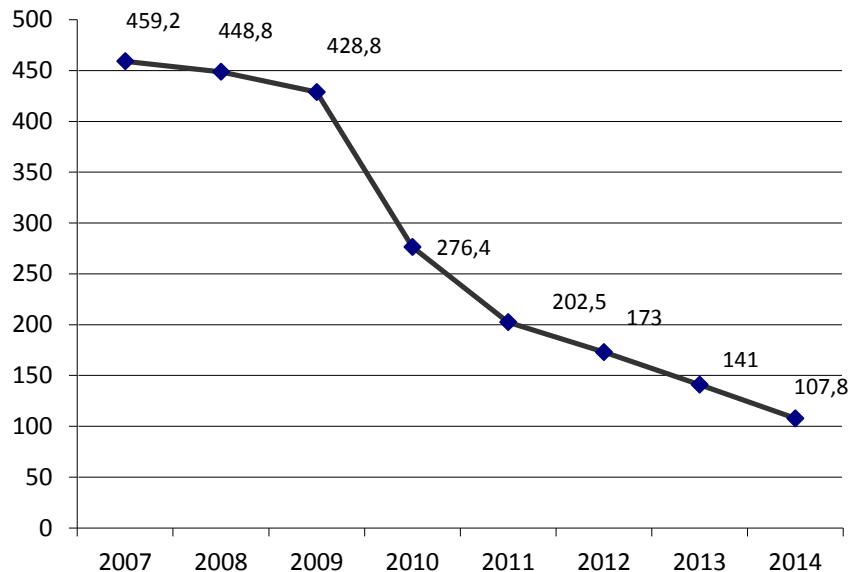
Актуальность темы исследования аккумулируется следующими обстоятельствами. Во-первых, не снижаются масштабы нецелевого использования бюджетных средств, во-вторых, средства гособоронзаказа используются неэффективно, в-третьих, сохраняются спекуляции на валютном рынке, в том числе со стороны госкорпораций, в-четвёртых, недостаточно контролируется отток капиталов за рубеж, в-пятых, не снижается оборот наркотиков, в-шестых, актуализировали свои действия агенты террористических организаций, в-седьмых, чрезмерным остаётся размах офшорных юрисдикций, несмотря на действие Федерального закона от 07.08.2001 № 115-ФЗ (ред. от 30.12.2015) «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма» (с изм. и доп., вступ. в силу с 29.03.2016), при общем снижении числа экономических преступлений (рис.) статистика свидетельствует об угрожающих масштабах противозаконной деятельности по легализации доходов, незаконному выводу денег за рубеж, неполной эффективности системы охраны правопорядка и возможности воздействия коррупции.

В 2014 г. финансовая разведка получила более 11 млн сообщений о сомнительных операциях на сумму 160 трлн р. [6].

По данным Агентства страхования вкладов, ущерб от мошенничества банкиров составил 550 млрд р. В 80 % случаев банкротство банков имеет криминальный характер. В 2015 г. только 1 % взыскан государству по судебным искам [3].

Прикладная теория риска не выработала количественные критерии риска в сфере противодействия отмыванию доходов и финансированию терроризма при разбиении на безрисковую зону,

допустимый, критический и катастрофический риск по аналогии с предпринимательскими рисками [5]. Отечественными учёными с позиции экономико-этической среды исследовались деловой, криминальный, нравственный и моральный риски; по различным критериям проанализированы финансовые риски, а также факторы риска, связанные с персоналом и безопасностью бизнеса [4].

Динамика общего числа зарегистрированных экономических преступлений в 2007–2014 гг.

В зарубежной научной литературе в силу многогранности аспектов финансирования терроризма и преступного отмывания доходов имеется большое число публикаций по противодействию финансовому терроризму. Так, роль ООН в противодействии феномену иностранных террористических организаций проанализирована в трудах Andrea de Guttry [9].

На основе тематического исследования роли частных финансовых институтов в борьбе с финансированием терроризма Олдрич Бурес в работе «Государственно-частное партнёрство в борьбе с терроризмом?» рассматривает мотивировки и фактические результаты деятельности государственно-частного партнёрства в борьбе с терроризмом [10].

Международная борьба с терроризмом проходит в дефиниционном вакууме. Международное определение терроризма не может фактически оказать влияние на государственные меры по борьбе с терроризмом и внутренние определения терроризма [11].

В трудах учёных доказывается правомерность оптимизации рисков, а не минимизации [2, с. 528–573].

Национальный центр оценки рисков рассматривает цепочку минимизации риска: выявление риска – анализ риска – оценка риска – меры по устранению – оценка эффективности принимаемых мер.

Руководство ОБСЕ по сбору данных при проведении национальной оценки рисков отмывания денег и финансирования терроризма (2014) справедливо исходит из того, что подходы к проведению национальных оценок рисков ОД/ФТ ещё мало изучены, и многие страны сталкиваются с трудностями при выборе или разработке методологии, которая отвечала бы их потребностям и возможностям. Методологии НОР содержат специальные инструменты/модули для сбора данных, но руководство ОБСЕ включает типовые матрицы, призванные не заменить эти инструменты, а помочь странам собрать исчерпывающие и точные наборы данных, которые затем можно использовать для НОР, подготовки соответствующих отчётов, осуществлять его мониторинг и повышать эффективность.

Пленум ВС РФ отправил на доработку постановление «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретённых преступным путём, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путём» (2015). В новой редакции предметом преступлений названы денежные средства или иное имущество, приобретённые преступным путём, независимо от формы и способов осуществления с ними сделок, направленных на установление, изменение или прекращение связанных с ними гражданских прав и обязанностей, а также действий, которые призваны создавать видимость возникновения или перехода гражданских

прав и обязанностей. Указанные сделки и финансовые операции должны содержать попытку скрыть преступный источник получения имущества (основное преступление) путём запутанности и непрозрачности, использования подложных документов. Незаконно полученным имуществом считается не только то, что было добыто в результате совершения конкретного преступления (хищения, например), но и полученное в качестве материального вознаграждения за преступные действия (к примеру, убийство по найму) либо в качестве оплаты за сбыт предметов, ограниченных в гражданском обороте. Предстоит решить вопрос, можно ли считать преступными доходами недоимки по налогам и таможенным сборам.

Группа разработки финансовых мер по борьбе с отмыванием денег – Financial Action Task Force, куда входят 35 стран-участниц, включая Российскую Федерацию и две международные организации, приняла в 2012 г. рекомендации, в том числе, 1. «Оценка рисков и применение риск-ориентированного подхода». Странам следует определить, оценить и предпринять шаги, в том числе определив орган или механизм по координации мер по оценке рисков, а также распределить ресурсы с целью эффективного снижения этих рисков. Предложено на основе этой оценки рисков отмывания денег и финансирования терроризма для страны применять риск-ориентированный подход для того, чтобы меры по предупреждению отмывания денег и финансирования терроризма соответствовали выявленным рискам [7].

Постановлением Правительства Российской Федерации от 30 июня 2012 года № 667 утверждены «Требования к правилам внутреннего контроля, разрабатываемым организациями, осуществляющими операции с денежными средствами или иным имуществом (за исключением кредитных организаций)».

Правила внутреннего контроля (ПВК) разрабатываются в соответствии с законодательством Российской Федерации и являются документом, который:

- регламентирует организационные основы работы, направленной на противодействие легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма, в организациях;
- устанавливает обязанности и порядок действий должностных лиц и работников в целях осуществления внутреннего контроля;
- определяет сроки выполнения обязанностей в целях осуществления внутреннего контроля, а также лиц, ответственных за их реализацию.

ПВК включают в себя следующие **программы осуществления внутреннего контроля**:

1. Программа, определяющая организационные основы осуществления внутреннего контроля (программа организации внутреннего контроля).

2. Программа идентификации клиентов, представителей клиентов и (или) выгодоприобретателей (программа идентификации).

3. **Программа оценки степени (уровня) риска совершения клиентом операций, связанных с легализацией (отмыванием) доходов, полученных преступным путём, и финансированием терроризма (программа оценки риска).**

4. Программа выявления операций (сделок), подлежащих обязательному контролю, и операций (сделок), имеющих признаки связи с легализацией (отмыванием) доходов, полученных преступным путём, или финансированием терроризма (программа выявления операций).

5. Программа документального фиксирования информации.

6. Программа, регламентирующая порядок работы по приостановлению операций в соответствии с Федеральным законом № 115 «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма» (далее – ФЗ) (программа по приостановлению операций (сделок)).

7. Программа подготовки и обучения сотрудников организации в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма.

8. Программа проверки осуществления внутреннего контроля.

9. Программа хранения информации и документов, полученных в результате реализации программ осуществления внутреннего контроля в целях противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма (программа хранения информации).

Перечень программ определён исчерпывающим образом; ранее в правила включались иные программы по усмотрению организации.

В ПВК устанавливаются полномочия, а также обязанности, возлагаемые на специальное должностное лицо, ответственное за реализацию правил. ПВК утверждаются руководителем организации.

Программа оценки риска определяет процедуры оценки и присвоения степени (уровня) риска клиенту с учётом требований к его идентификации:

– При возникновении договорных отношений с клиентом (принятии его на обслуживание); в ходе обслуживания клиента (по мере совершения операций (сделок)); а также в иных случаях, предусмотренных организацией в правилах внутреннего контроля.

Данная программа предусматривает:

– Проведение оценки риска клиентов на основе признаков операций, видов и условий деятельности, имеющих повышенный риск совершения клиентами операций в целях легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путём, и финансирования терроризма, с учётом рекомендаций ФАТФ.

– Порядок и периодичность осуществления мониторинга операций (сделок) клиента в целях проведения оценки степени (уровня) риска и последующего контроля за её изменением [1, с. 131–143].

Перечень признаков операций, видов и условий деятельности, имеющих повышенный риск совершения клиентами операций в целях легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путём, и финансирования терроризма:

1. Деятельность по организации и проведению азартных игр.
2. Деятельность, связанная с реализацией, в том числе комиссионной, предметов искусства, антиквариата, мебели, легковых транспортных средств, предметов высокой роскоши.
3. Деятельность, связанная со скупкой, куплей-продажей драгоценных металлов, драгоценных камней, а также ювелирных изделий, содержащих драгоценные металлы и драгоценные камни, и лома таких изделий.
4. Деятельность, связанная с совершением сделок с недвижимым имуществом и/или оказанием посреднических услуг при совершении сделок с недвижимым имуществом.
5. Туроператорская и турагентская деятельность, а также иная деятельность по организации путешествий (туристская деятельность).
6. Любая деятельность, связанная с интенсивным оборотом наличности.
7. Период деятельности с даты государственной регистрации юридического лица, индивидуального предпринимателя, получения статуса адвоката, нотариуса составляет менее 1 года.
8. Период нахождения клиента на обслуживании в организации (срок, прошедший с даты принятия на обслуживание клиента) составляет менее 1 года.
9. Отсутствие по адресу места нахождения юридического лица постоянно действующих органов управления, иных органов или лиц, имеющих право действовать от имени такого юридического лица без доверенности.
10. Клиент осуществляет взаимодействие с организацией, осуществляющей операции с денежными средствами или иным имуществом, исключительно через представителя, действующего по доверенности.
11. Клиент и/или выгодоприобретатель или учредитель является участником федеральных целевых программ или национальных проектов либо резидентом особой экономической зоны.
12. Клиент и/или выгодоприобретатель или учредитель является организацией, в уставном капитале которой присутствует доля государственной собственности.
13. Клиент и/или выгодоприобретатель является нерезидентом Российской Федерации.
14. Клиент является иностранным публичным должностным лицом либо действует в интересах (к выгода) иностранного публичного должностного лица.
15. Клиент является супругом, близким родственником (родственником по прямой восходящей и нисходящей линии (родителем и ребёнком, дедушкой, бабушкой и внуком), полнородным и неполнородным (имеющим общих отца или мать) братом и сестрой, усыновителем и усыновлённым) иностранного публичного должностного лица.
16. Совершение клиентом операций с денежными средствами или иным имуществом, подлежащих обязательному контролю в соответствии с пунктом 2 статьи 6 Федерального закона.
17. Наличие в деятельности клиента подозрительных операций, сведения по которым представлялись в уполномоченный орган.
18. Клиент осуществляет расчёты по операции (сделке) с использованием интернет-технологий, электронных платёжных систем, альтернативных систем денежных переводов или иных

систем удалённого доступа, либо иным способом без непосредственного контакта (за исключением внесения разовых платежей через платёжный терминал на сумму менее 15 000 р. либо эквивалента этой суммы в иностранной валюте).

19. Клиент и/или его контрагент, представитель клиента, выгодоприобретатель или учредитель клиента является фигурантом Перечня организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их участии в экстремистской деятельности.

20. Адрес регистрации (места нахождения или места жительства) клиента, представителя клиента, выгодоприобретателя или учредителя совпадает с адресом регистрации (местом нахождения или местом жительства) фигурантов Перечня организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их участии в экстремистской деятельности.

21. Клиент является близким родственником лица, включённого в Перечень организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму.

22. Деятельность общественных и религиозных организаций (объединений), благотворительных фондов, иностранных некоммерческих неправительственных организаций и их представительств и филиалов, осуществляющих свою деятельность на территории Российской Федерации.

23. Клиент является руководителем или учредителем общественной или религиозной организации (объединения), благотворительного фонда, иностранной некоммерческой неправительственной организации, её филиала или представительства, осуществляющего свою деятельность на территории Российской Федерации.

24. Клиент и/или его контрагент, представитель клиента, выгодоприобретатель или учредитель клиента зарегистрирован в государстве или на территории с высокой террористической или экстремистской активностью.

25. Клиент и/или его контрагент, представитель клиента, выгодоприобретатель или учредитель клиента имеет соответственно регистрацию, место жительства или место нахождения в государстве (на территории), которое (которая) не выполняет рекомендации Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ), либо если указанные операции проводятся с использованием счёта в банке, зарегистрированном в указанном государстве (на указанной территории).

26. Клиент или его учредитель (выгодоприобретатель) либо контрагент клиента по операции (сделке) зарегистрирован или осуществляет деятельность в государстве или на территории, предоставляемом(ей) льготный налоговый режим налогообложения и (или) не предусматривающем(ей) раскрытия и предоставления информации при проведении финансовых операций (оффшорной зоне).

Основные риск-сектора в Российской Федерации:

1. Международно-правовые риски.
2. Риски деятельности финансовых институтов.
3. Бюджетные риски.
4. Риски в отраслях и сферах экономики.
5. Региональные риски.
6. Риски финансирования терроризма и экстремизма.

Критерии оценки риска клиента по типу клиента; по страновому риску; *по риску, связанному с проведением клиентом определённого вида операций* [8], идентифицируются по уровню «критичный», «высокий», «стандартный».

Особенности мониторинга и анализа операций клиентов, относящихся к различным степеням (уровням) риска, рассматриваются в соответствующих Программах и Порядках. Порядок учёта и фиксирования результатов оценки степени (уровня) риска реализуется также в соответствии с Порядком документального фиксирования и Порядком хранения информации.

Национальная оценка рисков представляет собой организованную систематическую деятельность по выявлению и изучению источников и методов легализации преступных доходов и финансирования терроризма, а также поиску слабых сторон в системах ПОД/ФТ, которые прямо или косвенно влияют на страну, осуществляющую оценку. Среди субъектов оценки рисков как учреждения государственного сектора, действующие совместно и сотрудничающие с частным сектором, так и независимые агентства, оценивающие специфические риски ПОД/ФТ. Организованная и систематическая оценка рисков проводится в соответствии с чёткой процедурой и поставленными целями занимающихся отмыванием денежных средств и финансированием терроризма.

Росфинмониторинг в 2015 г. направлял действия на следующие основные риски:

- Риски снижения стабильности финансово-банковской системы и усиления спекуляции на валютном рынке.
- Риски вовлечения финансовых институтов в незаконные финансовые операции и их криминализация.
- Риски нецелевого расходования государственного бюджета, в том числе направленного на обеспечение финансовой устойчивости в условиях кризиса.
- Отраслевые, секторальные и региональные риски.
- Риски срыва реализации налоговой амнистии и возврата капитала.

Международный опыт стран-участниц ФАТФ по созданию национальных систем противодействия легализации доходов, полученных преступным путём демонстрирует, что оценка риска легализации доходов, полученных преступным путём, проводится прежде всего в кредитно-финансовых учреждениях; система первичного финансового мониторинга исключает выявление обязательного перечня операций и основана на представлении информации о подозрительных сделках клиентов. Исходя из практики и трендов российского антилегализационного законодательства институт обязательного контроля будет укрепляться. Несмотря на полное соответствие российского законодательства международным стандартам и требованиям ФАТФ, нормативно-правовое регулирование деятельности российских коммерческих банков в части реализации ими антиотмывочных процедур нуждается в дальнейшем совершенствовании.

Нерегулируемость безэмиссионных криптовалют создает реальную опасность финансированию теневых операций. Научный и практический интерес представляет введение отечественной регулируемой криптовалюты, основанной не на генерировании по алгоритму компьютером как биткоин без юридических последствий, а наличием лицензированного Центробанком эмитента с определенными обязанностями. При этом обмен валют на криптовалюту юридические лица и граждане будут осуществлять на специальных электронных площадках по регламентированным правилам. Прозрачность операций может гарантироваться идентификацией личности покупателя криптовалюты. Таким образом, идет процесс формирования правового поля противодействия незаконным финансовым операциям.

Библиографический список

1. Кононова, Н. П. Особенности методики разработки правил внутреннего контроля организаций по противодействию преступному отмыванию денег и финансированию терроризма / Н. П. Кононова // Вестник ОмРИ. – 2015. – С. 131–143.
2. Начитов, Ф. Я. Организация производства и предпринимательства в АПК : учебное пособие / Ф. Я. Начитов, О. Ю. Патласов, Ф. К. Шакиров [и др.]. – Омск : Изд-во ОмГАУ, 2004. – С. 528–573.
3. Материалы к заседанию экспертно-аналитического совета при АСВ 31 марта 2016 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.dp.ru/a/2016/03/30/ASV_ocenilo_ukradennuju_ba/
4. Начитов, Ф. Я. Организация производства и предпринимательства в АПК : учебное пособие / Ф. Я. Начитов, О. Ю. Патласов, Ф. К. Шакиров [и др.]. – Омск : Изд-во ОмГАУ, 2004. – 596 с.
5. Патласов, О. Ю. Теория и практика предпринимательского риска / О. Ю. Патласов : в 2 т. – Омск, 1997. – Т. 1. – 172 с.
6. Публичный отчёт «О работе федеральной службы по финансовому мониторингу в 2014 году». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.fedsfm.ru/content/files/activity/annualreports>.
7. Рекомендации ФАТФ. Международные стандарты по противодействию отмыванию денег, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения / пер. с англ. – М. : Вече, 2012. – 176 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.fatf-gafi.org/media/fatf/documents/recommendations/pdfs/FATF-40-Rec-2012-Russian.pdf>
8. Типовые правила внутреннего контроля кредитной организации Ассоциации российских банков [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=152144;fld=134;dst=100737,0;rnd=0.7746533948266106>.
9. Andrea de Guttry (2016): The Role Played by the UN in Countering the Phenomenon of Foreign Terrorist Fighters // Foreign Fighters under International Law and Beyond. pp. 259–282.
10. Oldrich Bures (2013): Public-private partnerships in the fight against terrorism? Crime, Law and Social. Pp. 429–455.
11. Rumyana Grozdanova (2015): ‘Terrorism’ – Too Elusive a Term for an International Legal Definition? // Netherlands International Law Review. Volume 61, Issue 3, pp. 305-334.

N. P. Kononova, Omsk regional Institute
O. Yu. Patlasov, Omsk humanitarian Academy
E. D. Kononov, Omsk regional Institute

THE RISK-FOCUSED APPROACH IN THE SPHERE OF COUNTERACTION TO LAUNDERING OF THE INCOME AND TO FINANCING OF TERRORISM

The international and national legislation according to the prevention of financial crimes is analysed. Foreign experiment of member countries of FATF on creation of national systems of counteraction of legalization of the income is given. Rules of internal control are described. The technique of an assessment of risk of the client by rules of internal control of credit institution is given.

Keywords: criminal income, money laundering, Rosfinmonitoring, a risk assessment, the financing of terrorism

References

1. Kononova N. P. Features of a technique of development of rules of internal control of the organizations for counteraction to criminal money laundering and financing of terrorism *Vestnik OmRI*. 2015. no1. pp. 131-143.
2. Nachitov F.Ya., Patlasov O.Yu., Shakirov F.K.. *Organizatsiya proizvodstva i predprinimatelstva v APK: uchebnoe posobie* [The organization of production and business in agrarian and industrial complex: education guidance]. Omsk: Publ. OmGAU, 2004. p. 528-573.
3. *Materialy k zasedaniyu ekspertno-analiticheskogo soveta pri ASV 31 marta 2016 g.* [Materials for a meeting of expert and analytical council at ASV] Available at: http://www.dp.ru/a/2016/03/30/ASV_ocenilo_ukradennuju_ba/
4. Nachitov F.Ia., Patlasov O.Iu., Shakirov F.K. *Organizatsiya proizvodstva i predprinimatel'stva v APK* [Organization of production and entrepreneurship in the Arbitration procedural code]. Omsk, OmGAU Publ., 2004, pp. 34–36.
5. Patlasov O.Iu. *Teoriya i praktika predprinimatel'skogo riska* [Theory and practice of entrepreneurial risk]. 2 V. Omsk, 1997. Vol. 1. 172 p.
6. *Publichnyiy otchet O rabote federalnoy sluzhby po finansovomu monitoringu v 2014 godu.* [The public report On work of Federal Financial Monitoring Service in 2014.] Available at <http://www.fedsfm.ru/content/files/activity/annualreports>.
7. Rekomendatsii FATF. *Mezhdunarodnyie standarty po protivodeystviyu otmyivaniyu deneg, finansirovaniyu terrorizma i finansirovaniyu rasprostraneniya oruzhiya massovogo unichtozheniya* [Recommendations of FATF. The international standards on counteraction to money laundering, financing of terrorism and financing of distribution of weapons of mass destruction]. Per. s engl. Moscow: Veche, 2012. 176 p. Available at <http://www.fatf-gafi.org/media/fatf/documents/recommendations/pdfs/FATF-40-Rec-2012-Russian.pdf>
8. *Tipovye pravila vnutrennego kontrolya kreditnoy organizatsii Assotsiatsii rossiyskih bankov* [Standard rules of internal control of credit institution of Association of the Russian banks] Available at <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=152144;fld=134;dst=100737,0;rnd=0.7746533948266106>.
9. Andrea de Guttry (2016): The Role Played by the UN in Countering the Phenomenon of Foreign Terrorist Fighters. *Foreign Fighters under International Law and Beyond*. pp. 259-282.
10. Oldrich Bures (2013): Public-private partnerships in the fight against terrorism? *Crime, Law and Social*. Pp. 429-455.
11. Rumyana Grozdanova (2015): ‘Terrorism’ – Too Elusive a Term for an International Legal Definition? // *Netherlands International Law Review*. Volume 61, Issue 3, pp. 305-334.

© Н. П. Кононова, О. Ю. Патласов, Э. Д. Кононов, 2016

Авторы статьи:

Наталья Петровна Кононова, кандидат экономических наук, доцент, Омский региональный институт, e-mail: info@omskri.ru

Олег Юрьевич Патласов, доктор экономических наук, профессор, Омская гуманитарная академия, e-mail: opatlasov@mail.ru

Эдуард Дмитриевич Кононов, кандидат экономических наук, доцент, Омский региональный институт.

Рецензенты:

Г. Е. Покровский, кандидат экономических наук, доцент, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Омский филиал).

О. В. Сергиенко, кандидат экономических наук, доцент, Омский институт (филиал) Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова.

A. V. Кириченко, E. A. Балашова,
Омский университет дизайна и технологий

ИНВЕСТИЦИОННАЯ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ ТУРИСТСКИХ СТАРТАПОВ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Один из самых важных и ответственных этапов инвестиционного процесса в сфере туризма – это выбор объекта, в который будут вложены ресурсы, например, стартап. Решить данную задачу возможно с помощью анализа инвестиционной привлекательности туристских стартапов. В статье рассмотрено определение понятия «туристский стартап». Исследованы проблемные вопросы развития стартапов, а также выделены аспекты, формирующие инвестиционную привлекательность предприятий сферы туризма, которые кратко раскрываются через систему экономических показателей. С учётом важности привлечения дополнительных финансовых средств для успешного развития туризма анализ инвестиционной привлекательности стартапов рассмотрен главным образом как элемент технологии их привлечения.

Ключевые слова: туристские стартапы, финансирование, туризм, инвестиции, инвестиционная привлекательность, экономический анализ, финансово-экономические показатели.

**Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ
научного проекта № 16-12-55007**

Туризм, как ни одна другая отрасль, способствует развитию малого и среднего предпринимательства, поскольку именно на небольшие компании приходится в среднем более 70 % всех занятых в туризме [1, с. 42].

Рынок туристских услуг стал очень многообразным, и предложение нередко опережает спрос, многим туристическим компаниям становится трудно удержаться на рынке услуг, и они вынуждены разрабатывать большее количество индивидуальных турпакетов с учётом потребностей каждого клиента. Вследствие этого возникает понятие «нового туризма», который определяется как тип туризма, сегментированный и настроенный на потребности туриста. В современных условиях рынку туристских услуг приходится стремительно реагировать на меню настроений потребителей, предлагая им внимание инновационные продукты, в числе которых туры в экзотические страны, экстремальные и познавательные туры [2, с. 97].

При этом объективное формирование туристских потребностей – это исходный пункт той экономической системы, которую представляет собой современная сфера туризма. Отличительная особенность туристической отрасли – это высокая стоимость привлечения клиентов, и потому составить конкуренцию крупным игрокам можно только за счёт инновационных предложений и средств продвижения в том случае, если конкуренты ещё не успели освоить новую сферу.

В научной литературе туристический бизнес анализируется в различных аспектах: инновационного менеджмента в туризме [1], партнёрства в туристических транснациональных корпорациях [3], в рамках территориального маркетинга [4] и развития аграрного туризма [5] и пр.

Сегодня роль турфирм в организации путешествий падает с каждым днём. Потенциальному туриstu есть смысл обращаться к профессионалам сферы туризма, например, за горячими турами, которые могут оказаться значительно дешевле, чем при самостоятельной организации поездки. Также логично будет для предприятия или компании воспользоваться услугами туристических экспертов для организации корпоративного путешествия за рубежом. В остальных случаях новейшие онлайн-сервисы позволяют осуществить качественное и увлекательное путешествие без помощи посредников.

В последнее время очень популярным вариантом начала собственного дела становятся стартапы. Именно по количеству успешных компаний, которые получили своё становление практически с нуля, можно судить об уровне развития бизнес-пространства стран. Сегодня эта ниша занята в основном молодыми людьми в возрасте 25–30 лет, так называемыми представителями новой волны бизнеса, у которых есть собственное видение организации предприятия, множество интересных мыслей и перспективных идей. Самое главное – заинтересовать инвесторов, готовых осуществлять финансирование стартапов.

Стартап (от англ. startup company, startup, букв. «начало процесса») – термин, впервые использованный Forbes в августе 1976 года и Business Week в сентябре 1977 для обозначения компаний с короткой историей операционной деятельности.

Создатель методики развития клиентов (англ. customer development), американский предприниматель Стивен Бланк, определил стартапы как временные структуры, существующие для поиска воспроизводимой и масштабируемой бизнес-модели. Автор книги «Бережливый стартап» – идеолог итеративного подхода в предпринимательстве Эрик Рис отмечает, что стартапом может быть создана организация, создающая новый продукт или услугу в условиях высокой неопределенности. Предприниматель, венчурный капиталист и эссеист, основатель бизнес-акселератора Y Combinator Пол Грэм считает быстрый рост главной характеристикой стартапов. Ему вторят основатель PayPal, первый инвестор Facebook Питер Тиль.

Формальными критериями для участников рейтингов стартапов обычно выступают возраст компании, число сотрудников, прибыль и её рост, научно-ёмкий характер продукта, профиль основателей над компанией и оценка потенциала компании эксперты жюри. Однако Пол Грэм утверждает, что наличие технологической инновации и венчурного финансирования не имеет значения, а малый возраст не делает компанию стартапом. Частое использование понятия в контексте технологических компаний характеризует роль технологий в обеспечении устойчивого роста, но не подразумевает технологический характер как обязательную характеристику стартапа. Некоторые стартапы рассматривают стартапы как культурный феномен: общие ценности всех членов команды и ощущение значимости вклада каждого сотрудника. Они утверждают, что сохранение этой культуры позволяет команде стартапом вне зависимости от размера и контроля основателей над компанией.

Стартап довольно часто является рентабельным и выгодным объектом инвестирования денежных средств, однако также часто он может быть очень рискованным. Поскольку особенностью стартапов является почти полное отсутствие операционной деятельности, на основе которой можно было бы сделать выводы о рентабельности и перспективе предприятия, главное для инвесторов – получить ясное представление о сути и конкурентоспособности инновации.

На данный момент многие эксперты констатируют недоброжелательность рыночного сотрудничества между стартапами и малым бизнесом. У небольшой компании капиталы намного скромнее, чем у крупной корпорации, но это не значит, что такая фирма может стать выгодным клиентом. Возможности предложения для малого бизнеса сегодня весьма размыты. Ввиду большого количества игроков рынка не составит труда найти заинтересованных в том или ином продукте. Малым компаниям могут быть интересны и мобильные технологии, и социальный маркетинг, и сфера туризма, и интернет-технологии, а также средства проведения транзакций, средства коммуникации и многое другое.

Следует отличать значения понятий «малое предпринимательство» и «стартап».

Малое предпринимательство – это малогабаритная и наиболее типичная форма организации экономической жизни общества со своими специальными особенностями, преимуществами и недостатками. Функционирование на локальном рынке, быстрое реагирование на изменение конъюнктуры этого рынка, непосредственное взаимодействие с потребителем, узкая специализация на определённом сегменте рынка труда и услуг, возможность начать собственное дело с относительно малым стартовым капиталом – все эти черты малого предпринимательства являются его достоинствами, повышающими устойчивость на внутреннем рынке [6, с. 90].

Под туристским стартапом же понимается проект, ориентированный на продажу билетов на транспорт (самолёты, поезда, автобусы, корабли), связанный с путешествиями, или номеров в отелях (частном секторе, мини-отелях и т. п.), или того и другого, а также традиционные проекты по продаже турпутёвок (комплексных туров, комбинированных туров и пр.) [7].

Подобные проекты объединяют несколько ключевых черт, отражающих специфику работы стартапов в сфере туризма:

1. Способы приобретаемых услуг (бронирование, перелёты, размещение в номерах, трансферы и пр.) основаны преимущественно на электронные платежи;
2. Взаимоотношения с поставщиком услуг (отелем, авиакомпанией, турфирмой, турагентством и пр.) выстраиваются на договорной основе в зависимости от величины комиссионных (4–20 %), а не на деловой выручки;
3. Все туристские стартапы требуют серьёзных вложений в маркетинг (в основном, в прямое продвижение в интернете) и чаще всего оставляют в стороне реализацию технологической платформы;
4. В отличие от традиционных интернет-магазинов, торгующих конкретным товаром, здесь не существует складских остатков, которые можно распродать для покрытия издержек, что не позволяет в случае закрытия проекта по финансовым причинам получить часть вложенных средств.

Основной бум подобных проектов на отечественном стартап-рынке пришёлся на 2011–2012 годы и первую половину 2013 года. Создатели и инвесторы таких проектов верили в то, что российские пользователи интернета будут готовы к новым услугам, предоставляемым им через интернет. На данный период времени действительно уровень проникновения пользователей интернета из России превышал (и превышает) показатели всех стран БРИКС и приближается ко многим развитым европейским странам.

За последние 9 лет месячная аудитория интернета выросла более чем в 6 раз (6,1 млн в конце 2012 года, прогноз 2016 года – 92 млн), при этом более $\frac{3}{4}$ российских пользователей (46,8 млн) не мыслят свою жизнь без ежедневной сетевой активности (годовой прирост более 10%). Городам-миллионники, аккумулирующие наиболее платёжеспособную массу населения, составляют до 25 % всех пользователей, при этом европейская часть России составляет около 30 % всего интернет-рынка по численности пользователей [8].

Согласно исследованиям агентства Data Insight, объём российского рынка онлайн-путешествий составляет 170 млрд рублей, причём 125 млрд рублей – это онлайн-продажи билетов.

Многие туристские стартапы стремятся начать партнёрство с максимальным количеством авиакомпаний и туроператоров. Также часто можно встретить партнёрские соглашения с местными организациями, например, для формирования маршрутов передвижения в пределах городов с учётом расписания пассажирского транспорта. Другие стартапы становятся агрегаторами, предлагая сводную информацию по перемещениям внутри стран или в международном сообщении [9].

Безусловно, важную роль в развитии стартапов играет своевременное финансирование. Без своевременного и полного финансирования стартап обречён на гибель, более того, в идеале стартап должен переходить от одной волны финансирования к другой. Одна из важнейших задач в создании туристских стартапов – найти и заинтересовать инвесторов, готовых осуществлять финансирование.

Источники финансирования стартапа делятся на две ветви:

- Внутренние (личные инвестиции, инвестиции со стороны семьи или друзей);
- Внешние (венчурные фонды, бизнес-ангелы, кредиты, государство, краудфандинг).

Традиционно финансированием стартапов занимается венчурные фонды и частные инвесторы, но если за рубежом такая поддержка давна стала практику, то в России получить денежную поддержку только зарождающегося проекта все же очень нелегко [7]. Ситуация особо обостряется в условиях финансовой нестабильности, прежде всего на валютном рынке, и, как следствие, на финансовом рынке в целом, затрагивая в первую очередь сферу малого бизнеса.

В туристической отрасли больше всего пострадали операторы выездного и въездного туризма. Их количество, свидетельствуют данные Ростуризма, сократилось на треть. Зато на фоне девальвации рубля, сделавшей недоступным за границу для большинства россиян, почти на 10 % увеличилось количество туроператоров, которые специализируются на внутреннем рынке.

По данным Ростуризма, по итогам 2014 года в России работали 4,3 тыс. туроператоров, что на 7,2 % меньше, чем в 2013 году. Это самый низкий показатель с 2010 года (с этого времени ведомство собирает отраслевую статистику). Максимальное падение продемонстрировал въездной туризм: число туроператоров в данном сегменте сократилось на 29 %, до 161 компаний. Эта ситуация ожидаема: во втором полугодии 2014 года туроператоры фиксировали падение въездного турпотока на 80 % [10].

Необходимым условием для устранения указанных проблем и обеспечения устойчивого развития туристической отрасли является поддержка внутреннего и въездного туризма на государственном уровне. Именно эти виды туризма напрямую инвестируют экономику страны, стимулируют развитие смежных отраслей, таких как сельское хозяйство, гостиничное хозяйство, транспорт, торговля, общественное питание, сфера услуг. Основной задачей государства является доведение объёма внутреннего турпотока до общемировых значений, примерно 80 % от общего показателя туристского потока.

Следует отметить, что за последние годы туристическая сфера в России уже получила мощное развитие. Для чужеземных туристов стали более доступны Дальний Восток, Сахалин, Курильские острова, Урал, северные регионы, города Нижний Новгород и Самара. Кроме того, была проделана большая работа по приёму туристов во время зимней Олимпиады в Сочи [11].

Причём, во внимание текущее состояние российского рынка долгового финансирования, характеристики инфраструктурных проектов для турбизнеса, их высокую капиталоёмкость и длительные сроки скупаемости при неизвестном результате (количественный и качественный состав туристов), можно сделать вывод, что реализуемые в сфере туризма проекты имеют высокую степень риска для потенциальных инвесторов.

Поэтому самым ответственным этапом инвестиционного процесса является выбор проекта (стартапа), в который будут вложены ресурсы инвестора. На выбор же объекта инвестирования в основном влияет такая категория, как инвестиционная привлекательность.

Под инвестиционной привлекательностью туристского стартапа будем иметь в виду совокупность объективных финансово-экономических характеристик, значений и показателей состояния объекта на конкретную дату, соответствующих требованиям инвесторов по соотношению «доходность-риска» для инвестирования в соответствующие категории туристских объектов при условии достижения целей инвестора в течение определённого периода времени.

Изучив научные источники по вопросам оценки инвестиционной привлекательности предприятия, можно отметить, что методологические аспекты всестороннего, комплексного подхода к оценке инвестиционной привлекательности предприятия в настоящее время мало разработаны учёными-экономистами. Таким образом, для выявления реальной и достоверной информации должны получать распространение частные методики оценки этой экономической категории, учитывающие не только общепринятые критерии, но и экономические реалии в том или ином секторе народного хозяйства, отраслевые особенности финансово-хозяйственной деятельности организаций, стратегические намерения и текущие интересы инвесторов. В связи с этим возникает потребность в разработке методики оценки инвестиционной привлекательности стартапов туристской сферы деятельности.

Представляется целесообразным использовать при проведении анализа инвестиционной привлекательности туристского стартапа систему показателей, объединённых в блоки:

- анализ финансовой привлекательности;
- анализ ресурсного потенциала;
- анализ туристских потоков;
- анализ влияния сезонности на финансово-хозяйственную деятельность турфирмы [12].

На первом этапе (первый блок) для оценки финансовой привлекательности предприятия воспользуемся традиционными группами показателей финансового анализа: анализ платежеспособности, финансовой устойчивости, эффективности и результативности деятельности, способности предприятия к саморазвитию в определённый момент, оптимальности структуры капитала, способности своевременно производить платежи, финансировать свою деятельность, сохранять равновесие активов и пассивов в изменяющихся условиях внутренней и внешней среды, переносить непредвиденные неблагоприятные обстоятельства в границах допустимого уровня риска.

На втором этапе следует оценить темпы развития туристского стартапа и определить, в какой мере оно приблизилось к наивысшему уровню использования ресурсов и эффективности деятельности. Непосредственно для определения эффективности функционирования предприятия социально-культурного сервиса и туризма необходимо оценить эффективность использования имеющихся ресурсов. Для этого используют сравнительные (приростные) показатели, т. е. определяется функция эффективности использования ресурсов. Показатели финансово-экономической деятельности туристского предприятия включают: объём продаж – количество проданных туров; выручку от продаж туристского продукта; показатели использования ресурсов рабочей силы; показатели использования основных фондов и оборотных средств; показатели производительности труда и фонда заработной платы; себестоимость поданных турпродуктов и т. д.

Анализ туристских потоков (анализ рыночных сегментов) на рынке туристских услуг и его последующее прогнозирование являются важнейшими составляющими успеха турфирм. Это становится тем более актуальным в условиях обостряющейся конкурентной борьбы. Экономический и маркетинговый анализ рыночного спроса способствуют повышению уровня его регулируемости и предсказуемости, что позволяет строить соответствующие маркетинговые стратегии и максимально эффективно осуществлять бизнес-планирование. В конечном итоге подобный анализ помогает достижению турфирмами основополагающих целей, основанных на современном маркетинговом подходе: получение максимально возможной прибыли на основе удовлетворения потребностей потребителей в туристических услугах, приращение своей инвестиционной привлекательности.

Для туристского рынка, а значит, и для субъектов, осуществляющих свою деятельность в границах этого рынка (турфирм и прочих предприятий турииндустрии), характерны значительные сезонные колебания спроса на туристские продукты. Сезонность – явление сложное и по своим последствиям противоречивое. Динамика спроса на различные турпродукты обуславливает колебания цен (их дифференциацию) в течение года. Анализ сезонности продаж турпродукта может проводиться при помощи любого ныне известного метода: простой средней, относительных чисел (величин), скользящей (подвижной) средней, аналитического сравнения.

На подготовительном этапе следует учесть, насколько полно и достоверно представлена вся существенная информация, необходимая инвесторам для проведения объективной оценки уровня инвестиционной привлекательности хозяйствующего субъекта. Также важно знать, каким образом раскрывается эта информация, какова трудоёмкость (стоимость и затраты времени) сбора и обобщения требуемой инвестору информации.

Указанные аспекты должны быть описаны через систему показателей, позволяющих оценить уровень инвестиционной привлекательности предприятия.

Порядок формирования критерия инвестиционной привлекательности предприятия, представленный выше, подтверждает вывод о том, что инвестиционная привлекательность предприятия является мультифакторной экономической категорией. В ней получают отражение многие аспекты деятельности предприятия, имеющие разную степень значимости для инвестора. Характеризующие целесообразность вложения средств в то или иное предприятие. Так как оцениваемые турстартапы должны сопоставляться им, то степень инвестиционной привлекательности каждого объекта должна получать количественную оценку достигнутого уровня. Такая оценка возможна через интегральный показатель инвестиционной привлекательности организаций.

Показатель инвестиционной привлекательности стартапа, рассчитанный с учётом фактических значений показателей, лучших среднеотраслевых значений количественных показателей, качественных характеристик, наиболее выгодных инвестору и весовых коэффициентов значимости показателей, станет характеристикой меры предпочтения инвестором для вложения капитала в тот или иной проект. В наиболее общем виде данный показатель можно представить следующим образом:

$$K_{ИПП} = \sum_{i=1}^n k_i \times \frac{x_i}{x_0},$$

где x_i – оценка фактического уровня показателя;

x_0 – оптимальное для инвестора значение показателя, принимаемое за эталон сравнения;

k_i – весовой коэффициент показателя, формирующий инвестиционную привлекательность предприятия;

i – количество рассматриваемых показателей ($i = 1, 2, \dots, n$).

Чем ближе значение данного коэффициента к 1, тем предпочтительнее и привлекательнее для инвестирования данный проект, организованный в форме стартапа.

Для разработки более частной модели необходимо установить значение весовых коэффициентов интегрального показателя, а также использовать экспертный метод.

Проанализировав характеристики инвестиционной привлекательности туристских стартапов, необходимо отметить, что перечень показателей полностью отличается от стандартного набора, предлагаемого в общепризнанных научных исследованиях. Это ещё раз подтверждает необходимость учёта отраслевой специфики и особенностей функционирования того или иного сектора бизнеса при решении любых экономических проблем. Свидетельствует об актуальности темы исследования.

Практическая значимость проведённых исследований и полученных результатов определяется возможностью с помощью предложенной модели оценки инвестиционной привлекательности турстартапа не только рассчитать уровень инвестиционной привлекательности проекта в сфере туризма, но и управлять процессом привлечения инвестиций путём улучшения качественных и количественных характеристик отдельных показателей и показателей, имеющих приоритетное значение для инвесторов.

Разработанный подход к анализу инвестиционной привлекательности стартапов сферы туризма, базирующийся на комплексном подходе к изучению объекта исследования, позволяет учитывать разнообразные аспекты привлекательности объекта и отраслевые особенности его деятельности, что обеспечивает наиболее точные и достоверные результаты проводимых аналитических процедур.

Библиографический список

- Коновалова, Е. Е. Корпоративное управление на туристских предприятиях / Е. Е. Коновалова, А. А. Силаева // Проблемы развития предприятий: теория и практика : сб. статей VII Всероссийской научно-практической конференции / под науч. ред. В. И. Будиной. – Пенза, 2014. – С. 41–45.

2. Коновалова, Е. Е. Инновации на предприятиях туризма и сервиса / Сервис в России и за рубежом [Электронный ресурс] / Е. Е. Коновалова, А. А. Силаева. – Режим доступа: http://old.rguts.ru/electronic_journal/number50/contents
3. Бандурин, В. В. Туристические транснациональные корпорации: модели, структура, экономическая эффективность : монография / В. В. Бандурин, Д. С. Ушаков. – М. : Граница, 2007. – 368 с.
4. Лукина, Т. С. Разработка маркетинговых стратегий сельских территорий / Т. С. Лукина, О. Ю. Патласов // Наука о человеке: гуманитарные исследования. – 2014. – №4 (18). – С. 225–234.
5. Лукина, Т. С. Стратегии формирования территории опережающего развития / Т. С. Лукина, О. Ю. Патласов // Вестник СибАДИ. – 2015. – № 3 (43). – С. 141–148.
6. Балашова, Е. А. Основные черты, преимущества и недостатки деятельности туристических стартапов малого бизнеса / Е. А. Балашова // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. – 2010. – № 2 (2). – С. 90–93.
7. Есть ли пузырь на рынке туристических стартапов в России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rusbase.vc/trends/digest/travel>
8. Леонова, В. П. Венчурное финансирование как инструмент развития инновационной деятельности / В. П. Леонова, Е. Н. Егорова, Т. Г. Амбросьева // Экономика и предпринимательство. – 2014. – № 5–2. – С. 918–923.
9. Силаева, А. А. Маркетинг как инструмент управления конкурентоспособностью на туристическом рынке / А. А. Силаева, Н. А. Чхиквадзе // Проблемы практического менеджмента и маркетинга в сфере сервиса: материалы Всероссийской научно-практической конференции. – М., 2010. – С. 277–284.
10. Турагентства попали под сокращение // Коммерсантъ. – 2015. – 27 февраля. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://news.mail.ru/economics/20935743/>
11. Силаева, А. А. Развитие франчайзинга в сфере туризма / А. А. Силаева, Е. Е. Коновалова // Сервис в России и за рубежом. – 2013. – № 7 (45). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://old.rguts.ru/electronic_journal/number45/contents
12. Кириченко, А. В. Методологические проблемы оценки инвестиционной привлекательности предприятий сферы туризма в условиях инновационной экономики / А. В. Кириченко// Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия История. Политология. Экономика. Информатика, 2011. № 1 (96) выпуск 17/1. – С. 45–56.

A. V. Kiriichenko, E. A. Balashova, Omsk State Service Institute

INVESTMENT ATTRACTIVENESS OF STARTUPS TRAVEL TODAY

One of the most important and crucial stages of the investment process in the tourism sector - is the choice of the enterprise, in which resources will be invested. To solve this problem is possible by analysis of investment attractiveness of tourist enterprises. The article deals with the definition of «tourist startup». We investigated the problematic issues of development of startups, as well as highlighted aspects that form the investment attractiveness of tourism enterprises, which are briefly disclosed through the system of economic indicators. Taking into account the importance of attracting additional financial resources for the successful development of tourism, the investment attractiveness of the analysis has been considered mainly as a piece of technology to attract them.

Keywords: travel startup, marketing, tourism, investments, investment attractiveness, economic analysis, financial and economic indicators.

References

1. Konovalova E. E. Corporate management in tourist enterprises. *Problems of Enterprise Development: Theory and Practice*. Penza, 2014, pp. 41–45.
2. Konovalova E. E. Innovation in the tourism enterprises and service. *Service in Russia and abroad*, available at: http://old.rguts.ru/electronic_journal/number50/contents
3. Bandurin V. V., Ushakov D. S. *Turisticheskie transnatsional'nye korporacii: modeli, struktura, ekonomicheskaya effektivnost'* [Tourism multinationals: patterns, structure, economic efficiency], Moscow, Granitca Publ., 2007, 368 p.
4. Lukina T. S., Patlasov O. Iu. Development of marketing strategies of rural territories. *Nauka o cheloveke: gumanitarnye issledovaniia*. 2014, No. 4 (18), pp. 225–234.
5. Lukina T. S., Patlasov O. Iu. Strategy for the formation of priority development areas. *Vestneyk SibADI*, 2015, no. 3(33), p. 141–148.
6. Balashova E. A. The Main features, advantages and disadvantages of activity of subjects of small Biznes. *Vestnik Omskogo universiteta. Serija: Jekonomika*. 2010. no 2. pp. 90–93.
7. Is there a bubble in the market of tourist startups in Russia, available at: <http://rusbase.vc/trends/digest/travel>

8. Leonov V. P. Venture financing as a tool for development of innovative activity. *Economy and Entrepreneurship*. 2014. no. 5-2. pp. 918-923.
9. Silaeva A. A Marketing as a management tool in the competitive tourism market. *Problems of practical management and marketing in the field of service: Materials of All-Russian scientific-practical conference*. Moscow, 2010. pp. 277-284.
10. Tour operators were laid. *Kommersant*. 2015. 3 February, available at: <https://news.mail.ru/economics/20935743/>
11. Silaeva A. A. Franchise development in the field of tourism. *Service in Russia and abroad*, 2013, no 7, available at: http://old.rguts.ru/electronic_journal/number45/contents
12. Kirichenko A. V. Methodological problems of assessment of investment attractiveness of tourism enterprises in the innovation economy. *Scientific statements Belgorod State University History Series. Political science. Economy. Informatics*, 2011, no 1, pp. 45-56.

© А. В. Кириченко, Е. А. Балашова, 2016

Авторы статьи:

Анастасия Владимировна Кириченко, старший преподаватель, Омский университет дизайна и технологий, e-mail: kirav5@mail.ru

Елена Александровна Балашова, доцент, Омский университет дизайна и технологий.

Рецензенты:

Т. Д. Синявец, доктор экономических наук, профессор, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского.

Е. В. Коваленко, кандидат экономических наук, доцент, Омский государственный педагогический университет.

УДК 33

DOI 10.17238/issn1998-5320.2016.24.196

O. C. Елкина,

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

C. E. Елкин,

Северо-Западный институт управления

Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, г. Санкт-Петербург

КОНЦЕПЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ ПОТЕНЦИАЛОМ

Актуальность исследования человеческого потенциала как научной категории представляется ключевой проблемой качественной характеристики уровня и условий использования компетенций, опыта, интеллектуальных возможностей.

Авторы статьи рассматривают понятие человеческого потенциала как интегральное по аксиологическому содержанию и связанное с незавершённостью, динамической неустойчивостью человеческого развития.

Рекомендации авторов основаны на понимании важности управленческой составляющей, когда проблемы, связанные с совершенствованием управления, постоянно находятся в центре внимания. Об этом свидетельствуют множественные изменения, проводимые в управлении страной и отдельными организациями.

Ключевые слова: управление, человеческий потенциал, концепция, развитие.

Человеческий потенциал как научная категория сегодня используется для качественной характеристики уровня и условий использования компетенций, опыта, интеллектуальных возможностей. Основной становится способность к постоянному совершенствованию и развитию.

С изменением требований к работникам встаёт вопрос о качестве человеческого потенциала. Он позволяет интегрированно оценить способность человека выполнять конкретную работу. Требования общества и современного производства недостаточно учитываются узкопрофессиональными знаниями, навыками и умениями. Расширение содержания обучения необходимо в основном в направлении овладения работником более широкого объёма знаний. Приемлемым

ориентиром являются рекомендации ЮНЕСКО. Это способ переосмыслить понятие человеческих ресурсов. Важен переход от классического понимания человеческих ресурсов в направлении концепции компетентности.

В этой связи представляется важным сформировать такое интегральное аксиологическое представление о возможностях человека. В рамках данного подхода индивидум играет роль потребляемого материального ресурса. Однако, это ресурс особого рода, и он способен проявлять собственную функцию. Она не детерминируется глобальными системами или активностью. Одновременно учитывается способность потреблять природные и социальные ресурсы.

Именно этим определяется необходимость обращения к понятию человеческого потенциала, которое является интегральным по аксиологическому содержанию. Более того, это понятие связано с незавершённостью и динамической неустойчивостью человеческого развития.

Сформированная в исследовании интегральная концепция управления развитием человеческого потенциала основана на следующих базовых положениях [1]: системность, внешняя обусловленность, непрозрачность и стратегичность.

Человеческий потенциал обладает системными свойствами. Не сводится к простой сумме перечня качеств индивидумов. Для формирования и реализации человеческого потенциала существенное значение имеют «внешние» условия. Для человеческого потенциала присущее наличие скрытых свойств. При изменении определённых условий они могут проявиться. Продуктивная реализация при производительном использовании человеком своих способностей для приобретения новых знаний не ведёт к уменьшению человеческого потенциала. Особенности человеческого потенциала обуславливают возможности человеческого развития как на ближайшую, так более отдалённую перспективу.

Свойства взаимосвязи человеческого развития и занятости предопределяют направления в формировании экономических основ человеческого развития. Этот вектор – направленность развития в целом. Задача выявления конкретных возможностей для человеческого развития в социально-трудовой сфере требует детализации. Структурирование занятости ведёт к определению показателей её качества. Эта цель достигается на основе выделения и использования в анализе и расчётах отдельных параметров, характеризующих труд и трудовые отношения. Основной проблемой становится поиск такой комбинации, которая создавала бы наилучшие условия для человеческого развития.

Человеческий потенциал может реализовываться как человеческий капитал, выступая источником экономического роста для организации и общества. Таким образом, сформулированная интегральная концепция управления развитием человеческого потенциала должна способствовать росту социально-экономической эффективности, определяя устойчивость развития организации. Методологически продуктивным подходом в этих условиях будет развитие концепции человеческого потенциала в контексте организационных изменений. Эта интерпретация концепции позволит содежательно обосновать возможность управления человеческим потенциалом экономически рациональным способом.

Происхождение научных идей о человеческом потенциале отличается разнообразием подходов. Целостная концепция человеческого потенциала не сформирована. Недостаточно изученными остаются многие теоретические аспекты человеческого потенциала, такие как сущность, структура, особенности его воспроизведения, специфика экономических отношений в сфере действия.

В прикладном смысле потенциал человеческого капитала изменяется как потенциальная ёмкость рынка труда. Этот показатель демонстрирует возможный объём потребления труда. Важно, что он определяется количеством нужных сотрудников или величиной расчётной трудоёмкости. Это значение за указанный период времени. В каждый момент времени рынок обладает количественной и качественной точностью [7].

«Развитие человеческого потенциала» при всех нюансах, характерных для трактовок различных международных организаций, означает максимизацию человеческого потенциала и его эффективное использование в целях экономического и социального развития. Проблематика «развития человеческого потенциала» включает сегодня демографические проблемы, проблемы занятости, здравоохранения, питания, жилья и урбанизации, окружающей среды, образования и подготовки кадров и др.

Коренное отличие концепции «человеческого развития» от концепций «человеческого капитала», «человеческих ресурсов» состоит в том, что человеческое развитие рассматривается как двухсторонний процесс. С одной стороны, это формирование человеческих способностей (здравые,

знания, профессиональные навыки), а с другой – реализация приобретённых способностей для производительных целей или культурных целей.

Современное понимание общественного развития отводит человеку центральное место в кругообороте воспроизводственных связей. Основной тезис состоит в признании, что человек является и исходным и конечным пунктами социально-экономического развития. Социальное измерение этого развития становится его определяющей доминантой, а материально-вещный потенциал – условием этого развития. Таким образом, концепция человеческого развития объединяет решение вопросов производства, распределения товаров с формированием и использования способностей людей. При этом основное внимание уделяется развитию человеческих способностей как конечной цели общественного прогресса безотносительно к их влиянию на формирование дохода.

Определение понятия управления человеческим потенциалом в методологическом контексте представляет собой весьма сложную проблему. С одной стороны, человеческий потенциал определяет успешность и результативность управления в организационных системах. С другой стороны, эффективность реализуемых на каждом из уровней управления (государство, организация, индивид) воздействий формирует соответствующий профиль, качество человеческого потенциала.

В практике ПРООН государственное управление – осуществление экономической, политической и административной власти в целях руководства делами страны на всех уровнях. Это механизмы, процедуры и институты власти. С их помощью можно выражать интересы, законные права, исполнять обязательства. Такое понимание государственного управления отражено в понятии *good governance*. В русском языке нет точного эквивалента этому термину. С содержательной стороны, однако, его интерпретация не представляет особой сложности. Два нижеследующих признака - ключевые для определения *good governance*.

Good governance означает, что государственное управление строится на основе демократических принципов разделения властей, народовластия, выборности и сменяемости высших должностных лиц, подотчётности институтов исполнительной власти, власти закона, политического плюрализма и свободы прессы. Успех государственного управления как достижение поставленных целей в сжатые сроки и с обоснованно минимальными затратами ресурсов общества.

Эффективное государственное управление (*good governance*) – это не просто словосочетание, а одна из самых распространённых и активно используемых на практике концепций. Термин «управление» (*governance*) присутствует в политических и академических кругах уже в течение длительного времени. Агрегированные индикаторы оценки уровня государственного управления, разработанные Всемирным банком, следующие:

1. Право голоса и подотчётность. Отражает свободу самовыражения, объединений и наличие независимых средств массовой информации.

2. Политическая стабильность и отсутствие насилия – предполагает вероятность того, что правительство будет дестабилизировано или свергнуто неконституционными, насильственными путями, включая политическое насилие и терроризм.

3. Эффективность правительства. Качество предоставляемых государственных услуг, формулируемой и внедряемой в жизнь политики, а также доверие к тому, что правительство будет придерживаться указанного курса.

4. Качественное регулирование. Способность правительства формулировать и осуществлять политику регулирования, позволяющую разрешать и поддерживать развитие частного сектора.

5. Верховенство закона.

6. Контроль и коррупция. Уровень использования общественной власти для личной выгоды, включая мелкую и крупную коррупции (*petty and grant corruption*), а также степень влияния элит и частных лиц на государственную политику.

Концепция управления является эволюционирующей, развивающейся и изменяющейся. Эффективное государственное управление – это государство, подотчётное перед своим народом, управляемое конституционным верховенством закона, а также способное сформировать и поддерживать стабильную политическую атмосферу. Согласно мнению программы развития ООН «страны могут поддерживать человеческое развитие, только когда правительство полностью подотчётно перед своим народом и население может участвовать в обсуждении и принятии решений, имеющих непосредственное отношение к ним» [2]. Эффективное государственное управление предполагает наличие законов и институтов, основанных на принципах верховенства закона, прозрачности, подотчётности и участия более широких масс населения в процессах принятия политических решений.

Три сектора, на которые подразделяется управление, включают:

1. Государство (политические и правительственные органы, такие как парламент, исполнительная, судебная и правовые системы, службы охраны безопасности и порядка, избирательные комитеты и т. д.).

2. Частный сектор и рыночные структуры, частные фирмы, транснациональные корпорации, регулятивные структуры и т. д., которые обеспечивают занятость и приносят доходы.

3. Организации гражданского общества (или третий сектор) – общественные организации, профессиональные объединения, средства массовой информации, группы потребителей и т. д., мобилизующие граждан для участия в экономических, общественных и политических мероприятиях.

Чаще всего взаимоотношения рассматриваются в таких ракурсах как правительство и рынки; законодательная и исполнительная власти; работодатели и организованная рабочая сила [3].

Управление (governance) – практически единственный фактор развития. Согласно Докладу о человеческом развитии за 2002 г. эффективное государственное управление оказывает сильное влияние на человеческое развитие. Предполагает наличие эффективных органов и законов, которые поддерживают его путём создания благоприятной среды для развития рынка и обеспечения защиты прав человека. Отмечается участие населения в процессах принятия политических решений, влияющих на их жизнь и достижение справедливых экономических и социальных результатов. Вместе с тем, управление человеческим потенциалом и его развитием возможно и на уровне организации [8], на основе использования теории эндогенного развития [4].

Человеческий потенциал – часть общественного прогресса. Он формируется на основе взаимодействия разных факторов – семьи, экономики, общественных отношений, связей и пр.

Важное значение имеет государство. Оно наделено возможностями и рычагами воздействия на индивидума. Этот институт несёт ответственность по созданию и поддержанию благоприятного социального климата. Речь идёт об ответственность за благоприятные условия жизни индивидума. В условиях проведения радикальных изменений на основе решения структурированных вопросов изменения социальных и экономических основ жизни общества ощутимо возрастает роль управления – от общенационального уровня, до уровня отдельных индивидумов [5].

Управленческая компонента приводит к тому, что проблемы, увязанные с изменением управления, постоянно будут в центре понимания. На этом основаны изменения, проводимые в управлении – и страной, и отдельными организациями. Они происходят во всех звеньях и элементах системы управления: процессах, структурах, информационных технологиях, методах. Серьёзнее всего в людях – менеджерах. Очевидно, что под влиянием совершающихся в мире изменений знания становятся важным ресурсом каждой организации. Носителями знания, его «производителями» и «пользователями» являются индивидуумы – в управлении это менеджеры [6].

Значимый вывод: человеческий потенциал управления – основной фактор эффективного развития каждой организации. Это положение одинаково применимо как в бизнесе, так и в управлении государственными институтами. В сегодняшнем обществе уровень развития техники и технологии высок. Невозможно получить значительное преимущество на рынке только за их счет. Важно применить перспективный ресурс, им может быть только индивидум, обладающий огромным потенциалом и имеющий способность к саморазвитию.

Библиографический список

1. Абдуллаев, Е. В. Человеческое развитие / Е. В. Абдуллаев, У. К. Исламова. – Ташкент : Изд-во ун-та мировой экономики и дипломатии, 2008. – 278 с.
2. Елкин, С. Е. Системный аспект управления организационными изменениями / С. Е. Елкин // Сибирский торгово-экономический журнал. – 2012. – № 16. – С. 23–25.
3. Елкина, О. С. О функциях управления / О. С. Елкина, С. Е. Елкин // Сибирский торгово-экономический журнал. – 2006. – № 3. – С. 7–10.
4. Елкина, О. С. Стратегии экономического поведения работников на рынке труда: тенденции и закономерности / О. С. Елкина. – Омск : Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, 2010. – 415 с.
5. Кауфман, Д. Всемирный банк. Ежегодные индикаторы управления / Д. Кауфман, А. Краав, М. Маструцци, 2005.
6. Ларби, Дж. Управление – благое управление: принципы, инструменты и опыты / Дж. Ларби. – Москва. 2000. – 245 с.

7. Патласов, О. Ю. Маркетинг персонала : учебник для бакалавров / О. Ю. Патласов. – М. : Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2015. – 384 с.

8. Патласов, О. Ю. Маркетинговое управление рынком труда / О. Ю. Патласов. – Омск : Изд-во ОмГАУ, 2003. – С. 256.

*O. S. Elkina, Dostoevsky Omsk State University
S. E. Elkin, The North-Western Institute of Management of the Russian
Federation Presidential,
Academy of National Economy and Public Administration*

THE CONCEPT OF MANAGEMENT OF HUMAN POTENTIAL

With the changing demands of employees of organizations raises the question about the quality of human potential, which would be integrated to evaluate the ability of the employee to perform a particular job in accordance with the requirements of society and modern production.

It is not enough to only possess professional knowledge, skills and abilities. It is necessary to expand the content of teaching by mastering the worker a wide range of knowledge, reflect the picture of the modern world.

The authors analyzed recommendation of UNESCO in moving from a classical understanding of human resources the competence of the person.

Recommendations by the authors on the solution of the formulated key issues and justification the difficulties of the transition allow to make practically important conclusion that human potential management is the main factor in the effective functioning of the organization.

Keywords: management, human potential, conception, development.

References

1. Abdullaev E.V., Islamova U.K. *Chelovecheskoe razvitiye* [Chelovecheskoe razvitiye]. Tashkent, 2008, 278 p.
2. Elkin S.E. Sistemniy aspect ypravleniya organizacionnimi izmeneniyami. *Sibirskiy torgovo-economicheskiy gurnal*. 2012, vol. 16. pp. 23-25.
3. Elkina O.S., Elkin S.E. O funkciyah upravleniya. *Sibirskiy torgovo-economicheskiy gurnal*. 2006. vol. 3. pp. 7-10.
4. Elkina O.S. *Stranegii ekonomicheskogo povedeniya rabotnikov na rynke truda: tendencii i zaconomernosti* [Stranegii ekonomicheskogo povedeniya rabotnikov na rynke truda: tendencii i zaconomernosti]. Omsk, 2010. 415 p.
5. Kaufman D., Kraav A., Mastrucci M., Vsemirnyj bank. *Ezhegodnye indikatory upravlenija*, 2005.
6. Larbi Dzh. *Upravlenie-blagoe upravlenie: principy, instrumenty i opyty* [Upravlenie-blagoe upravlenie: principy, instrumenty i opyty]. Moscow, 2000, 245 p.
7. Patlasov O. Yu. *Marketing personala* [Staff marketing]. Moscow, Dashkov&co. Publ., 2015, p. 384.
8. Patlasov O. Yu. *Marketingovoe upravlenie ry`nkom truda* [Marketing management of labour market]. Omsk, OmGAU Publ., 2003, p. 256.

© О. С. Елкина, С. Е. Елкин, 2016

Авторы статьи:

Ольга Сергеевна Елкина, доктор экономических наук, доцент, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, e-mail: Phdelkina@mail.ru

Станислав Евгеньевич Елкин, кандидат экономических наук, доцент, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, e-mail: elkin-se@yandex.ru

Рецензенты:

Р. Г. Смелик, доктор экономических наук, профессор, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского.

С. Е. Метелев, доктор экономических наук, профессор, Омский институт (филиал) РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Т. И. Захарова, Е. В. Юдина,

Тарский филиал Омского государственного
аграрного университета им. П. А. Столыпина

ОЦЕНКА СОСТОЯНИЯ ТРАНСПОРТНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ

В статье предложена методика проведения мониторинга и дана оценка состояния транспортной инфраструктуры сельских территорий, которая позволяет проанализировать выявленную проблему на уровне отдельных показателей и разработать мероприятия по совершенствованию транспортной инфраструктуры в районах Омской области.

Ключевые слова: транспортная инфраструктура, сельские территории, методика проведения мониторинга, Омская область.

Низкий уровень развития транспортной инфраструктуры в России обусловлен не только недостаточным финансированием, но и тяжёлыми природно-климатическими условиями на большей части территории. Для большинства российских регионов характерна проблема сезонного бездорожья, когда многие сёла и деревни, а также целые территории в течение продолжительного времени не имеют наземного транспортного сообщения с остальной территорией страны.

Целью проведения мониторинга является формирование сведений об основных направлениях развития, качестве и безопасности транспортной инфраструктуры в районах Омской области.

Задачами мониторинга являются:

- оценка достигнутого уровня развития транспортной инфраструктуры в муниципальных районах;
- оценка качества транспортной инфраструктуры в муниципальных районах;
- оценка уровня безопасности транспортной инфраструктуры в муниципальных районах;
- определение проблем, сдерживающих развитие транспортной инфраструктуры в районах, выявление приоритетных направлений её развития.

Вопросы оценки транспортной инфраструктуры сельских территорий не нашли должного освещения в научной литературе; ряд авторов рассматривает проблему в специфических аспектах, например, развитость транспортной инфраструктуры в рамках регионального маркетинга [3].

Основные направления мониторинга соответствуют задачам его проведения и включают сложившийся уровень развития, качество и безопасность транспортной инфраструктуры. Следствием реализации данных направлений является выявление проблем и определение приоритетных направлений развития транспортной инфраструктуры на уровне отдельных районов Омской области.

В соответствии с задачами и основными направлениями мониторинга все показатели, характеризующие состояние транспортной инфраструктуры, объединены в три группы, которые характеризуют уровень развития, качество и безопасность транспортной инфраструктуры.

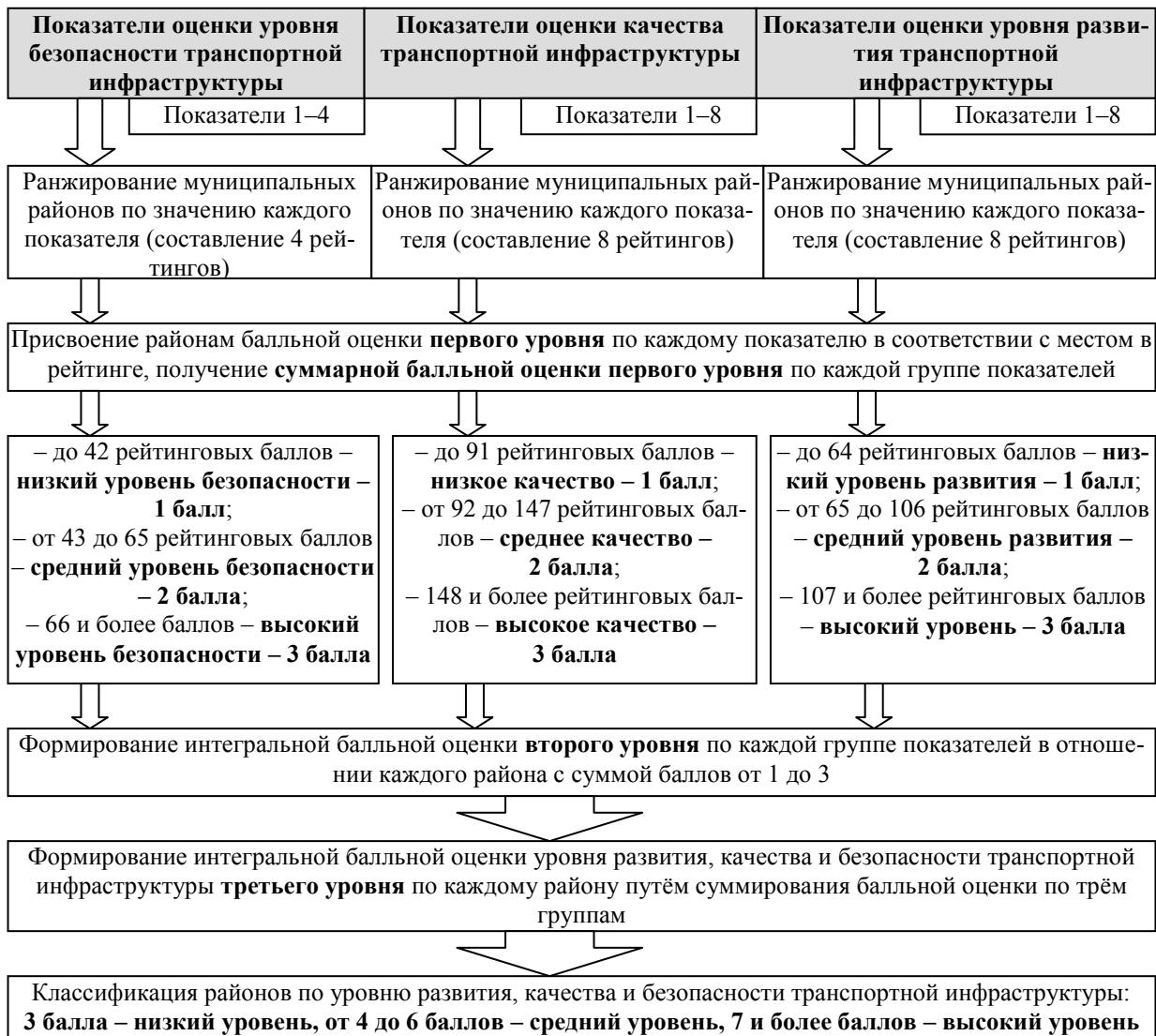
Методика проведения мониторинга состояния транспортной инфраструктуры представлена на рисунке.

Первый этап проведения мониторинга включает сбор исходных данных и получение значений показателей оценки по каждой из трёх групп.

Первая группа – показатели оценки уровня развития транспортной инфраструктуры, к которым относятся:

- 1) число автобусных маршрутов, проходящих через деревни и сёла поселения, ед.;
- 2) среднее количество автобусных маршрутов, проходящих через село (деревню), ед. (определяется отношением числа автобусных маршрутов, проходящих через деревни и сёла сельского поселения к общему количеству деревень и сёл поселения, через которые проходят автобусные маршруты);
- 3) число деревень и сёл, сельских поселений, не имеющих постоянного автобусного сообщения, ед.;
- 4) количество автомобильных автозаправочных станций, расположенных на дорогах местного значения, ед.;
- 5–6) протяжённость автодорог общего пользования местного значения, находящихся в собственности муниципальных образований, км (с твёрдым покрытием и грунтовых);

- 7) количество ледовых переправ, ед.;
- 8) число автовокзалов и автостанций, ед.

Методика проведения мониторинга состояния транспортной инфраструктуры

Вторая группа – показатели оценки качества транспортной инфраструктуры, которая включает:

- 1) среднюю напряжённость автобусного маршрута (среднее количество человек, приходящееся на один маршрут в день), чел.;
- 2) удельный вес деревень и сёл сельских поселений, не имеющих постоянного автобусного сообщения, %;
- 3) количество автомобильных автозаправочных станций на 100 км дорог местного значения, находящихся в собственности муниципальных образований, ед.;
- 4) долю грунтовых дорог, находящихся в собственности муниципальных образований, в общей их протяжённости, %;
- 5) плотность автодорог общего пользования, находящихся в собственности муниципальных образований, км на 1000 кв. км;
- 6) плотность автодорог общего пользования с твёрдым покрытием, находящихся в собственности муниципальных образований, км на 1000 кв. км;
- 7) количество мостов со сниженной грузоподъёмностью всего, ед.;
- 8) количество мостов со сниженной грузоподъёмностью до 8–10 тонн, ед. (снаряженная масса пассажирского автобуса).

Третья группа – показатели уровня безопасности транспортной инфраструктуры, к которым относятся:

- 1) протяжённость автодорог общего пользования местного значения, не отвечающих нормативным требованиям, км;
- 2) доля протяжённости автодорог общего пользования местного значения, не отвечающих нормативным требованиям, %;
- 3) количество бригад скорой помощи в районе, ед.;
- 4) количество бригад скорой помощи на 100 км протяжённости дорог, находящихся в собственности муниципалитетов, ед.

Второй этап мониторинга включает составление по каждой группе показателей рейтингов муниципальных районов (всего двадцать рейтингов – по числу показателей). По результатам оценки каждому району в зависимости от места в рейтинге присваивается суммарная балльная оценка первого уровня.

Оценка состояния развития транспортной инфраструктуры в муниципальных районах Омской области

Район	Оценка состояния транспортной инфраструктуры			
	Интегральный показатель	Уровень развития	Уровень качества	Уровень безопасности
Омский	высокий	3 – высокий	3 – высокий	3 – высокий
Седельниковский	высокий	3 – высокий	3 – высокий	3 – высокий
Исилькульский	высокий	3 – высокий	3 – высокий	2 – средний
Москаленский	высокий	3 – высокий	3 – высокий	2 – средний
Одесский	высокий	3 – высокий	3 – высокий	2 – средний
Таврический	высокий	3 – высокий	3 – высокий	2 – средний
Черлакский	высокий	3 – высокий	2 – средний	3 – высокий
Азовский	высокий	3 – высокий	3 – высокий	1 – низкий
Кормиловский	высокий	2 – средний	3 – высокий	2 – средний
Любинский	высокий	2 – средний	2 – средний	3 – высокий
Марьяновский	высокий	3 – высокий	3 – высокий	1 – низкий
Нововаршавский	высокий	2 – средний	2 – средний	3 – высокий
Русско-Полянский	высокий	2 – средний	3 – высокий	2 – средний
Шербакульский	высокий	2 – средний	2 – средний	3 – высокий
Большеуковский	средний	2 – средний	2 – средний	2 – средний
Калачинский	средний	3 – высокий	2 – средний	1 – низкий
Колосовский	средний	2 – средний	2 – средний	2 – средний
Нижнеомский	средний	2 – средний	2 – средний	2 – средний
Павлоградский	средний	2 – средний	2 – средний	2 – средний
Полтавский	средний	2 – средний	2 – средний	2 – средний
Саргатский	средний	2 – средний	2 – средний	2 – средний
Тюкалинский	средний	2 – средний	2 – средний	2 – средний
Большереченский	средний	2 – средний	2 – средний	1 – низкий
Горьковский	средний	2 – средний	2 – средний	1 – низкий
Знаменский	средний	2 – средний	2 – средний	1 – низкий
Муромцевский	средний	2 – средний	2 – средний	1 – низкий
Оконешниковский	средний	2 – средний	2 – средний	1 – низкий
Тарский	средний	2 – средний	1 – низкий	2 – средний
Усть-Ишимский	средний	1 – низкий	1 – низкий	2 – средний
Крутинский	низкий	1 – низкий	1 – низкий	1 – низкий
Называевский	низкий	1 – низкий	1 – низкий	1 – низкий
Тевризский	низкий	1 – низкий	1 – низкий	1 – низкий

На третьем этапе суммарная балльная оценка по каждой группе показателей преобразуется в качественную оценку второго уровня в соответствии со шкалами, представленными на рисунке. Определение границ для присвоения качественной оценки по каждой группе показателей (низкой, средней и высокой) выполнено с применением методов многомерного кластерного анализа.

На четвёртом этапе каждому району присваивается интегральная балльная оценка третьего уровня, которая определяется путём суммирования балльных оценок по каждой группе показателей и характеризует состояние транспортной инфраструктуры с учётом уровня её развития, качества и безопасности. Каждому району может соответствовать оценка от 3 до 9 баллов. В районах с оценкой 3 балла состояние транспортной инфраструктуры оценивается как низкое, 4–6 баллов – среднее, 7–9 баллов – высокое.

Полученная в результате мониторинга оценка состояния развития транспортной инфраструктуры является экспертной, многомерной и позволяет выявить основные проблемы развития инфраструктуры и определить приоритетные направления её совершенствования по каждому району Омской области.

Результаты проведённого мониторинга состояния транспортной инфраструктуры (таблица) позволили сгруппировать районы Омской области по её состоянию, включая уровень развития, качества и безопасности. Только три района получили самую низкую оценку состояния транспортной инфраструктуры: Крутинский, Называевский и Тевризский. В 16 районах Омской области состояние транспортной инфраструктуры оценивается как среднее, в 13 районах – как высокое.

Многомерность предложенной в рамках мониторинга оценки позволяет не только оценить состояние инфраструктуры, но и выявить наиболее проблемные сферы, в том числе уровень развития, качество и безопасность. Например, в Тарском районе состояние транспортной инфраструктуры оценивается как среднее, но при этом её качество является низким и соответствует качеству таких районов, как Крутинский, Называевский и Тевризский, которые находятся в самом низу рейтинга.

Следовательно, именно на качественные характеристики транспортной инфраструктуры в первую очередь необходимо обратить внимание в данном районе. Кроме того, предложенная система расчёта интегрального показателя позволяет проанализировать выявленную проблему на уровне отдельных показателей и разработать конкретные мероприятия по совершенствованию транспортной инфраструктуры в каждом районе Омской области.

Библиографический список

1. «Омская губерния» – информационный портал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.omskportal.ru>
2. Государственная программа Омской области «Развитие транспортной системы Омской области»: утв. Постановлением Правительства Омской области от 16.10.2013 №262-п [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
3. Лукина, Т. С. Разработка маркетинговых стратегий сельских территорий / Т. С. Лукина, О. Ю. Патласов // Наука о человеке: гуманитарные исследования. – 2014. – № 4 (18). – С. 225–234.

*T. I. Zakharova, E. V. Yudina,
TarskybranchOmsk state agrarian University named after P. A. Stolypin,*

CONDITION MONITORING OF TRANSPORT INFRASTRUCTURE IN RURAL AREAS

The article suggests a methodology of monitoring and evaluation of state of transport infrastructure in rural areas, which allows to perform the identified problem at the level of individual indicators and to develop specific measures to improve transport infrastructure in each district of the Omsk region.

Keywords: transport infrastructure, rural areas, methodology of monitoring, Omsk oblast.

References

1. «*Omskaia guberniia* – *informatsionnyi` portal* ["Omsk province" – the information portal]. Available at <http://www.omskportal.ru>

2. *Gosudarstvennaya programma Omskoi` oblasti «Razvitiye transportnoi` sistemy` Omskoi` oblasti»: utv. Postanovleniem Pravitel'stva Omskoi` oblasti ot 16.10.2013 №262-p* [The state program of Omsk region "Development of transport system in Omsk region": approved. Resolution of the government of Omsk region from 16.10.2013 №262-p]. Available at <http://www.consultant.ru>.

3. Lukina T. S., Patlasov O. Iu. Development of marketing strategies of rural territories. *Nauka o cheloveke: gumanitarny'e issledovaniia*, 2014, no. 4 (18), pp. 225–234.

© Т. И. Захарова, Е. В. Юдина, 2016

Авторы статьи:

Татьяна Ивановна Захарова, кандидат экономических наук, Тарский филиал Омского государственного аграрного университета им. П. А. Столыпина, e-mail: zaharovati@mail.ru

Елена Васильевна Юдина, кандидат экономических наук, доцент, Тарский филиал Омского государственного аграрного университета им. П. А. Столыпина.

Рецензенты:

Э. А. Латыпова, кандидат экономических наук, доцент, Омская гуманитарная академия.

Н. А. Седельникова, кандидат исторических наук, доцент, Тарский филиал Омского государственного аграрного университета им. П. А. Столыпина.

УДК 338.49:633.521

DOI 10.17238/issn1998-5320.2016.24.205

Э. А. Латыпова,

Омская гуманитарная академия

Е. В. Юдина,

Тарский филиал Омского государственного
аграрного университета им. П. А. Столыпина

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕХАНИЗМА ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЛЬНЯНОГО ПОДКОМПЛЕКСА ОМСКОЙ ОБЛАСТИ

В статье рассмотрены вопросы современного состояния информационного обеспечения льняного подкомплекса Омской области. Разработаны основные направления совершенствования информационной инфраструктуры на основе формирования информационно-консультационной службы.

Ключевые слова: льняной подкомплекс, информационное обеспечение, информационная инфраструктура, Омская область, информационно-консультационная служба.

Несмотря на широкое исследование информационных технологий в инновационной экономике [1], информационных рисков [2], оценке достоверности финансовых индикаторов и мониторинга в АПК [3], вопросам информационного обеспечения льняного подкомплекса не уделено должного внимания.

Информационное обслуживание предприятий по производству и переработке льна-долгунца является одним из важных моментов эффективного ведения снабженческой, производственной и сбытовой деятельности.

В результате анализа уровня развитости инфраструктурных звеньев льняного подкомплекса Омской области был выявлен ряд нерешённых проблем в сфере информационного обеспечения.

Система информационно-консультационного обеспечения льняного подкомплекса региона находится на стадии становления и развития. Информационное обслуживание предприятий осуществляют Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Омской области; отдел по информатике, информатизации и консультированию при Министерстве сельского хозяйства и продовольствия Омской области; Омская торгово-промышленная палата; областные издания аграрного профиля; информационные агентства; маркетинговые центры, СибНИИСХ, ОмГАУ им. П. А. Столыпина и др.

Институты информационной инфраструктуры производят консультационное обслуживание, анализ конъюнктуры рынка, представляют информацию о ценах на основные виды продукции,

проводят маркетинговые исследования. Большая часть информации предоставляется платно. Существует недостаток информации о рынках сбыта льнопродукции и ценах на неё.

Авторами проанализирована степень удовлетворения информационных потребностей предприятий льняного подкомплекса Омской области источниками информации. Был проведён опрос потребителей информации и анализ полученных данных на основе метода экспертных оценок. В опросе приняли участие 33 человека из разных категорий хозяйств.

Степень удовлетворённости получаемой информацией оценивали на основании следующих критериев: «+» – удовлетворяется до 30 % спроса; «++» – до 60 %; «+++» – более 60 % потребности в информации (табл. 1).

Таблица 1

**Уровень обеспечения информационными услугами предприятий
льняного подкомплекса**

Участники	Источники информации		
	Органы статистики	Информационно-аналитические системы в интернете	Средства массовой информации
Сельскохозяйственные предприятия	++	+	+
Крестьянские (фермерские) хозяйства	+	-	+
Перерабатывающие предприятия	++	+	+

Предприятия не владеют полной и достоверной информацией о ситуации на рынке. Источники информации более доступны крупным предприятиям по производству и переработке льнопродукции. Основными источниками информации являются органы государственной статистики. Практически не пользуются информационными услугами фермерские хозяйства. Участники проведённого опроса заявили также о важности стоимости предоставляемой информации.

Создание информационной инфраструктуры путём стихийного процесса самоорганизации сельскохозяйственных товаропроизводителей и предприятий по переработке льнопродукции на современном этапе реформ практически невозможно. Государство должно взять на себя роль организатора информационной инфраструктуры [4].

Важнейшей задачей формирования информационной инфраструктуры является создание в регионе благоприятных условий доступа к качественной, надёжной, своевременной, недорогой и полной информации.

К приоритетным направлениям повышения эффективности, обеспечения конкурентоспособности льняного подкомплекса Омской области относится создание информационно-консультационной службы (ИКС). ИКС должна являться носителем инновационной, научно-технической, экологической, правовой, экономической, обеспечивающим мотивацию льноводов к принятию обоснованных решений информации.

Основными функциями информационно-консультационной службы являются консультирование по технологиям возделывания льна-долгунца, в том числе агрохимическое, включая применение удобрений и ядохимикатов; консультирование по вопросам обслуживания и ремонта техники, бизнес-планирование, юридическое обслуживание, консультации по ведению бухгалтерского учёта, налогообложению, страхованию; регулярное издание сборников мониторинга цен на основные виды льнопродукции по каналам продаж и регионам.

При создании ИКС необходимо определить количество клиентов. Оценка количества постоянных клиентов проводилась по результатам анкетных опросов и собеседований с руководителями сельскохозяйственных организаций льносевающих районов северной зоны Омской области. Были определены доли охвата рынка по информационному обеспечению – 30 % хозяйств, по консультированию – 20 %, по маркетинговым исследованиям – 12 %, по бизнес-планированию – 7 % привлекаемых ежемесячно в качестве клиентов (табл. 2).

Таблица 2

Расчёт ёмкости рынка услуг информационно-консультационной службы

Показатель	Величина
Пользователи информационного обеспечения	26
Пользователи консультационных услуг	18
Заказчики бизнес-планов	6
Заказчики маркетинговых исследований	11
Целевая доля рынка льнопродукции, тыс. р.	200801,5

Общее число постоянных абонентов по информационному обслуживанию составит около 26 предприятий ежемесячно. Оказание посреднических рыночно-сбытовых услуг основывается на необходимости работы производителей в первую очередь с другими регионами России. Учитывая данное обстоятельство, в определении объёмов данных услуг было взято ограничение до 10 % от общего объёма реализации льнопродукции зоны обслуживания, т. е. 20080,2 тыс. р. в 2016 г.

Важнейшим вопросом экономического взаимодействия является ценовая политика ИКС. Цены на услуги предполагается определять в зависимости от рыночных цен на аналогичные услуги, стоимости работ, интересов в долгосрочном сотрудничестве с партнёрами, учитывая комплексный подход и необходимость получения максимального коммерческого успеха [5].

Важным этапом при создании ИКС является определение издержек, позволяющее обосновать целесообразность осуществления предлагаемых мероприятий. Точно определить величину издержек достаточно сложно, поэтому расчёты носят приближённый характер.

Зарубежный опыт функционирования ИКС показывает, что расходы по оплате труда в среднем составляют 65 %, телефонной и коммуникационной связи – 10 %, проезду и проживанию – 15 %, лабораторным исследованиям – 3 %, прочим расходам – 7 %. Показатели деятельности ИКС за 2016–2018 гг. представлены в табл. 3.

Таблица 3

Деятельность ИКС

Показатель	2016 г.		2017 г.		2018 г.	
	тыс. р.	%	тыс. р.	%	т. руб.	%
1. Выручка от реализации услуг, всего	918,6	100	1083,3	100	1290,3	100
- информационное обеспечение	218,4	23,8	258,5	23,9	316,2	24,5
- консультирование	302,4	32,9	341,8	31,6	392,5	30,4
- рыночно-сбытовая деятельность	200,8	21,8	274,3	25,2	368,2	28,6
- бизнес-планирование	120,0	13,1	132,3	12,2	130,2	10,1
- маркетинговые исследования	77,0	8,4	76,4	7,1	83,2	6,4
2. Издержки на производство и реализацию услуг, всего	801,2	100	933,8	100	1064,8	100
- заработная плата с отчислениями во внебюджетные фонды	520,8	65,0	616,4	66,0	702,8	66,0
- командировочные расходы	120,2	15,0	130,7	14,0	149,1	14,0
- услуги связи	80,1	10,0	93,4	10,0	106,5	10,0
- лабораторные расходы	24,0	3,0	28,0	3,0	31,9	3,0
- прочие расходы	56,1	7,0	65,3	7,0	74,5	7,0
3. Прибыль	117,4	-	149,5	-	225,5	-
4. Уровень рентабельности, %	-	14,7	-	16,0	-	21,2

На стадии создания ИКС важно определить возможность окупаемости издержек на её функционирование. Подсчёт экономического эффекта от каждой конкретной консультации затруднителен.

Для определения окупаемости затрат В. Ф. Стукач, В. М. Помогаев предлагают использовать формулу ориентировочного расчёта годового экономического эффекта от деятельности ИКС в распределении [6].

Можно предположить, что развитие ИКС обеспечит прирост урожайности льна-долгунца на 1 ц с 1 га, тогда годовой экономический эффект можно рассчитать как:

$$\mathcal{E} = 0,1 \times (\mathbb{C} - ИП) \times \Delta У - К,$$

где $\mathcal{E}$ – годовой экономический эффект, р./га;
 $0,1$ – доля эффекта от использования рекомендаций ИКС в дополнительном доходе;
 $\mathbb{C}$ – рыночная цена льнопродукции, р./т;
 $ИП$ – издержки производства, р./т.;
 $\Delta У$ – прирост урожайности, т/га;
 $К$ – затраты на создание и функционирование ИКС, р./га.

Определён экономический эффект за 2020 г. В расчётах принимается эффект от внедрения рекомендаций ИКС на уровне 20 % от общего прироста, а также прирост урожайности льна-долгунца – на 0,1 т. При реализации льнотресты по цене 7739 р./т, льносемян – 111 024 р./т, издержках соответственно 4769 р./т и 68 401 р./т, прибыль составит 45 593 р. Годовой экономический эффект на 0,1 т льнопродукции от внедрения рекомендаций ИКС составит:

$$\mathcal{E} = 0,2 \times 45593 \times 0,1 - 335,6 = 576,26 \text{ р./га.}$$

Реализация предложенных рекомендаций позволит получить в 2020 г. экономический эффект при прогнозируемой посевной площади 6900 га 3976 тыс. р. Создание ИКС даже при приблизительных расчётах является экономически обоснованным.

На начальном этапе создания службы необходимо предусмотреть государственное финансирование её деятельности. Учитывая положение сельскохозяйственных товаропроизводителей, целесообразно часть основных консультационных услуг предоставлять на льготных условиях.

Проведённые исследования позволяют сделать вывод о том, что комплекс предложенных мер, направленных на развитие важного звена – инфраструктуры, позволит создать условия для повышения эффективности льняного подкомплекса региона.

Библиографический список

1. Бандурин, В. В. Информатизация и глобализация инновационной экономики : монография / В. В. Бандурин, И. Э. Есиповский, Д. С. Ушаков ; под ред. В. С. Балабанова. – М. : АП «Наука и образование», 2008. – 263 с.
2. Патласов, О. Ю. Теория и практика предпринимательского риска: в 2 т. / О. Ю. Патласов. – Омск, 1997. – Т. 1. – 172 с.
3. Патласов, О. Ю. Антикризисное управление в АПК. Диагностика банкротства коммерческой организации / О. Ю. Патласов, О. В. Сергиенко. – Омск – Тара : Изд-во ОмГАУ, 2005. – 450 с.
4. Латыпова, Э. А. Механизм обеспечения конкурентоспособности льняного подкомплекса Омской области / Э. А. Латыпова // Казанская наука. – 2011. – № 10. – С. 75–77.
5. Латыпова, Э. А. Производственная инфраструктура льняного подкомплекса Омской области / Э. А. Латыпова, В. Ф. Стукач // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. – 2012. – № 11. – С. 124–127.
6. Стукач, В. Ф. Региональная инфраструктура информационно-консультационных услуг : монография / В. Ф. Стукач, В. М. Помогаев. – Омск : Изд-во ОмГАУ, 2001. – 120 с.

*E. A. Latypova, Omsk humanitarian Academy
E. V. Yudina, TarskybranchOmsk state agrarian University named after P. A. Stolypin*

DEVELOPMENT OF INFORMATION INFRASTRUCTURE OF THE LINEN SUBCOMPLEX IN OMSK REGION

In the article problems of the information infrastructure linen subcomplex of the Omsk region in modern conditions. Developed the main directions of development of information infrastructure through the development of information and consultancy services.

Keywords: linen subcomplex, information infrastructure, Omsk region, information and consultancy services.

References

1. Bandurin V. V., Esipovskii I. E., Ushakov D. S. *Informatizaciia i globalizaciia innovatsionnoi ekonomiki* [Informatization and globalization of the innovation economy]. Ed. by Balabanova V. S. Moscow, Nauka i obrazovanie Publ., 2008, 263 p.
2. Patlasov O. Yu. *Teoriia i praktika predprinimatel'skogo riska* [Theory and practice of entrepreneurial risk]. Omsk, 1997, vol. 1, 172 p.
3. Patlasov O. Yu., Sergienko O. V. *Antikrizisnoe upravlenie v APK. Diagnostika bankrotstva kommerscheskoi organizacii* [Crisis management in agriculture. Diagnostics of bankruptcy of the commercial organization]. Omsk, OmGAU Publ., 2005, 450 p.
4. Latypova E.A. *Mechanism of ensuring competitiveness of a linen subcomplex of the Omsk region*. Kazan science, 2011, No 10, pp.75-77.
5. Latypova E.A. *Production infrastructure of the linen subcomplex of the Omsk region*. Bulletin of Altai State Agricultural University, 2012, No 11, p. 124.
6. Stukach V.F. *Regional infrastructure of information and consultancy services: monograph*. Omsk, Publisher Omsk State Agrarian University, 2001, 120 p.

© Э. А. Латыпова, Е. В. Юдина, 2016

Авторы статьи:

Эльвира Альфридовна Латыпова, кандидат экономических наук, доцент, Омская гуманитарная академия.

Елена Васильевна Юдина, кандидат экономических наук, доцент, Тарский филиал Омского государственного аграрного университета им. П. А. Столыпина.

Рецензенты:

О. С. Титова, кандидат педагогических наук, Тарский филиал Омского государственного аграрного университета им. П. А. Столыпина.

Д. М. Радичка, кандидат экономических наук, профессор, Омская гуманитарная академия.

К ЮБИЛЕЮ ИРИНЫ ВЯЧЕСЛАВОВНЫ КАРТАШОВЫЙ

19 апреля 2016 года доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы, заслуженный работник высшей школы РФ и почётный профессор ТвГУ Ирина Вячеславовна Карташова отметила свой очередной юбилей. Этому предшествовало событие, засвидетельствовавшее вклад учёного в российскую академическую науку: по данным РИНЦ 2015 г., И. В. Карташова вошла в сотню самых продуктивных отечественных учёных-филологов. О закономерности этого высокого признания свидетельствует то, что на всех этапах своего большого пути Ирина Вячеславовна была талантлива и блестательна.

Закончив школу с медалью, И. В. Карташова поступила на историко-филологический факультет Казанского государственного университета. Получив диплом

с отличием, работала школьным учителем, а с 1961 года – ассистентом кафедры литературы Казанского университета. Ещё преподавая в школе, Ирина Вячеславовна поступила в заочную аспирантуру и в 1964 году защитила кандидатскую диссертацию на тему «Идейно-художественное своеобразие романа А. Ф. Писемского “Тысяча душ”». Диссертация, написанная самостоятельно, без научного руководителя, была высоко оценена. Оппонент, заведующий сектором новой русской литературы в Институте русской литературы Н. И. Пруцков (Ленинград), был покорён точностью и глубиной ответов соискателя на вопросы отзыва.

В 1959 году возглавить кафедру литературы Казанского университета был приглашен известный учёный Н. А. Гуляев. Он предложил сотрудникам кафедры объединиться вокруг одной научной темы – теории и истории романтизма в русской и зарубежной литературе. Так возник коллектив казанских «романтиков» и образовалась «гуляевская школа», вскоре получившая широкую известность и признание в российских и зарубежных научных кругах.

Ирина Вячеславовна восприняла новое направление кафедры с особенным энтузиазмом. Такие романтические ценности, как нравственный максимализм, гуманизм, проповедь любви, милосердия, бескомпромиссная верность идеалу, всегда были близки её духовному складу.

В 1972 году Н. А. Гуляев, приняв приглашение руководства только что открывшегося Калининского (в будущем Тверского) университета, переехал в Калинин. За ним последовали наиболее близкие его ученики, среди которых была И. В. Карташова.

В Тверском государственном университете И. В. Карташова работала на кафедрах зарубежной литературы, теории литературы, истории русской литературы.

В 1986–1987 гг. она заведовала кафедрой теории литературы, а в 1987–1991 гг. – кафедрой истории русской литературы. К тем курсам, которые она читала в Казанском университете (история русской литературы первой и второй трети XIX в.), в ТвГУ добавилась история зарубежной литературы конца XVIII, первой и второй половины XIX в. и спецкурсы (введение в теорию и историю романтизма, художественный мир романтизма, международные связи эпохи романтизма, Н. В. Гоголь и романтизм). Вокруг Ирины Вячеславовны сразу образовалась группа студентов, желающих работать в её семинаре, писать курсовые и дипломные работы под её руководством. Все они были пленены человеческим обаянием и глубокими знаниями молодого доцента, неповторимой манерой чтения лекций и ведения семинаров. Лекции по романтизму её приглашали читать и в другие вузы, русские и зарубежные: Марийский, Запорожский, Братиславский университеты.

С 1974 года началась работа над докторской диссертацией по теме «Н. В. Гоголь и романтизм», которая была успешно защищена в 1983 году в МГУ. Ядром будущей диссертации стала вышедшая в 1975 году монография «Гоголь и романтизм», в которой, по сути дела, впервые в отечественном литературоведении доказывалась глубокая органическая связь творчества Гоголя с романтизмом, а также утверждалась мысль о том, что русский романтизм нельзя изучать изолированно от европейской романтической традиции. Благодаря соизмеримости литературных явлений возникает более объективное представление о романтизме как художественной системе, можно понять объём, границы, специфику и содержание русского романтизма. С этого времени стремление изучать литературные связи, которые, по убеждению ученого, особенно активизируются в эпоху романтизма, стало ведущим в научной деятельности И. В. Карташовой.

Именно романтическая поэтика выходит на первый план в деятельности Тверской научной школы и трудах И. В. Карташовой. Продолжая традицию Н. А. Гуляева, И. В. Карташова развивает подход к изучению романтизма как особой художественной системы. В своих исследованиях она отстаивает идею многомерности и многогранности романтизма как искусства, несводимого к одному принципу субъективности. Она видит романтизм как живое постоянно развивающееся явление, совмещающее различные аспекты изучения романтизма: типологический, исходящий из его гносеологической природы, и конкретно-исторический.

Сегодня Тверской университет – один из немногих центров, где ведутся специальные исследования романтизма. В ТвГУ регулярно проходят международные конференции по проблемам романтизма; ежегодно проводится научно-учебный семинар молодых исследователей, издаются сборники научных трудов «Мир романтизма» (к настоящему времени вышел уже 41 том). В 1996 году по инициативе И. В. Карташовой и при активной поддержке Головного Совета и Научного Совета «История мировой литературы» РАН в ТвГУ была образована научно-исследовательская лаборатория комплексного изучения проблем романтизма (с 2010 г. преобразованная в научно-образовательный центр), стали издаваться учёные записки «Романтизм: границы и судьбы». Ирина Вячеславовна является заведующей центром и ответственным редактором этих изданий.

За 55 лет своей научной и педагогической деятельности Ирина Вячеславовна подготовила не одно поколение филологов, которые успешно трудятся во многих городах России. Ирина Вячеславовна всегда щедро делится своими научными идеями и педагогическим искусством со всеми, кто избрал путь филолога и педагога. Под руководством И. В. Карташовой подготовлено и защищено

33 кандидатских и 2 докторские диссертации, с 1995 г. она является председателем Диссертационного совета в Тверском государственном университете (сначала кандидатского, затем докторского).

И. В. Карташова – знаток как русской, так и европейской литературы. Основные направления её научных интересов и трудов – это история и теория русского и зарубежного романтизма, международные связи эпохи романтизма, судьбы романтизма в творчестве писателей середины и второй половины XIX века.

Она участница многих десятков научных конференций (российских, международных, зарубежных), член редколлегии Полного академического собрания сочинений Н. В. Гоголя и основанной в 2002 г. в ИМЛИ РАН серии «Культура романтизма».

Свой юбилейный год Ирина Вячеславовна встречает в расцвете творческих сил, полная энергии, занятая планами новых исследований. Коллеги, ученики, друзья от всей души желают ей доброго здоровья и новых успехов в её научной деятельности.

Н. В. Семенова, доктор филологических наук, профессор
Н. А. Корзина, кандидат филологических наук, доцент